

Ирина Борисовна Медведева
Александр Николаевич Медведев
Золотая нить Дао

Путь Шоу-Дао

Аннотация

Книги Ирины Медведевой давно пользуются заслуженной популярностью не только в России, но и странах Западной Европы.

Александр Медведев, об ученичестве которого рассказывает эта книга и которого на Западе называют «русским Кастанедой», стал первым европейцем, посвященным в тайные знания древнего даосского клана Шоу-Дао – «Спокойных» или «Бессмертных».

Учение Шоу-Дао – это искусство жизни, доведенное до совершенства. В нем можно найти ответы как на главные вопросы философии – о смысле жизни или цели бытия, так и способы решения конкретных жизненных проблем, рано или поздно встающих перед каждым человеком. В книгу «Золотая нить Дао» включены наиболее интересные фрагменты из четырех томов серии «Путь Шоу-Дао», а также главы из пятого, еще не опубликованного тома «Обучение чувствами».

Введение

Предисловие

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Послесловие

Примечания

1

2

– Что такое Жизнь, Учитель?

– Жизнь – волшебный цветок на Жемчужном Дереве Шоу-Дао.

– Что такое Шоу-Дао, Учитель?

– Шоу-Дао – это сама Жизнь. Шоу-Дао – школа Жизни и Бессмертия. Огромное древо знаний, уходящее корнями к истокам бытия.

– Что такое Счастье, Учитель?

– Счастье – это осознание себя.

– Что такое осознание себя, Учитель?

– Осознание себя – это управление собой и Жизнью.

– Как научиться управлять собой и Жизнью, Учитель?

– С помощью Вкуса Жизни.

– Что такое Вкус Жизни, Учитель?

– Вкус Жизни – часть великого учения Шоу-Дао.

– Для чего это учение, Учитель?

– Чтобы не потерять Знания.

– Зачем нужны Знания, Учитель?

– Чтобы легче было жить.

– А зачем нам дана Жизнь, Учитель?

– Чтобы отражать, как озеро луну.

– Что отражать, Учитель?

– То, что пусто, но неисчерпаемо; то, что само себя порождает, кормит себя собою, но не поедает себя; то, что является первопричиной всех вещей; то, что прекрасно, вечно и безмятежно.

...

Диалог Шоу-Дао

Введение

В эту книгу, написанную мною по рассказам Александра Медведева о событиях, имевших место в период его ученичества у мастера тайного даосского клана Шоу-Дао – «Спокойных» или «Бессмертных», вошли переработанные и дополненные фрагменты из четырех томов серии «Путь Шоу-Дао», а также главы из пятого, еще не изданного тома «Обучение чувствами».

При отборе вошедшего в книгу материала внимание в первую очередь уделялось моментам общения Александра с Учителем, и диалогам, непосредственно касающимся учения Шоу-Дао.

Хотелось бы надеяться, что этот сборник будет пользоваться такой же любовью читателей, как и другие наши книги, посвященные древнему и в то же время на удивление актуальному в наши дни учению Воинов Жизни.

...

Ирина Медведева

Предисловие

Для тех, кто, открыв эту книгу, впервые встречается с учением Шоу-Дао, в этом предисловии я в сжатой форме изложу события, предшествовавшие моей встрече с Ли, а также краткие сведения о клане Воинов Жизни – одном из древнейших и наиболее загадочных тайных обществ Востока.

К моменту встречи с Учителем я был законченным фанатом боевых искусств. Я изучал самбо, дзю-до, каратэ, кунг-фу и все виды рукопашного боя, информацию о которых мне удавалось достать. Мое имя было хорошо известно в кругах любителей воинских искусств, в связи с чем меня пригласили преподавать рукопашный бой сотрудникам органов госбезопасности и милиции.

Я познакомился с Ли в Симферополе, где я в то время жил. На первый взгляд встреча казалась случайной, хотя впоследствии я узнал, что Учитель все подготовил и спланировал заранее.

Ли попросил меня обучить его каратэ и, когда я согласился, притворился крайне тупым и бестолковым. После нескольких часов безнадежных занятий он заявил, что ничего не может делать на земле, но зато в воздухе не имеет себе равных. Затем он продемонстрировал мне технику прыжков настолько фантастическую, что на первый взгляд она мне показалась превосходящей все физические возможности человека.

Некоторое время Учитель обучал меня прыжкам, и я, с толком используя время на лекциях в институте, испробовал несколько общих тетрадей техниками и упражнениями, которые он мне показывал.

Однажды я обмолвился о своих конспектах, и Ли попросил принести ему записи. Он удивился тому, как хорошо я все описал и как верно выделил основные движения. Ли попросил разрешения взять тетради, чтобы посмотреть их дома. На следующий день он заявил, что сжег мои конспекты, ибо написанное привязывает к себе человека, и впервые показал мне технику рукопашного боя Шоу-Дао. Так я стал его учеником.

Вначале я считал Учителя непревзойденным мастером рукопашного боя. Много позже я понял, что он – мастер жизни, а я превратился в одного из последователей тайного учения «Бессмертных».

На первом этапе моего ученичества Ли использовал формы поведения, в своих крайних проявлениях доходящие до абсурда, чтобы заставить меня осознать, что истина никогда не лежит на поверхности событий, а находится посередине между двух крайностей, между двух сторон медали, между «да» и «нет». Своей манерой общения он разрушал стереотипы поведения и установки, с детства заложенные в меня родителями и окружением, и на их месте создавал новое чарующее мироощущение Воинов Жизни, «Спокойных», следующих по пути Шоу-Дао.

Я до сих пор точно не знаю, почему Ли выбрал именно меня своим учеником. Впоследствии он давал мне разные объяснения этого решения, но, как я понимаю, каждое из этих объяснений предназначалось для того уровня сознания, которое у меня было в данный момент.

Одним из первых объяснений была на редкость красивая и романтическая история, согласно которой мой отец когда-то на лесосплаве спас жизнь его отцу, и Ли, якобы, разыскал меня, потому что долги отцов платит сын сыну, а обучение меня Шоу-Дао – своеобразная форма оплаты долга его отца моему отцу.

Когда первый этап моего ученичества закончился, Учитель намекнул, что история с оплатой долга была вымышлена. Он сказал, что люди бывают самых различных типов или форм и, в зависимости от их типа или формы, они могут воспринять ту или иную область знания. Ли сравнил тип людей с формой стеклянного сосуда, а знания – с водой. Сосуд можно наполнить водой до половины или до краев, но форма сосуда от этого не изменится. Человека, имеющего форму воина, можно наполнить соответствующими знаниями и сделать его великим воином, но очень трудно придать ему форму отшельника или купца.

Учитель объяснил, что я обладал одной из наиболее редких форм – формой Хранителя Знания, формой наиболее универсальной и предназначенной для того, чтобы накапливать знания и передавать их людям. Он заявил, что пришла пора передать тайные знания Шоу-Дао людям Запада, а я – первый европеец, предназначенный для передачи этих знаний.

Услышав это, я лишь скептически усмехнулся. Я встретился с Ли в период глубокого Брежневского застоя, когда эзотерические учения и восточная философия рассматривались как враждебная идеология. В то время я был вынужден не только скрывать факт своего ученичества, но и утверждать, что Ли вообще не существует, а является лишь плодом моего воображения. Такая необходимость возникла в связи с тем, что КГБ заинтересовалось новыми, никому не известными техниками, которые я показывал своим ученикам, и даже на какое-то время установило за мной наблюдение в попытке отыскать моего наставника.

Своими сомнениями я поделился с Учителем.

– Ты видишь только то, что происходит сейчас, – сказал он. – Но будущее тебя еще удивит...

История клана Шоу-Дао началась около пяти тысяч лет назад, когда небольшое языческое племя людей с севера Европы из-за стычек с другими племенами вынуждено было начать кочевать сначала в Индию, а потом в Китай. Это племя поклонялось дереву. По мере продвижения на восток оно увеличивалось за счет присоединявшихся к нему новых членов других национальностей и вероисповеданий, но сохраняло при этом общность ритуалов и традицию поклонения дереву как символу жизни.

В Индии клан стал называться «Ветви дерева», а перед переходом в Китай изменил название на «Спокойные».

Упоминание о «Спокойных» я впоследствии обнаружил в книге Ю. М. Иванова «Как управлять собой и влиять на других людей» (Москва, 1991 г.), где было сказано следующее:

«Даосизм возник в Древнем Китае на основе философско-этических представлений сект „Спокойных“, появившихся в Китае еще до конфуцианства. „Спокойные“ провозглашали усовершенствование личности как высшую цель человеческой жизни. Они признавали реальность существования внешнего мира и утверждали, что познание внешнего мира может быть достигнуто лишь при устойчивом равновесии внутреннего мира».

В Китае культ поклонения дереву слился с учением о пяти первоэлементах – у-син и превратился в учение о человеке-дереве, где «дерево» – символ совершенства, итог долгих трудов, мучений и тревог. «Человек-дерево» был воином и философом, хранителем знаний и носителем добра, врачом и поэтом, художником и крестьянином в одном лице.

После слияния с некоторыми китайскими додаосскими и даосскими школами «Спокойные» стали называть себя «Бессмертными». Впоследствии, из-за идеологических преследований, с целью замаскировать свое учение, они заменили в своем названии иероглиф «Шоу» – «Спокойствие», на иероглиф с аналогичным звучанием, но означающий «кисть» или «рука», укрывшись благодаря этому под маской обычной школы рукопашного боя. Таким образом «Шоу-Дао» можно перевести двояко: «путь спокойствия» или же «путь кисти».

Вся система подготовки членов клана была направлена на достижение основной цели – бессмертия в физическом теле. Учитывая, что жизнь в средневековом Китае была крайне тяжелой и опасной, клану приходилось в первую очередь решать частные, но более насущные задачи – выживания в чуждой и враждебной среде. Решение этих задач было связано с развитием целого ряда особых знаний, умений и навыков.

Мастерами клана был выработан чрезвычайно мощный и эффективный стиль рукопашного боя. Последователи Шоу-Дао тщательно изучали и развивали всевозможные науки, которые могли им пригодиться на суровом жизненном пути, – медицину, психологию, техники шпионажа, методы воздействия на людей и управления ими, различные искусства и ремесла.

Мироосознание Воинов Жизни, чуждое догмам, жестким формулировкам и предписаниям базируется на учении «Вкус плода с Дерева Жизни», а также на философии «Спокойных», на удивление гармоничной и гибкой, включающей в себя идеи о многозначности Истины и срединном пути, пролегающем между непримиримыми крайностями, между «да» и «нет».

В этой книге будут приведены лишь отдельные моменты моих встреч и бесед с Учителем, и при их изложении я не стану придерживаться строгого хронологического порядка. Как и в других автобиографических книгах, написанных по моим рассказам моей женой, имена моих друзей, врагов и прочих участников описываемых событий изменены.

«Люди Запада с надеждой смотрят на Восток, желая в заре увидеть отблески мудрости.

Люди Запада готовы многим заплатить за нашу жизнь, готовы многое отдать Школе и Учителю. Но Шоу-Дао не требует ничего. Шоу-Дао только дает...»

Ли Н.

Глава 1

Встреча с Учителем

Возвращаясь из института, я решил немного прогуляться и, свернув на улицу Пушкина – наш Симферопольский пешеходный «Бродвей», направился к центру города.

У перекрестка, неподалеку от кинотеатра Шевченко, находилась аптека. Стены ее были отделаны когда-то черным мрамором, и все называли ее «черная аптека», хотя мрамора уже давно не было, а от его бывшего великолепия остались только воспоминания.

Я вошел в «черную аптеку», купил витамины для своего приятеля, поболтал со знакомой продавщицей и, выглянув в окно, заметил компанию из трех человек, беседующих около закуской.

Присмотревшись, я узнал двоих – это были мои старые приятели Осин и Рогов. Третьего человека я видел в первый раз. Решив поздороваться с друзьями, я вышел из аптеки и окликнул их. Вся компания повернулась ко мне, и тут я впервые внимательно посмотрел на спутника моих приятелей.

Он был среднего роста, в мешковатом потертom костюме, засаленном и лоснящемся на локтях, и в черной полосатой рубашке с расстегнутым воротом. Рубашка была явно не первой свежести. Одет он был довольно легко, учитывая, что близился конец октября, и многие симферопольцы уже надевали плащи и куртки.

Я подумал, что этот человек напоминает председателя колхоза, возвращающегося с уборки урожая. По его лицу восточного типа трудно было определить возраст или национальность, но про себя я решил, что это кореец – в Крыму существовала большая корейская община.

Осин и Рогов явно обрадовались моему появлению. Рогов бросился ко мне, произнося обычные слова приветствия, и вдруг без всякого перехода спросил, не мог бы я помочь их товарищу. Я немного удивился и поинтересовался, что от меня требуется.

– Это мой друг, – с подозрительным энтузиазмом начал объяснять Рогов. – Такой веселый человек, просто с ума можно сойти. Весь день нас смешит. Он недавно приехал из Средней Азии и еще не успел как следует устроиться, только забросил чемоданы к каким-то знакомым. Знаешь, он очень хочет, чтобы ты отвел его в пельменную. Он просто достал нас этими пельменями. Можно подумать, что он без них жить не может.

Я был немного удивлен, не понимая, по какой причине человек, увидевший меня в первый раз хочет, чтобы именно я отвел его поесть пельменей, и откуда Рогов это знает.

Я открыл было рот, чтобы задать этот вопрос, но Осин потянул меня за рукав, отвел в сторону и прошептал:

– Ради бога, избавь нас от этого «монгола». Привязался, как репей, и все время болтает какую-то чушь.

Уговаривать меня особо и не требовалось. Я еще не успел перекусить после института и не отказался бы от порции пельменей. Повернувшись к корейцу, я сказал:

– Я с удовольствием отведу вас в пельменную.

Кореец широко улыбнулся в ответ и мгновенно откликнулся с сильным акцентом:

– Я угощаю.

Это меня вполне устраивало.

Мы попрощались с Осиным и Роговым, быстрым шагом добрались до памятника Ленина, повернули направо, и, миновав сквер Тренева, направились к пельменной.

Неожиданно для меня кореец заговорил о рукопашном бое и поинтересовался, совершенствуюсь ли я в боевых искусствах. В то время этим термином еще не пользовались, говорили лишь о конкретных видах единоборств – каратэ, джиу-джитсу или дзю-до. Я ответил, что занимаюсь всем понемногу, и мне интересно изучать все виды единоборств. Особо я заострил внимание на том, что термин «боевые искусства» мне непривычен.

– Нет, можно заниматься или спортом, или боевыми искусствами, – настаивал кореец.

– Не понимаю, почему обязательно надо выбирать что-то одно, – возразил я. – Я, например, занимаюсь и спортом, и самообороной.

В тот момент я не понял сути вопроса, заключающейся в том, чем являются для меня боевые искусства – искусством или спортом.

Я начал рассказывать, что изучаю самбо, дзю-до, каратэ и другие виды единоборств.

Убедившись, что я ничего не смыслю в высоких материях, кореец быстро перевел разговор на другую тему. Мы принялись беседовать о самбо, дзю-до и за разговорами незаметно добрались до пельменной.

Кореец со своим ужасным акцентом заказал три порции пельменей с маслом, и я, решив не отставать от него, тоже попросил три порции.

Потом мой спутник потребовал порцию бульона. Схватив тарелку так, что большие пальцы его рук утонули в супе, он залпом выпил через край содержимое тарелки, громко причмокивая от удовольствия.

Меня слегка покорило, и кореец, заметив мою реакцию, сказал, что надо быть проще, и что только простота приносит определенное счастье в жизни.

Проигнорировав тему счастья и простоты, я принялся расспрашивать его о боевых искусствах, что он о них знает, занимался ли чем-либо сам, и откуда у него такой интерес к единоборствам.

Кореец на это ответил, что раньше он тоже был причастен к изучению разных видов борьбы, но больше не занимается этим глупым делом, поскольку есть занятия и поинтересней.

Сказав это, он откинулся на стуле и закинул ногу на ногу. И тут я впервые обратил внимание на его обувь. Никогда в жизни я не встречал туфель такого покроя. Они были черными, узкими, с длинными загибающимися сверху носками. Я не мог представить себе безумца, изготовившего нечто подобное, и серьезно над этим задумался. Было очевидно, что туфли не фабричного производства. Я и раньше видел обувь с длинным узким носком, но чтобы носки туфель были вытянуты настолько, что казались клоунскими и завивались вовнутрь на полтора оборота, почти как у старика Хоттабыча, такого мне наблюдать еще не приходилось.

Я спросил корейца, где он взял столь удивительные туфли, и зачем ему обувь такого фасона, на что он гордо ответил со своим неповторимым акцентом, что эти туфли подчеркивают оригинальность человека, и что в определенной среде (тут он сделал многозначительную паузу) это весьма модный стиль.

Я молча проглотил это заявление, но был ужасно заинтригован, ибо не мог себе представить, в каких кругах обувь моего спутника может считаться модной.

Сам я одевался, прямо скажем, не роскошно. Штаны мои вечно были в заплатках – они быстро протирались от отработки ударов ногами на улице или в лесу, да и за модой я особо не следил, но вид корейца бил все рекорды.

Я снова бросил взгляд на его костюм, на затасканные лоснящиеся рукава, на сальные пятна. Кореец выглядел чрезвычайно неопрятным человеком, явно не уделяющим своей одежде достаточного внимания. Тем более было странно слышать от него какие-то рассуждения о моде.

Я подумал, собрался с духом и спросил:

– Но если вы хотите быть модным, почему у вас такой костюм, явно не первой свежести? В чем же заключается мода?

Он высокомерно посмотрел на меня и сказал:

– Это деловой костюм. В таком костюме я встречаюсь с людьми и делаю разные дела. В определенных кругах приняты определенные формы деловой одежды.

– И в каких же кругах приняты такие формы одежды? – поинтересовался я.

– Мы с вами еще достаточно шапочно знакомы, чтобы вас информировать по строго конфиденциальным вопросам мировой значимости, – заявил кореец с абсолютно серьезным выражением лица.

Его акцент, казалось, еще усилился. Кореец тщательно выговаривал каждую букву, произнося слова почти по складам с ударением на каждом слоге, словно желая подчеркнуть этим важность своих заявлений.

– В чем же заключается мировая значимость? – осведомился я, прилагая большие усилия, чтобы не расхохотаться.

– Европейцы всегда проявляют излишний интерес к не своим делам, – по слогам произнес кореец.

Я не обиделся. Я просто не мог воспринимать всерьез все эти безапелляционные заявления. Посмотрев несколько секунд на своего собеседника, я рассмеялся.

Кореец на мою улыбку никак не отреагировал и неожиданно принялся с большой скоростью поглощать оставшиеся на тарелке пельмени.

Я спросил:

– Скажите, как вы все-таки относитесь к разным видам борьбы, или, как вы их называете, боевым искусствам?

– Ну, как бы это сказать... – продекламировал он, – есть ритуал и есть форма. Есть также и искусство жизни.

– Что вы подразумеваете под ритуалом, формой и искусством жизни?

– Да как вам сказать... Я в принципе не надеюсь, что вы поймете.

– Тогда постарайтесь объяснить.

– А стоит ли стараться объяснить, если человек не понимает?

– А вдруг я пойму?

– «Вдруг» здесь не подходит. Либо я рассказываю, и вы что-то понимаете, либо я просто сотрясаю воздух.

На все это я ответил:

– Воля ваша, конечно. Но мне действительно очень интересно узнать ваше мнение, и если я не смогу понять, то постараюсь хотя бы запомнить.

Кореец сказал на это:

– Сейчас вы говорите как мудрец востока.

– Не понимаю, что здесь мудрого, – удивился я.

– А не взять ли нам еще и прелестных пончиков с повидлом, а также кофе? – неожиданно оживившись, внезапно предложил он.

Я согласился, и мы взяли по три стакана кофе с молоком и по шесть пончиков с повидлом.

Мы ели пончики, а беседа о возвышенном тем временем продолжалась.

– Дело в том, что ритуал, – говорил кореец, жестикулируя рукой с зажатым в ней пончиком и роняя капли повидла себе на рубашку, – дело в том, что ритуал – это тогда, когда два толстых человека встречаются и борются за приз – за женщину или быка. Тогда они должны делать все самое трудное, и при этом наименее эффективное. Если это форма, то один или два человека показывают хвост павлина. Они выглядят красиво, но их основная цель – выглядеть красиво. Если же это искусство, то один человек живет в трудном мире, и живет при этом хорошо.

– Но вы говорите о жизни, а при чем же здесь боевое искусство? – спросил я.

– Если кто-то мешает этому человеку жить хорошо, он просто пробивает ему голову, – с выражением явного удовольствия заявил кореец.

Покончив с пончиками, мы приступили к кофе. Качество напитка явно оставляло желать лучшего, а на его буровой поверхности плавали мерзкого вида пенки.

Набирая кофе в рот, мой спутник с отвращением сплевывал пенки на стол и на пол. Кофе он отхлебывал с таким шумом, что люди за соседними столиками поневоле оглядывались на нас. Не обращая ни малейшего внимания на окружающих, кореец лишь время от времени менял положение ног, закидывая их одну на другую и демонстрируя всем замысловатый фасон своих туфель. Мысленно я возблагодарил небеса за то, что среди посетителей пельменной не было моих знакомых.

Под конец нашей беседы, когда кофе был почти допит, я задал вопрос:

– А чему же вы все-таки сами учились?

– Меня обучали секретному искусству, – сказал мой спутник, – но об этом искусстве не говорят с первым встречным, даже если он тебя отвел в заведение общественного питания и пожрал за твой счет.

На мгновение я онемел от возмущения и, стараясь казаться спокойным, возразил:

– Но я же не напрашивался, вы сами предложили угостить меня.

– Обидчивость – одна из уязвимых черт, препятствующих воинскому искусству, – с важностью заявил кореец. – Настоящий воин не должен обладать эмоциями.

– А вы – действительно настоящий воин? – спросил я.

– Вы знаете, это зависит от того, с какой стороны посмотреть, – ответил он. – На земле я ноль, но в воздухе...

– Как понять «в воздухе»?

– Меня с детства учили воинскому искусству, но меня учили драться только в воздухе.

Это заявление меня окончательно заинтриговало. Мы немного помолчали. Сообразив, видимо, что меня обидели его слова о нежелании разговаривать с первым встречным и о дармовом угощении, кореец выдал следующий перл:

– В принципе можно простить иностранцу за плохое владение языком. Мне трудно выражать гладко свои мысли.

– Не так уж бугристо вы выражаете их, – заметил я. – Вы сами предложили угостить меня. Могли бы этого не делать. Кстати, у меня с собой все равно почти нет денег, поэтому считайте, что пропала ваша трешка, или сколько вы там заплатили за обед.

– Я не волнуюсь за трешку, – заявил он, – я волнуюсь за твою душу.

– Вы случайно не миссионер какой-нибудь восточной церкви?

– Нет, – он покачал головой. – Никакой я не миссионер восточной церкви, я – хранитель великого знания.

– Но это больше напоминает цирк, – возразил я. – И какое же знание вы храните?

– Придет время, и ты, презренный, узнаешь, – отрезал кореец.

– Вот я уже и презренный, – усмехнулся я.

– Я погорячился.

– А как насчет ваших эмоций?

– Какой ты наблюдательный, – азиат захлопал в ладоши. – Но это эмоции, которые внешние.

Некоторое время разговор продолжался в таком же ключе, как вдруг мой спутник неожиданно спросил:

– Тебя вообще интересует боевое искусство? Ты много говорил о нем, но сможешь ли ты непосредственно его воспринять?

Немного раздраженно я поинтересовался:

– Куда же мы пойдем его воспринимать на полный желудок?

– Полный желудок – основа воина, – заявил кореец. – Чем полнее середина, тем она крепче.

– Но с полным желудком трудно передвигаться, – возразил я.

Кореец засмеялся, с шумом отодвинул стул, вышел из-за стола и направился в туалет. Я машинально последовал за ним. В туалете он принялся самым тщательным образом

мыть руки. Я молча стоял рядом.

– После еды надо мыть руки, – безапелляционно заявил кореец.

– А почему вы не мыли руки перед едой, – осведомился я, как-то механически начиная мыть руки почти с такой же тщательностью.

– Раньше у меня руки были чистыми, они не были жирными. А теперь у меня жирные пальцы. В этой пельменной не моют тарелки. Когда я брался за тарелку, чтобы выпить бульон через край, у меня руки стали жирными, а я не люблю, когда у меня жирные руки.

Я нахально спросил:

– А после туалета руки моют?

– Моют руки перед туалетом, поскольку ты можешь всякую гадость себе занести. Я как-то спал с одной девушкой, перед туалетом руки не вымыл, так потом у меня жир с конца капал.

Я недоверчиво взглянул на корейца.

– Это розыгрыш?

– Да, это шутка, – разразившись громким радостным смехом, пояснил он.

– Хорошо, что я знаю этот анекдот, – подумал я про себя.

Кореец вытер руки о штаны, и мы направились к выходу из пельменной.

На улице он взглянул на меня и заявил:

– Ты говорил, что на полный желудок трудно передвигаться. Для передвижения, если воину не нужна твердая середина, а нужна легкость, делают вот так...

Тут он засунул даже не два пальца, а практически всю кисть руки себе в рот, отведя большой палец на 90° в сторону, откинулся немножечко назад, нажал второй рукой себе на солнечное сплетение, и его вырвало невероятно длинной струей. Как говорят в таких случаях в Крыму: «блеванул дальше, чем видел».

Рвота, вылившись на руку, запачкала рукав рубашки и пиджака и даже затекла внутрь рукава. Кореец выпрямился так, словно ничего особенного не произошло, отряхнул руку, сунул ее в карман и принялся демонстративно вытирать о его внутреннюю часть.

Я почувствовал себя не совсем хорошо.

Заметив мою кислую гримасу, кореец протянул эту испачканную руку ко мне и взял меня за рукав, да так цепко, что я не мог ни вырваться, ни отстраниться, после чего произнес:

– Пойдем, побеседуем на эту тему.

Я ощутил непреодолимое желание убежать, но что-то заставило меня остаться. Надо сказать, что я был законченным фанатиком рукопашного боя. В надежде изучить новые эффективные техники и приемы, я встречался с множеством разных людей, ездил по другим городам, разыскивая там специалистов по восточным единоборствам, и все, что мне удавалось узнать, записывал в многочисленные дневники.

В процессе поисков я сталкивался с весьма оригинальными индивидуумами. Среди них

встречались и эксцентричные и, мягко говоря, не совсем нормальные личности. Я приучил себя не реагировать на странные слова или необычные поступки и, несмотря ни на что, упорно выяснял то, что меня интересовало.

Человек, который держал меня за рукав, ухитрился побить все рекорды эксцентричности, но я не представлял, как дерутся в воздухе, и если кореец не врал, я должен был все увидеть собственными глазами.

Я глубоко вздохнул и остался стоять на месте, не делая никаких попыток освободиться, и только подумал о том, что одежду нужно будет тщательно постирать.

Продолжая держать меня за рукав, кореец повел меня вниз по улице, за рынок, рассказывая по дороге о том, что, когда он жил в Корее, у него были братья – воины, обучавшие его фамильному бою, и еще был друг семьи – старик-китаец, который учил его одному очень древнему искусству и завещал ему свои секреты.

Все это время я чувствовал определенную неловкость. Брезгливость боролась во мне с растущим интересом к рассказу, и эти переживания были слишком явно написаны у меня на лице. Пару раз я попытался освободиться, но безуспешно. Кореец на удивление цепко держал меня своей грязной рукой. Я подумал о том, что просто обязан с честью пройти через это испытание.

На мне был надет голубой китель с якорями, под ним – фланелевая рубашка китайского производства фирмы «Дружба». Вероятно, кореец сумел разглядеть рубашку, когда я нагибался или еще в какой-либо момент. Покончив с темой о старике-китаец, он перешел на китайцев вообще, заявив:

– Вот, у тебя китайская рубашка. Ты должен знать, насколько китайцы хорошие люди. Тот старик-китаец и вообще некоторые китайцы бывают такими же хорошими людьми, как рубашка, которая надета на тебя.

– Я бы не сказал, что это очень хорошая рубашка, – возразил я.

– Не смотрят на вид, а смотрят на суть, – пояснил он. – Эта рубашка мягкая и ласковая. Кроме того, она теплая. Вот и тот старик был такой же прекрасный человек, как эта рубашка. Он не имел вид, но внутри был замечательным человеком. Я вид не имею, но внутри я лучший человек. Лучший человек, какого ты вообще в жизни встречал, кроме, конечно, твоих родителей.

– Откуда вы можете знать, какие у меня родители?

– Это большой секрет. Об этом ты узнаешь позже, не сегодня. Сейчас очень многое для тебя решается. Это очень важный момент в твоей жизни. Ты понимаешь?

– Ничего не понимаю, – искренне ответил я.

Некоторое время мы шли молча, затем кореец снова заговорил:

– Если человек такой, как ты, увлеченный, он должен понять, откуда приходит настоящее знание.

Все это было слишком сложно для меня, и я решил перейти к более простому вопросу.

– Мы с вами все еще не познакомились. Может быть, скажете, как вас зовут?

– Какая разница, какое имя ты дашь цветку? – пожал плечами кореец. – От этого смысл не изменится. Ты можешь называть меня Грозовая туча на твоём безупречно голубом небосклоне.

– Ладно, пусть будет Грозовая туча, – согласился я. – Что же все-таки вы мне вы

пытаетесь мне сказать, и почему я вообще вас заинтересовал?

– Я сразу вижу человека, который отмечен печатью судьбы. Это редкость, это судьба, это знак великой силы, знак благоволения небес, – торжественно произнес кореец.

– В чем выражается знак благоволения небес?

– В том, что, когда два человека встречаются, они могут беседовать на равных. Мне Сережа Рогов сказал, что тебе нет равных на земле, а мне нет равных в воздухе. Ты научишь меня драться на земле, а я буду обучать тебя бою в воздухе.

Испачканная рвотой рука, держащая меня за рукав, все еще нервировала меня, и мне даже в голову не пришло спросить, когда Рогов успел поведать корейцу о моих успехах в рукопашном бое.

– Где вы собираетесь демонстрировать свое искусство? – осведомился я. – И вообще, как мы с вами будем взаимодействовать?

– Это тебя волновать не должно, – усмехнулся кореец. – Кстати, начать мы можем прямо сейчас. Пойдем, ты меня будешь учить. Я хочу стать твоим учеником.

События разворачивались для меня слишком быстро, но моя фанатичная страсть к боевым искусствам проявила себя и в этот раз. В ближайшем проулке, выходящем на рыночную площадь, безлюдную, поскольку рынок уже закрылся, мы приступили к обучению.

Решив показать Грозовой туче первый прием, я предложил ему напасть на меня. Он бестолково взмахнул рукой где-то довольно далеко от моего лица.

– Неужели не можешь нормально ударить рукой? – удивился я (то, что Грозовая туча стал моим учеником, позволило мне перейти с ним на «ты»).

Кореец вздохнул.

– Я же говорил, что на земле ничего не могу.

– Ладно, я покажу тебе, как надо бить. Смотри внимательно и запоминай.

Я медленно продемонстрировал удар в голову типа цуки, но с подъемом руки вверх и наклоном туловища. Полчаса мы потратили на то, чтобы кореец смог с грехом пополам повторить движение. Несмотря на все мои усилия, то, что у него выходило, ударом можно было назвать лишь с очень большой натяжкой.

Стараясь не показать всю степень его безнадежности, я произнес:

– Да, удары у тебя получаются не очень-то хорошо. А ты когда-нибудь пробовал уходить или уворачиваться от атак?

– Попробуй напасть на меня, – предложил Грозовая туча. – Я постараюсь увернуться, стоя на земле.

Я атаковал корейца серией из трех ударов, и, к моему ужасу, все три достигли цели. Будучи совершенно убежден, что он хоть как-то увернется, я не очень хорошо рассчитал траекторию удара ногой и неожиданно сильно попал ему в пах.

Грозовая туча с искаженным лицом рухнул на землю. С жуткими воплями, напоминающими завывания раненого зверя, он драматично покатался по асфальту, после чего встал и неожиданно спокойно сказал:

– Вот видишь, у меня ничего не получается на земле.

Испытывая внутреннюю дрожь при виде его мучений, я виновато промямлил:

– Ой, Облачко, тебе, по-моему, досталось.

– У облака нету плоти! – гордо вскинув голову, заявил кореец.

Он подпрыгнул высоко в воздух и резко приземлился на пятки, снимая болевой спазм от удара в пах.

– Теперь я буду уходить по-своему. Попробуй еще раз ударить меня, – предложил он.

– На земле у меня ничего не получается.

Хотя я и чувствовал себя неловко, так сильно его ударив, где-то в глубине души я ощущал тихое ликование. Хоть чем-то я сумел насолить этому противному типу, чуть-чуть отыгравшись тем самым за все его выходки. Подсознательно желая продлить удовольствие, тем более что он сам напрашивался на неприятности, я резко развернулся и попытался нанести ему удар хиракен[1] согнутыми пальцами в горло. Выбросив вперед руку, я неожиданно для себя ощутил пустоту.

Исполненный дьявольского желания напасть и окончательно посрамить Грозовую тучу, я вообще потерял ориентировку. В момент перед атакой я намеренно не смотрел на корейца, прикрыв глаза, чтобы не выдать начала движения. Запомнив его прежнее положение, я быстро и слишком резко рванулся в его сторону, но мои пальцы ощутили только легкий ветерок. Когда я полностью открыл глаза, автоматически нанося серию ударов в том же направлении, то не увидел перед собой противника. Ошарашенно оглядываясь по сторонам, откуда-то из-за спины я услышал гнусный голосок, с издевкой произнесший:

– Ты что-то потерял, мой маленький друг?

Повернувшись, я увидел Грозовую тучу с ехидной улыбкой на лице, и вдруг меня охватила дикая ярость, заставившая меня практически бесконтрольно нанести серию ударов, начиная с удара наотмашь ребром ладони.

Кореец легко нырнул мне под кисть, выполняющую первый удар, и с места, почти без толчка перепрыгнул через мою вторую руку. Казалось, взмахом рук он поднял себя в воздух, и мне почудилось, что мой следующий удар прошел сквозь него. Он ухитрился прокрутиться вокруг моей атакующей конечности лишь за счет незаметного толчка ногами и взмаха расставленных рук.

Я бросился на Грозовую Тучу, пытаюсь одновременно ударить двумя руками и ногой, но он успел запрыгнуть мне за спину, снова взмахнув для балансировки руками. Мгновенно развернувшись, азиат сзади вскочил на меня верхом.

– И-го-го, лошадка! – услышал я его ликующий крик.

Я кувыркнулся вперед, но кореец самым непостижимым образом сумел оттолкнуться от моих ног. Я ощутил над коленными чашечками удар его ступней, после чего Грозовая туча нанес мне довольно чувствительный пинок под зад, от которого я не вписался в кувырок и прочертил своим телом длинный четкий след в пыли прирыночной мостовой.

Я поднялся и присел, колоссальным усилием воли подавив волну неконтролируемой ярости. Моим намерением было максимально сократить расстояние между мной и противником. Никогда раньше мне не приходилось видеть такой грации движений уходов от атак. Кореец, казалось, плыл по воздуху, и мне чудилось, что он порхает, как бабочка. При каждом моем броске к нему он, начиная движение назад, уходил

под разными углами в стороны по меняющимся траекториям, легко перепрыгивая с ноги на ногу.

В своих книгах «Кунг-фу. Школа бессмертия» и «Кунг-фу. Формы Шоу-Дао» я описал демонстрацию техники моего Учителя Ли, которую увидел в тот же самый вечер, но немного позже.

Впоследствии я получил множество писем от читателей, в которых они, не ставя под сомнение сам факт моей встречи с Учителем, не могли поверить в то, что человек способен на таком уровне владеть своим телом, и считали это чуть ли не волшебством.

На самом деле в технике передвижений и прыжков Ли не было ничего более сверхъестественного, чем в корабле, заключенном в бутылке, в фокусе по распиливанию женщины или в чудесах равновесия, которые показывают китайские акробаты.

Самым впечатляющим было то, до какого уровня мастерства довел Ли теоретически несложную и доступную технику. В прыжках, описанных в моих книгах, Ли также использовал технику взмахов рук, вращений и прыгал иногда таким образом, что его тело оставалось как бы внизу на уровне груди или чуть выше, а ноги описывали длинную дугу с ударами и хлестами.

Когда я (снова возвращаясь к дню нашей встречи) попытался поразить корейца очередным ударом, он снова взмахнул руками, и его тело взметнулось ногами вверх, используя в качестве опоры мою атакующую конечность. Частично он оперся на нее рукой, частично грудью. Резко закинув ноги вверх, Грозовая туча перелетел через меня и оказался у меня за спиной.

Я развернулся к нему уже без намерения атаковать, желая лишь спросить, как он это делает, и выразить свое восхищение, но не увидел корейца перед собой. Я вращался вокруг своей оси, прыгал из стороны в сторону, перемещался всеми возможными способами, постоянно ощущая позади Грозовую тучу, буквально прилипшего к моей спине. Несмотря на все усилия, мне никак не удавалось повернуться к нему лицом.

В некоторые моменты я чувствовал, как он использует определенные точки моего тела в качестве опоры, чтобы оставаться позади меня. Я пытался достать его, но он уходил телом или перепрыгивал через атакующую конечность, опираясь мне на руку или на бедро поворачивающейся ноги, на туловище или таз. Любую точку моего тела он мог использовать, заранее предугадывая мои движения и выполняя акробатические трюки сродни тем, что демонстрируют на шестах китайские акробаты, но гораздо более сложные по уровню техники исполнения.

– Хватит, остановись, Грозовая туча, – наконец взмолился я. – У тебя потрясающе получаются уходы в воздухе. Не могу поверить, что, так владея своим телом, ты абсолютно не умеешь драться на земле.

– Меня учили бою только в прыжках, – произнес кореец без всяких признаков сбившегося дыхания. – Если хочешь, я покажу тебе грань своего искусства.

– Конечно, хочу.

– Здесь неподходящее место и еще не совсем хорошее время.

Я не стал уточнять, почему нам не подходят время и место, и только спросил, куда мы пойдем.

– Для начала мы просто погуляем, – сказал кореец.

Мы отправились бродить по улочкам, а я стал задавать вопросы. В какой-то момент я вспомнил наш разговор в кафе о связи жизни и боевого искусства и фразу

Грозовой тучи о том, что, если кто-то мешает жить хорошо, ему просто пробивают голову.

– Что означает – пробивают голову? – спросил я. – Всегда ли нужно пробивать голову препятствующим тебе в чем-то людям? Как это понимают те, у кого ты изучал свое боевое искусство?

Кореец посмотрел на меня с выражением насмешливого удивления.

– Иногда иностранцу достаточно трудно до конца выразить свою идею, поскольку, произнеся слово, говорящий еще додумывает до конца свою мысль, которую это слово может и не отражать, или отражать не совсем буквально, – сказал он. – Если ты хочешь, чтобы мы начали говорить на одном языке, сперва нам следовало бы определиться в общих понятиях.

– В каких общих понятиях? – не понял я.

– Мы с тобой будем учить язык общения. Вот смотри, – он указал на стену. – Это стена. Когда ты будешь думать о стене, ты будешь думать об этой стене. Посмотри на эту стену очень внимательно.

Не понимая, к чему он клонит, я с полминуты тупо разглядывал стену в переулке, сложенную из отдельных камней, как это принято в Крыму, и обвалившуюся в нескольких местах. Это был или бывший дувал, или часть забора, огораживающего садик около маленького одноэтажного строения неподалеку от Центрального универмага.

– Ты запомнил эту стену?

– Вроде бы да.

– Мне нужно, чтобы ты воспроизвел образ этой стены, – с неожиданной категоричностью потребовал кореец. – Закрой глаза.

Я зажмурился и вдруг, к моему изумлению, передо мной с неожиданной яркостью и отчетливостью возникла стена. Я был действительно поражен. Никогда в жизни у меня не бывало столь ярких и реальных видений. Отчасти в этом было повинно состояние воспаленного воображения, в которое меня повергали слова и действия Грозовой тучи. К этому человеку я испытывал одновременно и неприязнь, и жгучий интерес. Взрывчатый коктейль эмоций, бурлящих у меня внутри, невероятно обострил мою восприимчивость.

Еще не исчезло видение стены, как кореец сорвал лист, уже начавший увядать, с ветки, свешивающейся через стену.

– А вот это лист, – произнес он, протягивая его мне.

Я взял лист, осмотрел его с одной и с другой стороны, повертел в руках и, все еще не понимая, чего добивается от меня Грозовая туча, тупо посмотрел на него.

– А это – водосточная труба.

Перейдя на другую сторону улицы, кореец подошел к водосточной трубе, свешивающейся с трехэтажного здания, и постучал по ней.

– А вот это... – продолжил было он, но тут я не выдержал.

– Подожди, – взмолился я. – Я и так знаю, что это за предметы. Для чего ты мне их называешь?

– Вот в этом все вы, европейцы, – с укоризной произнес Грозовая туча. – Вы

никогда не слушаете до конца и поэтому не понимаете простейших вещей. Мы учим язык. Язык общения.

– Но я и так знаю, что это водосточная труба.

– Зато ты не знаешь, что это именно та водосточная труба.

– Что означает та водосточная труба?

– Черт побери, это та водосточная труба, которую ты, тупица, будешь вспоминать при слове «водосточная труба», когда я буду говорить с тобой.

– Послушай-ка, дружок, – сказал я. – Тебе не кажется, что мы слишком стеснены во времени, чтобы разглядывать все составляющие окружающего мира и запоминать их образы?

– Времени для постигающего боевое искусство нет, – заявил кореец. – Оно – твоя жизнь.

– Я с этим не согласен. Зачем тратить время на всякую ерунду? Мне хочется заниматься лишь полезными вещами.

– Это не ерунда, – возразил Грозовая туча. – Это твое сознание. Человек, который не мыслит, не может запоминать. Человек, который не запоминает, не может учиться. Человек, который не может учиться, не может мыслить. Следовательно, ты – обезьяна.

Я не обиделся на это слово, поскольку меня заворожила причудливая логическая цепочка, выстроенная моим собеседником.

Увидев, что я не реагирую на оскорбление, кореец произнес с издевательски-детскими интонациями:

– Большая-большая обезьяна!

Чувствуя подвох и понимая, что он хочет меня раздражить и вывести из равновесия, я улыбнулся и сказал:

– А ты – маленькая обезьяна-туча.

– Вот за это я тебя и полюбил! – радостно воскликнул кореец и, неожиданно бросившись ко мне, принялся воодушевленно обнимать и целовать меня, от чего меня чуть не стошнило – слишком уж ярко всплывал в памяти образ засунутой в рот руки и длиннющей струи блевотины.

Осторожно высвободившись из его страстных объятий, я спросил:

– Почему же ты меня полюбил?

– Поскольку в тебе есть образ.

– Какой образ?

– Ну, ты все равно этого не поймешь, ты же еще европеец.

– По-моему, я останусь им по гроб жизни, – засмеялся я.

– Хватит о грустном, – отрезал кореец. – Пойдем, я покажу тебе свое искусство. Я увидел это место.

За разговорами мы миновали несколько перекрестков, и Грозовая туча указал мне на переулок, в котором находилась бывшая тюрьма с заложёнными ракушечником окнами, что придавало ей сходство с полуразрушенной средневековой крепостью. Нас окружали глухие стены, какие-то задворки.

Кореец подвел меня к тюремной стене, я взглянул на него, и мне показалось, что я вижу перед собой совершенно другого человека.

Время пролетело как-то незаметно, и вечер сменился ночью, озаренной яркой сияющей луной. На улицах почти не было людей. Вдали спешил по своим делам какой-то прохожий. Кореец следил за ним одними глазами, не поворачивая головы до тех пор, пока он не скрылся за углом, а потом посмотрел на меня, став неожиданно серьезным и отчужденным.

Каким-то изменившимся, хриплым и надтреснутым голосом, в котором совершенно не чувствовалось акцента, он сказал:

– Только не бойся, только не пугайся, только ничего не пугайся, пожалуйста.

Голос показался мне замогильным.

Я был настолько ошеломлен изменениями, происшедшими с Грозовой тучей, и самой ситуацией, что как-то не обратил внимания на исчезновение акцента и вспомнил об этом только впоследствии, примерно через два года, когда Ли заговорил со мной на чистейшем русском языке и сказал:

– Сегодня я говорю с тобой без акцента, поскольку ты научился слушать меня, ведь именно акцент заставлял тебя внимательно прислушиваться к тому, что я говорю. Теперь я могу разговаривать с тобой как с равным. Наконец-то, мой маленький брат, ты стал большим братом.

Но это случилось потом, а тогда я ошеломленно наблюдал какую-то невероятно торжественную перемену в его осанке, в его позе, в его взгляде. Мне показалось, что он вырос. Его костюм, который выглядел таким грязным и отвратительным днем, совершенно преобразился ночью, образовав единое целое с этим непредсказуемым человеком. Исчезли мелкие детали, и осталось только общее впечатление от фигуры, облитой лунным светом, неожиданно ярким для осени.

Мои чувства были настолько обострены, что я ощущал трепетание воздуха, которое можно было сравнить с предгрозовым состоянием, когда атмосфера кажется вязкой и наэлектризованной. Казалось, воздух застыл вокруг меня густой неподвижной массой, которую ощущаешь лишь когда движешься в ней.

Это необычное состояние, вероятно, подготовило меня к тому, что случилось дальше.

– Ничему не удивляйся, – снова заговорил кореец. – Стой там, где стоишь. Не сходи с этого места.

Пока он это говорил, руки и ноги у него как будто свело судорогой, и они приняли неестественное положение, странным образом вывернувшись внутрь. Лицо его преобразилось и в полутьме, при свете луны, стало необыкновенно бледным. Из человека он на глазах превращался в нечто, описанию не поддающееся. Из горла корейца вырвался низкий шипящий звук, переходящий в пронзительный визг и затем в едва уловимый свист. Звук странным образом воздействовал на меня.

Я качнулся в сторону, ухватился двумя руками за стену и начал сползать вниз. Было такое впечатление, что кто-то схватил мои внутренности одной рукой, а мозг – другой и пытается вырвать их из меня, причем мозг стремился вверх, а внутренности падали вниз. Веки налились свинцовой тяжестью. Меня вырвало.

Огромным усилием воли я заставил себя посмотреть на Ли. Как раз в этот момент его тело, как будто выпущенное из катапульты, с силой рванулось вверх, перевернулось вокруг своей оси и ударилось о стену на высоте более двух метров. Ли падал вниз головой, но в первое же мгновение столкновения с землей, непостижимым образом оттолкнувшись плечами от булыжной мостовой, он снова взмыл вверх. Каскад поворотов, прыжков, двойных и тройных сальто слился в моем сознании в один хаотический рисунок, до сих пор пламенем бушующий в моей памяти. Неистовая какофония полетов, казалось, длилась вечно. На самом деле прошло всего несколько секунд. Я уже мог дышать более свободно. Руки дрожали. Лоб покрылся испариной.

Закончивший свои упражнения кореец снова превратился в обыкновенного человека. Приводя меня в чувство, он ногтем больно надавил мне на точку под носом и, резко наклонившись, через одежду сильно укусил мой живот примерно на расстоянии ладони выше пупка.

От резкой боли я пришел в себя и схватил его за уши, пытаясь оттолкнуть от себя его голову. Уши корейца оказались на удивление мягкими. Они растягивались, словно эластичная резина. Это ощущение невероятных ушей после всего увиденного волной ударило мне в мозг. Я захотел о чем-то его спросить, не понимая до конца, о чем именно, но не смог выдавить из себя ни звука.

Грозовая туча с усмешкой взглянул на меня и с сильным акцентом произнес:

– Нет, я не инопланетянин, и не надо на меня так смотреть.

От этих слов, я, казалось, онемел навеки.

Он сказал:

– Посиди, посиди.

Я сидел на асфальте, привалившись спиной к стене и вытянув ноги рядом с лужицей собственной рвоты. Ее резкий запах, подобно нашатырному спирту, приводил меня в сознание, но, как ни странно, он не был мне противен. Я словно находился в другом измерении, где отсутствовали нормальные человеческие реакции и ощущения.

Грозовая туча застыл на корточках напротив меня, опираясь на всю ступню, как это делают заключенные или разведчики, когда они не могут сесть на холодную землю. Он сидел, склонив голову, вытянув и перекрестив руки и опираясь на согнутые колени. Казалось, что он уснул.

Мне до сих пор вспоминается эта сюрреалистическая картина пустынной улицы, залитой лунным светом, стена, застывшая фигура азиата, чувство отрешенности и остановившегося времени.

Не знаю, сколько времени мы просидели молча, пока тишину не нарушило кошачье мяуканье. Две бродячие кошки с воплями выскочили из подворотни, явно что-то не поделив между собой, и разбежались в стороны, предварительно наградив друг друга парочкой оплеух.

Кореец поднял голову, неожиданно мякнул противным гнусавым голосом и вытянул вперед палец, указывая на одну из кошек. Кошка присела, повернула голову и замерла, глядя на него в каком-то напряженном ожидании. Кореец пошевелил пальцем. Кошка, переставив одну из передних лапок накрест с другой, вдруг опрокинулась на спину, перевернувшись, лежа повела головой и попыталась отряхнуться.

Кореец убрал палец. Ошалевшая кошка резко вскочила, помчалась вдоль по улице, метнулась к стене и, разбежавшись, в несколько прыжков перемахнула через нее.

Тогда я даже не понял, что произошло. Я просто тупо созерцал происходящее, и тот

факт, что азиат мог влиять на поведение животных, меня ничуть не поразил.

Эта его способность удивила меня чуть позже, когда он начал мимоходом проделывать такие трюки со всеми окружающими животными – собаками, кошками, даже один раз с лошадью. Правда, лошадь он заставлял не кувыркаться, а кивать головой.

Впоследствии Учитель мне объяснил, что секрет этого фокуса заключался в передаче другому существу ощущения движения. Он как бы замещал у кошки или другого животного его ощущения, ментально перенося себя в его тело.

Ли научил меня на определенном уровне проделывать подобные фокусы с людьми. Он объяснил, что людям с их аналогичной системой мышления передавать образы гораздо проще, чем чуждым нам животным.

Прохлада асфальта, на котором я сидел, становилась все более ощутимой. Я чувствовал себя немного лучше, но состояние странного онемения не проходило. Кореец молча подошел ко мне, поднял за рукав и повел по улице. Я понял, что он ведет меня домой, но так и не смог задать вопрос, откуда он знает, где я живу. Он подтолкнул меня под арку перед моим домом и растаял в темноте. Чисто механически я вошел во двор, поднялся по ступенькам крыльца, ступил на деревянную лестницу своего подъезда, поднялся на второй этаж, открыл дверь, вошел, удивленно посмотрел на ужин, оставленный для меня на столе мамой, добрался до своей комнаты, как был в одежде, упал на кровать и мгновенно провалился в сон.

Сочный поток родного русского мата разбудил меня поутру. Моя любимая мама мрачным утесом возвышалась надо мной и громогласно излагала все, что думает по поводу моего пребывания в кровати в перепачканной одежде и ботинках.

– Это же надо быть таким засранцем, как твой папаша, – хорошо поставленным голосом говорила она, – чтобы спать в одежде на чистой постели. Ты даже не снял ботинки. Сколько сил я потратила на твое воспитание. Я учила тебя английскому языку и хорошим манерам. Мне же трудно застилать постель. Я больной человек, а вынуждена ухаживать за такой свиньей, как ты. Это у вас Медведевское, наследственное. Вам бы в свинарнике жить. Твой папа животновод не только по профессии, но и по содержанию...

Я встал и попытался ласково обнять маму, но она отстранилась мощным толчком обеих рук, чуть не опрокинув меня на кровать.

– Посмотри, на кого ты похож, ты должен немедленно вымыться и почиститься, – сказала мама, и только тут я вспомнил то, что случилось со мной этой ночью.

«Как же мне разыскать этого удивительного человека?» – подумал я.

У меня возникло тоскливое ощущение утерянной возможности наконец-то обрести Учителя, равных которому я просто не мог себе представить.

Я поехал в институт. Был теплый осенний день, моя любимая погода. Но я мог думать только о корейце и удивительных событиях прошлой ночи. Я попросил старосту группы отметить в журнале, что я присутствовал на занятиях, а сам направился в институтский парк и там, около могилы Болгарева, знаменитого ученого, начал отрабатывать, вернее, пытаться воспроизвести некоторые элементы техники передвижений и прыжков, увиденных мною вчера.

После занятий в институте у меня была тренировка по дзю-до, потом я позанимался с Мухиным, очень перспективным дзюдоистом и моим другом в лесополосе, отрабатывая элементы техники, показанной мне иностранными студентами.

Около восьми часов вечера я поехал домой. Я был уже почти рядом с домом, когда

почувствовал легкое прикосновение к своей руке. Обернувшись, я увидел улыбающееся лицо корейца.

– Ты думал легко от меня отделаться, дорогой друг? – с акцентом произнес он. – Это тебе так просто не удастся. Если хочешь, мы можем продолжить нашу интересную беседу.

Я почувствовал несказанную радость, которая, слишком явно отразившись на моем лице, вызвала поток подкальваний и насмешек Грозовой тучи.

– Ты напоминаешь мне щенка, слишком долго ожидавшего хозяина взаперти, – сказал он.

Я был так счастлив, что просто не мог обижаться на этого человека, который за один день настолько покорила меня своей открытой, непосредственной и непредсказуемой манерой поведения, что я почти сумел адаптироваться к его шуткам и эксцентричности.

Мы отправились гулять по улицам, прошли по старому городу до кинотеатра «Мир», беседуя о воинских искусствах. На площадке за кинотеатром кореец показал мне элементы прыжков. Я, как мог, пытался их воспроизводить.

Слегка утомившись, мы присели на лавочку у реки, и я снова задал мучивший меня вопрос о том, как убирает со своей дороги препятствия мастер, продвигающийся к цели. Образ пробиваемых голов слишком сильно поразил мое воображение, и я пытался представить, какую специальную технику использовали для этого.

– По правде говоря, мне трудно привыкнуть разговаривать с человеком настолько необразованным, как ты, – сказал кореец. – Я говорил образно, а ты все воспринимаешь буквально. Пробивание головы – это не реальное действие, а определенное мировоззрение, в корне отличное от того, что принято в вашем обществе. Ты должен научиться мыслить гораздо шире и стараться осознать не форму, а суть того, что я говорю, домысливая то, что остается в тени и вслух не произносится.

Знай же, что будо – это жесткое искусство воинов, искусство смертников. Это искусство людей, не умеющих мыслить вне рамок, в которые их поместили, и вне предназначения, ради которого их создали. Люди, идущие по пути будо, не следуют настоящему искусству. Они предназначены для смерти. Это – люди смерти. Выполняя свое предназначение, они могут получить удовольствие от смерти, но это удовольствие они получают только один раз.

Настоящее искусство – это искусство жизни. Люди жизни устраняют препятствия на своем пути самыми разными способами, но они всегда делают это с наименьшим вредом для себя. Только в крайнем случае Воин Жизни сталкивается с врагом лицом к лицу, не используя всех косвенных средств для его устранения со своей дороги. В моем понимании, в понимании традиций Воинов Жизни «пробить голову» не означает физическое устранение. В первую очередь это ближе к тому, что на Западе называют «промыванием мозгов». Человека можно заставить изменить свои взгляды, направить его мировоззрение в другое русло.

Еще один способ «пробивания головы» – навязать противнику определенные тревожные мысли, сомнения в отношении его жизненной позиции, целей, мировоззрения, его соратников или учения. Внушив сомнения или страх противнику, Воин Жизни во многих случаях может достигнуть своей цели без прямой конфронтации.

Можно воздействовать не только на самого противника, но и на его окружение, добиваясь того, чтобы это окружение само «пробило ему голову», например, изо дня в день оказывая на него давление и тем самым вынуждая его изменить свои действия, неприемлемые для Воина Жизни.

Неожиданно открывшаяся передо мной перспектива «пробивания головы» без прямого контакта слегка меня ошеломила.

Посмеиваясь, кореец предложил мне самому придумать какие-нибудь ситуации и способы «пробивания головы», и в последующие несколько часов мы оживленно обсуждали эту тему. Азиат просто ошелолил меня каскадом совершенно невообразимых ситуаций и использованием для «пробивания головы» двойных, тройных и т. д. психологических ловушек, которые моему тогда еще слишком прямолинейному и неискушенному уму показались верхом изощренности и коварства.

Наконец я сказал:

– То, что ты говоришь, относится скорее к психологии, чем к боевым искусствам. Все эти психологические построения чересчур громоздки и сложны. Неужели воины с такой углубленностью изучают психологию, искусство общения и все то, что этому сопутствует?

– Искусство поединка – не цель, а средство для Воина Жизни, – объяснил кореец. – Настоящим искусством, на постижение которого уходит вся жизнь, является учение, которое Воины Жизни называют «Вкус плода с Дерева Жизни». Это искусство включает в себя все аспекты и грани жизни. Оно наделяет воина способностью достигать любых поставленных целей и наслаждаться своим существованием и окружающим миром в любых, даже самых тяжелых условиях.

– Посмотри, как здесь красиво, – продолжал он, широким жестом указывая на реку и окрестности. – Сотни раз ты можешь пройти мимо этой красоты и даже не заметить ее. А ведь ее можно созерцать, ею можно пользоваться для восстановления сил и улучшения своего здоровья и благосостояния. С помощью этой красоты ты можешь сделать врага своим другом. Ты даже не представляешь, сколько еще различных применений можно найти этой красоте.

– Неужели это тоже составляющая твоего искусства? – спросил я.

– Да. Но система «Вкус плода с Дерева Жизни» не является составляющей искусства. Это – само искусство, позволяющее достичь всех целей, в которые выпущены стрелы.

– Ты снова говоришь на непонятном языке, – сказал я. – Что означает «цели, в которые выпущены стрелы»?

– Это – все то, чего ты хочешь добиться, сделать или понять, – ответил мне азиат.

В моей голове сразу же зароились тысячи вопросов. Я хотел спросить о чем-то очень важном, но не мог четко сформулировать вопрос. Вдруг я вспомнил, что мы еще незнакомы, ведь Грозовая туча так и не назвал свое настоящее имя.

Я уже заметил склонность корейца уходить от прямых вопросов, отделяваясь общими и малопонятными фразами, но на всякий случай решил сделать еще одну попытку.

– Может быть, ты все-таки скажешь, как тебя зовут? – спросил я.

– А как тебя зовут?

– Александр.

– Если тебе так важно как-то меня называть, чтобы не напрягать слишком свой европейский мозг, зови и меня Александром.

– Но это как-то неудобно и даже невежливо, – заметил я.

– Основная ловушка для европейцев – привязанность к форме, – заявил кореец. –

Как бы ты ни называл человека, сущность его не изменится. Думай обо мне не как об имени, а как о человеке. Люди, пользующиеся многими именами, свободно относятся к ним. Для них имена являются средством, в то время как другие люди используют их как цель. Рассматривая имя в качестве средства, человек расширяет свои возможности, но используя его как цель, становится его рабом.

– Что означает использовать имя как средство и как цель? – спросил я.

– Как средство имя используют люди искусства – писатели и актеры, берущие псевдоним. В этом случае новое яркое имя как бы затмевает и преобразует личность его носителя. В других случаях актер использует как средство имя героя, помогающее ему войти в роль и полнее перевоплотиться в него.

Как цель имена часто используют дети знаменитых отцов. Пытаясь стать достойными своего имени, они на самом деле становятся его рабами. Человек, пытающийся прославить свое имя, или имя своего рода также является рабом своего имени. Как видишь, не только человек влияет на имя, но и имя на человека.

Первоначально, как бы тебя ни назвали, это не оказывает на тебя влияния, однако смысл твоего имени воздействует на других людей, а их отношение к твоему имени, в свою очередь, влияет на тебя, то есть даже не оказывая прямого воздействия, имя оказывает на тебя воздействие косвенное. Это сочетание воздействия и невоздействия в итоге и порождает ту золотую середину, которая является сущностью любого имени.

Потом кореец заговорил об общении и аромате плода, объяснив, что имя – одна из составляющих аромата плода.

– Что ты подразумеваешь под плодом? – спросил я.

– Плод с Дерева Жизни – тот самый плод, который мы поглощаем на протяжении всего своего существования. Плод – это сама жизнь – наша жизнь, а раз он – наша жизнь, частью плода и олицетворением его являемся мы сами, – ответил он.

– А что, помимо имени, входит в аромат плода?

– Аромат плода складывается из мнения о тебе, твоего внешнего вида, запаха, из того, что ты сам думаешь о себе, и из того, что думают о тебе другие. Аромат плода – это слухи, которые ты распространяешь о себе, воздействуя тем самым на своего будущего врага или союзника, или просто на человека из толпы.

Формируя аромат плода, ты одновременно воздействуешь и на себя, то есть становишься человеком, отражающим соответствующий аромат. Из всех ароматов других людей ты выбираешь те, которые тебе больше по душе, и пытаешься в той или иной форме приспособить свой аромат под окружающих. Таким образом, во многих отношениях ты – отражение всех, но и в этом отражении ты неповторим.

В тот вечер я узнал еще много тайн непрямого воздействия на людей и окружающий мир, но это уже тема для другого разговора.

Глава 2

Круги ложного знания

Полночные прогулки с Ли стали традицией. Я встречался с ним около одиннадцати-двенадцати часов ночи иногда в каком-нибудь парке, иногда у памятника Ленина. Мы бродили по опустевшим улицам, описывая большие круги по городу, и беседовали на разные темы. Эти беседы подготавливали меня к восприятию учения Шоу-Дао и, одновременно, являлись своеобразной проверкой, чтобы понять, подхожу ли я в качестве ученика.

Беседы начинались самым обычным образом. Мы говорили о каких-то событиях минувшего дня, потом, сама по себе, всплывала некая отвлеченная тема для разговора. Однажды, не помню по какому поводу, я упомянул, что собираю пословицы, поговорки и народные песни, поскольку в них заключены народная мудрость и опыт, которые могут помочь лучше ориентироваться в жизни.

Ли засмеялся и сказал в свойственной ему манере все ставить с ног на голову:

– Это не мудрость, это человеческая глупость. Все изречения уважаемых людей – это частицы глупости. Так называемые мудрые изречения – только осколки истины, настолько крошечные, что они перестают эту истину отражать и, являясь искажением истины, они обращаются в ложь. Истина потому и недостижима, что она многогранна, и только все осколки истины, собранные в единое целое, совмещенные со всех сторон и включающие в себя все грани жизни, позволяют создать представление о ней. Существуют две стороны медали, но истина всегда заключена между ними.

– Но ведь не могут быть глупостью все до одной пословицы и все изречения мудрецов. Иногда встречаются довольно здравые мысли, – возразил я. – Большинство людей считает, что в них действительно заключена мудрость, и ссылаются на них. Конечно, есть довольно глупые изречения и пословицы, но в основном они кажутся не лишенными смысла.

– Ты сам ответил на свой вопрос, – сказал Ли. – Изречения, пословицы или поговорки именно кажутся не лишенными смысла, хотя многие так называемые «мудрые изречения» доходят до идиотизма в своей погоне за формой и рифмой, за внешним блеском или за «острым словом».

Используя твои любимые поговорки, можно сказать: «ради красного словца не пожалеешь и родного отца» – ради формы убивается истина. Это свойственно человеку. Ради внешнего теряется внутреннее. За формой исчезает суть. Ради истинной веры строят храмы, которые ее погребают. Религия умирает в замке из камня. Возникает ситуация, когда ритуал заменяет ум, заменяет суть, мысль, чувства, когда следование за лозунгом подменяет смысл самого лозунга, и лозунг, вырванный из контекста учения, становится палачом учения, кинжалом, который это учение убивает.

Ли предложил мне называть различные пословицы и тут же объяснял, в чем заключается глупость каждой из них, и почему в большинстве случаев они неприменимы из-за того, что не полностью освещают ситуацию. Он объяснил, что каждая пословица относится к определенной конкретной ситуации, которая ее породила, и что она демонстрирует только один способ взгляда на мир.

– Мало того, – сказал Ли, – что этот опыт народа, так называемая народная мудрость, на самом деле не является мудростью, она еще больше обесмысливается тем, что власть имущие, то есть само общество, пытаются задавить, уничтожить те крохи знания и опыта, которые не выгодны для этого общества и власть имущих, и которыми может воспользоваться человек, пытающийся выжить в этом обществе и существовать в нем с максимальным комфортом и удовольствием.

Чопорное общество отвергает ту сторону медали, которая не отвечает его внешнему лоску, и оставляет только выгодные для него пословицы и изречения.

Именно эти, официально одобренные сентенции печатаются в книгах и учебниках, о них в первую очередь узнают дети, и эта односторонняя, вырванная из контекста «народная мудрость» засоряет мозги подрастающего поколения. Так само общество формирует людей, заранее ущербных и не готовых к реалиям жизни.

– Назови какую-нибудь тему, – предложил Учитель, – и вспомни пословицу на эту тему, но не официальную пословицу, а такую, которая распространяется скорее как шутка.

– Работа, – сказал я, – вот мы сейчас с тобой болтаем, а завтра мне надо встать в 7 часов утра и ехать на натяжку шпалер на винограде (это было что-то вроде «картошки»: работа, на которую должны были выезжать студенты, но в сельхозинституте она называлась «сельхозпрактика» и включалась в учебный процесс).

– Наверняка ты помнишь про работу несколько нелицеприятных пословиц, – сказал Ли, – тех пословиц, которые у всех на слуху, но не вписываются в ряд официально признанных поговорок типа «без труда не вынешь и рыбку из пруда».

– Кто не работает, тот не ест, – выпалил я.

– Это не пословица, а лозунг большевиков и их идеологическое оружие. Если хочешь еще одну официальную поговорку – пожалуйста: «никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». А теперь вспоминай неофициальные варианты.

– Если хочется работать, ляг, поспи, и все пройдет.

– Это скорее присказка-речитатив, чем пословица. Подумай еще.

– Работа не волк, в лес не убежит.

– Вот это настоящая народная пословица, – похвалил меня Ли. – И эта поговорка показывает другую грань, другую сторону медали, противоположную официально принятой. Ни одна из этих граней не отражает истину, а народная мудрость только тогда может быть мудрой, когда она предлагает два выхода. В данном случае, с одной стороны – работа, с другой – отказ от нее. Здесь предлагаются две крайности, диаметрально противоположные взгляды, но истина всегда лежит посередине.

Я расскажу тебе древнюю притчу о труде и безделье, которая отражает противоположные представления о работе и которую можно трактовать по-разному...

Встретились однажды в пути два монаха и, чтобы скоротать время, затеяли разговор о труде и безделье.

Один из них утверждал, что в поднебесье лишь труд в почете, другой же настаивал на том, что люди больше ценят лень и безделье.

Спорили они, спорили и решили обратиться к первому встречному, чтобы рассудил их и сказал, кто из них прав, а кто – нет.

Смотрят – идет по дороге крестьянин. Подошли к нему монахи и попросили стать судьей в их споре.

Крестьянин не заставил долго себя уговаривать и велел монахам задавать ему вопросы по очереди.

– Дорог ли тебе твой труд? – спросил крестьянина первый монах.

– Мне-то он дорог, а вот людьми не ценится. Тяжек мой труд, но платят за него мало, – ответил тот.

Настала очередь второго монаха задавать вопрос.

– Если бы ты имел выбор – работать или не работать, в обоих случаях получая одинаковый доход, чтобы ты предпочел? – поинтересовался он.

– Я сделал бы то, что и любой другой смертный на моем месте, – ответил крестьянин.

– А если бы все были трудолюбивы, захотел бы ты жить в таком мире? – спросил

первый монах.

– Если бы все любили труд, то никто не хотел бы его облегчить. Нет, не хочу я жить в таком мире, – сказал крестьянин.

Так и проиграл спор трудолюбивый монах. Надо было ему задавать другие вопросы...

Долго еще Ли говорил об отношении к работе Воинов Жизни и объяснял мне, как они, избегая крайностей, находят в каждом конкретном случае свой «срединный путь». Вкратце это сводилось к тому, чтобы работать и не работать одновременно, выполняя только то, что действительно необходимо сделать, не затрачивая времени на ненужные усилия; необходимую работу выполнять как можно лучше и быстрее, доводя это выполнение до совершенства, и одновременно использовать работу как упражнение по саморазвитию и извлекать из нее наслаждение интеллектуальное – от выбора наилучших решений, эмоциональное, так как это входит в упражнения «Вкуса жизни», и физическое, так как тело укрепляется и тренируется в процессе правильно выполняемой работы.

Затем Учитель дал мне несколько рекомендаций, которые я должен был использовать на следующий день, натягивая проволоки шпалеры на винограднике.

Если раньше я на этой работе, как и все городские студенты, старательно сачковал, следуя народной (правда уже советской) мудрости: «где бы ни работать, лишь бы не работать», то после разговора с Ли я выполнил почти три нормы. Его советы полностью переменили мое отношение к работе, которая из скучного, монотонного и бессмысленного труда среди холода и грязи превратилась в увлекательное упражнение, требующее предельного внимания и концентрации.

Я натягивал проволоку не двумя руками, как раньше, а одной, и четко закручивал крепления. Следуя указаниям Учителя, я принимал определенные позиции, контролировал мыслительный процесс, исключая посторонние мысли, и направлял его на созидание и совершенствование моих движений и стоек. Надо сказать, что никогда раньше я не испытывал такого наслаждения от работы, как то, что я почувствовал тогда, стоя по колено в грязи, но ощущая, как растут мои искусство и самоконтроль.

Впоследствии я научился любую тяжелую работу превращать в упражнение и выполнять ее с удовольствием и легкостью за счет психологической ориентированности на совершенно другую деятельность, то есть воспринимая работу как упражнение по самосовершенствованию.

Одним из краеугольных камней учения Шоу-Дао является формирование у ученика навыка превращения любого вида деятельности в упражнение по самосовершенствованию. В частности, занимаясь чем-то, он старается находить интересные аспекты в этой деятельности, устраивает соревнование с самим собой и т. д.

Закончив объяснять, как я должен буду работать на следующий день, Ли, вернувшись к теме поговорки, неожиданно произнес:

– Помнишь пословицу: «нужно, как телеге пятое колесо»? А сейчас скажи мне, в каком случае телеге действительно нужно пятое колесо.

Неожиданно для самого себя я, словно по наитию, почти мгновенно ответил:

– Когда оно рулевое. Телега с пятым колесом превращается в автомобиль.

– Знаешь, почему я общаюсь с тобой? Потому, что у тебя нестандартное мышление, – сказал Ли. – Ты совершенно прав. Телега с пятым колесом – это телега принципиально другого уровня. Человек со стандартным мышлением не способен оторваться от конкретных образов, конкретных связей. Он всегда идет по привычному,

наиболее легкому пути, который, как правило, заводит его в тупик. Такой человек не думает сам, он ищет готовые решения и рецепты, которые предлагают ему родители, общество или авторитеты. Пословицы – один из таких рецептов. Гораздо легче считать, что пятое колесо в телеге абсолютно не нужно, чем изобрести автомобиль. Люди с нестандартным мышлением встречаются достаточно редко и уже поэтому представляют собой ценность.

Общество определяется его отношением к пословицам. В тоталитарных обществах людям предлагают пословицы только одной стороны, в демократическом обществе могут сосуществовать две стороны одной и той же мудрости.

В то же время существуют и общества третьего типа. Они малочисленны, и члены этих обществ следуют так называемому «срединному» пути. Это путь избранных, путь тайных кланов, путь людей, наиболее мудрых именно потому, что они не разделяют и не отстаивают ни одну из существующих точек зрения, объединяя их в одно целое и находя истину в виде результирующей всех возможных взглядов на мир, знаний и учений. Срединный путь, которому они следуют, можно назвать результирующей всех возможных путей, и потому это путь истины.

Любой путь, любой лозунг, любую идею можно извратить и превратить в ничто, если возвести ее в культ и доверить претворение идеи в жизнь людям, которые будут на ней паразитировать.

Самая гуманная и самая лучшая идея превращается в свою противоположность, когда группа людей обращает ее себе на пользу, и тогда эта идея становится средством угнетения для всех остальных.

Именно поэтому клановый путь является способом выживания для немногих – самых умных и самых лучших людей. Конечно, любой человек со стороны может сказать: «Они лишь считают себя самыми умными и самыми лучшими, но это обыкновенный снобизм».

На это можно ответить лишь одно: люди клана идут по пути хоть какого-то самосовершенствования, одновременно развивая себя и совершенствуя все грани своей жизни, чтобы стать мудрыми, счастливыми и свободными, в то время как другие не заботятся об этом и совершенствуют либо свою карьеру, либо свой достаток, либо внешние формы поведения или жизни.

Только истинный Воин Жизни заботится о той неуловимой, зыбкой черте, которая проводит его по срединному пути, и он чувствует себя комфортно вне зависимости от ситуаций, в которые вовлекает его окружающий мир. Мудрость Воинов Жизни заключается в том, что они прилагают минимум усилий, всегда минимум усилий для достижения цели. Применять больше усилий, чем это необходимо, – глупо и неэффективно, ведь за излишние усилия ты расплачиваешься своей собственной жизнью. Затрачивая лишние усилия, лишние эмоции и чувства, человек сам загоняет себя в ловушку, из которой потом часто не находит выхода.

Воин Жизни живет легко, выбирая оптимальный путь, но при этом не полагаясь на случай, а используя его.

– В теории это звучит очень красиво, – сказал я. – Но как научиться выбирать оптимальный путь, и как узнать, что этот путь действительно оптимальный, а не только кажется тебе таковым? Люди, принимая решения, обычно думают, что они поступают наилучшим образом. Вряд ли кому-либо захочется намеренно действовать глупо и неэффективно.

Ли покачал головой.

– Стрела, выпущенная из лука, летит по параболе, – сказал он. – Капля воды, падающая из крана, движется по прямой. Они следуют своей природе, и сама природа выбирает за них оптимальные траектории движения к цели. Человек, научившись

мыслить, потерял свою истинную природу и больше не может отличить правду от лжи, правильный путь от пути гибельного, добро от зла, полезное от вредного, мудрость от глупости.

– А как Воин Жизни отличает одно от другого? – спросил я.

– Это делает не его разум, а его природа. Как перелетная птица чувствует направление полета, так и Воин Жизни учится слушать голос своей природы, который подсказывает ему правильный выбор. С помощью упражнений он вырабатывает в себе некое специфическое чувство, которое направляет и ведет его. Это чувство называется внутренней силой.

– Какими упражнениями вырабатывают внутреннюю силу? – спросил я, страшно заинтригованный новым понятием.

Кореец засмеялся.

– Твой европейский ум опять хочет получить все сразу и как можно быстрее.

– А разве это не оптимальный путь? – тоже рассмеявшись, спросил я.

– Это как раз ловушка. Как говорится в пословице: «Тише едешь – дальше будешь». Несмотря на то что внешняя форма пословицы крайне глупая, в данном конкретном случае она применима. Внутренняя сила – не то, о чем можно говорить. Ее либо чувствуешь, либо не чувствуешь, но, даже если тебе кажется, что ты ее чувствуешь, это может быть совсем не так, поскольку среди тысяч обманчивых чувств нужно уметь различить истинное чувство.

Увидев недоумение на моем лице, кореец с наслаждением расхохотался.

Я понял, что он уже поддразнивает меня.

– Может быть, ты все-таки расскажешь мне о внутренней силе, – продолжал настаивать я. – Обо всем можно говорить, если только захотеть.

– Ладно, – сказал кореец. – Я проверю тебя еще раз. Если ты пройдешь испытание, мы поговорим о внутренней силе.

– Какое испытание? – спросил я, слегка испугавшись.

– Очень простое. Я расскажу тебе притчу, а ты объяснишь мне ее смысл. Если твое объяснение окажется правильным, значит, ты готов говорить о внутренней силе.

– Согласен, – кивнул я.

– «Испытание змеями», – сказал Ли. – Эта притча называется «Испытание змеями». Она очень древняя, и Воины Жизни в течение тысячелетий рассказывают ее своим ученикам, но никто из учеников так не смог правильно истолковать ее. Слушай.

Однажды к патриарху клана «Бессмертных» привели несколько юношей, желающих постичь «Вкус плода с Дерева Жизни», и попросили назначить им испытание. Мудрейший повелел выкопать неподалеку от своего жилища несколько ям и поместить туда испытуемых. В каждую яму бросили по змее. Спустя некоторое время Мудрейший со своими учениками пошел взглянуть на юношей.

В первой яме сидел юноша с бледным, окаменевшим от страха лицом. Он прижался спиной к земляной стене, и ничто не могло его заставить сдвинуться с места.

Посмотрев на юношу, Мудрейший сказал своим ученикам:

– Этот человек не может постичь учение «Спокойных», так как по природе своей он жертва и всегда будет отдаваться на милость победителя. Ему предстоит затратить много усилий, прежде чем он научит помыслы повелевать телом.

Вторая яма оказалась пуста, так как подвергшийся испытанию юноша в страхе выскочил из нее и убежал.

Заглянув в яму, Мудрейший сказал:

– Тот, кто сидел здесь, не сможет постичь учение «Спокойных», так как по природе своей он трус, и трусливые помыслы владеют его телом. Такой человек не может стать даже воином.

В следующей яме Мудрейший с учеником увидели торжествующего юношу, с гордым видом восседающего над убитой змеей.

Мудрейший грустно покачал головой и промолвил, обращаясь к своим ученикам:

– Тот, кто находится в яме, совершил поступок воина, но еще не готов к постижению мудрости «Спокойных», так как телом его управляют помыслы хищника, и он не способен видеть картину мира.

В четвертой яме сидел испытуемый с отрешенным лицом, а недалеко от него ползала змея.

– Этот юноша, – сказал Мудрейший, – видит картину мира, но у него разум аскета, а значит, он не сможет жить в гармонии с окружающим. Рано ему еще постигать учение «Бессмертных», ибо пренебрегает он жизнью и не заботится о теле.

– Неужели никто из испытуемых не сможет следовать по Пути Истины? – спросил один из учеников.

– Не следует, – ответил Мудрейший, – спрашивать, когда знаешь, что ответить, ибо это ведет к лени ума и беспомощности в жизни.

– Не следует, – продолжил он, – препятствовать естественному ходу вещей, ибо, проявляя нетерпение, ты теряешь картину мира.

С этими словами устремился Мудрейший к последней яме, в которой увидел юношу без тени смятения на лице и с легкой улыбкой на губах. Змея также не показывала признаков беспокойства, хотя и находилась невдалеке.

Молча отошел Мудрейший от ямы, и лишь войдя в дом, сказал ученикам:

– Видеть картину мира и жить с ним в гармонии, не препятствовать ходу вещей, но управлять их течением – разве не в этом истоки Спокойствия? Завтра с утра прошедший испытание станет вашим братом...

Кореец замолчал и посмотрел на меня. Я тоже молчал, пытаюсь догадаться, в чем состоит испытание, и где таится скрытая ловушка, а в том, что такая ловушка есть и, возможно, не одна, я не сомневался.

Учитель рассмеялся и скорчил рожу, пародируя мои усиленные раздумья.

– А теперь объясни мне, в чем заключается смысл этой притчи, – сказал он.

Понимая, что ответ слишком прост для того, чтобы быть правильным, но не видя другой альтернативы, я начал хвалить последнего испытуемого, восхищаясь его спокойствием, самоконтролем, управлением эмоциями и умением жить в гармонии с окружающим миром.

Кореец слушал меня с серьезным видом, одобрительно покачивая головой, и я, осмелев, принялся рассуждать об особенностях психики последнего ученика и о предпосылках, необходимых для того, чтобы стать Воином Жизни.

Когда я закончил и вопросительно посмотрел на Ли, он хлопнул меня по плечу и, с заметно усиленным акцентом, произнес:

– Красиво говоришь, прямо как настоящий ученый европеец. Но тут ты промахнулся. Угадав про пятое колесо в телеге, ты доказал, что достоин быть моим учеником, и ты мой ученик, ибо есть много вещей, которым я могу тебя научить. Но если бы ты сразу понял смысл этой притчи, ты не был бы моим учеником, поскольку мне было бы нечему тебя учить – умом ты был бы равным мне.

Он замолчал, с улыбкой ожидая моего вопроса.

Конечно же, я спросил:

– В чем же заключается смысл притчи?

Учитель выдержал паузу, явно наслаждаясь моим нетерпением.

– Смысл притчи очень прост, – ответил он. – Воин Жизни никогда не стал бы сидеть в яме с ядовитой змеей – для этого он слишком любит жизнь и не терпит напрасный риск. Последний испытуемый знал, что змея в яме была не ядовитой. Он обладал знанием, и это знание давало ему спокойствие.

Я почувствовал себя обманутым. Объяснение, конечно, было логичным, но выглядело как-то некрасиво и слишком примитивно.

– А как же второй юноша, который убежал? – спросил я.

– Этот юноша проявил трусость. Он позволил страху завладеть его душой и покрыл себя позором.

– А Воин Жизни выскочил бы из ямы, не покрывая себя позором?

– Все не так просто, – сказал кореец. – Не думаю, что ты поймешь, но все-таки попытаюсь тебе объяснить. Существует истинное и ложное знание. Истинное знание доступно лишь единицам, для всех остальных людей существует только ложное знание, но и эти единицы прежде, чем прийти к истинному знанию, впитывают в себя ложные знания, возвращаясь к ним, видоизменяя и совершенствуя их.

Система знаний Воинов Жизни – ее называют «жемчужной пылью» или «искусством поглощения жемчужной пыли» – делится на две части: на искусство «поедания жемчужной пыли» и на искусство «кормления жемчужной пылью», или, как его иногда называют в более мягкой форме, «угощения жемчужной пылью». Жемчужная пыль включает в себя все ложное и истинное знание, причем ложное знание доминирует над истинным знанием, отражая при этом многие его черты.

Подготовка ученика начиналась с угощения его ложным знанием. Это угощение ложным знанием развивало его, помогая переходить к более сложным формам обучения, и одновременно выявляло основные склонности и способности ученика, позволяя наставникам выбрать для него наиболее подходящее направление обучения.

Жемчужное Дерево Воинов Жизни разрослось настолько, что наступил период, когда стало невозможно найти достаточное количество учеников, способных полностью овладеть знаниями клана. Воины Жизни выработали определенные основы, которые назывались «корнями Дерева Жизни», и, когда ученик постигал корни, он мог специализироваться по одной из ветвей Дерева, изучая более углубленно медицину,

философию, воинское искусство или что-либо еще.

Корни и ветви Жемчужного Древа Жизни базировались на ложном знании, поскольку являлись лишь частью целого и отражали истину, искажая ее. Пусть тебя не вводит в заблуждение терминология. Слова «ложное знание» не означают, что это знание было плохим, ненужным или вредным. Наоборот, период поглощения ложного знания стимулировал у ученика жажду самосовершенствования, учил его самостоятельно думать и чувствовать.

Притчи относились к корням Жемчужного Древа и по сути своей являлись ложным знанием, но, несмотря на это, для многих учеников притчи были своеобразным откровением, таившим в себе нечто новое и неожиданное. Каждая притча имела десятки толкований, и каждое толкование притчи давалось ученику на новом, более высоком этапе его развития.

Ученик, услышавший притчу впервые, очаровывался ее красивой формой. Первое, самое очевидное, но новое и интересное для него толкование давало импульс к самосовершенствованию. Так, в случае притчи об испытании змеями у ученика появлялось желание подражать последнему испытываемому и добиться такого же спокойствия духа, интуитивного познания мира и слияния с природой. Эта притча возвеличивает человека, следующего по пути клана, ставя его над другими, а для ученика, только начинающего свой путь, мощнейшим стимулом является желание стать таким же сильным и совершенным.

Когда ученик обретал способность управлять своей психикой и добивался спокойствия духа, ему снова рассказывали ту же притчу, но в этот раз акцент делался на том, что для Воинов Жизни очень важны специальные знания, и лишь человек, обладающий этими знаниями, может по-настоящему контролировать ситуацию, то есть, помимо идеи духовного самосовершенствования, подчеркивалась важность знания как такового. Это был этап, когда первоначальное, интуитивное обучение практически заканчивалось, и требовалось обучение более конкретное.

Толкуя притчу, ученику говорили, что последний испытываемый просто знал, что змея не ядовита, и поэтому проявлял такое спокойствие, и объясняли, что спокойствие знания гораздо благоприятнее и комфортабельнее для человека, чем спокойствие за счет психической саморегуляции, поскольку для достижения этого состояния требуется затратить значительные усилия. Знание облегчает человеку жизнь и освещает его путь.

На следующем этапе обучения снова толковали ту же притчу, в очередной раз ставя все с ног на голову, и в этот раз говорили о том, что в клан был принят убежавший ученик, и что этот ученик оказался наиболее ценным для Воинов Жизни.

Новое толкование объясняло, что официально принятый ученик не всегда становился членом клана, и что прием в клан на самом деле не может быть связан с какими-то внешними испытаниями, что человека отбирают заранее мудрые учителя клана, и отбирают они только того, кто им нравится и кто им нужен.

Убежавший ученик оказывается не трусом, а человеком, который был заранее принят и предупрежден о том, как он должен себя вести. Этот ученик перешагнул через свою гордость, публично покрыв себя позором, но потом он пришел в скрытую обитель и стал со временем тайным воином клана, «воином ночи», человеком, о котором знали только посвященные клана, или, как их называли, Хранители Знания.

Воины ночи были наиболее всесторонне подготовлены в воинских искусствах и составляли, если можно так выразиться, тайную полицию клана, выполняя самые ответственные поручения Хранителя Знания. Четыре или пять воинов ночи составляли так называемую «руку» Хранителя Знания. По традиции создавались несколько «рук», члены которых были незнакомы друг с другом, и две-три «руки», состоящие из воинов, знающих друг друга. «Руки» или объединения «рук» использовались для

проведения тайных операций клана, и, несмотря на свою малочисленность, отряд «воинов ночи» мог по эффективности превзойти иногда целую армию за счет своего высочайшего профессионализма.

Далее в ходе толкования притчи выяснялось, что и все остальные, не прошедшие испытания ученики были приняты в клан, поскольку каждый человек может приносить пользу клану, если правильно использовать его склонности и обучать его в подходящем для него направлении.

Так, юноша, убивший змею, стал воином (но не Воином Жизни, а воином смерти, служащим клану потому, что этот путь соответствовал его внутренней склонности), для других испытуемых были предложены другие пути.

Этим ученикам «скармливались» ложные знания, поскольку они не могли вкусить истинных знаний и на самом деле не хотели этого.

Разговаривая с учениками, заставляя их толковать притчи самостоятельно, играя в вопросы и ответы, Учителя клана узнавали возможности и желания ученика и направляли его на один из ложных путей – путь воина, путь купца, путь отшельника или другие.

Ложных путей было множество, с различными специализациями, как, например, путь пищи.

Человек, идущий по пути воина, использовался кланом именно как воин, как человек смерти. Ему давали шансы стать Воином Жизни, но если ученик один за другим отвергал эти шансы, то верные своему принципу духовного ненасилия даже во благо человеку Учителя клана не заставляли его следовать по чуждому для него пути жизни. Если человек хотел стать героем, воином и защищать клан или выполнять какие-то его задачи, даже не будучи знакомым с тайными доктринами и глубиной учения Воинов Жизни, ему предоставлялась такая возможность. Путь воина был исключительно напряженным, трудным и полным опасностей. Воин всегда был настороже, всегда готов к атаке, он подвергал свое тело повышенным нагрузкам и испытаниям и в любой момент был готов встретиться с опасностью лицом к лицу.

Тот, кто следовал по пути купца, учился общаться с людьми, организовывать свое дело, зарабатывать деньги. Члены клана, ставшие на путь купца, со временем становились очень богатыми людьми и поддерживали клан материально, но они не были истинными последователями Воинов Жизни.

Любой из учеников, получавших истинные знания, сначала один или несколько раз проходил по кругам ложных знаний – по путям воина, купца, целителя, отшельника и т. д. – прежде, чем доходил до одной из самых почетных ступеней в клане – до уровня Хранителя Знания.

Хранители Знания уходили в мир и там набирали себе учеников на совершенно новых территориях и в новых условиях, создавая очередную ветвь клана.

Но элиту клана составляли люди, перешедшие на следующие пути – от второго до девятого. Эти люди, достигнув наиболее высокого уровня самосовершенствования, подготавливали Хранителей Знания и осуществляли основную философскую задачу клана – достижение счастья и абсолютного бессмертия.

Толкователи притч представляли собой отдельную группу воинов, но зачастую функцию толкователя притч брали на себя обычные Учителя.

– Расскажи мне еще какую-нибудь притчу, – попросил я. – И еще я хотел спросить, что такое путь пищи. Нечто вроде «кулинарного техникума»?

Кореец засмеялся.

– Похоже, тебе здорово хочется есть. Из всего, что я рассказывал, путь пищи заинтересовал тебя больше всего.

Я запротестовал было, но тут же понял, что действительно очень голоден.

– Ладно, раз уж тебе так хочется поговорить о пище, я расскажу тебе притчу о манерах и еде.

Мудрую Свинью спросили:

– Почему во время еды ты становишься в пищу ногами?

– Я люблю ощущать еду не только ртом, но и телом, – ответила Мудрая Свинья. – Когда я, насыщаясь, ощущаю прикосновение пищи к ногам, то получаю от этого двойное удовольствие.

– А как же быть с манерами, присущими достойному воспитанию?

– Манеры предназначены для окружающих, а удовольствие – для себя. Если основа удовольствия исходит от моей природы, то само удовольствие приносит пользу, – объяснила Мудрая Свинья.

– Но ведь и манеры приносят пользу!

– Когда манеры приносят мне больше пользы, чем удовольствия, я не ставлю ноги в еду, – гордо ответила Свинья и ушла по своим делам.

Как ты истолкуешь эту притчу?

– Смысл очевиден, – сказал я. – Нужно следовать своей природе, даже когда это противоречит общепринятым правилам поведения в случае, если это приносит тебе пользу, и поступать наоборот, если ущерб от следования своей природе превышает выгоду. Здесь говорится о преимуществе здравого смысла и свободного выбора над слепым следованием общепринятым догмам, зачастую глупым и бессмысленным.

– Это лежит на поверхности. Какое еще толкование ты можешь предложить?

Я задумался, но ничего достаточно разумного мне в голову не приходило.

Голос Учителя вывел меня из размышлений.

– Привычку Мудрой Свиньи ставить ноги в еду можно трактовать и более глубоко. Она так поступала не только для того, чтобы получить удовольствие, но и потому, что процесс поглощения пищи был для нее медитацией с целью осознания «Вкуса плода с Дерева Жизни», что в данном контексте означает – осознание полного вкуса пищи.

Воины Жизни учились каждый предмет и явление постигать со всех сторон. Они изучали предметы и явления снаружи и изнутри, их форму и их суть, тактильно и визуально, через все известные органы чувств и через чувства, которым у современной науки еще нет названия, интуитивно проникая в их истинную сущность.

Люди пищи, следующие по пути пищи, занимались совершенствованием различных методик и систем питания тела и духа и учились получать удовольствие от так называемого «всестороннего питания», всестороннего осознания мира. Они были хранителями медитативных методик постижения «Вкуса плода с Дерева Жизни».

По теории питания Воинов Жизни, которая называлась «поедание плода», питание человека

включает в себя не только собственно пищу и воду, но и вдыхаемый воздух, и всевозможные раздражители внешнего мира, воздействующие на человека и на его органы чувств.

Люди пищи учились наслаждаться физической нагрузкой, воспринимать восемь стихий, ощущать красоту мира, любоваться миром и питаться им.

Общение – это тоже пища, и, следуя по пути пищи, Воины Жизни доводят искусство общения до совершенства.

Постижение Знания, в том числе и воинского искусства, также является пищей, причем самой изысканной из всех, которые тебе когда-либо доводилось вкушать...

Глава 3

Печать судьбы и внутренняя сила

– Помнишь, ты как-то сказал, что я отмечен печатью судьбы, – спросил я. – Тогда ты не захотел объяснить мне, что это значит. Может быть, объяснишь сейчас?

– Объяснить-то я могу, но вряд ли ты поймешь, что это такое, – сказал Ли. – Печать судьбы нужно чувствовать, и нужно уметь пользоваться удачей, которая дарована тебе, так, чтобы не только твоя судьба влияла на тебя, но и ты влиял на свою судьбу, примерно так, как это сделал даос в притче, которую я тебе расскажу. Это притча о даосе и судьбе.

Один даос всем говорил, что может повлиять на свою судьбу. Услышала про это его судьба и явилась к нему в образе старухи с мешком.

– В этом мешке, – сказала старуха, – вся твоя жизнь, а я – твоя судьба. Ответь, как ты можешь повлиять на меня, если я предопределяю дорогу твоей жизни?

Недолго думая, даос схватил старуху, ударил ее по голове палкой, отобрал мешок и пошел своей дорогой.

Верно говорят Спокойные:

– Всегда найдется и третье решение.

Кто теперь не поверит даосу, если тот скажет, что повлиял на свою судьбу?

Учитель посмотрел на меня с ехидной усмешкой, ожидая вопроса.

– Что такое третье решение? – спросил я.

– Третье решение – это наиболее верное решение, то есть «ни да, ни нет».

– Но это же ничего не объясняет.

– Я и не говорю, что европейцу можно что-то объяснить.

– А китайцу можно объяснить все? – обиделся я.

– В нынешнем Китае гораздо больше европейцев, чем в Европе. Европейец – это состояние ума, а не географическая принадлежность. Человеческая глупость не имеет границ, но в Китае, как и в Европе, иногда встречаются люди, которым можно многое объяснить.

– В притче ничего не говорится о печати судьбы. Что же это такое? – спросил я.

– Человек, отмеченный печатью судьбы, – торжественно произнес Учитель, – это не

тот человек, к которому благоволит случай, а тот, который хватается судьбу за волосы.

– Что это значит?

– Печать судьбы – это наличие некой внутренней силы, позволяющей человеку свободно следовать своему интуитивному началу. Таким образом, печать судьбы дает понять, что отмеченный ею человек обладает способностью делать правильный выбор, даже не имея полноценной информации для принятия логического решения. Правильный выбор часто идет вразрез с логикой и здравым смыслом, он бывает рискованным, непредсказуемым и необъяснимым, поэтому он ассоциируется с образом, когда человек хватается свою судьбу за волосы и выигрывает, иногда ставя на карту свою жизнь.

Поскольку Воин Жизни никогда не станет рисковать своей жизнью без того, чтобы его вынудили к этому обстоятельства, он с помощью длительных упражнений развивает и совершенствует свой дар, и присущая ему от рождения внутренняя сила – его печать судьбы – превращается в мощное оружие, неподвластное логике и контролю. Внутренняя сила начинает время от времени вырываться наружу, формировать желания человека и оказывать влияние на его решения.

Внутренняя сила – это дар интуитивного выбора, который безошибочно ведет человека в нужном направлении даже помимо его воли. Но это только одно из проявлений внутренней силы. Есть много других форм ее проявления, связанных с мобилизацией физических ресурсов организма, с высвобождением неведомых ранее самому человеку сил, которые вы, европейцы, иногда называете сверхспособностями, и с концентрацией их на исключительно высоком уровне для достижения тех или иных целей.

Внутренняя сила имеет как духовные, так и чисто физические грани. Развитая интуиция – это одна из духовных граней. Ты учишься прислушиваться к направляющему голосу внутри тебя и абсолютно расслабленно, не терзаясь сомнениями и страхом, принимаешь решение, которое оказывается единственно правильным, даже если принять его было трудно с точки зрения логики и морали.

Глава 4

Плод с дерева жизни

Во время одной из наших последующих встреч я попросил Учителя подробнее рассказать, что такое Дерево Жизни, плод с Дерева Жизни и аромат плода.

– Дерево Жизни – это сама жизнь во всех ее проявлениях, – сказал он. – Воины Жизни понимают под Деревом Жизни еще и правильную жизнь человека, вооруженного знаниями и сохраняющего истинную картину мира, то есть видящего мир в целом. Жизнь обычных людей можно охарактеризовать поговоркой, что они «за деревьями не видят леса». Воин Жизни видит и деревья, и то, что находится внутри деревьев, и весь лес целиком, сохраняя все это в своем сознании, даже если он сидит у подножия дерева с завязанными глазами и лишь с помощью рук может ощущать шероховатость и теплоту коры.

Плод с Дерева Жизни – это твоя жизнь. Если Дерево Жизни олицетворяет жизнь вообще, всю землю и все мироздание в целом со всеми его катаклизмами, явлениями и проявлениями, то плод с Дерева Жизни – это собственно твоя жизнь. Более того, это не просто твоя жизнь, а некий континуум времени, в течение которого ты живешь и поедаете плод, со всеми твоими удачами и неудачами, навыками, впечатлениями и многим другим. Это же включает твою подготовленность к этой жизни, твои знания и идеологию и много чего еще, то есть плод с Дерева Жизни – это процесс твоей жизни, а искусство поедания плода сводится к искусству жить, к искусству самой жизни.

Ты сам поедаете плод своей собственной жизни. Здесь присутствует символ самопоглощения,

напоминающий древний символ змеи, кусающей собственный хвост и образующей при этом кольцо, символизирующее вечность. Такой трактовкой Воины Жизни отождествляют плод с Деревя Жизни с символом вечности, и искусство поедания плода одновременно становится искусством сохранения, накопления и созидания плода. Иначе говоря, поедая плод, ты не просто уничтожаешь что-то и выбрасываешь, а как бы многократно пропускаешь себя через себя, видоизменяешь и совершенствуешь его, придавая ему совершенно иное, новое качество.

Аромат плода – это воздействие на окружающих с той или иной целью, той или иной информацией о себе или о клане, или о чем-то еще. Существуют специальные приемы распространения аромата плода для достижения нужного тебе эффекта воздействия на окружающих.

Аромат плода может сводиться к передаче информации о тебе другими людьми нужным тебе людям, к той информации, которая создается вокруг тебя в твоём ближайшем окружении со всеми частными мнениями знающих тебя людей, со всеми возможными сплетнями и пересудами. Все это – аромат плода, который ты распространяешь вокруг себя. Часто бывает, что несколько скандальный аромат, резкий необычный запах на грани эпатажа может оказаться более привлекательным для определенных групп интересующихся тобой людей, чем просто постоянный, равномерный, неяркий, пусть даже приятный аромат.

В общении, как и во всем остальном, Воины Жизни выбирают срединный путь, оставаясь нейтральными в своих внутренних проявлениях, но создавая вокруг себя аромат, который может трактоваться как в одну, так и в другую сторону. Воин Жизни подает себя, не раскрывая своих истинных намерений и чувств, так, как ему выгодно, создавая впечатление достоинств или недостатков, каких-то мелких привычек или страстей. Любое качество человека может оказаться как недостатком, так и достоинством, как химическое соединение одновременно бывает и ядом, и лекарством – все зависит от меры применения или проявления и от ситуации.

– То, что ты говоришь, очень интересно, – сказал я, – но это только теория, общие слова. Ты мог бы показать мне практическое применение теории аромата плода в общении с людьми?

– Конечно, – сказал Ли. – Начнем прямо сейчас. Для начала мы опробуем аромат твоего плода на женщинах. Я пойду немного поодаль от тебя, чтобы мой аромат не примешивался к твоему и не влиял на результаты. Постарайся передать встречным женщинам посыл теплых чувств, исходящих от тебя.

– Как это сделать?

– Подумай сам.

Ли жестом указал мне идти вперед и, чуть задержавшись, последовал за мной. Я вспомнил все, что читал о внушении и гипнозе, и, сконцентрировав всю свою волю, прямо и твердо взглянул в глаза первой встретившейся мне женщины, пытаюсь передать ей мой внутренний посыл.

Женщина, видимо, ошарашенная моими выпученными глазами, слегка вздрогнула и ускорила шаг. На двух следующих я произвел не лучшее впечатление.

Взрыв хохота заставил меня обернуться. Ли быстрым шагом приближался ко мне, держась за живот и не переставая хохотать.

– Да не смотри ты на них, как голодный удав на курицу, – отсмеявшись, сказал он. – Так ты всех женщин распугаешь. Разве ты не знаешь, что прямой взгляд в глаза у незнакомых людей ассоциируется с агрессией? Ты же не в транс ее хочешь вогнать, а передать ей теплые чувства. Разве ты сейчас испытываешь теплые чувства? Ты собран и напряжен. Расслабься, ощути себя легким и счастливым и вырази это,

может быть, мимолетным взглядом, улыбкой, но не делай это нарочитым или искусственным. Счастье и тихая радость должны окутывать тебя невидимым облаком, незаметно переливаясь в тех, кто приближается к тебе. Ты можешь даже не смотреть на женщину, а просто пройти мимо, но пусть на твоих губах играет загадочная улыбка. Ты должен светиться изнутри. Иди вперед и попробуй еще раз.

Раньше я в качестве медитативного упражнения учился вызывать ощущение счастья и тихой радости. Учитель говорил, что привязкой для этих чувств является внутренняя улыбка. Нужно было успокоиться, полностью расслабить мышцы лица, а потом, не раздвигая мышечным усилием уголки губ, представить, что они слегка приподнимаются и губы складываются в легкую улыбку, подобную той, которую изображают на статуях Будды. Ощущение легкого подъема уголков губ вызывает ассоциативную реакцию тихой радости и спокойствия, и создать нужное медитативное состояние становится гораздо легче.

Ли объяснил, что такая улыбка является еще и великолепным методом контакта с людьми, которым ты не хочешь открывать свои намерения, и намерения которых ты хочешь понять. Нейтральное, доброжелательно-спокойное выражение лица не отражает никаких твоих чувств. Собеседник, лишенный мимической информации, подсознательно проецирует свои чувства на тебя, читая в твоём лице отражение своего состояния, и его лицо меняется в соответствии с его представлением о твоей оценке. Так, если человек уверен в себе, он будет считать, что ты одобряешь его, выражая это одобрение своей улыбкой; неуверенный же собеседник может прочесть на твоём лице презрение и насмешку и соответственно мимически отреагировать.

Я снова пошел вперед и с помощью внутренней улыбки вызвал ощущение счастья, легкости бытия и радости жизни, потом добавил чувствам интенсивности, представив, что счастье переполняет меня и перехлестывает через край, излучаясь в пространство весельем и любовью к окружающим.

Краем глаза я заметил у встречной женщины реакцию удивления, смешанного с восторгом и каким-то внутренним непониманием происходящего. Ее реакция окрылила меня. Я, казалось, парил над землей на волне затопивших меня положительных эмоций. Девушка лет двадцати остановилась, заглянув мне в глаза. Мне показалось, что она хочет заговорить, но я прошел мимо, поражаясь произведенному эффекту. С каждой минутой упражнение нравилось мне все больше и больше, и я всерьез задумался о его практической пользе. К сожалению, на следующем перекрестке Ли прервал мою эйфорию, положив руку мне на затылок.

– Слушай, мне понравилось! – восторженно сообщил я.

– Не сомневаюсь. Но слишком жестоко часто пользоваться этим приемом, демонстрируя обычным людям, как счастлив может быть человек. Нельзя так издеваться над гражданами твоего города. Они тебе этого не простят.

Ли, как всегда, говорил полушутя-полусерьезно, но я понял, что в этом есть определенный смысл. Я уже успел убедиться на личном опыте, что нередко чужое счастье вызывает у людей зависть и негативную реакцию.

– Пожалуй, ты прав, – согласился я.

– Еще бы. Только глупец может дразнить своим счастьем окружающих. Если хочешь, чтобы люди тебя любили, ты должен быть глупее их, слабее и менее удачлив, но при этом вызывать их интерес или быть им полезным. Конечно, на некоторых женщин это не распространяется, но ты уже, наверно, знаешь, что жалость порой бывает сильнее, чем любовь.

Есть древняя притча о том, как богатый вельможа со свитой во время охоты разорил поле бедного крестьянина и спросил, чем он может возместить ущерб.

– Не мог бы ты, сиятельный, вытоптать поля моего соседа? – склонившись в глубоком поклоне, спросил крестьянин.

Я расхохотался.

– Я слышал современный вариант этой притчи, – сказал я. – Только там вместо вельможи корабль пришельцев из космоса при приземлении задавил козу крестьянина, и тот попросил в качестве компенсации приземлиться еще раз на корову соседа.

– Вот видишь, люди не меняются, несмотря на технический прогресс, – торжествующе изрек Ли. – Теперь измени настроение, демонстрируя людям другую крайность. Попробуй показать окружающим, как тебе плохо.

Я попытался вызвать самые негативные чувства, которые только мог представить, и вскоре погрузился в бездонную пучину тоски и безысходности. Мои мышцы, казалось, потеряли всякую силу, взгляд затуманился, я брел, как в полусне, не разбирая дороги.

Неожиданно я почувствовал, как на мое плечо опустилась чья-то участливая рука. Я поднял взгляд, полный отчаяния, и увидел перед собой доброе лицо пожилого мужчины.

– Не расстраивайтесь вы так, молодой человек, – сказал он. – Все перемелется, все будет хорошо.

Я, со слезами на глазах, взял двумя руками его руку, прижал ее к своему сердцу и произнес, преданно глядя в его лицо:

– Спасибо, отец. Огромное вам спасибо.

Я был искренне благодарен ему не только за то, что он захотел меня поддержать, но и потому, что он, сам того не ведая, оценил мое искусство.

Вспомнив об уроках Учителя, когда он, избавляя меня от стеснительности, заставлял меня целовать руки всем подряд, знакомым и незнакомым, я поцеловал мужчине руку. Между нами проскочила какая-то искра. Пожилой человек весь зажегся изнутри. Мы разделяли ни с чем не сравнимый восторг взаимопонимания и благодарности, молчаливого общения, возникшего между нами. Я пошел по улице уже с гордо поднятой головой, словно его поддержка влила в меня новые силы, и я вновь обрел смысл жизни, столкнувшись с добрым человеком, готовым прийти на помощь незнакомцу.

– Это была сцена, достойная Шекспира, – радостно прокомментировал Ли на следующем перекрестке. – Знаешь, ты мог бы стать неплохим актером. Главное, что твои молодость и невинность заставляют тебя быть совершенно искренним в своих эмоциональных проявлениях.

– Но этот человек действительно добрый и хотел помочь мне, – заметил я. – За это я искренне благодарен ему.

– Есть побуждения и проявления, – сказал Учитель. – Ты реагируешь на проявления, не понимая побуждений, и это уводит тебя в сторону, не позволяя видеть картину в целом. Ты позволил этому мужчине проявить свои лучшие качества и насладиться собой и своей властью над твоим духом. Он тоже видел не побуждение, а проявление, поэтому такие люди, как он, беззащитны и легко попадают в лапы мошенников, страдая из-за своей доверчивости, но то, что они есть среди нас, облагораживает окружающее общество, даже если их побуждения и не кристально чисты.

В качестве следующего задания Ли предложил мне войти в магазин, расположенный на одной из тихих улочек сразу за мостом через Салгир, и попросить у продавщицы 10 рублей, причем попросить так искренне, чтобы мне просто невозможно было отказать.

Хотя я и сомневался, что мне удастся выпросить такую сумму, но уже вошел во вкус и, глядя на молодую продавщицу ясным, открытым и честным взглядом, попросил одолжить мне на полчаса 10 рублей, поскольку мне срочно надо купить одну вещь и это необычайно важно для меня, а деньги я обязательно верну...

Даже не спросив, что я собираюсь покупать, продавщица взяла из кассы 10 рублей и отдала их мне. Мне это показалось маленьким чудом, и я понял, что так получилось именно из-за моего умения передать аромат честного, хорошего человека с прямым и искренним взглядом в глаза.

Конечно, через некоторое время я принес деньги обратно.

– А теперь, – сказал Ли, – попробуй попросить денег в следующем магазине, но так, чтобы тебе их не дали.

– Но ведь это элементарно, – возразил я. – То, что мне дали деньги, – это просто чудо.

– Это не чудо, а искусство, – отрезал Учитель. – В этот раз ты должен создать образ человека, которому изначально никто не поверит. Для этого ты сам должен чувствовать, что обманываешь. Я наблюдал через витрину, как ты разговаривал с продавщицей. Ты был абсолютно искренним, ты весь светился в ожидании услуги, которую она может оказать тебе. Казалось, ты вообще не верил в то, что тебе могут отказать. Ты смотрел в глаза, не отводя взгляда, твое лицо было расслабленным и светлым, а взгляд нежным и почти любящим. Теперь посмотри на меня.

Ли втянул голову в плечи и стал просить у меня 10 рублей, все время отводя взгляд в сторону и пытаясь не встречаться со мной глазами. Я увидел перед собой совершенно мерзкого чужого человека, лживость которого была так очевидна, что вызвала отвращение. От общения с ним возникало чувство, что меня вываливают в грязь, что у меня просит деньги человек, для которого не существует ничего святого, мошенник, который ненавидит меня, но пытается льстить, чтобы выманить несколько рублей.

– Ну, ты даешь! – восхитился я.

– Видишь, как много значит выражение лица, поза, поворот головы. Ты обратил внимание, что я стоял, слегка повернувшись, словно отгораживаясь от тебя плечом? Я стоял так, словно ожидал, что ты меня ударишь. Я отводил глаза, как будто боялся, что ты заметишь ложь в моем взгляде.

В следующем магазине я повторил маневры Ли и был тут же изгнан оттуда с позором.

Учитель показал мне множество поз и жестов, передающих окружающим информацию на невербальном уровне, объясняя, что они означают и как их применять, чтобы вызвать у людей ту или иную реакцию.

– Подавляющее большинство населения, – объяснил Ли, – не владеет искусством передавать нужную им информацию жестами, взглядом, ощущениями, настроением и эмоциями. То, что ты говоришь, – всего лишь слова, но то, как ты подаешь себя во время разговора, и есть аромат плода, исходящий от тебя.

По мере обучения аромат плода становился для меня все более реальным и осязаемым. Я научился классифицировать ароматы других людей и на основе этой классификации предсказывать их поведение и реакции. Учитель говорил, что обычный человек имеет устойчивый аромат, слегка изменяющийся в процессе его жизни, но Воин Жизни меняет свой аромат, когда захочет и как захочет, поэтому он недоступен для обычного понимания и непредсказуем.

– Сейчас ты попробуешь внутренне притягивать и отталкивать людей, – сказал Ли.

– Как это делать?

– Просто встань на углу. Для того чтобы отталкивать людей, представь, что от тебя исходит могучая сила, распространяющаяся во все стороны. Твое лицо должно быть жестким, ты чувствуешь почти наркотическое перевозбуждение, в тебе кипит злоба на весь мир, но лицо застыло, как каменное, пытаешься сдержать внутренний напор. Ощущение звериной силы и агрессивности будет отпугивать от тебя людей.

Я встал на углу и начал моделировать ощущение силы, растекающейся во все стороны, а также нетерпения и агрессивности, зажатых внутри под большим давлением. Мое лицо окаменело, и я, чуть сдвинув брови, бросал на проходящих мимо людей жесткие взгляды, пристально разглядывая их. К моему удивлению, я заметил, как прохожие старались пройти как можно дальше от меня и жались к самой кромке тротуара. Несколько человек, неожиданно изменив траекторию движения, перешли через дорогу, хотя я просто стоял, молча и не делая никаких движений, и даже не смотрел на них. Видимо, исходящая от меня агрессивность действительно отпугивала людей.

Совершенно неожиданной оказалась для меня реакция старушки, которая вдруг, потрясая зонтиком, правда, на достаточно безопасном расстоянии, начала кричать, глядя на меня, что-то про бандитов, которые заполонили улицы наших чудесных курортных городов, и про родную милицию, которая, как всегда, неизвестно куда смотрит.

На следующем перекрестке я учился притягивать людей. Я стоял, расслабленный и благожелательный, лучась добротой и счастьем. Меня просто атаковали десятки прохожих, спрашивая о чем-нибудь. Один старичок-алкоголик прицепился ко мне, как репей, не столько стремясь стрельнуть денег на выпивку, сколько для того, чтобы поделиться со мной своей горькой участью, неприятностями с дочкой и прочими житейскими проблемами. Я, продолжая играть свою роль, терпеливо выслушивал его долгое, запутанное повествование, памятуя об инструкциях, которые давал мне Учитель.

– Ты должен уметь выслушивать людей внимательно, терпеливо и благожелательно, – говорил он, – уметь, когда хочешь, завязать разговор с любым человеком и, если нужно, выйти из разговора. Для этого необходима практика. Никогда не проявляй признаки нетерпения, выслушивая человека. Если же ты хочешь прекратить разговор, ты должен в зависимости от ситуации выбрать или приличную, или агрессивную форму выхода из разговора. Иногда достаточно, даже не взглянув на человека, внутренне передать ему ощущение агрессии, чтобы дать понять, что разговор закончен, и заставить его первым прекратить общение. Но, выбирая агрессивный вариант выхода из разговора, ты всегда должен помнить о будущем, понимая, что этот человек еще может пригодиться тебе в какой-либо ситуации, может стать твоим врагом или другом. Поскольку один из принципов Воинов Жизни – не создавать себе врагов, я обычно пользуюсь приличной формой выхода из разговора, если это мне позволяют обстоятельства.

Любопытной была реакция моих знакомых, когда я, не упоминая о Ли, рассказывал им о шоу-даосской теории общения. Обычно они реагировали со страхом и резко негативной оценкой. Больше всего почему-то раздражались женщины, обвиняя меня в неискренности и нечестной игре с их чувствами.

Я пытался объяснить, что все люди непроизвольно играют и притворяются не теми, кто они есть на самом деле, поскольку нас с детства учили врать и подавлять свои самые естественные чувства и эмоции. Я говорил, что игра – это неотъемлемый элемент и в то же время издержки общения, что от этого никуда не деться, и поэтому естественно и нормально понимать механизмы человеческого общения и использовать их в своих целях.

К сожалению, пытаюсь убедить в чем-то, что ей не нравится, даже умную женщину,

все равно что плевать против ветра, и я лишний раз удостоверился, насколько прав был Ли, утверждая, что говорить человеку чуждую и неприятную для него правду – преступление против себя самого, против правды и против того человека.

Я понял, что лучше не рассказывать другим людям о механизме упражнений с ароматом плода. Они принимали эту информацию слишком близко к сердцу, замыкались в себе и начинали анализировать каждое твоё слово и жест, чувствуя себя препарированными лягушками, участниками какого-то оскорбительного для них психологического эксперимента. Я относился ко всему гораздо проще и спокойнее, и воспринимал тренировки с ароматом плода только в качестве интересного упражнения, без опасений, подозрения или неприятия.

Хотя я и не пытался «играть» со своими знакомыми и вел себя, как всегда, естественно, доброжелательно и честно, они все равно в течение долгого времени продолжали меня подозревать в каких-то тайных замыслах и воображали меня монстром, манипулирующим их мыслями и чувствами. Меня расстраивала тотальная психологическая безграмотность нашего населения и абсолютное нежелание воспринять какие-то элементарные основы общения, и я сказал об этом Ли.

– Не печалься о них, лучше радуйся за себя, – спокойно ответил он. – Знание дает силу, но оно же делает тебя одиноким, поскольку только равный тебе может понять тебя. По мере обучения ты все дальше будешь уходить от людей в своих чувствах и сознании, но наука общения позволит тебе с легкостью понимать и предсказывать их поступки и получать наслаждение от контактов с людьми, поскольку на своем пути Воин Жизни всегда выбирает радость, а не печаль.

– А как ты сам относишься к человечеству? – спросил я.

– Если говорить правду о моем отношении к человечеству, я отношусь к нему со смешанным чувством восхищения, жалости и отвращения, – задумчиво произнес Учитель. – История человечества – это в основном история глупости и жестокости. Слишком мало в ней светлых и мудрых страниц. Я испытываю жалость к глупцам и отвращение к жестоким. Но это не выраженные чувства. Это – всего лишь неярко выраженный эмоциональный фон моего отношения к человечеству в целом. К каждому же конкретному человеку я отношусь с подобающим уважением, поскольку он – такая же загадка природы, как ты, я, земля или вселенная.

Я уже говорил тебе, что для Воинов Жизни существует незыблемое правило: «проявляй уважение к тем, кто достоин его, ибо в этом нет ничего постыдного; проявляй уважение к тем, кто жаждет его, ибо в этом нет ничего трудного; проявляй уважение к тем, кто недостоин его, если это тебе позволят обстоятельства, ибо в каждом есть что-то достойное уважения».

– В чем же проявляется уважение к человеку, когда ты заставляешь меня, например, распугивать людей на улицах или обманывать их, выпрашивая у них деньги? – спросил я.

– Ты путаешь внутреннее уважение и внешние проявления уважения, – объяснил Ли. – Воины Жизни всегда сохраняют внутреннее уважение к человеку, даже в ситуации, когда обстоятельства не позволяют проявлять внешнее уважение. Ты учишься, но учишься ты не тому, как презирать, унижать или обманывать невинных граждан. Ты изучаешь механизмы человеческого поведения, и поскольку научиться можно только через практику, ты действуешь, сохраняя внутреннее уважение к человеку в тех случаях, когда внешнее проявление уважения невозможно.

Во время одной из наших последующих встреч, когда мы беседовали о «Вкусе плода с Дерева Жизни», методиках поедания плода и общении, Ли заметил, что я куда-то тороплюсь, но не говорю об этом, и внутренне разрываюсь между желанием пообщаться с ним и успеть на назначенное свидание. Учитель внимательно посмотрел на меня со своей обычной ехидной усмешкой и неожиданно заявил:

– Да успеешь ты к своей дылде круглолицей.

– Ты что, следишь за мной? – оторопел я.

– Нет, я просто читаю у тебя в мозгу, – с невинным видом сообщил Ли.

– Тогда прочти еще что-нибудь.

Он с явным удовольствием начал описывать дом, в который я прихожу, его обстановку, и как я с ужасом жду каждый раз появления родителей своей подружки.

– Мне кажется, что ее отец – какой-то важный чиновник, – сказал он, мимикой и голосом подражая профессиональным гадалкам. – Точно, он служит в правоохранительных органах и, возможно, имеет чин офицера. Мать девушки очень строгая и бесконечно любит свою дочь.

Учитель начал в мельчайших деталях описывать обстановку прихожей.

– Так вот ты заходишь, заходишь, заходишь, – повторял он, внимательно глядя на меня. – Прямо перед тобой вешалка, влево и вправо уходят двери, снизу с левой стороны подставка для обуви. Туда ты ставишь свои ботинки...

Ли говорил и говорил.

Как я узнал впоследствии, суть этого упражнения заключалась в том, что Учитель извлекал информацию из моего подсознания не только телепатически, но и визуально, втягивая меня своим рассказом в воспоминания о ситуациях и наблюдая за моими мимолетными идеомоторными реакциями, к которым он был исключительно чувствителен. Подрагивания век, глаз, незаметные движения моих рук позволяли ему еще точнее воспроизводить и описывать образы, возникающие в моей памяти.

Ли рассказывал об одной из моих подружек, к которой в то время я испытывал самые теплые чувства. Он все угадал совершенно точно. Девушка была дочерью полковника милиции. Она была высокого роста и, как Ли пошутил, соответствовала мне по размеру.

Меня привлекали ее доброта и нежность, я был действительно влюблен, но понимал, что проза жизни сильнее моих чувств, и не хотел обрекать ее и себя на тяготы совместного существования, хотя, конечно, самым решающим фактором в наших отношениях было то, что я никогда бы не смог пожертвовать Учением и следованием по пути Воинов Жизни ради зарождающейся любви.

Учитель прервал мои размышления, продолжив свой рассказ. Его взгляд расфокусировался и был направлен слегка в стороны и в никуда. Ли пересказывал наши разговоры, то, чем мы занимались, включая такие интимные подробности, что я полностью отбросил мысль о том, что он узнал это, следя за мной. Он описал даже вкус украинского борща, который моя подруга сварила с такой любовью, и то, как она кормила меня.

– Да, – заметил Учитель, причмокивая губами. – Ты не дурак поесть. Если бы меня так кормили, я бы тоже, может быть, увлекся женщиной больших размеров.

Он несколько раз с блаженным выражением лица втянул носом воздух.

– Ух ты, какой аромат исходит от этого украинского борща! – воскликнул он.

– Ли, как ты делаешь это? – спросил я.

– Очень просто. Я расслабляюсь и, зацепившись за какой-либо образ, возникший в твоём мозгу, раскручиваю всю картину. Главное – правильно начать и почувствовать,

что ты находишься на нужной волне, и тогда можно рассказать очень многое о людях, знакомых и незнакомых. Важную роль в этом процессе играет взгляд. Глаза должны быть слегка расфокусированы, чтобы окружающий мир потерял четкость очертаний, со слегка прикрытыми веками. Направив взгляд вдаль, сосредоточься на тех образах, которые проплывают перед твоим внутренним взором или просто возникают у тебя в мозгу. Настройся на меня и попробуй ухватить мое настроение.

Ли уже и раньше передавал мне специфические состояния, которые очень трудно описать словами. Это было так называемое «бессловесное обучение», когда ученик настраивается на внутреннее состояние Учителя, как бы сливаясь с ним.

Я расслабился, попытался мысленно слиться с Ли и действительно уловил мимолетное ощущение некой отстраненности от окружающего мира, легкой взвешенности сознания, когда образы, поначалу расплывчатые, а потом более четкие начинают проплывать передо мной. Я даже услышал тихий голос, словно нашептывающий мне в уши комментарии к возникающим образам.

– Кажется, ты понял, как это делается, – сказал Ли. – Остается только попробовать на практике.

Глава 5

Искусство быть невидимым

Был праздничный день. Утром мы с Ли выехали в лес, чтобы потренироваться, а ближе к вечеру вернулись в город и вышли на улицу Пушкина, гуляя и разговаривая среди празднично одетой толпы. Вдруг Ли сказал:

– Взгляни на толпу. Ты не замечаешь ничего необычного?

Я вспомнил, как Ли учил меня оценивать ситуацию в любом ее проявлении. Он говорил, что нужно уметь абстрагироваться, отстраниться от ситуации и увидеть ее целиком, а не только отдельные ее составляющие.

Я постарался остановить мысли и оценки, окидывая толпу скольльзящим рассеянным взглядом, чтобы даже не увидеть, а, скорее, почувствовать в ней какие-то отклонения от нормы. Но все выглядело естественно и спокойно, не было никаких группировок или течений в толпе, выделяющихся чем-то необычным.

Некоторое время я сканировал толпу взглядом и вдруг почувствовал что-то особенное и в то же время знакомое в двух людях, которые шли на некотором расстоянии от нас по противоположному тротуару. Они двигались спиной к нам, не оглядываясь. Я не мог видеть их лица, но от них исходило странное ощущение определенного очарования. Они показались мне тенями, отстраненными от всего мира. Я подумал, что такой человек смог бы пройти мимо разбушевавшейся компании хулиганов, выбирающих себе жертву, и не привлечь их внимания, поскольку он был настолько замкнут на себе, сосредоточен, захвачен каким-то делом и так целенаправленно следовал по своему никому не ведомому пути, что создавалось впечатление, что, присутствуя здесь, он не присутствует вообще.

Я указал на них Учителю и сказал:

– Эти двое не похожи на всех остальных. Мне кажется, что они выделяются из толпы, но в то же время они настолько смешаны с ней, что, выделяясь, они остаются незаметными.

– Надо же, ты заговорил почти как настоящий Спокойный, – удивился Ли. – Ты почувствовал, что они выделяются, не выделяясь, но твоей интуиции не хватило на то, чтобы понять, что ты уже встречался с ними раньше.

– Когда?

– Ты наблюдал их тренировку на Чатырдаге. Сейчас они снова тренируются, и на этот раз их задание – быть незаметными в толпе.

– Но они же заметны. Я ведь заметил, что они не такие, как все.

– Для тебя – да, они заметны. Но только потому, что ты похож на них и следуешь по тому же пути. Но для того, кого они преследуют, они незаметны, поскольку умеют растворяться в толпе.

– Они следят за кем-то?

– Да.

Ли указал мне на мужчину, находящегося далеко впереди.

– Этот человек тоже идет по пути воина, но двоих, которые следят за ним, он не знает. Ему дали задание пройти в определенное время по определенным улицам, но он не подозревает, что за ним должны будут следить. Конечно, иногда преследователи совершают ошибки, и тогда их можно заметить. Мне известен их маршрут. Мы пойдем за ними, и ты сможешь стать свидетелем того, как они работают.

На Пушкинской было много народу, и корейцы могли двигаться почти открыто. Иногда они разделялись. Я увидел, как один из них совершенно естественным образом подошел к компании незнакомых ему людей и присоединился к ней так, что со стороны казалось, что он принимает участие в беседе, и в то же время компания не обращала на него никакого внимания. Потом он незаметно шагнул в сторону и снова устремился за кем-то.

Мы свернули на боковую улицу, снова свернули. Улицы становились все более безлюдными. Я поразился, насколько искусно ребята пользуются элементами местности, скрываясь в подворотнях, за всевозможными укрытиями, как они ловко, отстраненно и профессионально следят издали, как сокращают расстояние, как, следуя по параллельной улице, ведут наблюдение из-за домов, как незаметно опережают объект слежки, поджидая его в каких-то пунктах, как обмениваются знаками.

Впоследствии мне удалось освоить некоторые современные способы слежки, и тем большее восхищение вызывало у меня после этого средневековое шпионское искусство. Корейцы то как молнии проносились бегом по какому-то участку, застывая в удобном для наблюдения месте, то сближались и изображали мирно беседующую пару. При этом они периодически менялись одеждой, то снимали, то надевали куртки, иногда выворачивали их наизнанку, снимали и одевали разные головные уборы. Мы смогли проследить за всем этим только потому, что Учитель знал маршрут их передвижения и, периодически сокращая путь или выбирая удобное для наблюдения место, демонстрировал мне их виртуозную работу.

– Умение быть невидимым – одно из упражнений воина, – сказал Ли. – Эти упражнения достаточно трудны, но тот, кто следует по пути воина, должен уметь выслеживать и маскироваться.

Скоро задание у этих двоих поменяется, и они начнут следить за чужими. Наблюдение за чужими людьми выполняется обычно каждый день в течение месяца, после чего тренировки по следованию за объектом прекращаются и проводятся для поддержания навыка один раз в месяц. Конечно, основные приемы передвижений и уловок отрабатываются заранее среди других похожих упражнений, но уже не связанных со слежкой. Это и упражнения по маскировке, и различные боевые техники, но база технических элементов у слежки и смежных упражнений одна и та же.

Ли указал мне на мужчину, приблизившегося к корейцам, за которыми мы наблюдали,

и объяснил, что этот человек сейчас дает им новое задание.

Некоторое время корейцы следили за нарядом милиции, курсирующим по городу. Это было совсем нетрудно. Милиционеры, занятые своими разговорами, казалось, ни на что не обращали внимания.

Я разочарованно заметил, что это – задание для детей.

Ли усмехнулся.

– Дальше будет гораздо интереснее, – сказал он. – Скоро задание снова поменяется.

– Что они будут делать?

– Увидишь.

Двое прекратили слежку за милицией и спокойно пошли по улице, направляясь к велотреку. Они притаились за домом недалеко от входа на него. На улице почти никого не было. Судя по всему, ребята знали расписание движения патрульных машин милиции. Несколько минут спустя одна из милицейских машин подъехала к воротам и остановилась. Милиционеры вышли из машины, один из них пошел на велотрек, а другой остановился у ограды, вероятно, поджидая товарища.

Мы с Учителем стояли за деревьями на противоположной стороне улицы.

– А теперь смотри внимательно, – сказал Ли. – Одному из учеников дано задание подобраться сзади к милиционеру, вытащить у него из кобуры пистолет, а потом положить пистолет на место и уйти так, чтобы милиционер ничего не заметил.

Я подумал, что это похоже на фантастику.

Милиционер, который стоял у ворот, сначала следил за передвижениями своего напарника, а потом уставился на ограду велотрека, словно увидел там что-то интересное. Я заметил, как от угла дома, где притаились корейцы, оторвался один из них и, с невероятной скоростью преодолев на полусогнутых ногах расстояние до милицейской машины, присел за ней. Он бежал совершенно бесшумно, сохраняя положения центра тяжести на одном уровне и перекачиваясь с пятки на носок. Милиционер ничего не заметил.

Переждав несколько мгновений за машиной и, видимо, почувствовав, что в ближайшее время милиционер не собирается поворачиваться, кореец встал и направился к нему мягкими неслышными шагами. Казалось, он парил над землей, от него веяло спокойствием и безмятежностью. Когда до милиционера оставалось два-три метра, он присел и перешел в низкую стойку на две головы ниже своего роста. Тут я впервые увидел знаменитое упражнение тени, которым так гордятся ниндзя. Парень скользнул, буквально стелясь по земле, и мне показалось, что он, как тень, прилип к ногам милиционера со стороны спины.

Милиционер оглянулся и повернулся в сторону, сменив положение. Кореец беззвучно перемещался за его спиной синхронно с движениями его головы и туловища так, чтобы все время находиться вне поля зрения. Выждав момент, когда милиционер перестал двигаться, кореец осторожно вынул из его кобуры какой-то предмет и, подержав его в руках, положил обратно. Потом, пробежав несколько метров в низкой стойке, он выпрямился и медленно вразвалочку пошел вдоль ограды. Милиционер до сих пор так и не взглянул на него. Одним прыжком парень перемахнул через решетку велотрека и исчез. Я подумал, что он, наверно, сразу залег за ней, чтобы не привлекать внимание.

– Больше ничего интересного мы не увидим, – сказал Ли, и мы направились к центру города.

Через несколько дней Учитель, посмеиваясь, рассказал мне, что ученику, который должен был вынуть пистолет из кобуры милиционера, засчитали выполнение упражнения, несмотря на то что вместо табельного оружия он вынул и положил обратно в кобуру... соленый огурец в полиэтиленовом пакете.

– Это было похоже на чудо, – сказал я. – Если бы я не увидел своими глазами, я бы просто не поверил, что такое возможно.

– Тут нет ничего сложного, – возразил Ли. – Все решает только хорошая техника. В этом упражнении главное – это контроль за дыханием, за звуками, производимыми твоим телом и одеждой, и, самое главное – контроль за настроением и органами чувств человека, к которому ты приближаешься вплотную. От тебя не должно исходить никаких запахов, ты должен уметь дышать глубоко и бесшумно. Для этого существует специальный вид дыхания. Так как упражнение выполняется в очень низкой стойке, ты испытываешь большую физическую нагрузку, и если ты будешь дышать только через нос или только через рот, шум дыхания будет слышен. Секрет в том, чтобы широко раскрыть горло, напрягая особым образом внутренние мышцы горла, щек и носа.

В своих ощущениях ты как бы сливаешься в одно целое с объектом, чтобы чувствовать каждое его движение и поворачиваться вместе с ним в ту или в иную сторону. Твое тело должно плавно перетекать из одной позиции в другую, как тень повторяя его движения. Нога ставится определенным образом в зависимости от вида почвы, но самое главное – ты должен постоянно отслеживать положение внешних уголков его глаз, не видя, но чувствуя их. Необходимо все время оставаться вне поля его зрения, даже если он повернет голову и посмотрит назад. Если он оглянется назад, твоя задача – присесть так низко и прижаться к нему так близко, чтобы ни одна из частей твоего тела не попала в поле его зрения.

Для тебя будет почти невозможно выполнять это упражнение с людьми среднего и ниже среднего роста – для этого ты слишком большой, но с людьми твоей комплекции ты сможешь проделывать его без труда. Имей в виду – если ты долго не практиковал это упражнение, хотя умел выполнять его раньше, требуется около полугода для того, чтобы восстановить навык.

– Если полгода требуется только для восстановления навыка, сколько же времени нужно для освоения упражнения? – спросил я.

– Это упражнение изучают не отдельно, а в комплексе боевого искусства. Все зависит, конечно, от конституции и физического состояния обучаемого. Технику «катящийся камушек» ты осваиваешь уже сейчас, низкие позиции у тебя получаются достаточно хорошо, ты умеешь застыть в неподвижности. Твой недостаток – это относительно слабые ноги. Впоследствии это может оказаться препятствием в твоём дальнейшем совершенствовании, и освоение некоторых техник отнимет у тебя больше времени.

Ли начал обучать меня необходимым навыкам слежки – бесшумному дыханию, чиханию, кашлянию и даже отплевыванию естественных надобностей. Он щекотал перышком глубоко у меня в носу, заставляя меня подавлять желание чихнуть. Для этого нужно было при первом позыве к чиханию сосредоточиться на глубоком выдохе, после чего задержать дыхание, чуть напрягая мышцы шеи и отводя уголки рта в стороны и вниз. Желательно было прикрыть лицо скомканной материей, ни в коем случае не зажимая нос. Если же материи не было под рукой, следовало поднести сложенную лодочкой ладонь к носу и ко рту и, широко разинув рот, позволить спазму чихания разрядиться. Отсутствие воздуха под ладонью делало чихание практически беззвучным.

Та же самая техника годилась и для кашля, но Ли дополнительно обучил меня специфическому способу отрыжки, применяемой в случае, когда, например, першило в горле или когда нужно было выкашлять мокроту из горла или отрыгнуть что-либо, а потом проглотить. Учитель показал мне, как бесшумно выпускают газы, раздвигая руками

ягодицы и одновременно разными способами уничтожая неприятный запах. Он научил меня уловкам, убирающим запах тела и амуниции. Я узнал, как избавляться от желания откашляться или чихнуть одновременным нажатием на ряд точек, а также другими способами.

Долгие часы я посвящал бесшумным передвижениям и особой тренировке стопы, когда различные ее части должны были в определенной последовательности ставиться на почву или опору.

Я учился держаться и перемещаться так, чтобы мое тело казалось то большим и внушительным, то маленьким и незаметным. Ли объяснил, что мой вид оказывает большое психологическое воздействие на противника или окружающих людей. Когда в человеке чувствуется определенный тонус, его плечи расправлены и расслаблены, грудь держится высоко, это создает впечатление превосходства и подавляет противника, если же нужно казаться незаметным в толпе, лучше не демонстрировать свой тонус, рост, силу и агрессивность и двигаться со слегка опущенными плечами, как бы уходя вниз в землю. Проходя мимо, не следовало встречаться взглядом с людьми из толпы или с объектом слежки, а также пристально смотреть на них, поскольку многие люди чувствуют посторонний взгляд и отрицательно на него реагируют.

Ли научил меня присоединяться к компаниям на улице, сливаясь с ними так, словно я к ним принадлежал, а потом незаметно исчезать. Чтобы войти в контакт с кем-либо, я должен был заранее выбрать образ, в котором собирался предстать, и в зависимости от образа определенным образом переместить энергию организма.

Если мне нужно было в разговоре настоять на своем и выглядеть уверенным в себе, я вызывал ощущение легкости плеч и перемещал ци в энергетический центр, который я ощущал в виде продолговатого диска, слегка смещенного к спине, нижняя часть которого захватывала солнечное сплетение, а верхняя часть кончалась у межключичной ямки.

В случае, когда я должен был выглядеть слегка «пришибленным» и просить о чем-то собеседника, я опускал энергию в область нижнего дань-тяня, формируя энергетический диск от пупка до корня полового члена. Ли заставлял меня общаться с людьми, навязывая им свою волю и вызывая те или иные эмоции только с помощью перемещения энергии, без обычных для Спокойных трюков, и, к моему удивлению, это срабатывало.

Как-то в перерыве между упражнениями я спросил:

– Ли, ты обучаешь меня такому количеству шпионских уловок. Мне всегда казалось, что шпионаж в первую очередь связан с политикой. Преследует ли клан Спокойных какие-либо политические цели?

– Во-первых, я обучаю тебя средневековому искусству незаметности, а не современной разведке, во-вторых, нет ничего более отвратительного, чем политика, – резко ответил он. – Политика распространяется вовне. Она воздействует на людей, на окружающий мир и всегда связана с духовным, а подчас и с физическим насилием. Клан Спокойных отличается от других кланов, причастных к политике, в первую очередь тем, что его влияние распространяется внутрь, а не наружу. Спокойные заняты своими проблемами, и их образ жизни не приводит ни к духовному, ни к физическому насилию, что сплошь и рядом случается в этом мире, когда политические и экономические интересы объединяются ради достижения могущества и богатства, которые составляют две стороны одной монеты. Ради этих целей жертвуют не только чужими, но и своими жизнями. Это не отвечает традициям Воинов Жизни.

– Мне кажется, в этом мире клан не может существовать, замкнувшись на себе, не распространяя своего влияния наружу, – возразил я. – Для нормальной жизни членам клана необходимы деньги и свобода, а свобода – почти синоним власти. Ты говорил мне, что Спокойные умеют зарабатывать деньги, и я сам убедился, сколь совершенно

их воинское искусство. Может ли такой могучий клан быть в стороне от всего внешнего? Насколько мне известно, все более или менее могущественные тайные кланы за рубежом рано или поздно перерождаются в мафию.

– Ты путаешь цели и средства. Для мафиозных кланов цель – это богатство и власть, а учение, доктрины и традиции – лишь средство удержать и приумножить власть и богатство. Все зависит от идей, которые заложены в основу учения клана.

– Ли, но ты же сам говорил, что любые идеи, любое учение можно трактовать так, что оно будет использоваться в угоду обогащения и усиления власти группы людей, его проповедующих.

– Это верно. Но Воины Жизни не извращают своих идей. Они могли бы стать одной из могущественнейших организаций, если бы деньги или власть стали их целью, но их цель – счастье, свобода, самосовершенствование и бессмертие. Свою силу они используют только для ответа на агрессию, и тут в ход идут все средства. Главное для клана Спокойных – проблема людей. Тут, как говорится, «кадры решают все». Мы отбираем людей, имеющих светлые помыслы и добрую душу. Не думай, что мне легко было найти и выбрать тебя, европейца, вместо того чтобы воспользоваться сотнями других желающих стать моими учениками.

Вопрос, почему Ли сделал меня своим учеником, все время не давал мне покоя, несмотря на его сказку об оплате сыном долга отца. Я подумал, что, может быть, теперь сумею получить ответ на это, и спросил:

– Ли, по каким критериям Спокойные отбирают учеников? По каким критериям ты выбрал меня?

– Таких критериев очень много. Учитель должен хотеть учить ученика, а ученик должен хотеть учиться. Только тогда жажды Учителя и ученика будут удовлетворены. Но еще более важно, чтобы ученик хотел учиться именно тому, чему его хочет научить Учитель, поскольку одно и то же знание можно получать с разными целями и использовать его по-разному. Кроме того, ученик должен контролироваться Учителем. Учитель обязан знать об ученике больше, чем о самом себе, в том числе и о его внутренних возможностях, жаждах и пристрастиях. Таким образом, Учитель будет охранен от предательства ученика, от его ошибок и, в случае чего, сможет обезопасить клан от последствий действий ученика, сняв таким образом с себя ответственность за неудачу. За учеником надо наблюдать, как за врагом, и уметь нейтрализовать любые его осознанные или неосознанные нежелательные для клана поступки.

От подобной откровенности мне стало как-то не по себе.

– Ли, неужели к ученику действительно надо относиться как к врагу?

– Да, до тех пор, пока он не стал тебе сыном.

– А как ты относишься ко мне – как к сыну или как к врагу?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Это достаточно интимный вопрос, чтобы на него было легко ответить. Подожди, придет время и ты узнаешь, что ты значишь для меня, и что я значу для тебя.

– Ты очень много для меня значишь, – сказал я.

– Ты так думаешь, но ты даже представить себе не можешь, как много я значу для тебя на самом деле, – Учитель улыбнулся весьма двусмысленно, и я не смог понять, какой подтекст он вкладывает в эту фразу, но мне очень хотелось, чтобы этот подтекст был благоприятным для меня.

– Ученик, – продолжал Ли, – должен подходить под учение, как ножны под клинок,

для которого они созданы. Ученик представляет собой форму, которую можно заполнить, но которую крайне трудно изменить. Есть ученики, имеющие форму воина, отшельника, знахаря или Хранителя Знания. Хранителя Знания отыскать труднее всего. Принцип духовного ненасилия заключается в том, чтобы заполнить форму ученика тем, что он сам желает получить и к чему он предназначен, делая это так, чтобы ученик, получив знания, не мог принести вреда ни себе, ни окружающим.

– О каком вреде ты говоришь?

– Это глупый вопрос. Подумай, и ты сам сможешь на него ответить.

– Я не так выразился. Меня интересует, как ученик может принести вред клану. Я, например, из всех членов клана Спокойных знаю только тебя, но мне неизвестно даже, где ты живешь и как можно тебя отыскать. Ты всегда находишь меня сам. Как же я могу причинить вред клану?

– Видишь, как плохо, когда твои мысли опережают слова, когда ты думаешь об одном, а спрашиваешь о другом. Но, по правде говоря, твой второй вопрос еще глупее, чем первый. Надеюсь, ты не ждешь, что я буду учить тебя, как можно принести вред клану?

Глядя на мое лицо, Ли расхохотался.

– Ладно, не будем об этом говорить. А как мне выбирать учеников для себя, если возникнет такая необходимость?

– Ты научишься этому после того, как мы пройдем основной курс обучения.

– Тогда давай еще немного поговорим о политике. Неужели клан Спокойных ни разу за все время своего существования не вмешивался в политические интриги?

– Я понимаю, почему тебя так заботит политика. То, что тебя беспокоит на самом деле, – это твое будущее. Ты хочешь стать офицером КГБ, и в глубине души ты тревожишься о своей карьере, боясь, что политические взгляды клана Спокойных разрушат твои мечты. Запомни, что Воины Жизни никогда не вмешиваются в политику, не участвуют в политической деятельности. Это учение ради учения, оно направлено лишь на сохранение и выживание людей, которые выходят за рамки человеческого бытия. Оно направлено на гармоничное развитие личностей, которые умеют управлять жизнью и учат других управлять жизнью.

Естественно, что клан будет себя защищать. Естественно, что люди, познавшие «Вкус плода с Дерева Жизни», не захотят с ним расстаться, но они будут действовать только в случае, если агрессия общества будет направлена непосредственно на них, только ради того, чтобы спасти свою жизнь. Точно так же любой член клана должен уметь защищаться и выживать. Еще рано говорить о целях клана, о смысле постижения знаний, но когда-нибудь ты об этом узнаешь.

Могу сказать тебе только одно – если когда-нибудь ты изберешь карьеру офицера госбезопасности, знания Спокойных не только не помешают тебе, но и не раз пригодятся. Не нужно мечтать о том, чего ты не знаешь, и бояться того, что еще не случилось. То, что ты уже имеешь, имеют немногие, и даже эта маленькая толика знаний изменяет тебя, заставляя по-другому относиться к себе, к миру и к общественным ценностям. То, что ты умеешь, никогда не покинет тебя, поскольку ты сам этого не захочешь.

Глава 6

Выбор напарника

Страница

Тренировки становились все сложнее и интенсивнее. По мере углубления в тонкости рукопашного боя Спокойных я все сильнее чувствовал нужду в партнере моего уровня для отработки и совершенствования техники. Ли слишком превосходил меня и, несмотря на то, что мы тренировались почти каждый день, я испытывал настоящую потребность спарринговаться и отрабатывать приемы с кем-то, находящимся на моем уровне. Конечно, некоторые элементы техники Шоу-Дао я показывал своим друзьям и ученикам, не говоря, откуда я это знаю, но тренироваться с ними на достаточно серьезном уровне было сложно.

Я несколько раз просил Ли разрешить мне найти напарника, чтобы заниматься вместе с ним. Учитель обычно уходил от ответа, но однажды он неожиданно согласился со мной и сказал, что хороший напарник гораздо важнее, чем родители, не говоря уже о жене.

– Именно с напарником ты движешься к совершенству, поэтому от напарника очень многое зависит, – сказал он. – Проблема заключается в том, что там, где ты живешь, очень трудно найти еще одного человека твоего уровня. Конечно, ты должен иметь напарника, но нам придется выбрать такого, который помог бы тебе стать человеком-деревом, не преследуя никаких личных целей и довольствуясь лишь тем, что ему перепадает.

– Это выглядит не очень справедливо по отношению к нему, – возразил я. – Естественно, что у него будут свои цели в изучении искусства Спокойных.

– При выращивании дерева, – сказал Ли, – семена погибают. При совершенствовании Хранителя Знания погибает прежняя личность Хранителя Знания. Так стоит ли тебе переживать о другом, который и так добьется предела своих желаний и подойдет к пределу своих возможностей?

Учитель предложил мне выбрать несколько кандидатов в напарники и, не объясняя основной причины, в разное время назначить им свидания около кинотеатра «Спартак».

Я встретился с Учителем на улице Пушкина незадолго до появления первого кандидата. Мы зашли в магазин напротив кинотеатра, и Ли принялся педантично примерять шляпы и прочие головные уборы, представленные в магазине.

Я смотрел через витрину, ожидая появления моего первого товарища. Учитель объяснил, что если человек не прошел специального обучения, его характер проще всего прочитать по лицу в момент, когда этот человек кого-то ждет.

Наконец появился К. Я вышел из магазина, подошел к нему, поговорил о каких-то пустяках. Я провел его перед окнами магазина, потом, под предлогом, что мне захотелось зайти в кафе, повернул обратно, снова пройдя мимо витрины. Мы выпили сок в какой-то забегаловке, что-то съели, я проводил его немного и простился, сославшись на неотложные дела.

Убедившись, что второй возможный напарник еще не появился, я зашел в магазин и спросил у Учителя, что он думает по поводу К.

– Это человек огня, – сказал Ли. – Он никогда не остывает, он всегда горит. У него настолько огненная воля, что он может испепелить всех, кто вступит с ним в близкие отношения, и даже не заметит этого. Этот человек не сможет идти по Пути Спокойствия. На какое-то короткое время он способен быть верным другом, но он не может быть хорошим партнером в твоём обучении, тем более что у него непомерная жажда самоутверждения, сильная воля и жесткая, всепоглощающая целеустремленность.

Даже если он будет чему-то следовать, он и в этом следовании не станет принимать то, что ему дают, и свернет на ложный путь, который ему покажется лучшим. Это человек, признающий только быстрые результаты. Он не терпит долгой работы над самосозиданием. Его интересуют лишь мгновенные достижения.

Потом пришел некто Д. Он мне не особенно нравился, хотя дрался неплохо. Я его позвал скорее для проверки, поскольку мне было очень интересно узнать о нем мнение Ли.

– Этот человек – как лодка в океане, привязанная к кораблю, – сказал Учитель. – С той лишь разницей, что, увидев корабль большего размера, лодка самостоятельно бросит своего первого спутника и начнет следовать за другим. Этот человек очень скрытный, себе на уме, но внутри у него прячется раб. Он жаждет подчинения и ищет себе господина, но, как раб, он лжив и коварен. Поэтому, с одной стороны, он будет следовать за господином до тех пор, пока тот будет наказывать его палкой, и чем более жестоким будет господин, тем сильнее будет привязанность раба, но при первой же возможности он поменяет господина, если кто-то другой окажется более сильным и жестоким.

Потом я встретился с П., который, как и я, был студентом сельхозинститута и некоторое время тренировался со мной.

Ли сказал:

– Этот человек интересуется боевым искусством как красивым цветком. Его не затронул сок, идущий от корней этого цветка. Он не способен стать частью цветка. Он может лишь походя сорвать его, вдохнуть его аромат и восхититься, чтобы тут же отбросить в сторону и забыть. Нам с тобой нужен человек, который будет питаться соком и станет частью растения, станет его стеблем.

– Раз ты начал сравнивать учение с цветком, что ты сможешь сказать в той же манере про следующего кандидата? – спросил я.

– Этот человек тоже интересуется боевым искусством, – сказал Учитель после того, как я попрощался с очередным приятелем, – но он пытается создать свой стиль. Он работает только для себя, и в этом он похож на толстого жадного шмеля, который, полетав над цветком, напьется соку и улетит, оставив цветок иссушенным. Конечно, и шмеля можно использовать в дальнейшем для расширения славы учения подобно тому, как шмель переносит пыльцу с цветка на цветок, но этот человек не годится для того, чтобы помочь цветку окончательно распуститься и созреть. Для тебя он будет бесполезен.

Очередного кандидата Ли отмел, объяснив, что этот человек очень тщеславен и слишком любит одеваться.

– Он может быть другом, даже верным другом европейца, но последователь Спокойных его в друзья не взял бы, – сказал Учитель.

К концу дня, наконец, появился Славик.

– Этот парень может стать стеблем, поддерживающим цветок, – сказал Ли. – В данном случае под цветком я подразумеваю Хранителя Знания, то есть тебя. Поддерживая цветок, будучи хорошим стеблем, он выполнит свое предназначение, тем более что он не рвется в лидеры, его интересует суть учения и сам процесс обучения. У твоего друга двоякая воля – горячая снаружи и ослабленная, холодная внутри. Этот ученик годится для тебя, но это не мой ученик. В то же время как стебель для цветка, он будет достаточно хорош.

Будущее показало, что Ли не ошибся в оценке Славика. Будучи великолепно подготовленным физически, Славик достиг больших успехов в изучении боевых искусств, но духовная сторона учения прошла мимо него, не сумев трансформировать его волю и дух в соответствии с учением Спокойных. После того как мы расстались с Ли, он некоторое время не мог найти свое место в жизни, сформировать устойчивое самосознание. Он начал выпивать, потом, желая хотя бы физически быть ближе к Востоку, уехал на Камчатку, где стал

рыбаком. На долгие годы я потерял его из виду...

Я понял, что Ли согласился сделать Славика моим напарником, и предложил:

– Может быть, я попробую его догнать или схожу к нему домой, чтобы позвать его и вас познакомиться?

– Настанет день, когда ты его приведешь, и он сам со мной познакомится, – сказал Учитель.

Глава 7

Медитация воспоминаний

Я шел по улице Пушкина, когда меня остановила симпатичная девушка. Очень смущаясь, она объяснила, что какой-то парень попросил ее передать мне записку.

– Какой парень? – поинтересовался я.

– Понятия не имею, – ответила девушка. – Я его никогда раньше не видела. Сначала я подумала, что он сумасшедший, но он сказал, что скоро вы пройдете по этой улице, и описал вас. Он так просил, что я подумала, что это очень важно. Он всунул мне в руку записку и ушел. Я решила, что это розыгрыш, но потом увидела вас и сразу узнала по росту и заплаткам на штанах.

Тут она густо покраснела и протянула мне свернутую бумажку.

Я взял записку, поблагодарил и попытался пригласить ее на свидание, но девушка была так смущена ситуацией, что, неожиданно перейдя на визг, она закричала:

– Что вам еще от меня нужно? – и убежала.

Я развернул записку и прочитал: «Приходи на скалу». Подписи не было, но и без нее я догадался, что записку написал Ли. Было в этом почерке что-то необычное, что напомнило мне непредсказуемую личность Учителя.

Под «скалой» Ли подразумевал Неаполь Скифский. Наскоро перекусив, я побежал туда. Я обыскал весь Неаполь, но Учителя так и не встретил. Вечерело. Я остановился на краю обрыва, любясь панорамой города, раскинувшегося внизу. Спокойствие и мягкость теплого крымского вечера отразились на моем настроении. Я созерцал город, наслаждаясь красотой пейзажа, когда мне на затылок мягко легла чья-то рука. Я сразу понял, что это была рука Учителя, – он часто приветствовал меня таким образом.

После изучения упражнений по аутодвижениям я начал автоматически реагировать на неожиданные прикосновения к моему телу или резкие движения в моем направлении, иногда отвечая на них серией ударов прежде, чем понимал, что происходит. Рукой, положенной мне на затылок, Ли предупреждал, что это он, гася мою возможную агрессивную реакцию.

– Сегодня мы поговорим о памяти, – сказал он и спросил: – О чем ты сейчас думаешь?

Я ответил, что ни о чем особенном не думаю, просто люблю окрестностями.

– Много ли моментов, подобных этому, ты можешь вспомнить, и насколько подробно ты помнишь их? – спросил Ли.

Я начал вспоминать и пересказывать свои воспоминания. Подобных моментов в моей жизни было очень много. С детства я очень любил природу, ходил с отцом в походы,

на охоту, на рыбалку, и мне всегда нравилось созерцать горы, море, лес, закаты или туман.

Учитель остановил меня и спросил:

– Много ли праздников ты помнишь? Как ты проводил их?

Я рассказал о том, как встретил последний Новый год. Ли требовал вспоминать все детали до мельчайших подробностей. Я описал другие праздники, вспоминая друзей, девушек, как они были одеты, какие-то интересные события. Учитель внимательно слушал, иногда задавая вопросы или подбрасывая какую-нибудь новую тему для разговора.

Постепенно мои воспоминания становились ярче и детальнее. Я начал вспоминать вкус блюд, ощущая его во рту, я вдыхал запах курительных палочек, чувствовал на своей коже нежные прикосновения женских рук и вкус поцелуев. Воспоминания обретали форму и плоть, становясь реальными, словно время повернуло вспять, и я вновь вернулся в события прошлого, испытывая те же эмоции и переживания.

Эффект оказался совершенно неожиданным для меня. Мне показалось, что сейчас я переживаю лучшие минуты моей жизни за многие месяцы. Меня захлестывало ощущение праздничного настроения, эмоционального подъема, предвкушение удовольствий и сюрпризов. Я чувствовал себя удовлетворенным и счастливым и с удивлением сказал об этом Ли.

– Я очень рад, что мне не придется объяснять тебе, что такое медитация воспоминаний, – произнес он и пошел к спуску с Неаполя Скифского.

Я молча последовал за Учителем, продолжая воспроизводить в памяти другие события, поддерживая в себе эмоциональный настрой медитации воспоминаний. Мы шли уже по набережной Салгира, когда я спросил:

– Для чего нужна медитация воспоминаний?

– Она позволяет тебе восстановить нить жизни, а нить жизни – это основа основ человека-дерева, – ответил Ли.

– Как можно восстановить нить жизни? Ведь человек не может помнить всю свою жизнь целиком.

– Человек помнит всю свою жизнь, все, что с ним когда-либо происходило, но его нужно научить вспоминать то, что важно и нужно для него, поскольку его тело и мозг лучше всего запоминают и поэтому легче могут воспроизводить только то, что кажется важным для них. Ты вспоминаешь в первую очередь те события, которые кажутся наиболее значительными твоему мозгу и твоему телу.

Противопоставление мозга, тела и личности человека уже не в первый раз всплывало в наших беседах. То в шутку, то всерьез объясняя мне разные аспекты учения, Ли заострял внимание на этом противопоставлении. Например, он говорил:

– Часто бывает так, что мозг хочет чего-то, а тело ему сопротивляется, поскольку ему не нравится напрягаться. Твой мозг желает, чтобы ты, как личность, был сильным, а значит, и обладал сильным телом, однако для этого нужно работать. Если тело отказывается работать, тебе важно, как личности, занять сторону мозга и дать приказание телу работать, или, если тело слишком измучено или слабо для того, чтобы работать, ты, как личность, должен занять сторону тела и погасить требования мозга.

Когда твое тело хочет есть, оно заставляет мозг искать выход из этого положения и достать еду. Если мозг помогает телу удовлетворить его потребность, и ему удается это сделать, человек чувствует себя умиротворенным. Но это лишь поверхностное

решение проблемы, поскольку мозг и тело часто хотят не того, что нужно и полезно человеку как личности, и удовлетворение желаний приносит человеку не пользу, а вред.

– Мне кажется, что выполнение моих желаний принесло бы мне только пользу, – сказал я.

– А ты уверен, что знаешь свои желания?

– Естественно, что я знаю, чего я хочу.

– Для человека вообще неестественно знать, чего он хочет, – заметил Учитель. – Человек только думает, что хочет чего-то, а на самом деле он часто мечтает о вещах совсем противоположных, даже не отдавая себе в этом отчета. Я расскажу тебе древнюю притчу Спокойных о сокровенных желаниях, и ты сможешь убедиться, что я прав.

Решил однажды голубой черт из Большой пещеры стать святым и прославиться добрыми делами. Надел на себя самые красивые одежды и разослал во все концы Поднебесной своих родственников и знакомых с вестью о том, что он берется исполнять самые сокровенные людские желания.

Скоро к пещере, где жил черт, потянулись вереницы людей, жаждущих получить обещанное.

Первым предстал перед чертом бедный крестьянин. Только хотел обратиться к нечистому со своей просьбой, как черт и говорит:

– Ступай домой. Твое желание исполнено.

Вернулся крестьянин домой, стал искать мешки с золотом и серебром, как вдруг видит – идет к его дому сосед, а на плечах у него вместо своей собственной – кабанья голова, глазами вращает да клыками щелкает. Ужаснулся крестьянин:

– Неужели у меня такие желания?

После крестьянина подошла к черту старая женщина, неся на спине мужчину с высохшими ногами. Положила его у ног черта и говорит:

– Исполни заветное желание моего сына. До конца жизни буду благодарна тебе.

Посмотрел черт на мужчину, а у того и руки отсохли.

Заплакала, заголосила старая женщина:

– Что ты наделал, проклятый!

А черт и говорит:

– Что же мне делать, если он с детства хотел, чтобы у него и руки отсохли, ведь тогда ты не сможешь заставлять его короба плести и кормить его будешь из своих рук.

Делать нечего. Взвалила мать сына на плечи и пустилась бегом из пещеры, пока сын еще чего-нибудь не пожелал.

Так и не стал черт святым. Недобрая слава о нем пошла, но в этом он сам виноват. Уж кто-кто, а черт должен бы знать, что самые сокровенные желания не всегда желанны бывают.

Как видишь, мой маленький брат, не всегда следует выполнять желания мозга или

тела. Самое трудное для личности – принять верное решение и в нужный момент встать на сторону мозга, чтобы подчинить тело, или встать на сторону тела, чтобы обуздать мозг, а может быть, найти третье решение и дать мозгу пищу, которая позволит ему в корне изменить свое мировоззрение.

Только личность может изменить мировоззрение мозга, поскольку вопросы, возникающие у личности, ее впечатления от внешнего мира воздействуют на работу мозга, заставляя его переосознавать то, что казалось ему незыблемыми правилами, переоценивать установки, удобно уложенные в нем в качестве готовых рецептов, установки, на которые он опирается, формируя свои задачи, выводы и оценки. Развивая свою личность, человек изменяет свое сознание и бытие, целенаправленно воздействуя на мозг и тело, и постепенно превращается в человека-дерево. Это превращение – одна из основ учения Спокойных.

– Что такое личность? – спросил я. – Чем она отличается от мозга и сознания человека?

– Это слишком сложная тема, чтобы говорить об этом сейчас, – ответил Ли. – Разные источники и разные учения определяют личность по-разному. Спокойные создали свою теорию личности, по которой личность разбивается на несколько составных частей типа «человека вообще», «человека в частности» и так далее. Но главное, что определяет личность человека-дерева, – это то, что трудно выразить словами и можно только почувствовать. Это – внутренняя сила. Сейчас я говорю о личности, мозге и теле для того, чтобы ты интуитивно научился понимать, что это, и разделять их функции и задачи.

– Как я понимаю, в идеале принятие правильных решений должно оставаться за личностью, – сказал я. – Но как можно быть уверенным, что твоя личность принимает правильные решения?

– Личность обычного человека принимает правильные решения только случайно. Для того чтобы принимать правильные решения, нужна правильная личность. А поскольку момента, когда мне удастся вправить мозги твоей личности, ждать еще долго, сейчас наиболее правильным решением для твоего европейского мозга будет не задавать глупых вопросов и не ловить кайф от бессмысленных, кажущихся тебе умными рассуждений.

Неожиданно Ли спросил:

– Что ты вообще помнишь о своей жизни?

Я немного подумал и ответил:

– Наверно, то же, что и обычный человек.

Еще в первую неделю нашего общения Ли приучил меня не делать категоричных заявлений, каждое из которых он встречал градом насмешек. Больше всего он издевался над речевыми штампами, и мне приходилось каждый раз думать, чтобы выбрать ответ, допускающий различные толкования.

– Ты не должен быть обычным человеком, – сказал Учитель. – Я направляю тебя по пути Воинов Жизни, и после того, как ты станешь воином, ты объединишь остальные пути и превратишься в «человека-дерево».

Я усмехнулся про себя. Хотя умом я понимал возвышенную суть образа «человека-дерева», сам образ всегда мне казался немного смешным.

– Знаешь, почему название «человек-дерево» всегда вызывает у тебя усмешку? – поинтересовался Ли, и сам ответил: – Ты не можешь избавиться в числе прочего от образа, заложенного в сознание вашего поколения песней Высоцкого:

Но если туп, как дерево, родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Ты должен освободиться от давления подобных мыслеобразов, от нелестных сравнений, поскольку в новом мыслеобразе, который будет заложен в тебе, «человек-дерево» – это человек совершенства, объединивший в себе силу четырех стихий для того, чтобы стать пятой. А теперь постарайся вспомнить самое яркое событие в своей жизни.

Я сказал, что самым ярким моментом была его демонстрация прыжков в день нашей первой встречи.

– Не нужно ничего описывать словами, – сказал Учитель. – Восстанови в памяти последовательность событий и свои ощущения.

Сделать это было совсем нетрудно. Я закрыл глаза, и в моем воображении начали возникать образы, сперва смутные, потом они стали приобретать более яркие очертания, перерастающие в ощущение реальности. Сначала я увидел яркую луну и вспомнил, как были обострены мои чувства перед показом. Потом в лунном свете возникла фигура Ли, и я услышал его хриплый изменившийся голос. Сцену его прыжков я прочувствовал так ярко, что, как и тогда, ощутил тошноту и головокружение. Мой желудок спазматически сжимался, я начал оседать на землю, почти теряя сознание.

– Хватит, хватит, – услышал я голос Ли.

Его руки подхватили меня, он надавил мне на точки под носом и на руках. Я почувствовал себя лучше, хотя голова все еще была тяжелой, а реакции – заторможенными.

– У тебя неплохо получается, – засмеялся он. – Теперь ты видишь область практического применения медитации воспоминаний. Чтобы очистить желудок, обычный человек засовывает два пальца в рот, а Воину Жизни для этого достаточно вспомнить некоторые моменты своего прошлого. Преимущества очевидны.

Учитель произнес эти слова с таким пафосом и торжественностью, что я поневоле расхохотался и полностью пришел в себя.

Медитация воспоминаний вошла в мою жизнь в виде каждодневных упражнений. Я вспоминал события минувшего дня, прокручивая в памяти все наиболее существенные моменты, потом вспоминал незначительные детали, например, как я чистил зубы, восстанавливая в мельчайших подробностях, на уровне движений, каким жестом я брал зубную щетку, с каким усилием и в каком месте надавливал на тюбик с зубной пастой, каким движением подносил щетку ко рту, вспоминал ощущение зубной пасты на деснах и все остальное.

Сначала такое детальное вспоминание давалось мне с трудом, но со временем у меня развилась и активизировалась своеобразная мышечная память, и стоило мне сосредоточиться на воспоминании о каком-либо действии, как мышцы начинали сокращаться и подергиваться на уровне идеомоторных движений, которые при более сильном сосредоточении переходили в аутодвижения.

Потом я вспоминал позавчерашний день и так далее, углубляясь в прошлое.

Ли сказал, что на первых фазах формирования ученика кроме умения детально восстанавливать в памяти реальные события следует научиться одной из разновидностей медитации воспоминаний, которая называется «воспоминание о том, чего не было». В этой медитации ученик реализует свои неосуществленные желания и мечты, что помогает ему нейтрализовать многие свои комплексы, избавиться от внутренней неудовлетворенности или от состояния фрустрации, связанного с невозможностью в

данный момент получить желаемое.

– Все люди с раннего детства в той или иной форме предаются мечтам, – объяснил Ли. – В учении Спокойных способность мечтать доводится до уровня искусства, когда мечта не пускается на самотек, а целенаправленно используется для достижения каких-то конкретных целей.

Медитация «воспоминания о том, чего не было», создает миф о событиях твоей жизни, которые никогда не происходили, но вспоминаются с реальностью и достоверностью подлинных событий, как бы становясь составной частью истории твоей жизни.

Например, если ученик боится высоты, он вспоминает, как когда-то он был альпинистом, создавая реальную картину несуществующих событий и в деталях воспроизводя, как он лазил по скалам, перебирался над пропастью по канату, смотрел вниз с вершины горы. Начинаются такие воображаемые воспоминания с небольших высот, чтобы страх не мешал выполнению упражнения. Постепенно высота увеличивается, и страх перед ней исчезает.

Если же страх высоты, несмотря ни на что, не проходит, можно вспомнить, как ты приходишь к даосскому мудрецу, и тот обучает тебя специальным упражнениям, помогающим преодолеть этот страх. В другом варианте он может дать тебе лекарство от страха или сделать что-то еще.

Медитация «воспоминания о том, чего не было», позволяет значительно сократить срок обучения. Избавиться от страха высоты можно и при помощи упражнений, выполняемых в реальной жизни, но на все попросту не хватает времени, а эта медитация одновременно позволяет организму ученика восстановить силы и закрепляет в его сознании необходимые навыки.

Медитации «воспоминания о том, чего не было» помогают избавиться от страха перед болью или перед поединком с несколькими сильными противниками, с их помощью можно решить целый ряд проблем, возникающих при общении с окружающими людьми. Эти медитации имеют еще много других применений. В них ты можешь исправлять ошибки прошлого и стирать чувство неловкости, вины или стыда, переживая ситуацию по-новому и не допуская прошлых ошибок.

Эту разновидность медитации можно использовать и для получения удовольствия, вплоть до высшей степени сексуального или религиозно-экстатического наслаждения, но здесь необходимы определенные ограничения и чувство меры, в противном случае существует риск поддаться искушению и начать подменять способность свободно ориентироваться в реальном мире призрачным существованием в стране грез.

Медитация «воспоминания о том, чего не было» также является инструментом для удовлетворения скрытых жад[2] организма (жажды славы, признания, любви). Удовлетворяя подавленные в силу каких-то причин естественные потребности организма, эта медитация снижает внутреннюю неудовлетворенность, питающую жажды, и ученик со временем перестает попадаться в ловушку собственных неконтролируемых эмоций и неосознанных желаний.

Одной из разновидностей медитации «воспоминания о том, чего не было» является медитация «воспоминания себя таким, каким ты никогда не был». Эту медитацию, в частности, используют в случае, когда у ученика не получается какое-то упражнение, и он детально вспоминает о том, как уже многократно выполнял его; или, желая сделать свое тело более красивым и сильным, ученик вспоминает себя в желаемом облике, что на уровне самовнушения способствует физическому совершенствованию.

Обычно я выполнял медитацию «воспоминания о том, чего не было», перед сном, и воображаемые события переходили в сны, которые стали невероятно яркими и реальными. Следующим шагом от этой медитации было обучение ученика во сне, когда

«воспоминания о том, чего не было» или какие-то техники Шоу-Дао выполнялись в управляемых сновидениях.

Близкой по типу к медитациям «воспоминания о том, чего не было» является омолаживающая медитация. Спокойные, достигнув определенного возраста, практиковали ее для общего омоложения организма.

Начинается эта медитация с полного расслабления. Затем следует представление о том, что тебя с большой силой тянет назад, и ты проваливаешься, но не в пространстве, а во времени, проносясь сквозь время и возвращаясь к моменту, когда тебе было 18–20 лет.

В медитативном процессе «падения сквозь время» необходимо почувствовать, как полностью омолаживается весь организм, как мышцы наливаются ощущением молодости и силы, а кожа становится свежей, гладкой и упругой. При регулярном выполнении этого упражнения ощущение двадцатилетнего возраста на подсознательном уровне переносится в реальную жизнь, что оказывает соответствующий омолаживающий эффект.

В плане обучения рукопашному бою медитация воспоминаний была исключительно полезна при мысленном воспроизведении фрагментов боев и тренировок. Обычно после каждой тренировки в лесополосе Ли заставлял Славику и меня восстанавливать в памяти все новые элементы, которые он нам показывал, вспоминать в мельчайших деталях, как он сам выполнял упражнение. Таким образом Учитель как бы все время находился рядом с нами. Со временем я научился в любой момент с легкостью воспроизводить его образ.

Воспоминания движений вызывали подрагивания и сокращения соответствующих мышц, которыми мы как бы дополнительно конспектировали показанный урок. Медитативное воспроизведение тренировок реализовывалось и ночью в очень ярких сновидениях, и у меня подергивались конечности, имитируя удары.

Наяву воображаемые движения с легкостью переходили в аутодвижения. Для входа в состояние аутодвижений я расслаблялся и мысленно воспроизводил соответствующий мыслеобраз. Тело начинало двигаться само по себе с удивительной легкостью, без физического ощущения движения. Мне оставалось лишь отстраненно наблюдать за происходящим. Этот вид аутодвижений был программируемым и управляемым. Также мы практиковали неконтролируемые, спонтанные аутодвижения, но они вызывались другими типами упражнений – более близкими к цигун.

Воспоминание и мысленное воспроизведение урока существенно ускоряло обучение. Мне было достаточно несколько раз увидеть движение в исполнении Ли и воспроизвести его в паре со Славиком, чтобы иметь возможность навсегда закрепить его в памяти посредством медитации воспоминаний.

Однажды, когда мы тренировались в лесополосе, Учитель сказал:

– Пришло время получить еще одну «снежинку, падающую с неба» (в Шоу-Дао так называют новую для ученика часть знания). Вы уже достигли определенного уровня в контроле над мышцами, в повторении движений – физическом и мысленном, но главное, чему вы научились, – это не только видеть движение глазами и слышать ушами производимый движением звук, но и воспринимать и чувствовать движение всем телом. Теперь я покажу вам, как мысленным представлением движения можно управлять человеком.

Ли велел Славику встать и расслабиться.

– Сейчас я дам тебе ключ, – сказал он.

Учитель подошел к Славику и нанес ему короткий резкий удар в солнечное сплетение,

потом, не давая развиться спазму, ударил его открытой ладонью по спине, чтобы восстановить сбившееся дыхание.

– Ты ощутил физическое воздействие удара, но тот же удар ты можешь почувствовать и на расстоянии, – произнес Ли.

Он отошел на несколько метров, повернулся лицом к Славику и нанес точно такой же удар в воздух. Славик содрогнулся, и мышцы его живота сократились, так, словно удар достиг цели.

Учитель сказал:

– Ты почувствовал этот удар, увидев, как я собираюсь ударить. Теперь закрой глаза.

Славик зажмурился. Ли сосредоточил взгляд на его животе, не делая больше никаких движений. Через несколько секунд мышцы живота Славика снова содрогнулись.

– Я не нанес удар, – сказал Ли, – но твое тело почувствовало мое желание ударить в солнечное сплетение и отреагировало на него. Точно так же твое тело может ощутить мое желание нанести удар в любую другую его часть. Но имейте в виду, если вы будете показывать это своим ученикам, часть тела, в которую вы собираетесь наносить мысленные удары, сначала нужно «раскрыть» настоящим ударом, как это сделал я, и только потом начинать мысленное воздействие, хотя мне это делать не обязательно.

Ли снова сосредоточился. На этот раз его взгляд не фокусировался на Славику и был направлен куда-то в сторону, в никуда.

Славик неожиданно отдернул ногу, потом прикрыл голову рукой, попытался защитить спину. Он сделал еще несколько защитных движений.

– Ты научился воспринимать мыслеобразы ударов, – сказал Учитель. – Не нужно объяснять, как это можно применить в бою. Но это только начало упражнения. Расслабься и говори мне, что ты чувствуешь.

– Я чувствую, что рука стала тяжелой и с силой давит мне на бедро.

– А что ты хочешь сделать сейчас?

– Я хочу захватить рукой материю на моих брюках.

– Сделай это. Ты ее крепко держишь? А теперь выполни то, что хочет сделать твоя рука.

Славик резким рывком разорвал свои брюки.

– Следуй за своими ощущениями, – велел Ли.

Повинуясь безмолвным приказам Учителя, тело Славика начало совершать красивые плавные движения. Его руки перемещались с четкими остановками в какие-то моменты, движения их то замедлялись, то ускорялись. Создавалось впечатление, что Славик находится в трансе, но было ясно, что он полностью осознает происходящее. На его лице застыло выражение напряжения и удивления. Казалось, что он прислушивается к направляющему его внутреннему голосу.

Ли сказал мне:

– Представь, что твоя рука – это правая рука Славика. Выполняй мысленно какое-нибудь движение.

Я сосредоточился на образе кругового движения и перенес ощущение своей руки на руку моего партнера. Я представлял круг инь в плоскости ворот. Славик выполнил движение в точности вплоть до радиуса круга. Я придумывал все новые и новые круговые движения, и Славик повторял их. Не веря своим глазам, я изменил амплитуду и характер воображаемых движений, перейдя к движениям только большим и указательным пальцами, но рука Славика действовала так, как будто бы была моей.

– Достаточно на сегодня, – остановил его Учитель, и Славик вдруг, как подкошенный, рухнул на землю.

Потом он рассказал мне, что в этот момент ощутил невероятное расслабление, граничащее с блаженной истомой, которая никогда раньше его не охватывала с такой силой.

– Что ты чувствовал, когда выполнял упражнение? – спросил я.

– Я был марионеткой, которую кто-то дергал за тысячу ниточек, – ответил он. – Казалось, что мое тело сделано из толстых шнуров, руки были бессильными, как плети, и я двигался не благодаря мышечным усилиям, а повинуюсь ниточкам, привязанным к шнурам. Как только ниточки исчезли, мое тело, как пустая оболочка воздушного шара, из которого выпустили горячий воздух, опустилось на землю.

Восхищенный увиденным, я спросил у Ли:

– Как ты это делаешь?

– Ты и сам делал это, – пожал плечами Учитель. – Зачем ты спрашиваешь меня?

– Чтобы понять механизм происходящего. Может быть, есть какое-нибудь научное объяснение тому, что я видел?

Ли поморщился.

– Европейец всегда остается европейцем, особенно если он ученый европейец, – недовольно произнес он. – Через десятки или даже через сотни лет современная наука, может быть, и сможет объяснить механизм воздействия на расстоянии, если это понадобится для какой-нибудь области ее изысканий. Отдельные части этой информации будут разбросаны по десяткам лабораторий, погребены в книгах и статьях, но, собранные воедино, они никогда не станут достоянием широкой общественности по той простой причине, что информация такого рода будет самым тщательным образом скрываться спецслужбами и правительствами противоборствующих государств.

Ты стоишь на пути древнего учения, которое достигло в познании человека и окружающего мира гораздо большего, чем современная наука, поскольку для учения Шоу-Дао главным инструментом исследования и познания является сам человек, а не приборы или компьютеры. Следуя по этому пути, тебе придется отказаться от уютного мирка объяснений, привычного тебе со школьной скамьи.

Объяснения, которые ты получал ранее, создавая искаженное отражение реальности, имеют лишь видимость истины, но тебя приучили считать это искаженное отражение научным и достоверным, а то, что нельзя пощупать и выразить словами, – ненаучным, недостоверным и мистическим. Например, ты никогда не видел молекулу в электронный микроскоп. Ты не видел и не щупал эту молекулу, но ты представляешь ее в виде некой структуры из шариков побольше, сцепленных определенным образом, и шариков поменьше, вращающихся по круговым орбитам. Кстати, упомянув о молекулах, я вспомнил анекдот о том, как военный читал лекцию по гражданской обороне в институте ядерной физики.

Объясняя, как действует атомная бомба, военный нарисовал на доске ядро атома и

вращающиеся вокруг электроны.

Один из физиков поднялся и сказал:

– Я понимаю, что ядро притягивает электроны, и они вращаются вокруг него. Но не могли бы вы объяснить, что находится между ядром атома и электронами?

– Как что? – удивился военный. – Конечно, воздух.

Ты можешь посмеяться над тупостью военного, но весь фокус в том, что и ты, и ваши европейские ученые почти не отличаетесь от него в своих «научных» представлениях о сути предметов и явлений. Без сомнения, полезно знать что-то о молекулах, их химических связях и других свойствах. В то же время, используя инструменты древнего знания, принципиально иного способа постижения мира, формировавшегося на протяжении тысячелетий, ты можешь получать информацию о мире иным способом, в частности, через закономерности, выраженные в отношениях инь и ян или во взаимодействиях четырех стихий, порождающих пятую. Зная эти закономерности, а также великую науку триграмм, переходящих в гексаграммы и так далее, ты сможешь описать взаимосвязь предметов и явлений не хуже, чем это делает современная наука, хотя и принципиально другим способом.

Следуя по пути Воинов Жизни, тебе придется пользоваться их инструментом познания – интуитивным постижением мира, которое, отталкиваясь от древних знаний о мире, непрерывно совершенствуется и дополняет себя, свою систему знаний и представлений. Интуиция, взаимодействуя со знанием, порождает новое знание, которое, в свою очередь взаимодействуя с интуицией, создает интуицию нового уровня, и так далее.

Законы первичного познания мира, пришедшие к нам из глубокой древности, живы до сих пор. Возьми хоть свою марксистско-ленинскую философию. Основные законы природы не смогли отменить даже большевики. Эти законы остались теми же. Единство и борьба противоположностей – тот же закон взаимодействия инь и ян. Так стоит ли тебе искать призрачные научные объяснения, уходя от древнего способа познания мира, если он принесет тебе больше пользы, чем твое знание, представляющее собой просто множество красивых слов и формулировок, которые не учат тебя жить в этом мире и взаимодействовать с ним?

Начиная с самого детства, тебя учили не тому, что нужно для твоего развития и блага, а тому, что выгодно для общества. Создавая у тебя иллюзию, что ты знаешь массу якобы полезных сведений, общество намеренно делало тебя беспомощным перед реальной жизнью, ибо беспомощным человеком легче управлять. Ему легче внушить, что то, что выгодно обществу, выгодно и ему.

Учение Шоу-Дао, отводя знанию огромное место, избегает пустых, никому ненужных сведений. Основной упор Спокойные делают на то, чтобы дать человеку знания в первую очередь полезные человеку для выживания и максимальной реализации своих возможностей и способностей. Это знания о нем самом, об обществе и способах существования в нем, знания об окружающем мире.

Основные способы существования в мире и обществе – это борьба и созидание. Борьба, подразумевающая разрушение, заключается в отстаивании своих прав. К созиданию относится то, что ты смог взять для себя у общества и окружающего мира, то, что ты смог сохранить от других, а значит, и для других.

Подобная формулировка может показаться тебе слишком грубой. Сознание людей Запада слишком искажено выхолащенными догмами христианской морали, которые воспевают в книгах, храмах и выступлениях политических деятелей, но которым реально не следуют ни обычные люди, ни священнослужители, ни политики.

«Возлюби ближнего своего, как самого себя» – кто выполняет эту заповедь, если человек Запада даже себя не способен полюбить, не говоря уж об окружающих?

«Не пожелай жены ближнего своего, осла ближнего своего, машины ближнего своего, телевизора ближнего своего» – прикрываясь этими формулировками, западная цивилизация превратилась в общество ханжей, занимающихся стяжательством с целеустремленностью, наглостью и беспощадностью, прямо пропорциональными их воле и напористости. Они стяжают деньги, власть, престиж, восхищение окружающих – все, кроме того, что действительно необходимо личности – мудрости, силы и внутренней гармонии.

В то же время в концепции разрушения и созидания Воинов Жизни нет агрессивности или желания отнять что-то у других и жить за их счет. Спокойные не нападают первыми, но они должны уметь ответить ударом на удар, поскольку в противном случае они теряют возможность выживания.

Тебе придется найти гармонию между материальными благами, являющимися для тебя лишь средством достижения внутреннего комфорта и спокойствия для духовного и физического самосовершенствования, и твоей духовной жизнью.

Ты должен быть сыт, одет, обут, доволен жизнью, охранен от общества и отдельных его выродков, будь то преступники, идеологи, политики, или кто бы то ни было еще. Живя по законам общества, тебе нужно находиться вне сферы его влияния и давления. Общество, в котором ты живешь, далеко не так стабильно, как тебе кажется. Любые империи со временем рушатся из-за зарождающихся в них противоречий. Сыновья перестают слушаться отцов и перенимать их идеи. Рано или поздно наступают времена потрясений и перемен, но Воин Жизни не перестает следовать по своему жизненному пути, что бы ни происходило вокруг него. Его внутренняя сила и подготовка позволяют ему всегда находиться в оазисе тишины и спокойствия, какие бы бури ни бушевали вокруг.

– Как можно определить уровень материального благополучия, необходимый для духовного совершенствования? – спросил я. – Ганди, например, имел только сандалии, одежду и миску для еды. Уровень комфорта ведь может быть любым – как его определяют Спокойные?

Учитель расхохотался.

– Только не заставляй меня составлять список вещей, необходимых для существования Воина Жизни. Тебе придется определить это интуитивно. Конечно, сандалии, одежда и миска для еды вряд ли достаточны для благополучия, хотя Воин Жизни чувствует себя спокойным и счастливым даже без сандалий и миски. Одно могу сказать тебе точно: Спокойные или не живут, или живут хорошо.

Глава 8

Открытие «круга ворот»

На первых этапах обучения Ли заставлял меня уделять много времени упражнениям с кругами. Помимо того, что учение о кругах является основой рукопашного боя «Спокойных», оно имеет универсальный смысл, распространяясь на управление энергией, выбор жизненного пути, общение с людьми и т. д.

Учитель называл круги «путями, ведущими в бесконечность» и говорил, что каждый круг символизирует определенный выбор жизненного пути.

Первым шагом в упражнениях с кругами была активизация, насыщение энергией и ощущение реальности каждого круга или пути.

Каждому кругу соответствовал свой графический символ, отражающий его положение в пространстве. Так, путь воина представляла вертикальная черта, пути отшельника и купца – черточки, наклоненные под углом 45° в соответствующую сторону, и т. д.

Для активизации и ощущения определенного пути мы со Славиком подолгу созерцали его символ, расположенный таким образом, чтобы он располагался в соответствующем круге относительно нашего тела. Одновременно мы представляли и учились чувствовать невидимые плоскости кругов, проходящие через наши тела и уходящие в бесконечность.

Когда мы тренировались в лесу, Ли вычерчивал символы путей на коре деревьев или подвешивал в нужном положении небольшую палочку.

После созерцания и мысленной активизации круга начиналось выполнение специфических упражнений, связанных с данным путем. В каждой плоскости совершались круговые движения руками в направлениях инь и ян, а потом, в зависимости от предназначения пути, выполнялись медитативные упражнения и упражнения, направленные на духовное совершенствование в этой области.

Тренируясь с путем отшельника, мы, после активизации соответствующего круга, начинали выполнять круговые движения в этой плоскости левой рукой (поскольку левая рука символизирует мудрость). Движением ян левая рука отбрасывала все мирское, а движением инь собирала мудрость. Во время выполнения упражнения мы должны были полностью остановить мыслительный процесс и сосредоточиться на внутреннем осознании того, чем является мудрость.

За счет многократности повторения создавался совершенно особый настрой – с каждым движением ян рука словно бы останавливала поток мыслей, вычерпывая и опустошая его, отбрасывая все лишнее, незначительное, суетность мира и все, что отвлекало. Мы погружались в измененное состояние сознания, ощущая пустоту, спокойствие и легкость.

Затем приходил черед повторяющихся движений инь – плавных круги по направлению к себе. Вначале инь-движения выполнялись с большой амплитудой, потом круги становились все меньше и меньше, превращаясь в конце концов в чисто умозрительное созерцание воображаемого движения, наполнявшего тебя тем, что твое внутреннее осознание воспринимало как мудрость.

Плоскость отшельника наливалась мощной, слегка вибрирующей энергией, она наполняла тебя, пронзала тебя, вызывая ощущение разреза в твоём теле, через который энергия круга вливалась в тебя, создавая необходимый для выполнения медитативных упражнений настрой.

Отсюда можно было перейти к медитации воспоминаний, к медитации осознания, связанной с интуитивным постижением того или иного предмета или явления, либо к другим упражнениям.

Однажды для медитации осознания Ли положил мне на колени дубовый листок и попросил меня осмыслить его, понять, что он собой представляет.

Раньше, рассказывая об осмыслении, Учитель упоминал, что оно должно быть максимально подробным и полным, что, созерцая красоту мира или пытаясь что-то понять, следует задействовать все доступные тебе способы эмпирического и интуитивного познания. Для эмпирического познания использовались все органы чувств, для интуитивного требовалось открыть сердце, то есть вызвать эмоциональную расположенность к объекту, эквивалентную любви.

Выполнив активизацию плоскости отшельника и движения по кругам, я вошел в состояние, необходимое для медитации. Сначала я попытался воспринять листок эмпирически – я рассматривал его со всех сторон, запоминая расположение прожилок и переходы оттенков цвета, я лизал его, чувствуя специфический привкус, я откусил от него кусочек и прожевал, я прикладывал его ко лбу и к губам одной и другой стороной, запоминая ощущение прикосновения. Я его нюхал и подбрасывал в воздух, наблюдая

за его слегка вибрирующим полетом.

Когда я понял, что мои органы чувств насытились созерцанием, я перешел к интуитивному осознанию. Я зажал листок в руке и замер в позе для медитации, пытаюсь полностью ощутить его, слиться с ним в одно целое, воспринимая мир так же, как этот листок. У меня закружилась голова. Я почувствовал, что падаю куда-то. Мне казалось, что я засыпаю или проваливаюсь в темную пустоту. Ощущение тела исчезло, но непонятно каким образом я продолжал чувствовать листок в своей руке. Некоторое время я боролся с непреодолимой потребностью отключиться и заснуть, потом перестал бороться и провалился в темноту.

Неожиданно я снова ощутил свое тело. Мне казалось, что я вижу его изнутри. Все вокруг светилось мягким зеленоватым светом. Я увидел темные прожилки, пронизывающие меня, ощутил характерный вкус и запах. Я понял, что превратился в листок. Где-то в глубине своего сознания я удивился этому, но я ни о чем не мог думать. Меня наполняли только смутные ощущения, которые время от времени резко сменяли друг друга. Иногда я чувствовал, как ветер овеивает мое тело, но это не было обычным для меня ощущением ветра. Я ощущал себя соединенным с деревом, я впитывал его соки, я воспринимал солнечный свет как ласковое поглаживание. Смутные видения, одно сменяя другое, проходили передо мной.

Я пришел в себя оттого, что Учитель резко надавил мне ладонью на нос. Некоторое время я не мог освоиться со своим телом и окружающим миром.

– Тебе понравилось быть листком? – с усмешкой спросил Ли...

Упражнения с кругом отшельника позволяли отделить физические, материальные грани познания мира от граней духовных, стереть ощущение мира как таинственного и враждебного по отношению к тебе окружения.

Упражнения в круге воина производили в точности противоположный эффект. Ты чувствовал, что находишься в загадочном мире, полном опасности и угрозы, мире, который каждую секунду угрожает тебе смертью. Непрестанно поддерживая «горение» воина, стремления воина и его несгибаемую волю, ты учился быть с этим миром на «ты», оставаясь алертным и сильным, готовым в любой момент отразить атаку врага.

По мере совершенствования в упражнениях с кругами я начал замечать странные вещи: в определенных ситуациях у меня спонтанно активизировалась та или иная плоскость. Я ощущал, как она проходит через мое тело, и как по ней циркулирует энергия.

В наиболее сильной форме это однажды проявилось в кафе, расположенном неподалеку от кинотеатра «Мир». Я подошел к стойке, чтобы купить мороженое, и вдруг почувствовал идущие ко мне в направлении инь эманации. Оглянувшись, я увидел человека, сидящего за столиком в углу. Его лицо было мне незнакомо.

Поток эманаций не прекращался, и вдруг резко и неожиданно у меня активизировался круг воина, реагируя на исходящий от мужчины поток агрессивной энергии. Плоскость воина стала жесткой и пульсирующей. Когда я двигался, она двигалась и поворачивалась вместе со мной. Я даже начал видеть ее в виде прозрачного серебристого экрана, вспыхивающего красноватыми отблесками.

По мере активизации круга воина во мне нарастала волна напряженности и агрессии. Я равнодушно и медленно отвернулся от незнакомца, сохраняя внешнее спокойствие и пытаюсь понять, что же мне делать. Я ощущал, что этот человек ненавидит меня и хочет причинить мне зло. Благоразумие подсказывало, что лучше уйти и не испытывать судьбу. Я вышел из кафе, спиной ощущая, что незнакомец поднялся и последовал за мной. Тогда я сорвался с места и побежал, потом резко прыгнул в кусты, миновал несколько газонов и спрятался за деревьями, наблюдая, как этот человек с перекошенным от ярости лицом мечется по улице, разыскивая меня.

Я встал перед выбором: проследить за мужчиной и выяснить, кто он такой и что ему от меня надо, или же оставить все как есть. Поскольку вскоре я должен был встретиться с Учителем, я решил уйти, хотя и понимал, что, возможно, совершаю ошибку.

Эта история имела продолжение. Через некоторое время я встретил в городе человека из кафе, незаметно выследил его, и, атаковав в безлюдном месте, заставил сказать, почему он меня преследовал. Оказывается, он меня не знал и спутал с каким-то своим врагом, на которого я был похож.

В упражнениях с кругом пищи на уровне рта сидящего с подогнутыми ногами ученика в горизонтальном положении подвешивалась небольшая палочка, или же на коре дерева проводилась горизонтальная черта.

Однажды, выполняя задание Учителя, я созерцал такую черту, мысленно соединяя ее концы с уголками рта, и создавая воображаемый круг в этой плоскости. Постепенно круг активизировался и становился осязаемым.

Ли велел мне, подняв кисти рук и локти на уровень плеч, совершать поочередно левой и правой руками круговые инь-движения так, чтобы левая рука при прохождении каждого круга касалась левого уголка рта, а правая – правого уголка.

Учитель стоял у меня за спиной, наблюдая за выполнением упражнения. После того как я повторил движения много раз, он произнес:

– Запомни: правая сторона – для невкусной пищи, а левая – для вкусной пищи.

Он вложил в мою левую руку маленький кусочек моего любимого бисквитного пирожного – бушетки.

Я разжевал и проглотил этот кусочек с огромным удовольствием. Сидя в грязи в лесополосе после дождя, я меньше всего ожидал получить откуда-то из-за спины из рук Учителя кусочек ароматного пирожного.

Я снова увидел руку Ли с кусочком бушетки. Он сказал:

– Наложь свои пальцы на мои.

Я сделал это, ощущая рукой одновременно и пирожное, и пальцы Учителя. Его пальцы оказались у меня во рту, я ощутил вкус бушетки и сосредоточился на нем.

Удивительно, но всю прелесть этого вкусного, свежего пирожного я почувствовал именно на маленьком кусочке, хотя обычно мне нравилось поглощать сладости большими кусками. Я подержал пирожное во рту, поворочал его языком, выдохнул в нос его запах. Мне показалось, что пальцы Ли сделали вкус еще более острым и приятным. Затем Учитель вложил мне в правую руку кусок дождевого червя.

Переход от нежной сладости бушетки к едкому, немного жгучему трудноописуемому вкусу червяка вызвал спазмы у меня в горле. Я почувствовал позывы к рвоте. Безумно хотелось плевать. Поборов усилием воли неприятные ощущения, я, пытаюсь быть полностью безразличным, прожевал и проглотил червя.

В этот момент я мысленно поблагодарил своего отца, который с детства приучал меня к нестандартной пище. За свою жизнь отцу неоднократно пришлось голодать. Он родился в поселке Аджимушкой на Керченском полуострове в семье рабочего каменоломни. Отец был двенадцатым ребенком в семье, после него родилось еще пятеро.

Добыча камня приносила очень маленький доход, и вечно голодный отец привык питаться чем подвернется – съедобными травами, улитками, ежиками, змеями, дарами моря. В войну этот опыт очень ему пригодился.

С детства отец учил меня выживать в любых условиях, он с первого класса брал меня в поездки, на рыбалку, на охоту, учил меня ловить и есть все что попадетсЯ, отличать съедобные растения от несъедобных, так что некоторым образом я был подготовлен к поеданию дождевых червей.

Ли снова дал мне кусочек бушетки и потом кусок дождевого червя. Он повторял и повторял это. С каждым разом червяк вызывал у меня все меньшее отвращение. Теперь мне было противно есть пирожное. Я слишком живо представлял, как оно, перемешиваясь с червяком, все глубже заталкивает его мерзкое расплющенное тело в мой пищевод. От этого образа меня снова чуть не вырвало, но сосредоточившись на выполнении глубокого дыхания, я постепенно успокоился. Учитель рекомендовал при выполнении любых неприятных упражнений дышать спокойно, медленно и глубоко – это отвлекает от тягостных ощущений и снимает стресс.

Ли угощал меня червями и пирожным до тех пор, пока я не начал воспринимать их вкус с одинаковым безразличием. Затем он велел мне закончить упражнение.

Упражнения с кругами всегда заканчивались одинаково – жестовой медитацией, суть которой сводится к тому, что ученик благодарит Истину, дарующую ему силу знаний. Эта благодарность выражается серией жестов, смысл которых дословно можно было перевести следующим образом: «Малая истина, открывающая истину огромную, как солнце, даруй мне силу». Коротко мы называли эту медитацию «Истина, даруй нам силу знаний».

Я выполнил жестовую медитацию, и Ли переключил свое внимание на Славика, который в это время активизировал круг пищи и выполнял в нем круговые инь-движения. Учитель подошел к нему сзади и так же, как и меня, начал кормить поочередно то пирожным, то червями. У Славика, не имевшего моего опыта по поеданию всего, что подвернется, дела обстояли гораздо хуже. Его несколько раз вырвало, и с каждым разом он выглядел все более измученным. Его отвращение нарастало, отражаясь на его лице ужасной застывшей гримасой.

Ли схватил руки Славика и с силой погрузил их в его собственную рвоту.

– Тебе нужно привыкнуть к отвратительному, – сказал он, поднося испачканные руки Славика в его лицо, и жестким голосом приказал:

– Лижи!

Славик в ужасе уставился на свои руки, словно не в силах поверить в то, что от него действительно это требуют.

– Лижи! Быстро, быстро, лижи! – громко и пронзительно кричал Ли. – Дыши глубоко и лижи!

Славик принялся медленно облизывать руки. Он старался глубоко дышать, его лицо застыло, глаза были неподвижными и пустыми, но больше его не рвало.

Мой напарник вылизал руки, и Учитель снова начал кормить его пирожным и червями. Это продолжалось довольно долго. Больше его не рвало, и наконец Ли сказал:

– Упражнение закончено.

Славик хотел выполнить жестовую медитацию, но Учитель остановил его.

– Ты не готов к медитации, но ты готов к бою, – сказал он.

Ли посмотрел на меня и скомандовал:

– Атакуй его. Его необходимо отвлечь, переключить его сознание, зафиксировавшееся

на плохом вкусе.

Я бросился на Славика. Последовала яростная схватка.

Убедившись, что увлеченный боем Славик позабыл о своем отвращении, Учитель поднятой рукой дал нам знак остановиться и сказал, обращаясь к нему:

– Сейчас ты готов к медитации жестов. Можешь закончить упражнение.

Мой напарник поблагодарил Истину и расслабился. Потом он с удивлением рассказывал мне, что после той тренировки раз и навсегда избавился от неприятных ощущений, связанных с поеданием невкусной пищи. Со мной произошло то же самое.

Глава 9

Снятие психологических барьеров

Однажды перед тренировкой, на которую Славик не мог прийти, поскольку должен был поехать в Алушту на дежурство, Учитель сказал мне:

– Завтра у тебя особенный день. Ты встретишься с одним из моих учеников, который поможет тебе полностью осознать круг ворот и со временем станет твоим напарником. Он откроет тебе многие из тайн управления энергией. Он будет передавать тебе знания, которые может передать только он один. Но имей в виду, ты не должен говорить о нем Славике и пытаться познакомить их.

Естественно, что я был очень заинтригован и явился на тренировку в предвкушении чего-то необыкновенного.

Сначала Ли заставил меня с закрытыми глазами активизировать круг ворот. Когда я это сделал, Учитель, приказав мне ни в коем случае не открывать глаз, отвел меня на середину полянки и велел полностью раздеться. Я разделся, не чувствуя никакого подвоха. Многие упражнения мы выполняли голыми, обучаясь чувствовать противника кожей во время боя, или приучая тело к прямым воздействиям на него без амортизации одеждой. Упражнения в голом виде снимали психологические барьеры стеснительности или ощущения неудобства. Мы бегали голыми по лесу, привыкая избегать ранения тела ветками деревьев и кустарников и т. д.

Итак, я стоял голый посреди поляны. Внезапно я скорее почувствовал, чем услышал какое-то движение. Кто-то подошел ко мне вплотную, но это был не Ли. Я испытал сильное искушение открыть глаза, но не решился нарушить указания Учителя.

Был случай, когда я не выполнил в точности его требования, за что был немедленно наказан парой увесистых оплеух. Но гораздо сильнее, чем физическая боль, на меня подействовали его слова. С выражением крайнего презрения Ли тогда произнес:

– Обычных европейцев надо воспитывать как животных. Они не запоминают требований, сказанных им нормальным человеческим языком, и только через удар дубинкой способны понять, что они должны делать.

Я почувствовал, как активизировался и завибрировал круг ворот. Я ощутил несказанно приятные токи незнакомого мне существа, моего нового напарника. Не знаю как, но я понял, что передо мной находится обнаженное тело прекрасной женщины. Исходящее от нее тепло и непривычные будоражащие эманации настолько возбудили меня, что круг ворот вспыхнул ярким пламенем перед моим внутренним взором. Помимо желаний у меня началась эрекция.

Тут я услышал издевательский голос Ли:

– Эй, дружок, ты уже переводишь энергию в круг пути воина.

Мягкая женская рука схватила меня за половые органы и сильно дернула вниз. Эрекция тут же пропала. Нежные, сухие и теплые руки, разогретые трением друг о друга, мимолетным касанием, как это может делать только красивая и уверенная в себе женщина, прошлись по моему лицу, телу, плечам, груди, низу живота, ногам, и я снова почувствовал активизацию круга ворот. Ласки продолжались до тех пор, пока у меня снова не началась эрекция. Руки начали с силой разглаживать лобковую область и грудь. Я не смог больше сдерживаться и кончил.

Такого удовольствия я никогда раньше не испытывал. Казалось, что все мое тело превратилось в один огромный пенис, и сила ощущений ввергла меня в состояние эйфорического транса без способности думать о чем-то и воспринимать окружающий мир. Был момент, когда на краю моего сознания проскользнула мысль о том, что унижительно стоять голым с закрытыми глазами перед незнакомой красивой женщиной. Эта мысль мелькнула и исчезла. Руки поднесли к моему рту семенную жидкость, и я понял молчаливое требование проглотить ее. Учитель рассказывал мне, что это – один из даосских методов сохранения жизненной силы. Собрал губами и языком сперму с рук незнакомки, я проглотил ее. Вкус спермы дополнительно усилил ощущение наслаждения.

Возбуждение все еще сохранялось, я весь горел. Я подумал, что у меня поднялась температура, кожа стала необычайно чувствительной. Женщина начала дуть на меня. Легкое дуновение касалось моей кожи, возбуждая ее чувствительность все сильнее и сильнее, пока по всему моему телу не распространилось ощущение обжигающего покалывания.

– Сейчас ты чувствуешь ци дыхания, – сказал глухим голосом Ли. – Не открывай глаза. Попробуй почувствовать ци ветра.

Я сосредоточился на восприятии кожей порывов ветра, с сожалением ощущая, как восхитительное поле женщины удаляется от меня. Послышался шелест одеваемой одежды, и мой новый напарник, которого я так и не увидел, покинул поляну.

Еще примерно полчаса я стоял посреди поляны, чувствуя дуновение ветерка, как моих ног касаются травы, как мое тело общается с миром. Мимолетные образы ощущений, которые подарила мне неизвестная женщина, все еще возникали в моей памяти. Когда я закончил упражнение и смог открыть глаза, Ли сказал:

– В этом уроке ты познал один из способов привлечения энергии ци в период полового акта для излечения разных зон твоего тела и для их активизации. Половое возбуждение переводят на определенный участок тела, потирая его. Можно даже зрительно видеть, как этот участок тела возбуждается от притока ци. Легче всего переводить энергию в лобковую область, грудь, руки, внутреннюю часть бедер, но даже самые глухие зоны тела можно приучить воспринимать ци в период полового акта, если определенным образом выполнять потирания.

Через некоторое время, когда я вновь встретился с моим новым напарником, даже не видя ее, я сразу узнал незнакомку с поляны. Круг ворот моментально активизировался при ее приближении, и, как тогда на поляне, я снова ощутил волшебные токи ее энергии...

Глава 10

Воспоминания «небесного потока»

Мы с Ли в очередной раз вышли на «пробежку по городу». «Пробежка» начиналась с Пушкинской улицы от музея краеведения, потом мы направлялись к стадиону и завершали круг по тихим малопосещаемым улицам. Мы двигались быстрым шагом. Ли всегда что-то рассказывал мне и одновременно давал упражнения, которые я должен был выполнять на ходу, не отвлекаясь ни на секунду от того, что он говорил.

– У воина, следующего по Пути Жизни, должны быть посредники между его внутренним

миром и внешним миром, окружающим его, – сказал Учитель.

Он сделал паузу, и я понял, что он ждет, чтобы я назвал этих посредников.

– Ты говоришь об ощущениях? – спросил я.

– Нет, это не совсем так. Ощущения – это скорее способ восприятия мира, и, хотя в некотором роде они тоже являются посредниками, я говорю не о них. Главные посредники – это твои мысли, которые рождают образы.

Ли снова сделал паузу. По ехидному выражению его лица я понял, что он собирается, как обычно, удивить меня чем-то неожиданным.

– Это понятно. Ну и что? – сказал я, просто чтобы что-то сказать.

– Рад, что тебе это понятно. Не многие смогут этим похвастаться. Но самое интересное в том, что эти образы могут оживать и даже действовать самостоятельно.

– Как это? – спросил я.

– Посмотри на кончик своего пальца.

Я посмотрел.

– Ты его хорошо видишь?

– Вроде неплохо.

– Почувствуй в нем удар сердца.

Я сосредоточился и ощутил в кончике пальца мягкий толчок.

– Соедини мысленно свое сердце с кончиком пальца так, чтобы каждый удар сердца отдавался в нем. Почувствуй пульсацию крови.

Я сосредоточился на биении своего сердца, представил, как каждый удар отдается в кончике пальца, и через пару минут почувствовал сильную и равномерную пульсацию крови.

– У меня получилось.

– Хорошо. Теперь отключись от сердца. Ты использовал его просто как привязку. Сделай пульс тяжелым и объемным.

Я представил, что вместо крови в кончике пальца пульсирует тяжелая подвижная ртуть. Мне показалось, что кончик пальца раздувается, как шар, от этих мощных биений.

– Продолжай, не останавливайся. Пульс разогревает твой палец все сильнее и сильнее. Жар нарастает. Он такой интенсивный, что палец начинает светиться. Посмотри внимательно. Ты должен увидеть это свечение.

Вызвать жар оказалось довольно легко. Но свечения я не заметил.

– Я не вижу свечения, – расстроено произнес я.

– Ты не видишь его потому, что вокруг слишком яркий свет, а твои глаза еще не подготовлены. Попробуй увидеть свечение на темном фоне, например на фоне моего пиджака.

Я поднес палец к пиджаку Ли и сразу заметил бледное сияние, обрамляющее кончик пальца.

– Теперь вижу, – радостно воскликнул я.

– Конечно, видишь, – отрезал Учитель. – Только слепой бы его не увидел. Усиливай пульс. Пусть свечение делается более ярким.

Я увеличил интенсивность биений, и, действительно, светящийся ореол расширился и стал значительно ярче, приобретая разные цветовые оттенки.

– Думаю, теперь ты сможешь видеть свечение и без темного фона, – сказал Ли и отодвинулся.

Свечение от яркого света стало более тусклым, но не исчезло. Я продолжал различать бледный ореол и мелькающие в нем цветные искорки.

Заметив мое возбуждение, Учитель усмехнулся и сказал:

– За что я тебя люблю, так это за непосредственность ощущений. Тебе достаточно показать палец, чтобы ты пускал слюни от восторга, как щенок, впервые откопавший на грядке червяка. Не стоит так преувеличивать значение происходящего. Все в твоей власти, во власти твоей внутренней энергии, которая связывает тебя с миром и возбуждает процессы внутри тебя и вокруг тебя. Твоя внутренняя энергия пока не настолько сильна, чтобы производить большие внутренние или внешние изменения только благодаря твоему желанию. Это может произойти лишь спонтанно в редких и исключительных случаях. Пока ты находишься на первом этапе обучения. Твоя задача – научиться возбуждать скрытые внутренние силы и управлять ими. Этого можно добиться только через медитацию. Вне медитации не существует ни тренировки, ни жизни, ни познания.

Упражнения с пульсами давались мне относительно легко. Еще до встречи с Ли я читал книги по аутотренингу, системе Шульца и без особого труда научился вызывать ощущение расслабления, тяжести, тепла и пульсации.

В медитативных техниках Спокойных упражнений с пульсами отводилась особая роль.

Пульс можно было перемещать по телу в любом направлении, концентрировать его в нужной области, что использовалось как при лечении, так и при активизации зоны, например при ее ударном закаливании. Вызывание пульса и чередование его с воздействием холодом помогало излечивать больные мышцы или нарушения во внутренних органах.

Упражнения с пульсами стали регулярными во время наших совместных прогулок. Я учился собирать пульсы из разных участков тела в центре ладони в точке лао-гун, потом заставлял этот пульс разделяться и стекать вниз по пальцам. Я создавал пульсирующие мыслеформы внутри и вне моего тела, и Ли всегда абсолютно точно мог описать форму и размер создаваемых мной мыслеобразов.

Ли научил меня помещать различные формы пульсов в лекарственные средства, усиливая тем самым действие лекарств.

Одним из упражнений было блуждание пульса по кругу вдоль позвоночника и затем по переднесрединному каналу с круговыми ответвлениями по наружной и внутренней поверхностям рук, по бокам к копчику.

Учитель заставлял меня доводить это упражнение до автоматизма так, чтобы деятельность или внешние воздействия не отвлекали меня от его выполнения. Для этого Ли одновременно с вращением пульса вынуждал меня делать что-либо другое. Однажды он велел мне вспоминать самые приятные моменты моей жизни, не прекращая вращений пульса и поддерживая разговор о каких-то других вещах. По выражению моего

лица Учитель с легкостью догадывался, о чем я сейчас думаю, и не упускал случая поиздеваться.

Неожиданно прервав рассказ о клане Держащих и животных стилях, Ли посмотрел на меня с романтически-идиотским выражением лица.

– Ну, нельзя же так много думать о девушках, – заявил он. – Чрезмерность даже в твоём возрасте может нанести непоправимый ущерб здоровью.

– Как ты догадался?

– У тебя такое масляное выражение лица, как будто ты съел большой кусок вкусного торта, и у этого торта были чертовски хорошенькие ножки.

Лицо Ли стало еще более идиотским и мечтательным. Закатив глаза, он медленно облизнулся.

– Только не говори, что у меня такое же выражение, – ужаснулся я.

– Что ты, мне до тебя далеко, – Ли успокаивающе похлопал меня по плечу.

Учитель копировал мою мимику, когда я вспоминал о природе, о том, как проводил праздники или веселился с друзьями. Он объяснял мне тонкости мимики человека и учил определять мысли по выражению лица, по движениям рук и т. д.

Вращать пульс, одновременно вспоминая моменты моей жизни и беседа с Ли о боевых искусствах, было очень трудно и требовало от меня предельного напряжения и концентрации внимания.

– Ли, зачем ты заставляешь меня выполнять одновременно несколько упражнений? Может быть, лучше делать их по очереди, но более качественно? Я не могу одновременно за всем уследить, – спросил я.

– Ты должен следить за всем одновременно. Это необходимо для расширения сознания, – ответил он.

– Что такое расширение сознания?

– Воин не может одновременно идти двумя путями. Он способен или уходить внутрь, или расширяться наружу. Уходя внутрь, он стремится к одной цели, бесконечно уменьшаясь и концентрируясь лишь на ней. В этом случае поле его зрения, поле его сознания сужается к единому центру.

Когда воин расширяет поле своих ощущений, он начинает охватывать мир во всем его многообразии. Ты должен научиться совмещать в своем сознании несколько информационных потоков, которые Спокойные называют «разговорами мира». Но мы лучше будем говорить об информационных потоках, поскольку, общаясь с тобой на твоём языке, мне легче передать тебе суть древнего знания.

Информационные потоки могут исходить из тех сред, которые оказывают воздействие на твои органы чувств. Если ты слушаешь, ты должен уметь слушать все вокруг, все разговоры и звуки мира. Если ты смотришь, ты должен видеть все вокруг, не упуская из виду даже малейших деталей.

– Но ведь невозможно одновременно слышать и видеть все вокруг. Вернее, слышать и видеть можно, но нельзя все воспринимать с одинаковой ясностью и осознанием. Мне кажется, что физически невозможно одинаково сосредоточиваться на всем, что ты слышишь и видишь, – возразил я.

– Это невозможно для обычного человека, но Воины Жизни учатся этому, и некоторые на них могут одинаково четко воспринимать всю информацию, причем они не

ограничиваются только зрением и слухом, речь идет обо всех органах чувств, – сказал Учитель.

Ли обрисовал мне методику тренировок для расширения сознания. Она заключалась в выполнении упражнений по приему информации из нескольких источников, отдачи информации по нескольким каналам, смешанных упражнений и медитативном расширении сознания.

Упражнения по приему информации из нескольких источников строились по типу – читать книгу, одновременно смотря телевизор и слушая передачу по радио, и при этом одинаково хорошо усваивать информацию из трех источников.

Упражнение по отдаче информации – писать левой и правой рукой разные тексты и при этом читать стихи.

В упражнениях совмещалось восприятие различными органами чувств. В качестве примера я приведу одно из медитативных упражнений, заключающееся в восприятии мира кожей.

Сначала я учился чувствовать прилегающую к телу одежду, лучи солнца, согревающие мое лицо, ветерок, овевающий кожу. Постепенно моя способность к осязанию расширялась. Я представлял, что от моего тела отделяется и расширяется чувствительная оболочка, которая так же, как кожа, ощущает все, с чем она соприкасается. Не теряя ощущения одежды, я начинал воспринимать «внешней чувственной оболочкой» окружающих людей, заборы, дома, деревья, мимо которых я проходил. Я ощущал их физически, как отраженное тепловое поле, и одновременно с этим уделял внимание разговорам, ведущимся вокруг меня. Я принимался к запахам, улавливая их оттенки.

Я непрерывно выполнял подобные медитативные упражнения. Они настолько слились со мной, стали частью меня, что я, уже даже не желая того, продолжал воспринимать мир по-другому, словно все, что происходило вокруг, тут же находило отклик во мне – на моей коже, в моем теле, в моем сознании. Я начал чувствовать то, что происходит у меня за спиной, и иногда мое тело реагировало на событие до того, как я осознавал то, что происходит.

Вначале я осваивал медитативные упражнения, сосредоточиваясь только на них, но по мере освоения начинал совмещать их с упражнениями по приему или отдаче информации. Например, занимаясь медитацией, я одновременно читал стихи, тренировался и вызывал в мышцах ощущение пульса, тепла или холода. Потом я начал добавлять к этому и медитацию воспоминаний.

Как-то Ли в очередной раз рассказывал мне о формировании человека помнящего, человека-дерева.

– Чтобы лучше помнить себя, ты должен начать создание круга небес, – сказал он.

– Что это такое?

– Вытяни вверх руку с ладонью, направленной в небо и расположенной параллельно земле, и ощути небо, ощути воздух неба, который медленной гладкой прохладной волной начинает опускаться тебе на голову и постепенно охватывает всего тебя. Ты – человек неба. Сосредоточься на этом прохладном потоке, проходящем сквозь тебя. Этот поток принесет тебе воспоминания о прошлом.

Придя домой, почувствуй круг неба, возьми тетрадь и запиши туда воспоминания, которые он тебе принесет. Сначала ты будешь вспоминать одиночные наиболее значительные события, затем ты освежишь в памяти основные детали встреч с твоими девушками, потом все веселые, страшные или отвратительные случаи из твоей жизни. Далее небесный поток начнет приводить твои воспоминания в хронологический порядок, и ты пройдешь свою жизнь с самого детства – как ты рос, где и чему

учился, где работал...

– Ли, но я же еще нигде не работал, кроме...

– Вот это «кроме» ты и должен вспомнить, – отрезал он.

– Ли, а для чего мне все это помнить? Я читал, что человек забывает многое потому, что срабатывают защитные механизмы. Для мозга вредно помнить все, что происходило, и объем информации, содержащейся в нем, должен быть ограничен.

– В твоем случае информация действительно вредна, – усмехнулся Учитель. – Но не потому, что ее слишком много, и твой мозг изнашивается под непосильным грузом знаний, а в связи с тем, что ты уподобляешься свинье, которая жрет все подряд и потом страдает несварением желудка. Ты слишком много читаешь, не понимая смысла прочитанного, и запоминаешь только наиболее бредовые идеи, которые с трудом перевариваются твоим европейским мозгом. Я помню все, я воспринимаю всю информацию. Посмотри на меня и скажи, что полезнее для человека – помнить, знать и уметь обращаться со своим знанием или отбрасывать прочь знания и саму свою жизнь, прикрываясь гениальной формулировкой, что излишние знания и воспоминания вредны.

– Ли, я сдаюсь. Ты, как всегда, прав.

– Твой мозг помнит все, происходившее с тобой. Но воин не просто таскает с собой этот груз, он должен в любой момент уметь вызвать нужную информацию. Не бывает бесполезной информации. Все, что ты когда-либо видел или узнал, может пригодиться в самое неожиданное время в самом неожиданном месте. Манипулируя потоками информации, ты должен легко и быстро вызывать то или иное ощущение, вспоминать то или иное происшествие и через него восстанавливать ход событий любой давности.

Медитация воспоминаний с каждым разом все усложнялась. Ли настаивал, чтобы я все глубже погружался в прошлое, восстанавливая его так, чтобы заново пережить все свои ощущения.

Постепенно я начал вспоминать то, что, казалось, навсегда ушло из моей памяти и кануло в прошлое. Медитация воспоминаний стала фоном всего, что я делал, – куда бы я ни шел, чем бы ни занимался, я продолжал вспоминать и заново переживать свою жизнь. Даже во сне я видел, иногда абсолютно четко, иногда вперемешку с обычными сновидениями, забытые события моей жизни.

Воспоминания, особенно в сочетании с медитацией по расширению сознания, в сочетании с детальным восприятием мира со всеми его запахами, цветами, интересными происшествиями, создавали иллюзию жизни настолько полной и насыщенной, что иногда я доходил почти до эйфории, когда хотелось кричать или плакать от радости, восхищения жизнью и окружающим миром.

– Без осмысления картины мира ты не можешь формировать воспоминания, – объяснил Учитель. – Спокойный живет полноценной жизнью, поскольку он испытывает все основные впечатления, даруемые ему жизнью. Это – основа питания его органов чувств. Без этого он будет голодным, неудовлетворенным человеком, каких на земле миллиарды. Если ты ешь яблоко, ты должен ощущать его кожуру, глянец его поверхности, его запах, его сок, всю полноту его вкуса. В то же время ты должен наслаждаться видом яблока, любясь его цветом и замечая малейшие пятнышки на его поверхности, его деревянный черенок, еще недавно соединявший плод с деревом. Попробуй проникнуть в суть яблока. Ты знаешь о нем гораздо больше, чем то, что ты можешь вспомнить в первый момент. Представь, как яблоко было рождено деревом, как дерево росло, что было до этого, и что будет после.

Иногда, слушая голос Ли, описывающий ощущения мира, я отключался от реальности и даже голос его переставал воспринимать, уносясь в свои мечты, возникающие и

видоизменяющиеся от тех или иных его слов. Образы рождались, чередовались, и иногда, на несколько мгновений вернувшись к реальности, я снова воспринимал фразы Учителя, которыми он формировал очередной образ.

– Ты слишком часто теряешь картину мира, – недовольно сказал Учитель. – Воин никогда не должен полностью отключаться от мира, за исключением тех редких случаев, когда он охраняем своими товарищами и пытается достичь глубокого самосознания в сложных медитациях.

Мы шли по улице. Ли резко остановился и, развернувшись неувловимым движением, оказался прямо передо мной. Я не успел среагировать и, пытаясь остановиться, оперся руками о его плечи. Наклонившись вперед, я заглянул ему в глаза. Учитель замер в неподвижности и смотрел на меня пристально и отрешенно. Неожиданно он сказал:

– Вспомни меня собой.

– Как это?

– Вспомни меня собой.

Я застыл неподвижно так же, как и он, и вдруг понял, что он хочет, чтобы я прочитал его воспоминания. Глядя в его узкие глаза с пульсирующими зрачками, я попытался представить, что я – это он, сливаясь с ним и входя в него через взгляд. Вдруг окружающий мир исчез, и я оказался в каком-то сарае с широкими щелями в стенах. Сквозь щели был виден лес, непохожий на те леса, в которых я бывал прежде. Я понял, что это тропический лес.

Голова немного кружилась. Перед глазами проносились какие-то туманные образы. Я заметил, что лежу на узкой деревянной кровати, сквозь щели кое-где просовывались листья растений. Теплый ветер гулял по сараю. На полу валялся какой-то большой сверток. Я не знал, что в нем находится. Мое внимание привлек открытый дверной проем. Я попытался встать и не смог. Тогда я представил, что мое сознание расширяется, минуя дверной проем и устремляясь наружу. Неожиданно дверной проем метнулся мне навстречу, и я оказался на улице, двигаясь по каким-то тропинкам. Я не чувствовал своего тела. Я знал, что двигаюсь, поскольку мне навстречу неслись деревья, трава и потоки влажного теплого воздуха. Вдали мелькнула лента реки, за ней возвышались небольшие пологие горы, покрытые пышной тропической растительностью.

Я почувствовал, как кто-то трясет меня за плечи. Видение исчезло.

– Ты видел этот лес? – донесся до меня голос Ли.

– Да, Учитель.

– Ты видел это жилище?

– Да, Учитель.

– Вот тебе еще одно применение медитации воспоминания. Она нужна для того, чтобы ощутить себя другими людьми, – будничным голосом сказал Ли. – Когда ты научишься хорошо это делать, ты всегда сможешь представить себя на месте другого человека и понять его боль, его желания, его хитрости. Ты сможешь вспомнить то, что помнит этот человек, если достигнешь вершины четвертой ступени.

– О каких ступенях ты говоришь?

– Еще рано разговаривать об этом, – как-то вяло сказал Ли.

Мне показалось, что он устал, хотя я не мог представить его уставшим.

Мы шли молча, неторопливо, не мешая друг другу. Меня охватило чувство спокойствия и умиротворения. Я подумал о том, как прекрасно идти рядом с таким удивительным человеком, дарующим мне хотя и ненужные, но такие прекрасные знания о себе и о мире.

– Как это ненужные? – вдруг с наигранным возмущением спросил Ли.

– Ты что, подслушиваешь мои мысли?

– Ну что ты, подслушивать нехорошо. Да и какая разница, откуда я знаю. Может быть, ты просто говоришь вслух, – хихикнув, сказал он.

– Я подумал о том, что для повседневной жизни в принципе не нужны все эти ухищрения и тренировки. И мне кажется, что для рукопашного боя не требуется такое количество медитаций.

– Все зависит от того, что ты хочешь построить и как собираешься жить. Можно жить в хижине и быть довольным жизнью. Можно жить во дворце и быть несчастным. При этом ты можешь управлять или не управлять своими эмоциями. Более того, ты можешь быть счастливым и не знать об этом, или же ты можешь быть несчастным и даже об этом не догадываться. Ты можешь довольствоваться тем, что у тебя было, и может случиться так, что ты был абсолютно счастлив, не зная истины, но со временем, познав истину, ты будешь жалеть себя, счастливого тогда, предпочитая быть несчастным с истиной, чем невежественным, но счастливым.

Что-то неуловимое промелькнуло в моем сознании. Это напоминало то, что японцы называют сатори, момент просветления, и я вдруг осознал то, что хотел сказать Учитель этими туманными фразами. Я понял, для чего нужен процесс познания искусства как такового. Процесс был так же важен, как и результат. Именно процесс познания позволял человеку максимально реализовать все свои возможности в общении с окружающим миром. Именно в познании мира заключалось основное удовольствие познающего. Так или иначе, каждый из нас по-своему выполняет свою роль и по-своему познает мир. Миру безразлично, как ты это делаешь, и только тебе самому важно на том или ином этапе своего существования понять всю глубину возможностей, необъятную глубину наслаждения, таящуюся в совершенствовании твоих отношений с окружающим миром.

– Кажется, ты меня понял, – ласково улыбнувшись, сказал Ли. – А я еще даже и не успел объяснить. Вот почему я взял тебя в ученики.

– Ли, я читал много мистических и эзотерических книг, – сказал я. – Там были описания разных медитаций, но то, что показываешь мне ты, ни на что не похоже. Почему медитации, подобные твоим, нигде не упоминаются?

– Людям становятся известны, в основном, лишь религиозные медитации. Но это не более чем ритуалы, предназначенные для достижения определенных целей. Выполняя религиозные медитации, ты в первую очередь служишь целям тех, кто создал эти ритуалы, а не своим собственным целям. Люди, посвящаемые в религиозные таинства или исполняющие религиозные ритуалы, только слегка прикасаются к огромной Истине, для них существует лишь узкий коридор общения с ней. Они находят крошечное зернышко истины и называют его божественным. Но Истину нужно воспринимать во всем ее многообразии, ибо божественное внутри нас и вокруг нас, оно является частью нас, и мы являемся частью его.

Божественное – это не конкретная форма, это не наличие чего-либо, это все и ничего одновременно. Это все в процессе вечного преобразования, и, постигая окружающий мир, ты познаешь и самого себя. Со временем ты тоже начнешь следовать форме, и ты будешь выполнять специальные медитации, близкие к религиозным, но сейчас ты счастливый человек, ты познаешь мир в нетрадиционных медитациях.

– Ли, мне кажется, что знания, которые ты даешь, очень сумбурны. В них нет

системы или схемы действий. Я боюсь запутаться, не запомнить или неправильно понять то, что ты объясняешь.

– Твой европейский ум вечно хочет быть втиснутым в какие-то рамки, действовать в пределах каких-то правил, и даже окружающий мир и меня заключить в ту же схему, – заметил Учитель. – Когда ты идешь по глухому незнакомому лесу, ты не знаешь, что тебя ждет впереди и что именно ты будешь есть завтра, поэтому ты специально не готовишься к потреблению пищи. Если ты находишь что-то съедобное, ты съедаешь это. Ты не должен готовиться к потреблению пищи, тебе нужно научиться ее усваивать. Воспринимай жизнь точно так же. Ты не можешь заключить ее в жесткую схему и потреблять по своему усмотрению. Ты должен уметь двигаться по жизни так же профессионально, как охотник по дремучему лесу, и уметь усваивать то, что подбрасывает тебе жизнь. Беда европейцев и одновременно их сила заключаются в том, что они пытаются все упорядочить, но, упорядочивая, они углубляются в детали и теряют картину мира, как в русской пословице – «за деревьями не видят леса». Сейчас я учу тебя видеть лес. Придет время, и ты увидишь дерево.

Глава 11

Техника «третьей руки»

Конец недели Ли предложил мне провести в лесах Партизанского водохранилища. Сначала мы просто отработывали различные боевые техники, потом присели отдохнуть.

– У тебя неплохо идут упражнения с пульсами, – сказал он. – Ты уже вплотную подошел к тайнам аутодвижений. Сегодня ты будешь учиться через медитативные упражнения активизировать свою двигательную сферу.

Учитель велел мне развести костер и встать так, чтобы огонь располагался к востоку от меня.

– В данном случае направление не имеет никакого значения, – сказал Ли. – Ты стоишь так, как предписывает ритуал. Но есть и другие упражнения, выполняемые около огня, когда направление и поза тела играют очень важную роль, поскольку оказывают влияние на физиологические процессы твоего организма. Теперь расслабься и сосредоточься на ощущении мощного тяжелого пульса, каплей стекающего из запястья в кисть и наполняющего ее подобно вязкой жидкости. Представь себе, что жизненная сила заполняет твою руку, и эта жизненная сила одновременно и легкая, и тяжелая.

Подобно горячему газу, наполняющему оболочку воздушного шара, она обладает и силой, распирающей твою кисть, и тяжестью, тяжестью проникновения, тяжестью внедрения в твою руку. Одновременно жизненная сила дает тебе легкость. Даже вызывая ощущение тяжести в кисти, она все равно гораздо легче, чем воздух. С каждым ударом пульса все больше жизненной силы прольется в твою руку, и рука будет подниматься все выше и выше.

Ли замолчал, наблюдая, как я выполняю упражнение. Прежде чем сесть около костра, он сделал последнее замечание:

– Повернись так, чтобы твоя рука была направлена в сторону костра.

Я сделал пол-оборота вправо, начиная упражнение, как всегда рекомендовал Ли, с левой руки. Первое ощущение прибывающего и нагнетающего напряжение пульса было не совсем приятным, но я, стараясь не реагировать на это, продолжил упражнение. Через несколько минут я с удивлением заметил, что моя рука изменила свое положение, хотя я не прикладывал никаких мышечных усилий, чтобы добиться этого. Я обратил внимание, что в такт ударам пульса рука слегка подрагивала и медленно поднималась вверх.

Учитель готовил пищу, сидя на корточках у костра.

– То, что ты видишь, – аутодвижение пульса, – сказал он.

Впоследствии в упражнениях по аутодвижениям ощущение новизны стерлось, и я относился к ним довольно равнодушно, но в тот момент мне показалось чудом, что рука могла подниматься сама, без усилия мышц, под влиянием лишь представления.

Рука поднялась до уровня плеч. Мое сознание как бы раздвоилось: с одной стороны, я, как прилежный ученик, старательно выполнял упражнение, а с другой стороны, во мне присутствовал трезвый и холодный аналитик, со стороны вззирающий на происходящее.

Я, сосредоточившись на упражнении, в то же время с удивительной остротой впитывал образы окружающего меня мира: Ли, аккуратно нарезающего помидоры и колбасу на бумаге, постеленной на досках, костер, чадящий из-за брошенных туда свежих веток, резкий запах дыма, когда ветер дул в моем направлении, таинственность сумрачного леса и водоема, влажность которого чувствовалась в воздухе, загадочность ночного неба и того, что происходило со мной. Все вместе это составляло удивительную и прекрасную картину, вызывавшую во мне восторг наслаждения красотой природы и ощущение остановившегося времени.

Когда рука поднялась почти вертикально, Учитель резким движением поднялся на ноги, подошел ко мне и очень сильно ударил по кисти руки.

– Достаточно, – бросил он, даже не взглянув на меня.

Я в недоумении растирал ушибленную руку.

– Разотри руку от плеча, кисть ты уже растер. Быстро разотри всю руку и садись есть.

Ли разлил по кружкам чай, настоящий на зверобое и других травах, и заботливо подал мне кружку.

– Удивляют меня европейцы, – заявил он, отхлебывая чай. – Никогда они не задумываются о названиях трав и пьют что попало. Взять, например, зверобой. Раз его так называли, наверняка трава ядовитая и может повредить. Так нет же, они обязательно без меры используют его в своем питании.

– Зачем же ты мне даешь чай из зверобоя? – поинтересовался я.

– Когда же ты еще его попьешь? – с нежной улыбкой отравителя сказал Учитель, парализуя своей непоследовательностью все мои вопросы.

Не успел я допить чай, как Ли снова заговорил.

– Теперь твоя задача несколько усложнится.

– Что я должен буду делать?

– Ты больше не будешь концентрироваться на самом ощущении подъема. Попробуй сосредоточиться на своей правой руке, но представь, что она уже поднята и вытянута перед тобой.

Я снова встал около костра и сосредоточился на двух представлениях. Первым представлением был мыслеобраз вытянутой вперед руки. Я старался воспринимать эту воображаемую руку как реально существующую. Вторым представлением было воспоминание о самопроизвольно поднимающейся руке, стремящейся слиться с первым мыслеобразом.

Все это я выполнил с закрытыми глазами и достаточно быстро. Открыв глаза, я с радостью и удивлением увидел, что рука была вытянута перед моим лицом.

Учитель снова подскочил ко мне и, резко ударив по руке, сказал:

– Таким образом ты каждый раз должен сбивать накопившееся ощущение аутодвижения, чтобы оно не приедалось организму и не оставляло вредных последствий.

– Какие могут быть последствия? – спросил я.

– Вредные последствия заключаются в том, что при аутодвижениях энергия ци начинает двигаться по другим законам и приобретает новые свойства. Она может лечить, но она может и причинить вред. Чтобы этого не случилось, чтобы эта ци не осталась нереализованной, ударом ее нужно выбить из руки, а руку растереть. Состояние, при котором генерируется ци аутодвижений, должно измениться на естественное, иначе аутодвижение может начать перемещаться по телу, активизируя различные группы мышц и тем самым нарушая общий баланс энергии в организме. При этом носитель остаточных аутодвижений иногда даже не чувствует их, но они могут стать причиной спазмов, судорог или застоя энергии.

Ли сделал паузу.

– А теперь, – добавил он торжественно, – я дам тебе ключи к отработке бесконтрольного удара.

– Что это такое?

– Бесконтрольные удары спасают тебя тогда, когда ты уже не можешь контролировать ситуацию.

Увидев недоуменное выражение моего лица, Ли понял, что я хочу задать еще несколько вопросов, но не решаюсь сделать это.

– Ну что, так и не решишься спросить? – усмехнулся он. – Ты непредсказуем. Иногда допрашиваешь меня, как турки американского шпиона, а то вдруг молчишь и смотришь, как престарелая монашка на первом свидании.

Я усмехнулся, представив себе свидание с престарелой монашкой, и понял, что Учитель пребывает в благодушном настроении и, возможно, снизойдет до более подробного объяснения. Так и случилось. Ли сказал:

– Представь себе, что ты ведешь бой с несколькими нападающими и у тебя нет ни времени, ни сил, ни возможности отреагировать и противопоставить что-то новому противнику, который неожиданно выскакивает сзади и бросается на тебя с мечом. Ты хорошо представил эту картину?

– Да, – ответил я и поежился, вообразив, как холодный сверкающий меч разрубает мою горячую плоть от головы до паха.

– Теперь представь, что этот противник убит, ты не знаешь как, но убил его ты, даже не осознав этого. Ты удивленно смотришь, как он падает, твои враги не верят своим глазам. Тебя спасло аутодвижение. Без участия сознания твоя рука ушла на долю секунды из зоны своего сознательного движения, нанесла смертельный удар и тут же вернулась назад.

Говоря твоим языком, на эту долю секунды твоим телом управляло подсознание. Оно отдало приказ руке, и та выполнила его. Вот для чего в тайной практике воина необходимо упражнение, которое ты сегодня выполнял. Ты должен медленно отработать удар в аутодвижениях сначала рукой, а потом всем туловищем. В критические моменты этот удар по отработанным траекториям будет выполняться

настолько быстро, что ты не заметишь, как твоя рука его нанесет, и будешь наблюдать только его последствия.

Окрыленный открывшейся перспективой, я продолжил тренировку. Теперь я сосредоточивался не на ощущении аутодвижения в руке, а на детальном представлении траектории удара. Вдруг мое тело дернулось, и я увидел, как рука сама выполнила нужное движение. То, что я почувствовал, можно было сравнить с ощущением движения во сне. В первые периоды обучения у Ли меня начали посещать удивительно яркие и реальные сновидения, в которых я дрался с одним или несколькими противниками. Иногда во сне у меня возникало чувство, что что-то сковывает меня, мешая передвигаться, и тогда я заставлял себя двигаться волевым усилием, не за счет мышц, а именно представлением движения.

Чтобы закрепить успех, я представил другую траекторию удара, и моя рука почти мгновенно нанесла удар по этой траектории.

– Учитель, – начал я, – скажи, почему в первый раз моя рука...

Не дав мне закончить, Ли выхватил из костра дымящуюся головню и с размаху ударил меня ею по руке. Выражение ярости на его лице испугало меня больше, чем боль от удара.

– Сколько раз нужно напоминать о том, что ты должен делать со своими конечностями после аутодвижений? – закричал он.

Я понял «намек» и принялся растирать ушибленную руку, начиная от плеча и особенно сосредоточившись на кисти. Пройдясь по руке два раза вверх и вниз и похлопав по тем местам руки и туловища, где еще сохранялась память об аутодвижении, я снова задал вопрос, на середине которого Учитель прервал меня.

– Ли, почему при первой попытке аутодвижение выполнялось медленно, потом пошло быстрее, а в последний раз было выполнено почти мгновенно?

– Все зависит от степени сосредоточения и скорости сосредоточения, а также внутреннего напряжения посыла. Ты уже знаешь, что это такое.

– Да, – ответил я. – Я это почувствовал.

– Я научу тебя лечить с помощью аутодвижений, – сказал Учитель. – Передавая ощущение аутодвижения другому человеку, ты сможешь вылечить его. В период аутодвижения мозг спит, и оно посылает ци в то место, где необходимо присутствие энергии. В первую очередь ци направляется не в самое больное место, а в ту зону, которая больше всего тревожит твой организм. Так, например, ты можешь страдать тяжелым заболеванием, но оно не проявляется так остро, как боль в простуженных мышцах. Поэтому ци сначала направится к простуженным мышцам, снимет в них воспалительный процесс и только после этого почувствует затаившуюся болезнь. Но иногда бывает и иначе, когда ци, по какой-то причине, мимоходом проходя по зоне хронического заболевания, уничтожает его, и только после этого начинает действовать в участке тела с более ярко выраженными болевыми ощущениями.

Ли отвлекся от своих рассуждений, наливая себе еще одну кружку чая. Он бросил в нее несколько кусков сахара и начал пить чай вприкуску, поглощая сахар кусок за куском. Учитель, совершенно забыв об аутодвижениях, принялся воодушевленно рассуждать о вреде сахара, красочно описывая разрушительное воздействие «белой смерти» на здоровье и умственные способности человечества.

Ли так великолепно копировал убежденность и интонации ярых поборников здорового образа жизни, что я слушал его импровизацию, затаив дыхание и почти позабыв об упражнении, которое только что выполнял. Ли всегда насмехался над последователями вегетарианства, аскетического образа жизни, особых диет или

систем физических упражнений. Он говорил, что все проблемы человечества заключены в его сознании, и пытаться стать счастливыми, питаясь клубникой или рисом, так же глупо, как закапывать в землю золотые монеты, ожидая, что они принесут обильный урожай. Больше всего его развлекало то, что человек, додумавшийся до какой-то очередной «универсальной» диеты, ведущей к гармонии и просветлению, тут же стремился поведать о своем великом открытии всему человечеству, возводя помидоры или проросшую пшеницу на алтарь божества и заставляя других поклоняться ей.

Учитель снова и снова показывал мне, что истина находится посередине. Я нигде не встречал более сложной и продуманной до мельчайших деталей системы питания, чем в Шоу-Дао. В идеале было необходимо питаться девять раз в день, очень маленькими порциями, каждый раз составляя рацион таким образом, чтобы поставлять в организм все необходимые ему компоненты. Тут было и мясо, и рыба, и корни, и минеральные составляющие.

Ли говорил, что вопрос, придерживаться или нет правил, нужно всегда решать в зависимости от ситуации, и что сила его сознания может при необходимости уравновесить недостатки питания. Хотя обычно он питался девять раз в день, согласно канонам учения, иногда он устраивал представления с поглощением пищи или сахара в стиле древних римлян.

Свой обвинительный приговор сахару Ли закончил, эффектно втопав в землю последний кусочек «белой смерти». Потом он сел на землю и монотонно замычал, издавая продолжительные вибрирующие звуки на одной частоте, подобно тому, как это делают индийские монахи, выпевая мантру АУМ.

Я не прерывал Учителя, с интересом наблюдая за ним. Его тело было неподвижным. Полуприкрытыми глазами он смотрел на свою руку, которая начала подрагивать, медленно приподнялась в воздух и стала выписывать причудливые, округлые фигуры. Звук словно сливался с движением, сопровождая его изменения, и я неожиданно понял, что звуком Ли регулирует направление и передвижение руки. Упражнение прервалось так же неожиданно, как и началось.

– Ты видел то, к чему еще придешь, но пока тебе еще рано выполнять это, – сказал Ли. – Сейчас ты будешь выпевать звуки. Сосредоточься на звуках, которые тебе нравятся. Пусть твое горло будет свободным и расслабленным, чтобы звук длился долго и отдавался в этих областях.

Он указал мне три зоны, с которыми мне нужно было работать.

– Я должен воздействовать на эти зоны поочередно или одновременно?

– И так, и так, – Ли скорчил гримасу. – Не задавай глупых вопросов.

Сосредоточившись на звуках, я попробовал выпевать гласные и согласные звуки, но гласные мне нравились больше, и я в основном выбирал их, лишь иногда перемежая их с некоторыми звучными согласными типа «м», «н» или «з», которые мне было легче пропевать. Звуки отдавались в моем теле, заставляя вибрировать отдельные его части. Я подобрал частоту, при которой завибрировали три зоны, указанные Учителем. Процесс медитации захватил меня. Сквозь опущенные ресницы я видел отблески костра, но его свет не отвлекал меня. Ли знаком дал мне понять, что я должен изменить области воздействия. Я менял тональность, и вместе с ней менялся характер вибраций, отдававшихся в нижней и средней частях живота, плечах, руках, ягодицах, в точках юн-цюань, бай-хуэй и хуэй-инь. Я перемещал вибрацию на периферию своего тела так, чтобы она отдавалась в коже спины и внутри живота, где она заставляла сокращаться мышцы брюшного пресса.

Раньше я уже занимался звуковыми упражнениями, иногда один, иногда со Славиком или с Учителем. Пропевая определенные слоги вместе, мы попадали в унисон, и

возникало удивительное чувство воздействия звука на тело, какое иногда появляется в церкви при слушании органа или церковных песнопений. Вместе мы управляли звуком, заставляя его гулять по телу, опуская от головы до нижнего дань-тяня или мочевого пузыря.

Ли протянул ко мне руки и начал делать пассы. Я почувствовал, как мое тело попадает во власть приказов, диктуемых теплом и энергией, исходящими от его рук, и как оно повинуется безмолвным требованиям.

Вариант подобной техники инициации аутодвижений у ученика можно увидеть во второй серии моего видеофильма «Коготь каменной птицы», посвященной технике Шоу-Дао. После групповой звуковой медитации я инициировал аутодвижения у одного из моих учеников. Его тело после выполнения нескольких пассов попадает под власть аутодвижения, поток ци становится неуправляемым, захватывая все тело целиком и заставляя его выгибаться, вращаться по меняющимся траекториям с широкой амплитудой или вибрировать. Затем поток ци укрощается и осуществляется вывод из состояния аутодвижений.

На первых фазах обучения ученика нужно вводить в состояние и выводить из состояния аутодвижений. Пока его тело не подготовлено, неконтролируемый поток ци может быть опасен и чреват неприятными последствиями, вплоть до саморазрушения организма. Но когда тело становится настолько здоровым, что позволяет энергии беспрепятственно циркулировать по нему, когда подсознание ученика умеет обуздывать и направлять энергетические потоки, он может в стрессовых или критических ситуациях переходить в состояние аутодвижений, и тогда силы его удесятерятся, ци, действуя независимо от его сознания, позволяет двигаться гораздо быстрее, дает почти невероятную выносливость и практически превращает человека в неутомимого робота-берсерка, который работает на пределе своих возможностей, за счет резервов внутренних сил. Конечно, подобные всплески энергии очень истощают, и потом требуется много времени и сил для восстановления, поэтому не следует злоупотреблять аутодвижениями и использовать эту технику просто для развлечения или чтобы проверить себя.

Сосредоточившись на звуке, я не сразу заметил, как мои руки, повинясь пассам Учителя, поднялись и разошлись в стороны, а потом сошлись вместе. Заставив мое тело проделать еще несколько движений головой, телом и ногами, Ли начал активизировать мою ци длинными пассами вдоль позвоночника, возвращаясь обратно со стороны боков или вдоль рук и снова спускаясь вниз. Это повторялось многократно. Я чувствовал холодок ци, исходящей от Учителя. Организм постепенно возбуждался, напряжение в спине усиливалось, становясь мучительным и навязчивым. Непроизвольными движениями головы я пытался избавиться от этого тягостного ощущения. Покачивания головы перешли в широкоамплитудные аутодвижения, разминающие больные плечи, застуженные когда-то во время ночевки на снегу.

Я чувствовал, как ци излечивает мои застуженные мышцы. Аутодвижение казалось удивительно легким и приятным. Я провалился в состояние полудремы, краем сознания отмечая, как аутодвижение становится шире, распространяясь вниз, вовлекая в движение плечи и спускаясь по позвоночнику.

Начала вращаться верхняя часть туловища одновременно со спиралевидным движением шеи и волнообразным покачиванием позвоночного столба. Казалось, каждая часть тела перемещается сама по себе. Руки размашисто двигались из стороны в сторону, ноги начали подпрыгивать, тоже перемещаясь в разных направлениях. Тело совершало встречные круговые движения, которые не мешали движениям рук и ног.

Верхняя часть туловища вращалась в одном направлении, нижняя – в другом. Амплитуда движений увеличивалась, я почти пошел вразнос. Колени начали вращаться по самым непредсказуемым траекториям, то врозь, то в одном направлении. Аутодвижение стало переходить в вибрацию. Меня затрусило, мышцы начали сводить судороги. Онемевшие пальцы до боли в суставах сжались в кулаки. Хотелось подпрыгивать,

ударяя пятками о землю. Сжавшиеся челюсти давили друг на друга с такой силой, что казалось, что зубы вот-вот раскрошатся.

Аутодвижение перешло на мимические мышцы. Лицо искажалось серией гримас, приятных до умопомрачения, снимающих накопившееся с годами напряжение мимических мышц. Лицо, наконец, расслабилось, выбрасывая стресс, усталость и болезни. Когда Ли новыми пассажами и похлопыванием по телу остановил поток аутодвижений, я, повинаясь четкому внутреннему импульсу, начал хватать и разминать участки тела, в которых чувствовалась застой ци, выполнять массажные движения. Я ударял по этим местам, отдирая там кожу, кусал и массировал их. Некоторые зоны тела стали невероятно чувствительными, они настоятельно требовали прикосновений только тыльной частью руки – даже касание ладони вызывало в них неприятное чувство.

Когда все закончилось, Ли с усмешкой сказал:

– Ну и гримасы ты корчил, дружок. Заметил бы тебя кто-нибудь из-за тех кустов, он бы, наверно, в обморок упал.

Учитель кивнул в направлении ближайших зарослей.

– Думаю, мне не стоит объяснять тебе принципы перемещения ци по организму в момент аутодвижения, – ты познал их на собственном опыте, – сказал Ли. – Если ты когда-нибудь почувствуешь себя очень усталым, сожми челюсти и расслабься таким образом, чтобы вызванная сжатием челюстей непровольная судорога, уже неконтролируемая твоим организмом, но еще находящаяся под контролем мозга, способного в любой момент остановить ее, вылечила тебя от усталости. То же самое касается и мышц лица. Получив свободу самовыражения в аутодвижениях, они начинают напрягаться, выносить наружу и уничтожать последствия стрессов, за годы накопившиеся в организме. Таким образом они восстанавливают свои функции, а заодно и функции внутренних органов.

Лицо – это половина тела. От него в нервную систему поступает столько же сигналов, сколько от всего тела. Вызывая судорогу в любой зоне, ты можешь таким образом воздействовать на мышцы, связанные с этой зоной, и лечить ее. Воздействуя на лицо, ты в первую очередь лечишь мозг, который у вас, европейцев, безнадежно болен. Вы слишком много думаете, но делаете это неправильно.

В будущем, чтобы избавиться от стресса или переутомления, ты должен сжимать челюсти и пускать на самотек судорогу лицевых мышц. Эта судорога вылечит тебя от усталости, зубы своим давлением друг на друга будут воздействовать на внутренние органы. Ощущение сильного давления начнет перетекать из одного угла челюсти в другой.

Прежде чем закончить упражнения, когда ты почувствуешь, что челюсти сжимаются слишком сильно, нужно размять мышцы в углах челюстей, затем сделать несколько круговых движений нижней челюстью с максимальной амплитудой и несколько дыхательных упражнений, имитирующих зевоту. Потом, расслабив мышцы лица таким образом, чтобы челюсть отвисла, нужно взять ее рукой и подвигать несколько раз из стороны в сторону, вверх-вниз, немного потрясти и закончить круговым движением. Навязывая расслабленной мышце движение извне, ты позволяешь ей еще больше расслабиться, особенно если она недавно пребывала в состоянии сильного напряжения.

Точно так же напрягая другие мышцы и доводя их до состояния судороги, ты можешь воздействовать на внутренние органы, связанные с этими мышцами, и лечить их. Если напряжение мышцы вызывает болевые или другие ощущения, например покалывание, пощипывание, ощущение тепла или холода, нужно дополнительно воздействовать рукой на эту зону, так как в ней невозможно полное напряжение. Для лечебного эффекта лучше всего сочетать воздействие рукой с напряжением мышц. Так ты выгонишь болезни из тела, применяя один из приемов метода «воины, пути, крепости».

– Ли, – спросил я, – как обучать аутодвижениям людей, менее подготовленных, чем

я?

– Ты когда-нибудь играл в школе с ребятами, когда тебе прижимали руки к телу так, чтобы ты не мог поднять их?

– Как это?

Учитель подошел ко мне, схватил за кисти рук, прижал их к моим бокам и скомандовал:

– Напрягись, сопротивляйся мне.

Я напрягся и вспомнил, что в школе мы действительно не раз играли подобным образом.

– Знаешь, я вспомнил эту игру, – сказал я.

– А теперь вспомни еще раз, – усмехнулся Ли и отпустил мои руки.

Несмотря на то что я уже расслабился, руки, все еще под впечатлением затраченных ранее усилий, взлетели вверх.

– Через это ощущение самопроизвольного подъема рук, повторяемого многократно, можно привести человека к пониманию аутодвижений. А вот еще одно упражнение.

Ли поднял мои руки до уровня плеч и резко нажал пальцами на точки над локтями, спровоцировав расслабленное рефлекторное движение рук к лицу.

– Я привел тебе два примера провоцирования аутодвижений. К завтрашнему дню ты должен будешь придумать не меньше сотни упражнений такого типа.

Глава 12

Схватка в «серебряном тумане»

Я старался не упоминать о Ли в разговорах со своими друзьями и учениками и, если показывал им какие-то техники или приемы, которым Ли меня обучал, никогда не говорил об источнике или системе, откуда эти приемы появились. Обычно я объяснял, что выдумал это сам или слегка видоизменил какую-нибудь известную технику. Как правило, моих знакомых удовлетворяли такие объяснения, но я не учел, что сотрудники КГБ не будут так легковверны. В то время я вел определенную работу с офицерами госбезопасности, о которой я не могу здесь рассказать. Кроме того, я сначала в малом зале «Динамо», а потом в большом спорткомплексе «Динамо» вел факультативные группы сотрудников милиции, прокуратуры и госбезопасности. Также у меня тренировались некоторые люди из обслуживающего персонала спорткомплекса, и они так хорошо ко мне относились, что поздно вечером меняли для меня воду в бассейне, чтобы я мог прийти и поплавать в свежей, чистой воде.

В то время КГБ интересовало все, относящееся к боевым искусствам, но еще больше Комитет интересовался теми, кто эти искусства распространял. Следить за деятельностью таких наставников было нетрудно, поскольку сведения об их связях, техниках и личной жизни, правда зачастую сильно искаженные и преувеличенные, с быстротой лесного пожара распространялись в среде поклонников рукопашного боя.

Комитетчики начали подозревать, что существует неизвестный им человек, который меня тренирует, и что этот человек по уровню мастерства превосходит всех иностранных студентов и тренеров, состоящих у них на учете. По молодости лет я не задумывался о последствиях, показывая им техники Ли и называя их никому не известными и непривычными словами. На вопросы, откуда я это знаю, я отшучивался фразами

типа: «Все во всем, все вокруг нас и все внутри нас, и надо, мол, улавливать информацию из воздуха».

Часто мои собеседники продолжали настаивать, тоже стараясь вести беседу в шуточном ключе, но я улавливал в их голосах определенную напряженность и не спешил быть откровенным.

Однажды я встретился в городе со Славиком, чтобы вместе поехать на Партизанское водохранилище, где нас ожидал Учитель. Утром того же дня у меня был очередной разговор с комитетчиком, интересовавшимся источником моих знаний.

После этого разговора я никак не мог избавиться от гнетущего беспокойства. Я понял, что о системе Ли и ее философии Комитету абсолютно ничего не известно, и это заинтересовало меня.

Я раньше задавал Учителю вопрос, почему никто никогда не слышал о его школе, и он вскользь ответил, что наиболее сильное и эффективное искусство всегда было тайным, что в тайные кланы был достаточно жесткий отбор учеников, знания передавались далеко не каждому, освоить их было трудно, поэтому разным людям давались разные части знания. Учение разбивалось на части, что тоже не способствовало его распространению.

Ли тогда сказал, что мир завоевывают простейшие формы, которые кажутся человечеству панацеей, но на самом деле не имеют внутреннего содержания, достаточного для того, чтобы быть гармоничными. Я думал о том, что до сих пор не знаю, откуда пришло это учение, кто такой Ли, откуда он появился и каковы его реальные цели. Я не мог понять, почему все окутано такой глубокой тайной. Общие высказывания меня больше не удовлетворяли.

Я высказал свои сомнения Славiku, на что он с присущей ему простотой ответил:

– Ты видишь, насколько это учение захватило тебя. Какая тебе разница, насколько глубоки его корни и откуда они исходят? Вспомни, что говорил Учитель – если ты идешь по пустыне, умирая от жажды, и вдруг обнаружишь родник, ты не будешь спрашивать, откуда он появился, а припадешь к воде, чтобы утолить жажду.

Я рассказал своему напарнику, что системой Ли, а заодно и им самим заинтересовался Комитет, и все это меня крайне беспокоит, – ведь если комитетчики зацепятся за что-то, то уже не оставят в покое. Они будут стараться добраться до Учителя любой ценой, и я не знаю, к чему это может привести.

– Будем учиться до тех пор, пока судьба дает нам такую возможность, – сказал Славик.

– Не знаю, стоит ли говорить Учителю о том, что Комитет им заинтересовался. Мне бы не хотелось его напрасно тревожить.

На самом деле я смертельно боялся, что из-за КГБ Ли временно или навсегда прекратит встречаться со мной. Думаю, что Славик вполне разделял мои чувства, поскольку он, лицемерно озабоченный спокойствием духа Учителя, предложил ничего ему не говорить и посмотреть, как будут развиваться события...

Мы долго тренировались, выполняя комплексы «тяжелой руки» и «быстрых рук».

Затем Ли разрешил нам отдохнуть. Мы развели костер и приготовили пищу и чай с травами.

Тревога не отпускала меня, и, испытывая угрызения совести из-за того, что я не рассказал Учителю про расспросы комитетчиков, чтобы немного себя успокоить, я спросил:

– Ли, если тебе будет грозить опасность, если кто-либо начнет преследовать тебя, ты сможешь ускользнуть от преследования?

– Тебе не кажется, что это довольно дурацкий вопрос?

– Я понимаю, что дурацкий, но, может быть, ты ответишь на него?

– Все зависит от того, кто тебя преследует. Европейцы не умеют это делать, как, впрочем, и многое другое. Но если меня будет преследовать человек моего уровня, тут ни за что нельзя будет ручаться.

– Знаешь, есть пословица: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся», – продолжал я, слегка задетый его высказыванием о европейцах. – Скажи, ты смог бы, например, если нужно, обеспечить себе алиби, сделав вид, что одновременно находишься в двух местах?

– Такие техники существуют, – ответил Учитель и замолчал, не желая далее развивать эту тему.

Через несколько минут он сказал, что отдых закончен, и дал мне задание отработать технику «катящийся камешек» с разворотами на наклонной плоскости плотины.

Славику он приказал добраться бегом до грота, находящегося на расстоянии нескольких километров от нашей стоянки, и там выполнять упражнение по подъему энергии, которое называлось «легкие плечи».

Суть этого упражнения заключалась в том, чтобы сконцентрироваться на общем подъеме ци вверх, но подъеме легком, таком, чтобы возникало ощущение, что сотни воздушных шариков подхватывают тебя и твои руки, поднимают руки вверх, и ты чувствуешь уменьшение давления верхней половины тела на нижнюю. Создаваемое этим упражнением ощущение легкости позволяло быстрее осваивать и выполнять многие боевые техники, обеспечивая легкость и подвижность движений.

Я начал бегать на полусогнутых ногах по наклонной плоскости плотины, выполняя задание Ли, и через некоторое время прикинул, что Славик, наверное, уже добежал до грота и начал делать упражнение.

Тут я увидел Учителя, направляющегося ко мне. Приказав мне не прерывать занятия, он присел на землю и стал рассказывать о тонкостях управления кистью руки при переходе движений с круга на круг, о том, как накапливается энергия при движениях по кругам, и как этой энергией управлять. Потом он заговорил о каких-то других техниках.

Я не переставал тренироваться. В практике обучения было обычным делом давать ученику теоретический материал, одновременно заставляя его выполнять тяжелые физические упражнения. Эта методика позволяла развить у ученика предельную концентрацию внимания, мыслей и органов чувств на говорящем и на том, что говорилось. Мозг ученика приучался работать четко и ясно при любых видах физической и психологической нагрузки, при выдерживании боли, в моменты усталости и даже в полумедитативном состоянии. Эта методика позволяла осваивать многие техники с поразительной быстротой. Через несколько часов Ли сказал, что на сегодня достаточно, и пришло время отдохнуть. Мы вместе прошли по гребню плотины до костра, который почти погас, хотя мы перед уходом положили в него несколько толстых стволов деревьев.

Я увидел подходящего к костру с другой стороны Славику и повернулся к Ли, чтобы сказать ему, как удивительно, что мы пришли к костру одновременно. К моему изумлению, Ли исчез, хотя я был готов поклясться, что мгновение назад он шел рядом со мной. Я начал озираться по сторонам, ища Учителя, и заметил, что Славик

тоже как-то странно оглядывается и вертит головой. Славик присел около костра и палочкой пошевелил угли. Я опустился на землю рядом с ним.

– Знаешь, сегодня был самый счастливый день в моей жизни, – неожиданно сказал он.
– Учитель уделил мне столько внимания, как никогда раньше. Все это время он просидел со мной в гроте, рассказывая об управлении энергией и других техниках, а потом вернулся сюда вместе со мной. Кстати, он дал мне задание обсудить это с тобой.

Удивление, которое я ощутил, трудно описать. Я забыл о наставлениях Ли всегда контролировать свою мимику, и, вероятно, на моем лице отразилась вся степень изумления, поскольку Славик оторопел, глядя на меня, и спросил:

– Что с тобой? Ты выглядишь так, будто увидел перед собой привидение.

Немного придя в себя, я сглотнул слюну и сказал:

– Видишь ли, дело в том, что Учитель все это время провел со мной, и мы пришли сюда вместе.

Славик рассмеялся, решив, что это была всего лишь шутка. Я продолжал стоять на своем. Он слегка рассердился. Выясняя, кто же из нас прав, мы дошли до того, что чуть не подрались, но вовремя опомнились и постарались успокоиться.

– Может быть, лучше мы спросим у Ли, где он был? – предложил Славик.

Мы помолчали, стараясь осмыслить ситуацию, и я понемногу свылся с мыслью, что произошло что-то, выходящее за рамки привычных норм. Я очень хорошо знал Славика и понимал, что он не врет – он никогда меня не обманывал, и мы абсолютно доверяли друг другу. С другой стороны, я был воспитан в семье убежденных атеистов, у меня вообще не было никакой склонности к мистике, и любым непонятым событиям я всегда пытался найти наиболее трезвое объяснение. Славик тоже отличался здравым умом. Мы приняли тот факт, что Учитель одновременно находился с каждым из нас в разных местах, но наш рассудок отказывался примириться с этим. Переживания настолько опустошили нас, что мы больше не могли говорить и сидели, тупо глядя на угли и ожидая прихода Учителя.

Он появился примерно через час.

– Где ты был в то время, пока мы тренировались? – спросил я.

Он ответил просто и тихо без обычно присущей ему ехидной улыбки:

– В саду. Мне тоже нужно время от времени отдыхать от вас. Я гулял по вечернему саду, любовался луной, кушал яблоки и размышлял о смысле жизни.

В его словах была спокойная торжественность, но для нас это прозвучало как самое изощренное издевательство.

Мы буквально онемели. Я хотел что-то сказать и не мог. У нас вдруг пропало всякое желание задавать вопросы, и, надо сказать, я чувствовал себя полным дураком.

На следующий день Ли произнес только одну фразу, которая подвела черту под происшедшим.

– Наконец-то ты смог удержаться от несвоевременного вопроса. Это уже большой шаг вперед, – сказал он мне.

Примерно через год-полтора на том же самом месте произошло событие, повлиявшее на меня, возможно, сильнее, чем все, что случалось со мной раньше. После более

чем полугодового периода практических непрерывных занятий с Учителем на Партизанском водохранилище мне удалось достичь состояния «серебряного тумана», что означало завершение первой большой ступени обучения Шоу-Дао.

Однажды Ли сказал мне, что, хотя мы встречаемся и тренируемся почти каждый день, для настоящего прогресса этого мало, и предложил мне устроить так, чтобы мы могли находиться вместе достаточно длительное время и тренироваться непрерывно – днем и ночью. Трех месяцев летних каникул было недостаточно. Я ломал голову, пытаюсь найти возможность освободиться от занятий в институте, и неожиданно мне помог мой тренер по самбо.

По его рекомендации я устроился на производственную практику в совхоз «Жемчужный». Вместо того чтобы совершенствоваться и применять свои познания в сельском хозяйстве, я договорился (опять-таки с помощью моего тренера) с директором совхоза, что буду два раза в неделю вести все спортивные секции совхоза. Официально меня зачислили на должность помощника бригадира в бригаду виноградарей.

Мои обязанности универсального спортивного тренера заключались в следующем: один раз в неделю поздно вечером я приезжал в совхоз, вместе с местным физруком открывал спортзал и там, в жутком, холодном, совершенно непригодном для занятий помещении с сырыми, покрытыми грибок стенами, я давал группам молодежи задания по художественной гимнастике, боксу, борьбе, настольному теннису и еще каким-то видам спорта. Ночевал я в совхозе, на следующий день рано утром снова проводил занятия – и был свободен до следующей недели. Иногда я на сутки уезжал домой. Таким образом 5–6 суток в неделю я был свободен.

Славик в то время работал милиционером и занимался, в частности, охраной Партизанского водохранилища. Мы с Ли и со Славиком поселились в лесу недалеко от плотины, и начался период очень жесткого и напряженного более чем полугодового обучения. Ли проводил занятия в ритме три часа – тренировки, три часа – отдых и прием пищи. Этот цикл повторялся непрерывно. Во время изнурительных физических занятий Ли заставлял нас выполнять медитативные упражнения и одновременно рассказывал обо всем на свете: об истории клана, его легендах и притчах, передавал медицинские знания, теорию общения и управления людьми, говорил о философии, системах жестов, тайных знаках, шпионских уловках и о многом другом. Все это делалось для того, чтобы приучить нас одновременно получать информацию из многих источников и уметь отдавать информацию нескольким источникам, научить ум, эмоции и тело работать в разном ритме, выполняя различные задачи, и действовать максимально эффективно в условиях сильнейших физических, психических и умственных нагрузок.

Мы выполняли медитативные комплексы, которые вводили нас в измененное состояние сознания, учились управлять им и действовать в нем так же эффективно, как и в обычной жизни. Состояние «серебряного тумана» было на этом этапе своеобразным рубежом использования измененных состояний сознания.

В течение суток мы вели обычные циркуляционные тренировки, которые заключались в непрерывном повторении на большой скорости определенных движений в сочетании с глубоким дыханием и переходами с круга на круг. Мы имитировали движения Учителя, спарринговались и бились с тенью.

Однажды рано утром Славик ушел на дежурство, и мы с Ли остались одни. Он запретил мне есть и сказал, что сегодня я должен буду выполнить особое медитативное упражнение. В чем это упражнение заключалось, он не стал объяснять, а я уже привык не задавать никаких вопросов.

Учитель велел мне принять позу для медитации и достал из сумки несколько бутылок с буровой жидкостью, открыл одну из них, плеснул немного жидкости в кружку и предложил мне выпить. Я выпил. Жидкость имела резкий неприятный вкус, и я подумал, что это какой-то настой из трав. Ли сел напротив меня и начал выполнять звуковую

медитацию. Он издавал долгие, протяжные вибрирующие звуки на одной ноте, время от времени меняя их высоту, тональность и интенсивность. Я делал то же самое, стараясь звучать в унисон с ним. Время от времени Ли наливал в кружку очередную порцию настоя и давал мне выпить.

Прошло три часа. Привыкнув к четкому ритму циркуляционных тренировок, я мог определить этот срок, не глядя на часы. Но сигнала к отдыху не последовало. Ли дал мне задание совмещать звуковую медитацию с вибрацией, направленной на активизацию ци. По его хлопку я, не переставая пропевать звуки, начинал вибрировать всем телом в ритме, задаваемом голосом Учителя. Иногда Ли подходил ко мне и хлопал меня по какому-либо участку тела, в котором была нарушена циркуляция ци и который требовал поэтому дополнительного воздействия. Я начинал бить, колотить, мять эти участки тела. Ли воздействовал на активные точки, заставлял меня выполнять другие медитативные упражнения, которые мы изучали раньше. Я все время пил настой и выпил его, наверное, несколько литров.

К вечеру я вошел в состояние аутодвижений. Тело было легким и невесомым, оно двигалось само по себе, словно без участия рассудка и мышечных усилий выполняя необходимые упражнения. Мой мыслительный процесс остановился. Время, казалось, тоже остановилось, и только что-то внутри меня реагировало на команды и жесты Учителя.

Окружающий мир потерял четкость очертаний и стал отчужденным и незнакомым. Перед глазами возникала то ярче, то слабее прозрачная серебристая пелена, словно кто-то встряхивал передо мной прозрачную алюминиевую фольгу, отблески которой мелькали и перемешивались, как множество солнечных зайчиков.

За серебряной пеленой я увидел силуэт Ли, который жестами сделал мне вызов на бой. Я среагировал мгновенно, вернее, среагировало мое тело, бросившись на него. Мне показалось, что я двигаюсь очень медленно, я постарался двигаться быстрее, но у меня ничего не получилось. Я прыгнул к Ли. Этот прыжок, казалось, длился целую вечность, и тут я понял, что сейчас глубокая ночь. Неожиданно ночь окрасилась равномерным зеленоватым с переливами цветом. Земля и деревья засветились. Я видел, как сияет мое тело и фигура Учителя. Стало светло, как днем. Странно, но это свечение меня не удивило и как-то вообще не затронуло, словно было самым обыденным делом. Меня терзало чувство неудовлетворенности собой. Я должен был драться, но никак не мог заставить свое тело двигаться быстрее. Меня захлестнули отчаяние и ярость. И тут я понял, что Ли тоже двигается очень медленно, почти с такой же скоростью, как и я.

В качестве тренировки мы часто устраивали медленный спарринг, когда каждое движение, каждый удар выполняются в 3–4 раза медленнее, чем в нормальном спарринге, для того, чтобы ученик, уступающий Учителю в скорости движений, мышления и времени для принятия решений, успевал проводить необходимые технические приемы и учился думать и предсказывать движения соперника. Я был абсолютно уверен в том, что Ли жестом вызвал меня на бой на полной скорости, и я никак не мог понять, почему же мы двигаемся медленнее, чем в самом медленном спарринге.

Эта мысль промелькнула и исчезла. Я подпрыгнул вверх и с удивлением заметил, как медленно земля уплывает у меня из-под ног. Пытаясь достать ногами землю, я сделал ими несколько произвольных движений, словно вращая педали велосипеда. Движения выполнялись медленно, но земля приближалась ко мне еще медленнее. В этот момент что-то сместилось в моем сознании, и мне вдруг показалось, как в полусне, что я вращаю ногами с бешеной скоростью, но в следующее мгновение я снова двигался очень медленно. Не знаю, как долго продолжался бой. Это время показалось мне вечностью.

Я отражал удары Ли, проводил захваты, уходил от него. Мы катались по земле, нанося друг другу какие-то удары, но все это происходило словно в полусне. Прижимаемые телом травинки, как при замедленной киносъемке, медленно распрямлялись.

Когда я ударился о дерево и оттолкнулся от него, дерево вспыхнуло искрами. Я почти не ощущал собственного дыхания, усталости, боли, мышечных усилий. Звуки внешнего мира отодвинулись куда-то. Единственной реальностью в этом мире был только мой движущийся противник, мой Учитель.

Не помню, как я перешел в состояние сна, может быть, я просто отключился. Я пришел в себя примерно через сутки на рассвете. С трудом открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной Славика. Он улыбнулся, хотя его лицо было встревоженным. Славик заговорил со мной, но я не понимал смысла его слов. Я совершенно не чувствовал своего тела, не мог говорить и даже связно думать. Я отметил только, что вокруг меня горели несколько костров, я был закутан в одеяла и обернут полиэтиленовой пленкой.

Славик объяснил, что я сутки пролежал без сознания, что Ли только что отошел, буквально за минуту до того, как я открыл глаза. Я пытался вспомнить, что произошло, но не мог, и снова уснул. В таком полубессознательном состоянии я находился около трех суток. Иногда я ненадолго открывал глаза и видел Славика. Каждый раз перед моим пробуждением Учитель уходил под каким-нибудь благовидным предлогом – принести фруктов, собрать хворост для костра и т. д.

Ли я увидел только на четвертый день. Я очнулся в очередной раз и на этот раз вместо Славика увидел Учителя. Он массировал мне грудь. Его лицо было подчеркнуто будничным и спокойным.

– Пора тебе выпить немного рыбного бульона, – сказал он.

В его руках появилась большая резиновая клизма с наполовину обрезанным кончиком, чтобы расширить отверстие. Ли отодвинул мне пальцем губу, разжал зубы и, вставив клизму в рот, заставил меня проглотить немного рыбной ухи. Больше всего меня поразила именно будничность ситуации. Я по-прежнему ничего не мог вспомнить и не чувствовал своего тела. Было только отчужденное спокойствие и отрешенность. Ли начал растирать мое тело, надавливая на какие-то точки. Иногда он снова давал мне бульон. Тело начало понемногу обретать чувствительность, но еще оставалось легким и невесомым. Голова казалась пустой. Было такое ощущение, что даже слабое прикосновение к ней вызовет гул, как удар по колоколу.

Когда я снова проснулся, Ли и Славик сидели у костра, поджаривая мясо на шампурах. Учитель не обращал на меня внимания, рассказывая Славике какие-то истории. Как выяснилось потом, Ли велел Славике вести себя так, словно ничего особенного не произошло, но по тому, как мой приятель смотрел на меня широко раскрытыми глазами с застывшим выражением лица, я догадался, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

Память о случившемся вернулась ко мне только через несколько дней. Я постепенно начал двигаться, нормально есть, хотя и без всякого аппетита, скорее созерцательно наслаждаясь пищей. Мы говорили о посторонних вещах, не касаясь моего состояния. Ко мне начали приходить отдельные воспоминания, но они были смутными, неконкретными. Я что-то чувствовал, но никак не мог ухватить суть этого чувства. Я съездил на сутки домой, потом в совхоз провести занятия с кружками, и, когда я возвращался из совхоза, сидя в автобусе в полусонном состоянии, что-то вдруг вспыхнуло в моем мозгу, и я полностью вспомнил и восстановил события той ночи, когда я вошел в состояние «серебряного тумана».

Вернувшись на водохранилище, я разыскал Славика и с жаром принялся пересказывать ему свои воспоминания. Он сказал, что Ли запретил ему обсуждать со мной эту тему до тех пор, пока я сам не смогу вспомнить, и рассказал мне все, что он видел.

К ночи Славик вернулся с дежурства и подошел к полянке в тот момент, когда мы с Учителем начали бой. Он говорил, что никогда в жизни не видел такой скорости движений. Мы носились по полянке, как два урагана. Удары следовали с такой скоростью, что

было невозможно различить отдельные движения, воспринимался только их общий рисунок. Я почти ни в чем не уступал Ли и прыгал на такую высоту и таким образом, что это превышало любые возможности человека моей комплекции.

– Правда, я не мог понять, – добавил Славик, – почему ты в прыжках быстро-быстро вращаешь ногами, словно едешь на велосипеде.

В течение долгих часов, пока длился бой, Славик сидел в зарослях молодого сосняка на краю полянки, и зрелище так захватило его, что он вошел в состояние, близкое к трансу. Его тело застыло и словно окаменело, он не чувствовал ни своего дыхания, ни ощущения неудобства оттого, что долго находится в неподвижности. Он был целиком поглощен созерцанием боя.

Только после разговора со Славиком я наконец полностью осознал сущность происшедшего и почувствовал необычайное удовлетворение, поскольку, испытав состояние «серебряного тумана», я завершил прохождение первой большой ступени обучения. Потом Славик рассказал мне, чем закончились мои подвиги, и, хотя эта часть истории не была особо вдохновляющей, моя радость от этого не уменьшилась.

Прежде чем я отключился, у меня началась рвота. Я настолько испортил поляну, что Ли даже высказал сомнение, что в дальнейшем будет целесообразно здесь тренироваться. У меня полностью очистился желудок, и Славика, которому Ли приказал меня, уже отключившегося, раздеть и отмыть, пришлось нелегко. Потом Славик одел меня, укутал одеялами и завернул в полиэтилен. Мы и раньше иногда пользовались полиэтиленовой пленкой, когда ночевали в лесу, и Славика поразило то, что в этот раз мое тело почти не испаряло влаги и пленка не запотела, как обычно.

Все трое суток Ли и Славик непрерывно заботились обо мне. Учитель делал мне массажи, заставлял Славика поочередно растирать мои конечности. Он нагревал соль на старой сковородке и в мешочке накладывал ее на те или иные зоны моего тела. Он делал мне баночный массаж, кровопускание, прижигание конусами из трав. Периодически он давал задание Славика выполнять с моим телом разные манипуляции. Иногда для этого требовалось поднимать меня и привязывать к дереву, придавая конечностям определенные положения. Славик рассказал, что его поражали неадекватные реакции моего тела.

В какой-то момент Ли велел ему привязать меня к дереву и парить мне ноги в обжигающе горячей воде. Славик сначала поставил одну мою ногу в воду на несколько минут, через некоторое время он должен был начать согревать другую ногу, и так как ему мешала первая нога, он ненадолго вынул ее из горячей воды и поразился: вместо того чтобы покраснеть и согреться, как это обычно бывает, она была бледной, синюшной и холодной, словно находилась в снегу, а не в горячей воде. Только минут через 10–15 после того, как Славик снова опустил ее в воду и еще подлил кипятка, она стала приобретать нормальный цвет.

Ли научил Славика специальным комплексам отвлечения от головы и регуляции жара и холода в моем теле. Меня то подносили близко к кострам, то укутывали, то раскрывали и охлаждали в соответствии с определенными циклами.

Как мне представляется, состояние «серебряного тумана» – это временное ускорение хода внутренних процессов в сочетании с изменением индивидуального ощущения времени, когда молниеносное движение свое или противника человек, находящийся в этом состоянии, воспринимает как фрагмент замедленной съемки. Состояния, напоминающие «серебряный туман», может испытать и обычный человек без специальной подготовки, например, в момент сильного стресса.

Несколько лет назад я прочитал в журнале, не помню уже в каком, воспоминания солдата о состоянии, которое он пережил во время Великой Отечественной войны. Солдат увидел летящий снаряд и его падение, а потом, словно в замедленной съемке, он наблюдал, как медленно поверхность снаряда покрывается трещинами, как он начинает

распадаться на кусочки, как из него появляется пламя. В этом случае явно прослеживается изменение индивидуального ощущения времени, но воздействие стресса было недостаточным для того, чтобы солдат смог двигаться в темпе, адекватном скорости разрыва снаряда.

Глава 13

Обучение женщиной

В один из теплых майских дней я встретился с Ли. Он жизнерадостно улыбнулся мне и заявил:

– Мне кажется, тебе уже пора начать обучение женщиной.

– Хорошая идея, – согласился я. – Что же мне предстоит изучать?

– Видишь ли, – объяснил Учитель, прищуриваясь, как сытый довольный кот, – для пробуждения определенного вида жизненной силы, жизненной энергии, для того, чтобы научиться управлять этой энергией, ты должен пройти через довольно специфическое общение с женщиной, причем с женщиной – последовательницей того же учения, которому следуешь ты.

– Когда начинать? – спросил я.

– Прямо сейчас, – ответил Ли.

Мы сели в троллейбус и доехали до совхоза «Красный». Выйдя из троллейбуса, Учитель сказал, что мы должны подождать на остановке. На вопрос, кого мы будем ждать, он отвечать отказался, знаком приказав мне замолчать. В молчании мы провели около получаса, и это показалось мне немного странным, поскольку обычно Ли не тратил попусту ни минуты, и мы всегда беседовали на разные темы.

Я пытался угадать, что Ли хочет сказать этим молчанием – что меня ожидает что-то важное, или, наоборот, пытается ввести меня в заблуждение, излишне подчеркивая важность того, что не стоило особого внимания.

В какой-то момент Учитель повернулся ко мне и сказал:

– Тебе придется завязать глаза. Они приближаются.

Я оглянулся, но никого вокруг не увидел, кроме обычных прохожих, спешащих по своим делам. Ли вынул из кармана темную повязку и туго затянул ее на моей голове.

Я услышал шум затормозившей рядом машины, меня схватили чьи-то сильные руки и довольно грубо запихнули в салон.

Вспоминая детективные рассказы, я попытался было запомнить направление движения, количество и направление поворотов, отсчитывая в определенном ритме время, которое машина затрачивала, двигаясь между поворотами, но вскоре от этой мысли пришлось отказаться, поскольку машина поворачивала так часто, что я сбился со счета. С сожалением я понял, что мне не удастся определить, куда мы ехали.

Машина остановилась. Меня без особых церемоний вытащили из нее и бросили на землю. Я услышал голос Ли:

– Подчиняйся ей так же, как если бы на ее месте был я сам. Это очень важная ступень твоего обучения. От твоего поведения будет зависеть, сможешь ли ты продолжать свое совершенствование или остановишься на этом этапе.

Энтузиазма от этих слов я не почувствовал. Довольно долго я неподвижно лежал на земле, встревоженный и грустный.

Две пары рук подхватили меня, занесли в какое-то помещение и оставили лежать на чем-то вроде жесткого топчана. Я услышал удаляющиеся шаги, звук закрываемой двери. Меня так и подмывало снять повязку, но я слишком боялся ослушаться Учителя и провалить испытание. Пришлось попытаться определить, где я нахожусь, с помощью остальных органов чувств.

Некоторое время я прислушивался к звукам, приноживался, потом поднялся и начал ощупывать пространство вокруг себя. Я понял, что лежу на деревянном топчане, сколоченном из досок и покрытом широким и тонким лоскутным матрасом. Около топчана я нащупал небольшое окошечко. Запах сена и куриного помета свидетельствовал, что я нахожусь в частном доме или в небольшом крестьянском хозяйстве. Ощупывая и простукивая стены, я понял, что это неотапливаемая временка. Я немного успокоился, прекратил свои исследования и снова улегся на топчан.

Во дворе послышались легкие осторожные шаги. Дверь во временку отворилась, и вдруг я почувствовал, как проснулся, активизировался и отчаянно завибрировал мой круг ворот. Я ощутил знакомые горячие токи энергии и понял, что передо мной снова находится та женщина, которая обучала меня на поляне.

Трудно передать словами то, что я испытал. Меня захлестнул шквал эмоций и переживаний, начиная от чувства смущения и стыда оттого, что я лежу перед ней на спине с завязанными глазами, неловкости – ведь я никогда не считал себя экспертом в отношениях с женщинами, и вместе с тем меня переполняло неудержимое влечение к ней, волнение и радость оттого, что мы снова встретились.

Она подошла ближе, и я услышал тихий мелодичный голос:

– Лежи неподвижно, что бы с тобой ни происходило.

Помня то, что сказал мне Ли, я воспринял это как приказ и попытался расслабиться, хотя это было нелегко.

Женщина стала нарочито медленно расстегивать на мне одежду. К моменту, когда она закончила это делать, у меня трепетало все тело. Необычность ситуации, нарочито утрированный стиль ее прикосновений, спокойная торжественность происходящего оказали на меня исключительно сильное воздействие. Я чувствовал, как мое лицо залилось краской. Эрекции такой силы я никогда раньше не испытывал. Неимоверные усилия требовались для того, чтобы сохранять контроль над собой.

Женщина начала снимать с меня одежду. Я попытался приподняться, чтобы помочь ей, но она довольно чувствительным толчком напомнила мне, что я должен оставаться неподвижным. Потом она мягко потрепала меня по плечу, и я понял, скорее интуитивно, что этим жестом она мне говорит, чтобы я расслабился и успокоился. Вскоре я лежал уже полностью обнаженный с завязанными глазами, чувствуя всем телом ее присутствие, стыдясь и одновременно ужасаясь неизвестности.

Она стояла молча. Я слышал ее дыхание. Моя нервозность усиливалось. Я подумал, что она намеренно нагнетает напряжение. Казалось, что время замедлило свой ход, и воздух стал тягучим и вязким. Мне даже стало трудно дышать. Я расслабил горло, выдохнул и начал дышать глубоко и размеренно. Мне удалось расслабиться и восстановить нормальное дыхание. Стараясь не думать о ее присутствии, я сосредоточился только на дыхании, что мне позволило взять под контроль поток неведомых мне ранее эмоций и ощущений.

Я почувствовал, что женщина приближается. Она приближалась бесшумно, но мне казалось, что я воспринимаю ее движения своей кожей. Круг ворот снова

завибрировал, вокруг меня сформировался своеобразный энергетический кокон, чутко реагирующий своими изменениями на происходящее вокруг меня и передающий эти изменения рецепторам моей кожи.

Потоки тепла, исходящие от рук, которыми незнакомка проводила над моим телом на расстоянии, которое я не мог определить, начали ласкать меня сначала сверху вниз, затем закругленными движениями снизу в стороны, потом траектория тепловых потоков изменилась на циклические полукруговые движения, так характерные для техники рукопашного боя Спокойных. Руки оглаживали мое тело, не касаясь его. Они проходили вдоль ног с внутренней и внешней стороны, двигались в других направлениях. Это напоминало бесконтактный массаж, стимулирующий и заставляющий вибрировать каждую клеточку моего организма.

Волны от ее рук менялись и были то горячими, то холодными. Один раз ощущение жара стало почти нестерпимым, словно на мою грудь поставили раскаленную сковородку. Я чуть не закричал от боли. Крик удалось сдержать, но из-за неконтролируемого спазма мышц брюшного пресса я приподнялся, голова и ноги оторвались от опоры. Я снова опустился на топчан и попытался расслабиться, но рука, излучающая теперь более мягкие и ласковые волны, не давала мне сделать это, быстрыми движениями оглаживая меня то в одном, то в другом месте. Рука все время возвращалась к ключицам после совершения замкнутого движения вдоль одной из сторон моего тела. Иногда она останавливалась над сосками, щекоча их или лаская круговыми движениями.

Пальцы женщины коснулись моей кожи, и она начала мягко массировать меня ими. Потом она повернула руки, и я ощутил нежную бархатистую кожу тыльной стороны ее кистей. Она продолжала гладить меня, избегая прикасаться к области половых органов. Я снова очень сильно возбудился. Неожиданно ее пальцы коснулись моего лобка и начали скользить по линии чуть выше волос, и ее голос, который почему-то показался мне до боли знакомым, словно я много раз слышал его раньше, сказал мне:

– Забери силу из члена.

От этих слов краска бросилась мне в лицо, и я вдруг подумал, как смешно смущаться в ситуации, когда я и так лежу голый, беспомощный и с завязанными глазами. Происходящее было настолько нетривиальным, что было бы просто глупо смущаться еще больше, теряя контроль над своими эмоциями. Я постарался сосредоточиться на пенисе, чтобы забрать оттуда энергию, но мог почувствовать только, что он слишком перевозбужден, слишком твердый, и я не представлял, как можно справиться с этим.

– Я тебе помогу, – снова послышался голос женщины. – Сосредоточься на моих прикосновениях к лобку.

Рука нежно, но настойчиво, даже с нажимом легла на лобковую область. Я почувствовал, что ее большой палец был отогнут под углом 90° по отношению к остальным и направлен в сторону пупка.

– Теперь сосредоточься на солнечном сплетении.

Я сосредоточился на солнечном сплетении, и ее вторая рука накрыла его.

– А теперь по дуге соедини силу с солнечным сплетением и переведи ее в него.

Образ, который вызвали в моем воображении ее слова, был настолько четким, что я моментально ощутил канал, соединяющий основание пениса с солнечным сплетением. Энергия двинулась вверх по этому каналу. Дуга касалась позвоночника, некоторое время следуя вдоль него и потом изгибаясь внутрь. Возбуждение в половых органах исчезло.

– Хорошо, – сказал голос. – Ты правильно выполняешь упражнение. А теперь подними энергию через грудь к ключицам.

Рука, лежавшая на лобке, поднялась и плавно легла на межключичную ямку.

Новая энергетическая дуга соединила ее руки. На этот раз она проходила по передней части тела.

– Теперь восстанови недостающие части.

Я понял, что надо сосредоточиться на возвращении энергии по недостающим частям круга, и, переместив ее по срединной линии тела, через затылок и позвоночник направил ее в солнечное сплетение. В солнечном сплетении образовался мощный вибрирующий энергетический диск. Я опустил энергию вниз к лобку. Энергия начала с огромной скоростью перемещаться, вращаясь по образовавшейся траектории. Мне показалось, что волосы на моем теле встали дыбом. Я ощущал сильное пощипывание в корнях волос. Тело покрылось потом. Я сосредоточился на ощущениях и понял, что возбуждение пропало.

– Пусти ци в ноги, – сказала женщина.

Это было нетрудно сделать. Занимаясь с Ли, я научился с легкостью перемещать энергию по телу. Я сосредоточился на точках юн-цюань на ступнях ног и расслабил точку хуэй-инь. Энергия мощным потоком хлынула в ноги, которые задрожали и, казалось, были готовы разорваться от переполнявшего их напряжения. Меня захлестнуло такое сладостно-чувственное ощущение, что я понял, что близок к оргазму. Член снова поднялся. Рука женщины сильно и болезненно ударила по нему.

– Сосредоточься только на ногах! – жестко приказала она. – Ты не в публичном доме. Ты здесь находишься, чтобы учиться. Помни об этом.

Она схватила меня за пальцы ног и согнула их с такой силой, что я услышал хруст. Ощущение вибрации в пальцах и ступнях ног усилилось. Стопы, повинаясь непроизвольным мышечным сокращениям, разворачивались наружу. По ногам волнами пробежали судороги.

– А теперь активизируй руки.

Не задумываясь о том, как это сделать, я неожиданно для себя сел и пальцами рук ухватился за ступни ног. По спине вверх от копчика до точки фэн-фу пробежал холодок, в районе шестого-седьмого шейных позвонков начала скапливаться энергия в виде вязкой вибрирующей субстанции. Волны, идущие от копчика, пополняли ее с каждым подъемом, делая эту субстанцию все более вязкой и тяжелой. По плечам и вниз по рукам пробежали холодные мурашки. В области таза вверх от точки хуэй-инь, охватывая область копчика, также сформировалось что-то вроде энергетического шара, который тяжелеет и, увеличиваясь в размерах, поднялся до поясницы, потом до середины спины.

Чувство тяжести в области копчика усиливалось, как будто среди вязкой массы энергетического шара повисла большая тяжелая капля ртути. Эрекция полностью прекратилась. Энергия пошла по рукам. Я понял, что мне удалось забрать силу из половых органов, и эта сила перенасытила мой организм.

– Поднимай силу вверх.

Я сосредоточился на изгибе спины, и желеобразная масса потянулась вверх. Женщина подхватила меня под мышки, приподняла и стукнула ягодицами о топчан. Вязкая жидкость от этого удара резко подпрыгнула вверх, как ртуть в термометре, опущенном в кипяток.

Незнакомка снова и снова приподнимала и опускала меня. С каждым толчком вязкая

масса поднималась все выше по позвоночнику, пока наконец после очередного толчка вся масса жидкости не сосредоточилась между лопатками. Моя партнерша сильно ударила меня между лопаток, жидкость снова подпрыгнула и перешла в зону шестого и седьмого шейных позвонков. Оттуда она частично растеклась по трапецевидным мышцам и спине. Спина, казалось, загорелась и начала раздуваться, как будто ее накачивали воздухом. Заломило затылок, активизировалась срединная линия головы, я ощущал жгут, идущий от кончика носа через всю голову до точки фэн-фу и ниже до шестого и седьмого шейных позвонков.

Резкий удар по макушке в районе точки бай-хуэй создал две новые дополнительные линии распространения энергии, исходящие от активных точек, расположенных на внутренних углах бровей, и опускавшиеся к точкам фэн-чи на затылке, чтобы оттуда двумя незримыми нитями соединиться с начавшими пульсировать шестым и седьмым шейными позвонками. Мощная вибрация сотрясала мое тело. Я потерял контроль над окружающим, поглощенный процессами, происходившими во мне. Руки вибрировали, встряхивая захваченные ноги, брюшной пресс напрягся, спина тоже напряглась, по ней гуляли во всех направлениях энергетические потоки. Я отключился и не заметил, как женщина ушла.

Я проснулся от холода. Все тело было покрыто липким холодным потом. Я пошевелился. Тело казалось онемевшим и двигалось с трудом. Я начал разминать затекшие члены, поворачивать голову, пытаюсь вспомнить, где я, и что со мной происходит. Медленно я приподнялся на топчане, пытаюсь сесть, и только тут вспомнил то, что случилось. Тело по-прежнему отказывалось слушаться меня, поэтому я лег на спину и попытался расслабиться. Я был в состоянии такой апатии, что появление своей мучительницы воспринял совершенно равнодушно.

Повязка все еще оставалась у меня на глазах. Женщина молча начала растирать мое тело куском сухой шерстяной ткани. Постепенно к телу возвращалась чувствительность, но апатия не проходила. Наверно, я был слишком утомлен. Я не мог восстановить свои нормальные эмоциональные реакции.

Меня укрыли одеялом, и я впал в расслабленное оцепенение, перешедшее в сон. Проснувшись, я почувствовал на своем лице тепло солнечных лучей, падавших из окошка, и подумал, что нахожусь здесь, наверно, уже около суток. Я был так голоден, что отдал бы десять лет жизни за кусок хлеба. Через несколько минут вошла женщина и сказала, что принесла мне поесть. Она поднесла к моим рукам тарелку с пищей, запах которой сводил меня с ума.

Непроизвольно я поднял руку к глазам, чтобы снять повязку, но женщина мягким настойчивым движением отвела мою руку от лица. При этом прикосновении волна горячей энергии прокатилась по моей руке. Я сосредоточился на волшебном ощущении мягких женских пальцев, достаточно сильных, жестких и крепких и, в то же время, исключительно пластичных и нежных. Было ясно, что ее рука может быть как страшным оружием, так и источником неземного наслаждения, нежно и уверенно ласкающим мужскую плоть. Забыв о голоде, я попытался задержать ее кисть в своей, но она вырвалась и вложила тарелку мне в руки.

На тарелке я нащупал пять больших пирожков, по форме напоминающих чебуреки. Я выбрал один из них и начал есть. Меня поразил странный непривычный вкус. Я не мог определить, из чего сделана начинка. Специй было немного, и вкус, несмотря на его новизну и необычность, был исключительно приятным.

Когда я закончил есть, мокрое полотенце прошло по моим пальцам, вытирая их. Тарелку убрали. Я вдруг вспомнил, что все еще обнажен, хотя и прикрыт одеялом. Безотчетным движением я схватил одеяло и подтянул его к своей груди.

– Интересно, почему ты сидишь с завязанными глазами? – спросил женский голос с ехидными интонациями, явно позаимствованными у Ли. – Рассказал бы, кто ты и откуда.

Следуя своей привычке не отвечать на подобные вопросы, я поднес руку к повязке и сказал, стараясь не выдать своего волнения:

– Надеюсь, это приказ снять повязку?

– Да снимай, снимай, – засмеявшись, разрешила она.

Я сорвал уже порядком надоевшую повязку и в первый раз взглянул на свою напарницу. Ее юное лицо, освещенное солнцем, было необычайно красиво. Больше всего меня поразили глаза, миндалевидные, черные, глубокие и выразительные, в которых можно было утонуть. Девушка смотрела на меня снисходительно и немного торжествующе.

Пораженный удивительной красотой кореянки, я, наверно, выглядел достаточно глупо. Мышцы моего лица расслабились, и в какой-то момент я понял, что уставился на нее с раскрытым ртом. Она рассмеялась, двумя руками схватила меня за щеки и, крепко зажав большими и указательными пальцами, растянула их и игриво потрясла мою голову.

– Какой ты толстоморденький, – сказала она.

От этих слов я почему-то мгновенно расслабился и успокоился.

Чувствуя, как изменилось мое настроение, кореянка резким движением сорвала с меня одеяло. Этого я не ожидал и после мгновения недоумения покраснел и почувствовал себя неудобно. Я потянулся за одеялом, пытаясь его достать. Девушка перехватила мою руку и сказала:

– Расслабься. Тебе не нужно одеяло.

Что-то в ее голосе заставило меня внимательно посмотреть на нее. Кореянка была одета в короткое шелковое черное кимоно, расшитое драконами, которое подчеркивало округлые формы ее тренированного тела. Ее глаза, экзотическая красота и кимоно, драконы на котором шевелились в такт дыханию, буквально околдовали меня, и я понял, что передо мной самая прекрасная женщина, которую я когда-либо встречал в своей жизни. К своему отчаянию и стыду, я не смог справиться с начинающейся эрекцией.

Заметив это, она мягко сказала:

– Тебе сейчас это не нужно. Попробуй забрать силу не через поясницу, как вчера, а спереди. Подними ее до пупка.

Девушка надавила на точку около основания пениса и провела пальцем черту на моем животе от этой точки до пупка. Часть возбуждения тут же переместилась туда. Сильно возбудилась и покраснела поверхность кожи в зоне под пупком. Эрекция начала уменьшаться.

– Теперь заberi остаток силы через поясницу, – сказала кореянка.

Я, сосредоточившись на знакомом ощущении, провел остатки энергии через копчик вверх по изгибу спины. Ци, идущая по спине, повернула в области поясницы и слилась с энергией, поднимающейся к пупку. Образовался замкнутый круг, по которому ци циркулировала одновременно в двух направлениях. Энергетические импульсы начали распространяться по спине, ногам, шее и затылку. Сильнее всего они пульсировали в точках фэн-чи и фэн-фу. В этот раз движение ци не было тревожащим и болезненным, оно вызывало исключительно приятное ощущение наслаждения и сладострастия. Но это сладострастие не распространялось на область половых органов, которые словно полностью отключились. Кольцо энергии, вращаясь, вибрировало внутри меня. Неожиданно я понял, что снова очень голоден, но это

чувство голода как бы было привязано к ощущению сладострастия. Это был специфический голод, скорее всего являющийся отголоском потери энергии или желанием ее восполнить. Мои губы онемели, хотелось пошевелить ими, облизнуть их.

Корейнка подошла совсем близко и, пристально глядя в глаза, положила большие пальцы рук мне на губы. Она ласкала губы пальцами, потом, раздвинув челюсти, она засунула пальцы мне в рот и начала массировать губы и щеки изнутри легкими, нежными движениями. Эта легкость прикосновений вызвала приток ци к обрабатываемой зоне.

– Запомни, – сказала она, – легкое воздействие привлекает ци, сильное воздействие рассеивает его, вынимает ци из зоны, позволяя одним усилием нейтрализовать другое усилие и переводить энергию в иную форму.

От уголков губ ее руки опустились вниз по шее, прочертив ногтями указательных пальцев линию по коже до сосков. Она сжала соски достаточно сильно, так, что мне еще не было больно, но я находился уже почти на грани болевого ощущения. Подергивания и сжимания сосков вызвали усиление движения ци в районе поясницы. Тело покрылось гусиной кожей. Ноги завибрировали, по ступням прокатились холодные приливы блуждающей ци. Мне показалось, что я покрываюсь холодным потом, но на самом деле пот не выделялся. Это было лишь чувство прохлады испаряющейся с поверхности кожи влаги.

– Соски – это место выхода энергии. Перекрывая этот выход, ты можешь управлять энергией, направляя ее в нужное тебе русло, – сказала корейнка.

Она продемонстрировала мне, как это делается, манипулируя моими сосками, то нажимая на них, то оттягивая в разные стороны, то отпуская. В зависимости от способа воздействия энергия прилиwała то к внутренней поверхности бедер, то к их наружной поверхности, к спине, к рукам или к груди. От этих перемещений ци я испытывал неземное блаженство, хотя мой член больше ни на что не реагировал. Вся сила ушла из него в другие области тела.

Корейнка велела мне прогнать энергию по восьмерке, как я это делал вчера, но на этот раз в обратном направлении. Я выполнил это.

– Сейчас ты освоил способ сохранения семени при общении с женщиной, – сказала моя учительница. – Ты научился направлять наслаждение и ци внутрь себя. Ты должен теперь раз в неделю встречаться с женщиной и насыщать запасы своего мужского ци. Это – один из исходных моментов общения, который не только доставляет тебе удовольствие, но и позволяет научиться управлять энергией и сохранять свое семя для накопления внутренней силы. На сегодня урок закончен. Отдохни, так как в полночь начнется следующий урок.

Я откинулся на спину. Она подошла с одеялом в руках и, нарочито медленно растягивая одеяло за углы, накрыла меня им, продвигая его от пальцев ног к груди. Потом она ласково и аккуратно подоткнула одеяло со всех сторон. В ее движениях было что-то материнское. Мне стало хорошо и уютно. Я уснул.

Разбудил меня звук шагов и открывающейся двери. На дворе стояла ночь. Девушка вошла, неся в руке ведро, и приблизилась к топчану, где я лежал. Запах, распространившийся по комнате, даже в темноте выдавал, что ведро было наполнено конским навозом.

– Учитель говорил мне, что ты стеснителен и брезглив, – сказала корейнка. – Сейчас ты будешь учиться преодолевать отвращение. Это исключительно важный этап для тебя. Воин никогда не должен испытывать отвращения ни к предметам, ни к веществам, ни к живым существам и их поступкам. Он должен только учитывать опасность, исходящую от предметов, веществ или живых существ, и действовать в соответствии с этим. Тебе придется обмазать тело навозом и выйти на улицу.

Радости от этих слов я не испытал, но сильного внутреннего сопротивления тоже не

почувствовал. Меня настолько захватила сама ситуация, что я подчинился воле корейки с отрешенностью, доходящей до безразличия. Сохраняя спокойное выражение лица, я деловито обмазал себя навозом с головы до ног, встав на небольшой кусок полиэтилена, который она подстелила мне под ноги. Корейка попросила меня не запачкать времянку. Потом я вышел во двор.

Девушка последовала за мной и объяснила, что я должен выйти на главную улицу поселка, поскольку это первый шаг к тому, чтобы побороть мою стеснительность, которая мешает мне ясно мыслить и действовать в определенных ситуациях. Я прошел по двору, вышел на улицу и медленно зашагал по ней. Дверь дома, мимо которого я проходил, распахнулась, на пороге появилась женщина с ведром воды в руках. Она выплеснула воду на улицу, выпрямилась, и тут ее взгляд упал на меня. Ведро выпало у нее из рук и с грохотом покатилося по ступенькам. Женщина замерла в угловатой неестественной позе, глядя на меня с раскрытым ртом, словно не веря в реальность моего существования, потом, оставив ведро валяться на улице, метнулась в дом и захлопнула дверь.

На несколько мгновений меня захлестнула волна смущения, но усилием воли я быстро справился с ней и пошел дальше. Дойдя до конца улицы, я повернул обратно. Было слишком поздно, и больше на своем пути я никого не встретил.

Корейка стояла около дверей времянки с большим черным шлангом в руках. Она включила воду и начала поливать меня, как лошадь, упругой холодной струей.

– Теперь тебя можно пустить в баню, – с усмешкой сказала она.

Мы вошли в небольшую деревенскую баню с сауной. Я принял душ и попарился с настоем душистых трав. Все происходящее зачаровывало меня. Неординарность и непредсказуемость событий создавали восхитительное ощущение жизни, необычности и новизны. Я пытался представить, что меня ждет впереди, но воображения на это у меня просто не хватало. Я уже собрался выходить из сауны, когда дверь открылась и вошла корейка, полностью обнаженная. За мгновение до этого я был расслаблен и спокоен. Ее неожиданное появление повергло меня в состояние, близкое к шоковому. Я онемел от неожиданности, не в силах оторвать взгляд от ее смуглого тела. Круг ворот мгновенно активизировался и завибрировал, зона под солнечным сплетением начала пульсировать. Ощущение пульса передалось в точку, расположенную на три пальца ниже пупка. Я понял, что начали возбуждаться энергетические центры, упражнения с которыми раньше я многократно выполнял, занимаясь у Ли.

– Возьми пульс снизу, – сказала корейка.

Я уже умел выполнять упражнения с пульсами и управлять ими, поэтому, не раздумывая, собрал пульс из-под пупка, используя мыслеобраз втягивания его в руку и ощущения его вязкости. Я зажал пульс в руке.

– Вложи этот пульс в мое солнечное сплетение, – приказала она.

Я протянул руку к ее солнечному сплетению и сосредоточился на мыслеобразе выдыхания пульса в это место. Смущение прошло, и я полностью сконцентрировался на выполнении упражнения. Корейка положила руку на мою лобковую область. Это прикосновение было приятным. Вместе с ее выдохом волна энергии прошла от ладони по моему телу, и я ощутил сладострастную дрожь в спине и ногах. Эта дрожь передалась ощущением холода в руку, несмотря на то, что меня окутывал раскаленный воздух сауны. Энергия начала вращаться по кругу между нашими телами, проходя по моей руке, касающейся ее солнечного сплетения, и по ее руке, прижатой к моему лобку.

Корейка показала мне несколько десятков способов манипуляции энергией и передачи ее от мужчины к женщине и наоборот, вне полового контакта. Под утро она объяснила мне, что такого рода общение с женщиной позволяет воину Спокойных быстрее понять механизмы движения ци, поскольку при виде женщины мужская энергия

активизируется и приходит в движение гораздо легче, чем при обычных медитативных упражнениях. Поэтому, когда у воина есть женщина-партнер, умение управлять ци формируется быстрее.

Уже рассвело, когда мы вымылись холодной водой, насухо вытерли друг друга и пошли во времянку. Корейка велела мне лечь в постель и скользнула под одеяло, прижавшись ко мне всем телом.

– После упражнений подобного рода очень важно полежать, обнявшись, в специальных позах, – объяснила она. – Тогда восполняется затраченная энергия, и ее место занимает энергия противоположного знака. Хотя основные энергетические изменения происходят внутри организма, соприкосновение тел является раздражителем, который стимулирует обмен мужской и женской энергии, что способствует восстановлению и накоплению сил.

Мы лежали обнявшись, периодически меняя позы, в течение нескольких часов. Я чувствовал удивительную легкость во всем теле и совершенно не хотел спать. Корейка накормила меня, одела и снова завязала повязку на глазах, сказав:

– Ты не должен знать, где находится этот дом. Конечно, если ты захочешь, ты найдешь его, но я тебя прошу этого не делать, поскольку сейчас слишком опасное время для нас обоих.

Не объяснив, в чем заключается эта опасность, она мягко взяла меня за руку и вывела на улицу. Открыв дверцу машины, девушка помогла мне забраться внутрь. Машина была той же самой, что привезла меня сюда. Я находился в грузовом кузове «Москвича». Я узнал это, ощупывая салон машины. Меня высадили из машины прямо на дороге недалеко от села Пионерское. Некоторое время, следуя указаниям корейки, я оставался в повязке, когда же снял ее, то увидел удивленные лица людей, разглядывающих меня из проезжающего мимо троллейбуса...

Глава 14

Управление болью

В одно из воскресений Ли предложил нам со Славиком потренироваться на Партизанском водохранилище. Славик в этот день должен был работать, патрулируя водохранилище, но он уже приучил своих коллег по службе к тому, что он уходил в лес, надев старое, заносенное кимоно, и время от времени, создавая видимость трудовой деятельности, появлялся в районе дежурной части, чтобы выпить чаю, поболтать и снова уйти в лес.

– Сегодня я научу вас управлять болью, – сказал Учитель.

Чтобы разогреться, мы сделали пробежку по лесу. Ли бежал впереди, используя деревья в качестве воображаемого противника. Он сражался с хлещущими по телу ветками, отводя их, переламывая, захватывая, выполняя различные приемы и маневры, и мы следовали за ним, копируя его движения.

Размявшись, мы вышли на полянку, примыкающую к одной из тихих заводей Партизанского водохранилища. У Учителя была привычка носить под верхней одеждой надетую через плечо холщовую сумочку, стянутую шнуром в горловине, причем он умудрялся носить ее так, что она была почти незаметна под пиджаком или легкой курткой. Ли достал сумку и вынул из нее большую бутылку, наполненную темной жидкостью. Присмотревшись, я заметил в ней какие-то корешки.

– Управлять болью очень просто, – сказал Учитель. – Тут даже нечего объяснять. Сейчас вы все поймете сами.

У меня возникло нехорошее предчувствие. Часто Ли преувеличивал сложность выполнения упражнений и их важность для того, чтобы заставить нас сильнее сконцентрироваться, более активно переживать то, что мы делаем. Он почти никогда не успокаивал нас перед упражнением, а если успокаивал – это означало, что нас ждет что-то очень близкое к кошмару. Дезориентирующая словесная подготовка была коньком Учителя, и он иногда, входя в роль занудного европейского профессора, называл ее важным воспитательным моментом, необходимым для формирования специфического состояния боевой готовности.

Это состояние боевой готовности означало, что воин готов к любой ситуации, к любому повороту событий и не доверяет непроверенным сведениям или отрывочным характеристикам, полученным со стороны. Воин должен быть одновременно готов и к простому, и к сложному, быть не слишком расслабленным, но и не напряженным. Он должен балансировать на грани между напряжением и расслаблением, спокойствием и агрессией. Это состояние, как общий фон, должно было присутствовать при выполнении любого упражнения.

Ли движением головы и нетерпеливым жестом руки, который заключался в круговом потряхивании кистью, словно что-то отбрасывающей вверх, дал нам понять, что мы должны раздеться догола. Взяв руку Славика, он вылил немного жидкости из бутылки ему на ладонь. Лицо Славика перекошилось от боли. Я почувствовал себя очень неуютно.

Учитель, садистски ухмыляясь, подошел ко мне и встал у меня за спиной. Я весь напрягся в ожидании чего угодно, вплоть до удара палкой по голове. По моим плечам и спине потекла жидкость. Я собрал всю свою волю, готовясь к болевому шоку и чувствуя себя еретиком в лапах Торквемады, но ничего не произошло. Я было расслабился, и тут Ли с ухмылкой показал мне зажатый в другой его руке пузырек из-под поливитаминов. Судя по запаху, идущему от пузырька и моей спины, Учитель вылил на меня подсолнечное масло. Ли начал втирать масло в мое тело. Потом из потайного кармана, скрытого под воротником рубашки, Ли достал перышко и этим перышком начал наносить на мое тело поверх подсолнечного масла неизвестное мне снадобье из бутылки. Жидкость имела резкий запах и по своему действию была немного похожа на пасту Розенталя, но обладала гораздо более выраженным разъедающим действием.

Каждое прикосновение пера порождало невероятную гамму болевых ощущений, от разъедающего жжения до ноющего усталого онемения. По моему телу, сменяя друг друга, прокатились волны холода и жара. Казалось, что кожу отрывают от тела и образующуюся кровоточащую поверхность натирают солью. Приступы боли накатывали и отступали, нарастая в своей интенсивности. Хотелось кричать, выскочить из собственного тела и умчаться как можно дальше, но какие-то последние волевые ресурсы удерживали меня на месте. Я начал глубоко дышать, пытаюсь отключиться от сигналов, отчаянно посылаемых моей нервной системой. Мы и раньше выполняли подобные упражнения, контролем над дыханием снимая боль от ударов, или учились не реагировать на то, что Ли нас щекотал. Но такую боль, как сегодня, мне не приходилось испытывать никогда ранее.

Закончив намазывать спину, Учитель перешел на ноги, но мазал их уже не так тщательно и равномерно, как спину, а длинными параллельными линиями, спускающимися вниз от ягодиц к ступням. После этого он переключился на живот, на котором начал чертить полосы хаотично, во всех направлениях, без всякого порядка.

То, что творилось с моей спиной, просто не поддавалось описанию. Казалось, она разбилась на множество участков, в каждом из которых боль пульсировала и ощущалась по-разному. Нервы были напряжены до предела. Стоило хоть чуть-чуть отвлечься от контроля над дыханием, как дыхание перехватывало, и мне казалось, что я схожу с ума. Хотелось кричать, плакать, двигаться, царапать ногтями тело, чтобы сорвать с себя пылающую кожу и мясо.

Прикосновения пера к животу тоже отдавались то холодной, то горячей, то острой или режущей болью. Ли налил жидкость мне на ладони и приказал растереть ею

сначала кисти рук, а потом и все руки. Мне казалось, что я втираю перец в открытую рану.

Кивком головы Учитель указал на заводь и сказал:

– Входи в воду очень медленно, контролируя дыхание. Вспомни какое-нибудь стихотворение и читай его наизусть выразительно и четко. На твоём лице должно сохраняться выражение абсолютного покоя и удовольствия.

Я сделал отчаянную попытку выглядеть бодрым и счастливым, чем вызвал приступ неистового веселья у Славика. Меня это очень разозлило, хотя я понимал, что гримасы боли, перемежающиеся жалкими пародиями на улыбку, вполне могли бы принести мне Гран-при на конкурсе клоунов.

Ли дал Славiku бутылку с жидкостью и предложил ему намазаться самому. Славик схватил бутылку с решительностью камикадзе, пикирующего на вражеский корабль. Учитель поспешил предупредить, чтобы он намазывался аккуратно, не расплескивая жидкость в больших количествах, поскольку, зная силу воли и решительность Славика, Ли понял, что тот собрался вылить все себе на голову и растереться с отчаянностью смертника.

Я медленно входил в воду, и прикосновение воды к моей воспаленной коже вызывало ряд новых непередаваемых ощущений. Вода показалась мне ледяной, хотя в действительности было тепло. Я подумал, что препарат, которым меня намазал Ли, не только вызывает болевые ощущения, но и делает кожу гиперчувствительной, обостряя реакции организма на воздействие окружающей среды. Я медленно погружался, ступая по полоному дну, из последних сил сохраняя контроль над дыханием. Когда я оказался по горло в воде, Учитель велел мне перемещаться, делая определенные движения. Я начал выполнять эти движения руками, ногами и туловищем. В момент рассечения телом воды я почувствовал, что боль, казалось, уже достигшая пика, еще усилилась. Мне чудилось, что я двигаюсь не в воде, а в груде острых осколков битого стекла, которые при каждом движении срывали куски мяса с моего тела, как стая голодных пираний.

Я потерял чувство времени. Мелькнула мысль, что если бы я был христианином и верил в существование адских мучений, то с этого момента и навсегда я вел бы исключительно праведную жизнь.

Учитель дал мне знак выйти из воды. Я вышел и взглянул на часы Славика, которые тот оставил на своей рубашке. В заводи я провел всего лишь пятнадцать минут.

Славик начал входить в воду, а я получил новое задание. Ли велел мне тереться о стволы молодых деревьев и наносить удары по ним разными частями тела. Я бил по деревьям, испытывая при этом невыносимую боль. Учитель стоял рядом и каждый раз, когда он замечал по моим глазам или выражению лица, что я теряю контроль над действительностью, уходя внутрь себя и понемногу отключаясь от боли, он резким гортанным окриком возвращал меня к реальности. Одновременно с этим Ли монотонно и тихо, так, чтобы заставить меня внимательно прислушиваться, не прерывая выполнения упражнения, объяснял, для чего нужно установление контроля над болью, почему это так важно для меня.

– Контроль над болью делает тебя воином, – говорил Учитель. – Ты сможешь гораздо дольше продержаться в поединке, чем боец, не владеющий этой техникой. Ты будешь биться, игнорируя призывы организма о помощи, не поддаваясь болевому ощущению, травмам, не отвлекаясь на них. Даже если тебя ранят, ты будешь иметь дополнительное преимущество хотя бы потому, что сможешь контролировать свое тело и не позволишь боли влиять на твои действия и на ясность твоего рассудка.

Слова Ли отдавались где-то внутри моего сознания, гипнотизируя меня и вводя в состояние, которое я должен был испытать. Я действительно почувствовал себя

воином, сражающимся в смертельном поединке, хотя моими противниками были всего лишь деревья. Изнутри поднялась волна холодной ярости, я наносил удары все сильнее и сильнее, чувствуя, как ярость и сила наполняют меня, подавляя приступы боли и контролируя их. Боль даже начала доставлять мне определенное наслаждение, поскольку чем интенсивнее она становилась, тем более сильным я себя чувствовал, подавляя и контролируя ее.

К моменту, когда Славик вышел из воды, я превратился в разъяренного берсерка, жаждущего крови и смерти. Славик, похоже, тоже испытывал нечто подобное, поскольку, когда Ли дал нам сигнал начать бой, мы набросились друг на друга, как дикие звери. Мой организм непонятно откуда черпал все новые и новые силы, меня наполнила яростная готовность крушить и уничтожать все на своем пути, хотя ум оставался холодным и обрел удивительную четкость и ясность мышления. Возникло ощущение, что моя личность распалась на несколько составляющих, одной из которых был холодный сторонний наблюдатель, а другой – безумный всеокрушающий берсерк.

Мы со Славиком все больше входили в раж, и, похоже, это начало всерьез тревожить Учителя, поскольку он несколько раз вмешивался, парируя наши удары, чтобы мы не поубивали друг друга. В какой-то момент он прыгнул вперед, разбросав нас в стороны.

Ли велел нам увеличить скорость боя, но удары наносить только в воздух, не касаясь друг друга. Мы двигались все быстрее и быстрее, подхлестываемые гортанными выкриками Учителя. Он обзывал нас ленивыми скотами и дворовыми собаками, недостойными своей похлебки, еще какими-то необычайно цветистыми ругательствами, но его слова нас не оскорбляли. Их эмоциональный накал заводил нас все сильнее, заставляя наносить удары на пределе скоростных возможностей организма. Для того чтобы мы еще больше сосредоточились на выполнении упражнения, Ли периодически давал команду:

– Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее, быстрее... – по мере проговаривания увеличивая скорость и тональность речи так, что к концу он практически переходил на резкий пронзительный визг, вызывающий удивительную, почти гипнотизирующую отдачу в наших организмах. Когда я почувствовал, что больше не могу, что я уже дошел до предела, Учитель скомандовал:

– В воду. Быстро доплывите до середины водохранилища и обратно.

Я понял, что упражнение закончилось, и началась заминка, когда бешеный ритм движений сменяется другим, менее интенсивным. Потом ритм снижался еще больше, чтобы полностью восстановить дыхание и наконец перейти к полному расслаблению.

Выйдя из воды, мы стали выполнять упражнения по кругам, постепенно снижая темп. В какой-то момент я увидел, как Славик расслабленно рухнул на траву и заснул. Через некоторое время я тоже отключился.

Я проснулся от холода. Тело казалось окостеневшим. Славик подошел ко мне и начал растирать мое тело старым шерстяным свитером. Я так заоченел, что почти не мог пошевелиться, и только болезненное покалывание напоминало о том, что мое тело еще живое.

– Где Ли? – спросил я.

– Он уехал в Симферополь, – ответил Славик. – Я должен идти на дежурство. В котелке горячая уха, и я принес немного яблок из сада.

Мой напарник ушел. Я накинул на плечи милицейский бушлат, который Славик принес из учебного класса, находившегося неподалеку, и набросился на уху, чувствуя, что никак не могу утолить зверский голод, проснувшийся во мне. Славик оставил мне ключ от одного из учебных классов, превращенного в склад зимней одежды для охраны. Я пошел туда, зарылся в кучу дубленок и заснул, то переходя в состояние полусна и просыпаясь от собственных криков и ударов, наносимых в воздух и по

дубленкам, то снова засыпая.

Глава 15

Прикосновение к истине

Славик заторопился на службу, а мне предстояло отоспаться.

– Куда пойдём, в грот или в учебный класс? – спросил я.

Грот и учебный класс были нашими основными местами для ночлега. Грот представлял собой небольшое укрытие среди скал, защищающее от ветра и непогоды, и, особенно в теплые ночи, было исключительно приятно засыпать в нем, глядя на звездное небо и темные таинственные контуры деревьев.

Учебным классом мы были обязаны Славiku. Это было унылое бетонное строение, одиноко стоящее среди леса и возведенное с неизвестными мне целями. Сейчас это здание находилось в ведении милиции и разделялось на учебный класс с поцарапанными партами и выцветшими плакатами на стенах и складом зимнего обмундирования – милицейских дубленок, бушлатов и прочего добра. Поскольку в теплый период этим обмундированием никто не пользовался, а милиционеры не пылали жадной жаждой знаний, обычно учебный класс был заперт на висячий замок и совершенно пуст. Славiku удалось раздобыть ключи, и учебный класс стал нашим излюбленным убежищем.

– Сегодня тебе предстоит спать на деревьях, – сообщил Ли.

Я чувствовал себя совершенно измотанным после спарринга со Славиком и уже предвкушал сладкий сон на горе дубленок и бушлатов, поэтому отнесся скептически к идее отдыхать, уподобившись нашим далеким предкам, но скрыл свое разочарование за бесстрастной маской ученика, смиренно и спокойно воспринимающего любые распоряжения Учителя.

Мое наигранное безразличие не обмануло Ли, и он радостно причмокнул губами.

– Ничего, это не так страшно, как кажется, – успокоил меня он. – Тебе даже понравится.

Учитель соорудил из нескольких веревок отдаленно напоминающую гамак конструкцию, закрепив их концы на ветках и стволах деревьев. Он закрепил на веревках несколько дубленок и валиков, скатанных из бушлатов, и объяснил мне, как я должен улечься на получившееся довольно шаткое сооружение, сохраняя равновесие.

Я лег, стараясь не совершать никаких лишних движений, чтобы не грохнуться на землю. Веревки поскрипывали и колыхались под моим телом.

– Чтобы как следует отдохнуть, ты должен полностью расслабиться, – сказал Ли. – Если ты расслабишься, твое тело автоматически и без всякого напряжения примет нужное положение и уже не изменит его. Такая форма растяжки на веревках предназначена специально для полноценного отдыха. Существует множество способов подвешиваться на деревьях в зависимости от цели, которую ты преследуешь. Сейчас ты должен научиться расслабляться и отдыхать.

Вспомнив аутогенную тренировку, я начал расслабление с мышц лица и головы, переводя его на все тело. Веревки натянулись и стабилизировались подо мной. Мне казалось, что мышцы, как густой кисель, медленно стекают вниз по костям, сплавляясь в единую расслабленную устойчивую массу с валиками, дубленками и веревочным каркасом. Усталость взяла свое, и по мере расслабления меня начало охватывать удивительное ощущение спокойствия и блаженства. Я еще успел отметить фазу, когда не мог ни открыть веки, ни пошевелиться, потом тело стало легким и невесомым, исчезая и растворяясь в бесконечности, и я погрузился в сон.

Острая боль обожгла мою ногу и плечо. Я еще не успел проснуться и понять, что происходит, как тело автоматически среагировало и начало обороняться. Даже с закрытыми глазами я понял, что удары наносит Учитель. Удары Славика были менее точными, более травмирующими, но в то же время гораздо менее болезненными, чем удары Ли.

Выворачиваясь и падая с веревок, я вращательным движением голени смягчил мясистой частью икры удар палкой, направленный в кость. Приземлившись на четвереньки, я, еще не успев подняться с колен, начал совершать облачные движения, пытаюсь осуществить контроль над вооруженной палкой рукой Учителя и его другой рукой, не менее опасной, вездесущей и почти неуловимой.

Сознание постепенно возвращалось ко мне, и я с радостью отметил тот факт, что Ли атаковал меня одной палкой, а не двумя, потому что именно при обработке двумя палками я чувствовал себя мучительно беспомощным и беззащитным. В нынешней ситуации я все-таки мог что-то сделать, хоть как-то противостоять натиску Ли, и при каждом своем относительно удачном действии я чувствовал жгучую радость, которая сводила на нет острую боль от ударов.

Все глубже проникаясь приподнятым радостным настроением тренировочного боя, я уже без страха и сомнений вошел в его скоростной ритм. Мое тело стало двигаться свободно и пластично, я всем своим существом откликался на действия Учителя и, казалось, слился с ним в феерическом вихре движений. Пару минут спустя Ли отбросил палку, довольным кивком головы давая понять, что я выполнил то, чего он хотел добиться своими действиями.

Жестами Учитель показал мне, что я должен перейти к скоростному бою с тенью, основанному на облачных движениях.

Облачные движения представляют собой систему непрерывно и плавно переходящих друг в друга циркуляционных движений, в основном круговых и восьмеркообразных. Координационной сеткой облачных движений является система кругов, плоскостей или путей, описанных в предыдущей главе.

Облачные движения сочетаются с движениями корпуса таким образом, что последовательно осуществляют защиту всех уязвимых и открывающихся зон тела исполнителя и в то же время скрывают момент атаки, а за счет рук, находящихся в полурасслабленном-полунапряженном состоянии, позволяют мгновенно наносить скоростные импульсные удары в любых направлениях.

В сочетании с техникой следования за конечностями противника и поддержанием с ними постоянного контакт-контроля, облачные движения создают великолепную базу для защитно-атакующих действий, обеспечивающую очень высокую степень безопасности исполнителя.

Используя облачные движения, я мог, не глядя, чувствовать действия и перемещения противника, следуя за его конечностями с сохранением периодического легкого контакта. Я мог полностью «связать» его конечности, разрушить его планы, запутать его в липкой паутине циркуляционных движений так, что он фактически оказывался скованным.

Противник не мог предугадать, с какой точки будет нанесен удар, он вообще не замечал начала удара. Мои руки могли приблизиться к нему вплотную и осуществить техники, разрушительные в своей эффективности. Если же противник был вооружен, то, руки, через пару движений как бы прилипнув к его конечностям, могли предугадать момент начала атаки и выполнить обезоруживающее действие в самый подходящий для этого момент.

Я неоднократно упоминал о технике облачных движений в своих книгах и демонстрировал ее в видеофильмах. Так, в фильме «Коготь каменной птицы» я показывал, как с

помощью облачных движений человек с завязанными глазами может с легкостью обезоруживать вооруженного и зрячего противника.

Некоторые фрагменты применения облачных движений есть и в фильмах, посвященных УНИБОС, Универсальной Боевой Системе, разрабатываемой мною во многом на основе рукопашного боя Шоу-Дао в сотрудничестве с некоторыми моими учениками и соратниками из вооруженных сил и правоохранительных органов России, а ранее – Советского Союза. В настоящее время Универсальная Боевая Система внедряется в подготовку российской армии, флота, правоохранительных органов и частных охранных структур.

В бою с несколькими противниками облачные движения изменяли свой рисунок на очень замысловатое сочетание циркуляционных движений и перемещений по нескольким направлениям. Такая усложненная форма облачных движений могла быть использована для поиска противника в полной темноте. В этом случае подключалась заранее наработанная в тренировках сверхвосприимчивость, резко обостренная чувствительность всех органов чувств, когда на уровне подсознания пространство вокруг бойца воспринималось им, как своеобразное чувственное продолжение его тела. Боец мог четко ощущать в этом пространстве все действия и перемещения противника и блокировать даже быстрые и неожиданные его удары.

Сейчас я выполнял бой с тенью при достаточной освещенности, и вдруг, неожиданно, я поймал себя на мысли, что за счет внутренней собранности и обостренности восприятия при бое вслепую, в темноте или с завязанными глазами я работаю лучше, чем при свете дня.

Ли подскочил ко мне и нанес сильный удар в грудь, который я, увлеченный своими мыслями, не успел отпарировать. Мы снова приступили к спаррингу, но на этот раз Учитель не был вооружен.

Спарринг был направлен на отработку облачных движений. Наши конечности следовали друг за другом, почти не теряя контакта, и я автоматически выполнил технику «наблюдение за серединой» – интуитивное действие, когда сталкивающиеся и сплетающиеся верхние и нижние конечности взаимно блокируются, пытаясь занять наиболее выгодную позицию для атаки.

Одновременно с этим выполнялись серии различных способов освобождений от захватов, осуществлялись попытки выйти на бросок или болевой прием. Пытаясь выполнить какой-либо технический элемент, я, хотя обычно мне не удавалось довести его до конца из-за хитроумных контрприемов Учителя, на долю секунды как бы чувствовал его развитие и продолжение, как если бы мне удалось завершить прием. Но в самый решающий момент Ли разрушал все мои планы, и все начиналось сначала, но ощущение словно бы доведенной до конца техники закладывалось у меня в подсознание.

Я чувствовал, когда Учитель подстраивает мне ловушку, и в свою очередь делал вид, что попадался в нее. Ли, меняя тактику, снова поддавался мне, и я пытался выполнить новый прием, сопровождая его эмоциональным взрывом, наполненным жгучей, но контролируемой яростью бойца. В своем воображении я даже слышал хруст ломающейся конечности, видел внутренним зрением, как лопаются и крошатся кости, но в последний момент я ослаблял хватку, ни на секунду не забывая, что это – учебный бой.

Постепенно меня захватил процесс расширения сознания. Перенасыщенные восприятием эмоциональные каналы заряжали меня восторженным удовольствием воина, ощущающего в бою с сильным и жестоким противником свою собственную силу, технику и мощь.

Не изменяя ритма и темпа поединка, Учитель заговорил тихим монотонным голосом без малейших признаков сбившегося дыхания.

– Еще много раз я буду рассказывать тебе о пути пищи, о работе с кругом пищи, –

сказал он. – Эта тема почти неисчерпаема, так как потребность в пище – это самая насущная потребность человека, без удовлетворения которой он не сможет существовать и продолжать свой род. Поэтому, хотя слова «теория правильного питания» звучат гораздо менее завлекательно, чем, например, «управление сексуальной энергией», упражнения в круге пищи дают не менее впечатляющий эффект, чем потрясения, испытанные тобой при долинном оргазме.

Теория питания в Шоу-Дао включает в себя удовлетворение всех потребностей организма, в том числе потребностей эмоциональных, интеллектуальных, социальных, сексуальных, удовлетворение потребностей в самовыражении, активности физической и духовной, потребности в личной свободе или, наоборот, в личной зависимости и множестве других потребностей, присущих человеческим существам.

Большинство восточных эзотерических учений призывают к ограничению и обузданию личных потребностей, к отказу от желаний и побуждений, которые в данных системах рассматриваются как несправедливые, вредные или греховные. Возникающий в результате подобных самоограничений мощный волевой контроль «сознания над телом» они рассматривают как этап продвижения к познанию истины и к совершенству. «Спокойные», следуя теории питания, подходят к этому вопросу с другой стороны. В притче «Чье искусство лучше» говорится как раз о таком различии в подходе к обучению, хотя на первый взгляд может показаться, что речь там идет совсем о другом. Вот эта притча.

Однажды встретились ученики великих мастеров рукопашного боя и заспорили, чье искусство лучше, а рассудить свой спор попросили мудрого старца, живущего неподалеку от места их встречи.

Старец, недолго думая, назначил им несколько испытаний, в результате которых выяснилось, что трое бойцов превосходят в своих умениях остальных, но, как ни пытаются, а друг друга победить они не могут.

Тогда мудрец подозвал их к себе и велел каждому рассказать о своей жизни.

– День и ночь я оттачиваю свое искусство, – начал свой рассказ самый свирепый на вид боец. – Утренние лучи солнца не успевают еще коснуться вершечек гор, а я уже выбегаю из своей хижины и сокрушаю ударами все, что встречается на моем пути. Вокруг моего жилья на расстоянии трех полетов стрелы все камни обращены в пыль, а все деревья изрублены в щепки. Теперь я решил голыми руками выдолбить в скале пещеру, и не пройдет и года, как я поселюсь в ней.

Настал черед другого бойца рассказать о себе. Был он серьезным и суровым и имел вид аскета.

– Долгие часы я провожу в размышлениях и медитации, – заговорил он. – С их помощью я научил дух управлять телом, и оно, слушаясь моей мысли, может стать стремительнее стрелы, летящей в цель, сильнее самого сильного зверя и податливее воды. Долгие годы я укрощал тело болью и лишениями, чтобы заставить его подчиняться духу. Этот тяжелый бой я веду каждодневно, ибо знаю, что если дам передышку, то тело мое возьмет верх над разумом...

Третий боец внешне ничем не отличался от обычных людей, и если бы мудрец собственными глазами не видел, сколь искусен он в бою, то по облику и поведению никогда не заподозрил бы в этом человеке великого воина.

– Стыдно мне перед своими соперниками, – начал свою речь третий боец, – волею судеб вот уже более пяти лет я не могу оттачивать свое мастерство так, как делают это они, потому что мне пришлось отправиться в путешествие по просьбе своего наставника, и лишь недавно я нашел то, что искал для него. Все это время, как только выпадал случай, я ел побольше и спал подольше, потому что не знал, что ожидает меня завтра. Прежде чем отправиться странствовать, я несколько лет работал по дому у своего Учителя, лишь изредка получая его уроки. Я и сам не могу понять,

как мне удалось научиться стольким вещам. Как-то само собой выходит, что я проникаю разумом в суть вещей.

Настал черед мудреца сказать свое слово и решить, кто же из троих обладает наиболее ценным знанием.

Немного подумав, старец изрек:

– Разумный предпочтет достижение цели меньшим потом, так как труд нам дарован для созидания...

Ли выполнил новую серию приемов, давая мне понять, что мы переходим к отработке «вязки рук». В облачных движениях «вязка рук» была представлена двумя типами техник. Первая техника называлась «упавшее дерево» и заключалась в манипулировании конечностями противника, позволяющем получить временное преимущество, перекрывая одной рукой или ногой две или три конечности противника.

Примером этой техники может служить следующая комбинация: я наношу удар, противник проводит защиту рукой, я захватываю его блокирующую руку и притягиваю к себе, одновременно с этим нанося следующий удар. Если этот удар достигает цели, я получаю преимущество, если же противник успеет защититься другой рукой, я перехватываю его вторую руку, перекрывая ею ранее захваченную конечность, и, освободив свою руку от первого захвата, провожу ею новую атаку, например в область лица.

Моя вторая рука в этот момент контролирует, как бы связывая их, обе руки противника. Техника «упавшего дерева» могла быть применена как к верхним, так и к нижним конечностям, и существовали приемы, при которых одной рукой можно было одновременно контролировать три конечности противника, «связывая» их особым образом. При этом траектория, по которой я осуществлял своей свободной конечностью удар, была гораздо короче траектории, по которой должны были бы двигаться «связанные» конечности противника для осуществления защиты или атаки, что давало мне тактическое преимущество.

Вторая техника, относящаяся к «вязке рук», называлась «вход в узкое ущелье». Ее суть, наоборот, заключалась в том, чтобы разбросать руки противника в стороны и открыть вход в середину его тела, то есть нарушить его систему защиты таким образом, чтобы сделать центр доступным для атаки.

«Вязку рук» мы дополнили вспомогательными выведениями из равновесия. Непрерывной чередой рывков, толчков различными частями тела мы сбивали друг друга с устойчивой позиции, одновременно добиваясь кратковременного преимущества и удерживая свою систему защиты.

Возникла парадоксальная ситуация, когда в отсутствии устойчивого и постоянного равновесия мы чувствовали устойчивость позиции, а отсутствие стабильных позиций рук закладывало основу полноценной защиты.

– Наставник последнего бойца направил его по пути «Спокойных», а два других воина были последователями иных путей, ведущих к совершенству, – продолжил свой рассказ Ли. – Если рассматривать в абстрактном плане конечные цели подавляющего большинства эзотерических учений, то они совпадают, различаясь лишь терминологией, которая их описывает. Цель последователей Шоу-Дао формально не отличается от них – это постижение Истины, стремление к совершенству, слияние с Дао и достижение бессмертия.

Только что я произнес какие-то слова, описывающие цель, но эти слова не дают реального понятия о цели, потому что каждый человек вкладывает в них свой смысл, близкий и понятный его духу. Пока мы оставим в стороне цель учения, ведь она слишком далека и на самом деле пока неясна для тебя, и сосредоточимся на пути, которому ты следуешь, ибо твой путь – это то, что ты делаешь в данный момент, то,

что ты делал вчера, и то, что ты будешь делать завтра.

Вчера, сегодня и завтра ты ешь, спишь, тренируешься, вступаешь в контакты с людьми и совершаешь массу более или менее целесообразных действий. По этой причине в данный момент путь для тебя становится важнее, чем цель. Это первое различие между последним бойцом и его соперниками. Последний боец просто существовал. Он работал в доме Учителя, не особенно напрягаясь и не сжигая свою душу ненасытным огнем стремления к мастерству любой ценой, он путешествовал по заданию наставника, тоже не терзая себя мыслями о напрасно потерянном для Учения времени. Когда мог, он наедался досыта, когда предоставлялась возможность, он отсыпался, сберегая силы для завтрашнего дня. И в то же время, затрачивая гораздо меньше усилий, он, сам не понимая почему, достиг того же уровня мастерства, что и другие бойцы, изнурявшие свое тело постоянными тренировками и медитациями и неспособные уделить внимание обычным радостям бытия.

«Разумный предпочтет достижение цели меньшим потом, так как труд нам дарован для созидания», – сказал мудрец из притчи, и был совершенно прав. Но как же удалось последнему бойцу, затратив гораздо меньше усилий, добиться того же самого результата?

Ли замолчал и, не прерывая спарринга, метнул на меня испытующий взгляд. Ответ уже вертелся у меня на языке, но, поскольку Учитель не подал мне знака, позволяющего говорить, я вовремя сдержался.

Ли усмехнулся и ответил сам.

– Разница заключается в том, что «Спокойные» придерживаются теории правильного питания, направленной на искоренение жажд, и достигают своих целей, вовремя питая свои основные потребности и не допуская перерастания потребности в жажду. Тем самым они добиваются общей гармонии, спокойствия и уверенного следования по Пути.

Два других бойца, как и представители многих эзотерических течений, наоборот, вместо гармоничного удовлетворения своих потребностей, способствуют перерастанию некоторых потребностей в жажды, и затем, безвольно отдаваясь на волю своих жажд, хотя и достигают целей, на которые направлены эти жажды, но при этом теряют гармонию и радость бытия, затрачивая избыточные усилия на достижение того, что можно было бы достичь, говоря словами мудреца, гораздо меньшим потом и, добавляю уже от себя, со значительно большим удовольствием.

Ли уже несколько раз вскользь упоминал о человеческих жаждах по разным поводам, но впервые он связал их с кругом пищи. Задумавшись об этой связи, я отвлекся и тут же очутился на земле, едва успев сгруппироваться для смягчения удара.

Презрительная гримаса Учителя подхлестнула меня. Одним движением я вскочил на ноги, еще в прыжке выполняя облачные движения и осторожно входя в контакт с непрерывно перемещающимися руками Ли, выискивающими бреши в моей защите. Жажды и теория правильного питания на мгновение вылетели у меня из головы, но голос Учителя вернул меня к этой теме.

– Жажды – очень важное понятие в учении о питании человека. Жажды возникают, когда организм или психика человека начинают неправильно питаться, получая патологическое удовольствие от тех или иных переживаний. Естественные потребности человека при своем правильном удовлетворении не дают о себе знать до тех пор, пока не наступит время вновь их удовлетворить и забыть о них. Они похожи на нормальное чувство голода, напоминающее человеку, что для поддержания сил ему необходима пища. Насытившись, человек забывает о пище до следующего момента, когда его желудок напомнит о себе.

Есть люди, у которых из-за семейных традиций или по каким-то другим причинам процесс нормального удовлетворения естественно возникающего голода нарушен. Их одолевает желание поглощать пищу по причинам, никак не связанным с нормальным чувством голода и потребностью обеспечить организм нужным количеством питательных веществ. Они едят по расписанию в предназначенное для еды время, едят от скуки или просто потому, что вдруг захотелось чего-нибудь вкусенького. Естественная потребность в пище переросла в жажду, приносящую ущерб гармоничному развитию личности и физическому здоровью.

Каждая человеческая потребность может трансформироваться в жажду, но если «Спокойные» воспринимали жажды как болезненные отклонения психики и, следуя теории правильного питания, искореняли их, приводя в норму удовлетворение потребностей, то в обычных сообществах людей жажды, даже во многих крайних формах своего проявления, нередко рассматривались как добродетель и всячески культивировались.

Люди, пораженные жаждой и умеющие внушать эту или иную жажду своим последователям, становились лидерами. Так, революции возглавляли люди, обуреваемые жаждой власти, жаждой мести, жаждой славы, жаждой справедливости, жаждой господина или взрывной смесью этих или других подобных жажд. Вожди заражали толпу жаждой справедливости, равенства и братства, и ставшая гипертрофированной потребность в справедливости не давала людям возможности остановиться и задуматься о том, что же такое справедливость. Удовлетворяя жажду справедливости, толпа, по сути, убивала справедливость.

Каждого человека определяет набор его жажд. Умея распознавать жажды, можно управлять человеком. Жажда твоего врага – это слабый пункт твоего врага. Удовлетворяя его жажду или мешая ее удовлетворению, ты можешь управлять его чувствами и поведением в нужном тебе направлении.

Если ты хочешь завоевать женщину, тебе достаточно лишь распознать ее жажды и удовлетворить их, и тогда ты тоже можешь стать ее жаждой.

Человек, лишенный жажд, гораздо менее уязвим для манипуляций окружающих. Жажда заставляет человека терять контроль над своей потребностью. Только человек, не теряющий контроля за своими потребностями, способен к принятию осознанных решений.

Я перечислю тебе несколько разновидностей жажд, а остальные ты будешь открывать и изучать сам, общаясь с окружающими тебя людьми.

Жажда жизни развивается из одного из самых сильных инстинктов – инстинкта самосохранения. Нормально развитая потребность в самосохранении заставляет индивидуума беспокоиться о собственной безопасности и поддерживать нормальное функционирование организма. Гипертрофированный инстинкт самосохранения делает человека пугливым и мнительным, превращая его в ипохондрика, зацикленного на процессах, происходящих в его теле, чувствующего себя смертельно больным при малейшем недомогании, боящегося напрячься или совершить какое-нибудь значительное усилие, чтобы окончательно не погубить свое драгоценное здоровье. В социальной жизни такой человек обычно тоже проявляет повышенную осторожность во всем, соблюдая сверхосторожность как в денежных делах, так и в личных контактах.

Жажды слуги и господина, с одной стороны, могут быть заложены в человеке генетически, а с другой стороны, являться результатом воспитания и воздействия окружающих. Генетическая составляющая этих жажд наблюдается у животных в процессе спаривания, борьбы за самку, территорию и место в иерархии стаи.

Самец, овладевающий самкой и побеждающий противников, закладывает в память поколений, что доминировать над другими – это хорошо. В то же время более слабые особи демонстрируют подчинение, унижающее их поведение, получая таким образом меньшую трепку от доминирующего самца или какие-то иные привилегии, например в получении

пищи, и передавая своим потомкам генетическую информацию о том, что подобные действия также приносят пользу.

В отношениях между людьми жажда господина заставляет человека навязывать свою волю или пытаться доминировать каким-то другим способом во всем – в споре, в драке, в интеллектуальной дискуссии или в соперничестве из-за женщины. «Слуга», наоборот, будет всячески подстраиваться под собеседника или человека, входящего с ним в контакт, навязывая свое подчинение или желание отдаться в его власть даже в тех случаях, когда этого не требуют обстоятельства.

Жажда усложнения жизни возникает, когда человек на подсознательном уровне стремится усложнить себе жизнь. Людям такого типа нравится фраза «не ищите легкой жизни». Им доставляет удовольствие если не сам мучительный процесс преодоления трудностей, то активное сосредоточение на процессе преодоления сопротивления, ударов судьбы и всевозможных препятствий, которые человек ищет сам, если они, по какой-то причине, не возникают на его пути.

Не путай трудолюбие, настойчивость и целеустремленность с жаждой усложнения жизни. Трудолюбие, настойчивость и целеустремленность – это нормальные способы достижения намеченной цели. Целеустремленный человек шаг за шагом движется к поставленной цели, но он не будет подсознательно усложнять жизнь себе и окружающим.

Люди, обуреваемые жаждой усложнения жизни, отравляют существование собственным детям, ссылаясь на то, что в молодости они добились всего своим собственным потом и кровью, и поэтому нечего молодому поколению рассчитывать на легкую жизнь, пусть пробивают себе дорогу теми же потом и кровью.

Все жажды являются следствием нарушения циркуляции сексуальной энергии. В некоторых жаждах их сексуальная природа более выражена, например в жажде ощущений или чувственности. Эта жажда присуща наркоманам или людям, имеющим пристрастие к извращенным типам ласк. Их чувственность настолько гипертрофирована, что обычными способами ее уже невозможно удовлетворить, и действия, необходимые для ее удовлетворения, начинают наносить вред нормальной жизнедеятельности.

Жажда опасности присуща людям, получающим наслаждение от опасности, от близости смерти. К ним относятся некоторые альпинисты, гонимые, преступники и наемные солдаты. Выбросы адреналина в кровь возбуждают их сильнее, чем секс, и со временем они привыкают к чувству опасности, как к наркотику, потому что постепенно оно притупляется и для получения наслаждения требуются все большие дозы риска.

Потребность в общении естественна для человека, но жажда общения, жажда общества – это ее патологическая форма, проявляющаяся в том, что человек начинает на улице заговаривать с незнакомыми людьми или подсознательно искать какие-то иные формы общения. Жажду общения можно часто наблюдать у одиноких старушек, заговаривающих с каждым встречным и поперечным, дающих советы и пространно повествующих о происшествиях с родственниками и знакомыми, а также о подробностях личной жизни. Жажда общения часто свойственна актерам, чувствующими себя не с своей тарелке без толпы поклонников и рукоплесканий публики. Особенно это характерно для актеров с истерическим складом личности.

Естественная потребность в справедливости перерастает в жажду справедливости, или, как ее еще называют, жажду заступника. В этом случае человек пытается изменить мир и окружающих людей, подсознательно стремясь к разрешению конфликта из-за несоответствия окружающего мира его личным представлениям о правильном устройстве этого мира. Внутренний конфликт находит свое разрешение в эмоциональных взрывах и в действиях, которые с точки зрения человека, обуреваемого жаждой заступника, позволяют навести порядок и восстановить справедливость. Такие люди часто наносят большой вред обществу и окружающим людям, несмотря на то что их поступки могут быть вполне оправданы и иметь под собой почву.

Жажда заступника свойственна террористам, чье желание исправить мир и восстановить справедливость настолько гипертрофировано, что заставляет их игнорировать любые гуманные побуждения и законы общества.

Жажда упорядоченности – это жажда чиновника. Она пробуждает в человеке страсть упорядочивать и систематизировать все, что встречается на его пути. Его день расписан по минутам, а на его кухне каждая кастрюлька, тарелка или нож всегда находится на своем месте. Такой человек педантично раскладывает все по полочкам, его раздражает даже неровно задернутая занавеска, едва заметный слой пыли на комоды или не очень аккуратно застеленная постель.

Не путай людей, просто привыкших к порядку, с теми, кто одержим жаждой упорядоченности. Все зависит от способов удовлетворения потребности к упорядочиванию мира вокруг себя. Нормальное удовлетворение этой потребности выражается в том, что человек без излишнего напряжения планирует свой распорядок и аккуратно обращается с личными вещами. Если же его начинает раздражать отсутствие порядка в жизни или действиях других людей, если он испытывает страдание или отвращение при виде чужой неубранной комнаты, от того, что вещи не лежат на своих местах, это уже признак проявления жажды.

Жажда самолюбования достаточно широко распространена, и в одном из своих проявлений она получила название «нарциссизм». В этом случае человек, совершая какие-либо действия, как бы оценивает себя со стороны, наслаждаясь своей мудростью, своим бескорытием, своим благородством или, наоборот, своей агрессией, жестокостью и беспощадностью. Жажда самолюбования часто свойственна людям, любящим давать подаяние нищим, заботиться о бездомных или создавать благотворительные фонды.

Отличить эту жажду от естественной потребности очень легко – человек с такой формой жажды резко отрицательно и агрессивно воспринимает безразличие общества и отдельных личностей к своей персоне и к своим действиям, которые он считает достойными уважения, восхищения или благоговейного ужаса. В отношениях с людьми такой человек не способен на нормальное общение, а лишь старается произвести впечатление своей внешностью, богатством или эрудицией и, как паразит, питается эмоциями окружающих, немедленно оставляя тех, кто своими словами или действиями препятствует процессу наслаждения собственной неповторимостью и уникальностью.

Жажда жалости к себе – еще одна форма жажды, выражающаяся в получении обостренного удовольствия от щемящих переживаний, возникающих в результате перемещения патологических форм сексуальной энергии. Эта жажда выражается в том, что человек, более-менее обеспеченный всем, что необходимо для выживания, человек, имеющий крышу над головой, сытый, обутый и одетый, живущий в относительно стабильном сообществе, а не в зоне военных действий, тратит свое время и силы на переживание собственных воображаемых несчастий. Он страдает оттого, что живет в двухкомнатной, а не в трехкомнатной квартире, оттого, что у него зарплата 120 рублей в месяц, а не 250, оттого, что окружающие не понимают и не ценят его, оттого, что автобусы приходят с опозданием, что хлеб, купленный в магазине оказался черствым, а хорошее мясо он и вовсе не смог купить и все эти несчастья сваливаются одно за другим на его хрупкие плечи, и некому пожалеть его и разделить с ним эту невыносимую боль...

Худшее оскорбление, которое можно нанести такому человеку, – это сказать, что он сегодня прекрасно выглядит или ему в чем-то повезло. Он тут же возразит, что просто не может прекрасно выглядеть, поскольку его сердце терзают невыносимые страдания, а то, что со стороны может показаться везением, на самом деле подлинное проклятие, что вся его жизнь была ужасной цепью несправедливостей и горя и т. д.

Жажда сочувствия – еще одна разновидность жажд, представленная двумя составляющими. Первая составляющая, жажда сочувствия со стороны – острая потребность в сочувствии окружающих людей, и вторая, жажда выражения сочувствия, присутствует, когда человек навязывает сочувствие другим, наслаждаясь ощущением собственной

причастности к их жизни, представляя себе их переживания по тем или иным причинам, и без зазрения совести влезает в их дела, сострадая им по поводу и без повода.

Такое извращенное проявление сексуальной энергии часто бывает выражено у религиозных проповедников или у людей, отказавшихся от личной жизни ради духовной помощи окружающим, по их мнению, грешникам, живущим в страдании и не обретающим счастья по причине собственных заблуждений и неверия.

Жажда укрытия – одна из гипертрофированных форм застенчивости, когда человек наслаждается ощущением внутренней безопасности, забываясь в свою духовную скорлупу и укрываясь там от превратностей реального мира. Естественная потребность в осознании своей личности и получении удовольствия от ухода в свой внутренний мир свойственна интровертам. Они хотя и общаются с окружающими, но при этом не вступают с ними в активный эмоциональный контакт, уделяя внешнему миру лишь часть своего внимания.

Крайние формы жажды укрытия наблюдаются у некоторых больных шизофренией, которые настолько глубоко погружаются в мир внутренних образов, что полностью утрачивают способность общаться с внешним миром. Человека с жаждой укрытия, еще не развившейся до уровня сумасшествия, можно легко заметить в компании или в толпе. Имея некоторый опыт, ты сможешь почувствовать замкнутость его мира и его внутреннее одиночество, которое только подчеркивается среди реагирующих друг на друга и общающихся между собою людей.

Жажда эмоций в большей степени свойственна женщинам, хотя встречается и среди мужчин. Люди такого типа получают удовольствие не столько от общения с себе подобными, сколько от сильных эмоций, возникающих в процессе такого общения и возбуждающих переживаний сексуальной природы. Так, женщина может устроить бурю в стакане воды по самому незначительному поводу, подзаводя и накручивая себя вплоть до истерики, когда выбросы сексуальной энергии начинают неконтролируемо перемещаться по телу, вызывая щемящие, возбуждающие ощущения.

С жаждой эмоций связаны яростные ссоры молодых влюбленных, чья сексуальная энергия не расходуется до конца в половых сношениях, и ее избыток выплескивается в бурных, близких к эйфорическим переживаниям драматических ссор, заканчивающихся не менее бурным примирением и обычно сопровождающихся половым актом. Поскольку подобные способы обращения с сексуальной энергией приводят к истощению организма, ссоры, которые вначале приводят к дополнительному сексуальному удовлетворению, перестают его приносить и обращаются в дурную привычку, уничтожающую любовь и духовную близость.

Жены, которые целыми днями «пилят» и упрекают своих мужей, насильно втягивая их в конфликты, а потом рыдают и хлопают дверями, тоже гасят свою сексуальную неудовлетворенность избыточной жаждой эмоций.

Жажда значимости свойственна камню, считающему себя скалой. Человек, обуреваемый жаждой значимости, всячески стремится подчеркнуть свою важность и получать соответствующее ей уважение и одобрение со стороны других людей.

Существует еще множество разновидностей жажд, и тебе предстоит научиться их различать и использовать, потому что воин жизни должен уметь использовать себе на благо каждую крупинку знания.

Теперь, когда ты имеешь представление о жаждах, мы можем рассмотреть притчу «Чье искусство лучше» с этой точки зрения.

Первые два бойца демонстрируют ярко выраженные жажды. Не зная подробностей их жизни, трудно судить, какая жажда или какой набор жажд направлял их действия. Может быть, это была жажда господина, или жажда совершенства, жажда следования авторитету или жажда усложнения жизни. Тут может быть замешана жажда

самолюбования или самоутверждения или что-то совсем другое.

Не важно, какая жажда ими двигала, главное, что эта жажда искажала их картину мира и нарушала их внутреннюю гармонию, заставляя их маниакально фиксироваться на одной форме деятельности, усиливая и питая изначальное нарушение циркуляции сексуальной энергии. И хотя эти бойцы достигли того же самого уровня воинского искусства, что и третий ученик, они фактически выбросили потраченные на учение годы из своей жизни, ибо «вкус жизни», наслаждение жизнью, обучение жизнью прошли мимо них, не дав их телам и душам полноценного набора впечатлений, которым питается, на котором растет и совершенствуется человеческая душа.

Искусство третьего бойца было более универсальным. Наверно, он не смог бы выдолбить руками пещеру в скале, как сильный воин, или контролировать свое тело волевым усилием, как аскетичный боец, но поединок – это не только сила и не только контроль. Поэтому чем универсальнее и разностороннее подготовка, чем шире возможность восприятия, чем более задействованы интеллект, эмоции и инстинкты, тем выше мастерство. Боец, признанный лучшим, достиг того же самого результата более легким путем за счет правильности и универсальности питания своей психики.

У «Спокойных» есть много притч, связанных с этой темой. Та, которую я сейчас тебе расскажу, называется «Секрет непобедимости».

Жил когда-то непобедимый воин, любивший, при случае, показать свою силу.

Он вызывал на бой всех прославленных богатырей и мастеров воинских искусств и всегда одерживал победу. Однажды он услышал, что неподалеку от его селения высоко в горах поселился отшельник – большой мастер рукопашного боя. Отправился богатырь искать отшельника, чтобы еще раз доказать, что сильнее его нет на свете человека.

Добрался воин до хижины отшельника – и замер в удивлении. Думал он встретить могучего бойца, а увидел тщедушного старикашку, упражнявшегося перед хижинкой в старинном искусстве вдохов и выдохов.

– Неужели ты и есть тот человек, которого народ прославляет как великого воина? Воистину людская молва здорово преувеличила твою силу. Да ты не сможешь даже сдвинуть с места каменную глыбу, у которой стоишь, а я, если захочу, смогу поднять ее и даже отнести в сторону, – презрительно сказал богатырь.

– Внешность бывает обманчива, – спокойно ответил старик. – Ты знаешь, кто я, а я знаю, кто ты и зачем ты сюда пришел. Каждое утро я спускаюсь в ущелье и приношу оттуда каменную глыбу, которую и разбиваю головой в конце моих утренних упражнений. На твое счастье, сегодня я только принес глыбу, но не успел ее разбить, и ты можешь показать свое умение. Ты же хочешь вызвать меня на поединок, а я просто не стану драться с человеком, который не может сделать такой пустяк.

Раззадоренный богатырь подошел к камню, что было силы ударил его головой и свалился замертво.

Вылечил добрый отшельник незадачливого воина, а потом долгие годы учил его редкому искусству – побеждать разумом, а не силой...

Помимо самого очевидного толкования, эта притча говорит еще и о жаждах. Жажда первенства сделала богатыря очень сильным, но в то же время заставила его потерять картину мира. В результате воин разбил голову, а отшельник, свободный от жажд, начал развивать у него гармоничное и адекватное восприятие действительности, давая его душе полноценное питание в соответствии с гранями жизни.

На некоторых этапах обучения, относящихся к поглощению ложных знаний, «Спокойные» проводят ученика через все возможные жажды, вначале провоцируя их с помощью специальных упражнений, а затем заставляя ученика прочувствовать острый вкус

этих жажд и использовать их для достижения новых вершин самосовершенствования.

Воины жизни учатся управлять жаждой так же, как они управляют эмоциями, вызывая их или заставляя их исчезать по собственному желанию. Научившись вызывать жажды, они развивают умение правильно их использовать.

Каждая жажда имеет две составляющие – конструктивную и деструктивную. Положительная функция жажды заключается в том, что она вынуждает человека сильнее концентрироваться на достижении поставленной цели, а отрицательный эффект проявляется в истощении нервной системы, потере внутренней гармонии и адекватного самоосознания. Используя жажды для достижения тех или иных целей, «Спокойные» выполняют специальные медитации, увеличивая таким образом положительный эффект жажд и смягчая отрицательный.

Так, добавляя к жажде жизни внутреннюю улыбку и чувство любви к собственному телу, можно стимулировать или расслаблять организм, повышая его сопротивляемость и жизненную силу.

Конструктивная составляющая жажды слуги находит великолепное применение в сексуальных отношениях, когда мужчина, с наслаждением выполняя желания женщины, доставляет удовольствие им обоим, или когда человек выказывает уважение отцу или старшему в клане и получает удовольствие, осознанно удовлетворяя таким образом некоторые свои психофизические потребности.

Учитель, правильно управляя учеником, использует конструктивную составляющую жажды господина, пользуясь безоговорочной властью и осознанно удовлетворяя при этом свои потребности в передаче другим людям накопленных за долгие годы знаний и опыта, но он не впадает в упоение властью и не получает садистского удовольствия от доминирования над слабым.

Используя по назначению каждую жажду, ученик как бы «перерастает» ее, и жажда затухает сама по себе, но память о ней закладывается в подсознание, и в нужные моменты последователь Шоу-Дао может искусственно вызвать у себя ту или иную жажду и применить ее в своих целях.

Притча «Волшебное копьё» рассказывает как раз об использовании жажды ученика для его обучения при помощи ложных знаний.

Один из Следующих По Пути Истины, проходя через город, решил дать представление на базарной площади, чтобы заработать себе на пропитание на ближайшие несколько лет.

Прикрепив к дорожному посоху нож вместо наконечника, странник сделал самодельное копьё и стал показывать всевозможные трюки. Вскоре вокруг него собралась большая толпа, а кто-то из местных удальцов даже попробовал посостязаться со странником в воинских умениях, но как бы они на него ни нападали, с оружием или без, он легко побеждал их. Удерживая древко копья лишь тремя пальцами, он награждал атакующих обидными тумаками, а то и щекотал или ударял их острием.

Когда же день стал близиться к вечеру и странник решил закончить свое представление, из толпы зрителей вышел юноша и обратился к нему с такими словами:

– Воистину тебе нет равных в умении обращаться с копьём, а я давно ищу Учителя, который бы согласился преподать мне это искусство.

Юноша был из богатой семьи, и об этом лучше всяких слов говорили его красивая одежда и гордый облик. Ожидая решения собеседника, он проявлял явные признаки нетерпения и не смог скрыть искру высокомерия, мелькнувшую невзначай в его прищуренных глазах.

Видя, что странник медлит с ответом, юноша поспешил продолжить свою речь, пообещав тому хорошую плату за обучение и предложив ночлег в своем доме вместе со слугами.

Странник не желал наживать себе могущественных врагов, но очень хотел продолжить путешествие. Поэтому он сказал юноше:

– Я ничтожный человек, а не великий мастер, а все, что ты видел, – лишь проявление могущества волшебной силы этого копья, – он указал на посох с прикрепленным к нему ножом и продолжил: – Все, чему я обучен, – это умение прислуживать ему.

Загоревшиеся в глазах у юноши алчные огоньки выдали его желание завладеть волшебным копьем.

Пренебрежительным тоном, в котором не осталось и тени почтения к страннику, юноша сказал:

– Мой отец купит у тебя копье, и ты получишь за него все, что пожелаешь. Если же ты воспротивишься этому, то копье отберут у тебя силой.

Улыбнувшись, странник ответил:

– Не я владелец копья, а оно – мой властелин. Его нельзя ни купить, ни украсть, ни отобрать силой. К нему только можно пойти в услужение и научиться исполнять его прихоти. Если же кто-то попытается завладеть им другим способом, то навлечет на себя несчастья, а волшебная сила копья перейдет в какой-нибудь другой предмет.

– Так вот почему у этого копья такой невзрачный вид, – воскликнул юноша. – Волшебная сила не хочет привлекать к себе внимание непосвященных. Научи же меня оказывать ему почести и выполнять его приказания.

– Если желаешь научиться служить ему и пользоваться его покровительством, – ответил странник, – придется тебе сначала заплатить за место чиновника при копье, обучение и содержание за год вперед, а затем отправиться в путешествие к святым горам вслед за копьем, ибо туда оно как раз и направляется.

К вечеру того же дня все было улажено, и странник с юношей и копьем двинулись в путь...

Шли дни, менялись времена года, и юноша из своевольного, изнеженного и капризного подростка превратился в могучего воина.

Однажды, когда спутники взойшли на высокий перевал, странник бросил копье в глубокое ущелье и с трудом удержал юношу, который чуть не прыгнул за ним вниз.

– Ты постиг высокое мастерство, но не познал корней жизни, – обратился мудрый странник к своему молодому другу. – Ни одна вещь на свете не стоит того, чтобы рисковать из-за нее жизнью. Что же касается волшебной силы копья, то пока ты учишься управлять им, предугадывая его желания, она вся перешла в тебя.

После этих слов на юношу снизошло прозрение.

– О, Великий, – обратился он к мудрецу, – возьми меня в ученики и назначь плату за обучение.

– За истинное знание не берут мзды, ибо ты и так отдаешь ему жизнь, – сказал странник.

– Почему же ты тогда при нашей встрече потребовал плату? – спросил юноша.

– Люди не ценят того, что им достается даром, и мерой всех достоинств сделали

золото, – сказал отшельник. – Но истинные ценности всегда с тобой и вокруг тебя. Это ты сам, воздух, которым ты дышишь, земля, на которой ты стоишь, пища, что утоляет твой голод и жажду, и одежда, что согревает тебя. Никакие другие богатства с ними не сравнятся.

Однако ты никогда не пошел бы со мной в день нашей встречи, если бы я рассказал тебе об этом. Люди мира больше всего ценят золото и власть, и ты тоже был таким. Но я увидел в тебе жажду Истины и стал учить тебя любить жизнь. В день нашей встречи я взял тебя в ученики, но узнал об этом ты только сейчас.

Странник улыбнулся, взглянув на ученика, и пошел своей дорогой...

Ли замолчал и посмотрел на меня.

Я решил не задавать вопросов, чувствуя, что в этот раз Учитель предпочтет сам истолковать притчу в том ключе, который подходит к теме сегодняшнего разговора.

– Странник разглядел в юноше жажду истины, которую тот не осознавал, влекомый более сильными жаждями – жадой обладания, жадой могущества и жадой самолюбования, – снова заговорил Учитель.

– Используя ложное знание, странник заставил юношу последовать за ним, и жажда обладания волшебным копьем помогла капризному подростку преодолеть все тяготы скитаний и обучения и превратиться в опытного воина.

Тогда странник использовал иное ложное знание, выбросив копье и дав иную трактовку своих действий. Это помогло ученику осознать свою жажду обладания, и эта жажда, выполнив свое предназначение, изжила сама себя и исчезла, уступив место иной жадости, уже более мягко выраженной, – жадости следования за Учителем.

Со временем и эта жажда выгорит и исчезнет на очередном этапе поглощения ложных знаний, и юношу ожидает новая жажда, уже почти превратившаяся в нормальную потребность и новый виток Пути, расширяющий его картину мира.

Когда человеком владеет одна или несколько жадостей, эти жажды заглушают естественное проявление потребностей человека. Более того, человек даже не подозревает о том, что у него есть какие-то неудовлетворенные потребности, но общая неудовлетворенность постепенно накапливается, даже в том случае, если основные жажды удовлетворяются, и это нарушает гармонию его существования.

Так, человек, обуреваемый жадостью власти и добившийся богатства и высокого общественного положения, редко бывает счастлив в личной жизни, потому что естественная потребность в любви и человеческой близости не выходит у него на сознательный уровень, поэтому он не уделяет должного внимания удовлетворению этой потребности и не может чувствовать себя до конца счастливым. В пылу борьбы за власть он не замечает своей внутренней неудовлетворенности, но как только борьба заканчивается и он восходит на вершину успеха, происходит ужасная вещь. Его жажда полностью удовлетворена, она перестает быть основной ведущей силой его действий, и тут на поверхность выходит годами накапливавшаяся неудовлетворенность остальных потребностей, и наступает духовный кризис. Ему повезет, если он сможет пробудить в себе иную жажду и заняться процессом ее удовлетворения, в противном случае его ждет эмоциональный хаос и потеря смысла жизни.

По той же самой причине любовь, которая казалась безмерной, страстной и вечной, обращается в отчуждение или даже отвращение после медового месяца. Человек, готовый идти на любые крайности для удовлетворения своей жажды любви и сексуальной близости и всеми путями добивающийся взаимности, после получения возжеланной награды – предмета своего обожания – удовлетворяет жажду, и тут на поверхность

выходят иные неудовлетворенные потребности, такие, как потребность в разнообразии, потребность в одиночестве, потребность в понимании и сочувствии, потребность в надежности и безопасности и другие. Если партнер окажется способным удовлетворять значительную часть его потребностей, то союз может оказаться удачным, и жажда любви плавно перейдет в удовлетворенную потребность в любви.

Если же, как бывает по большей части, партнеры, удовлетворив свою жажду сексуальной близости, выясняют, что они не способны удовлетворить остальные потребности друг друга, любовь исчезает, и на ее месте возникает сложный букет негативных чувств и горькие воспоминания о былой страсти.

Воины жизни лишены жажд. Они учатся осознавать, развивать и удовлетворять все свои потребности, и это делает их независимыми, счастливыми и гармоничными.

Будда когда-то сказал: «Желания приносят страдания. Человек, который избавится от желаний, избавится от страданий».

«Спокойные» придерживаются другой точки зрения. Избавить человека от желаний может только смерть. Когда хочется есть, можно усилием воли подавить голод, но, если полностью избавиться от желания есть, человек умрет. Поэтому я сформулировал бы утверждение Будды другим образом: «Жажды приносят страдания. Человек, который избавится от жажд, избавится от страданий».

Однако для того, чтобы избавиться от страданий, недостаточно избавиться от жажд. Суметь осознать и удовлетворить свои потребности – это целая наука, относящаяся к «вкусу жизни».

Из теории жажд автоматически вытекает классификация людей по типам, основанная на пяти первоэлементах. Пять первоэлементов, как, впрочем, триграммы и гексаграммы, служили основой систем классификации всевозможных предметов и явлений окружающего мира.

Благодаря этой символике, философ, лишенный иных инструментов познания и описания мира, мог достаточно близко подобраться к самой сути природы и явлений, объясняя себе картину мироздания достаточно ясным и непротиворечивым образом.

Пять первоэлементов – это инструмент для создания схем, и некоторые из этих схем широко известны как на Востоке, так и на Западе.

Схемы круга и заключенной в нем звезды, отражающие взаимоотношения пяти первоэлементов – стимуляцию или угнетение их друг другом, широко известны в рефлексотерапии и определяют методики лечения. Эти схемы ты уже знаешь. Когда-нибудь я расскажу тебе о других...

Ли увеличил темп спарринга, и я целиком включился в поединок. Наши руки сплетались и перекрывали друг друга, ноги взлетали, нанося противнику ощутимые толчки. Захваты Учителя стали более жесткими и болезненными, и я освободился от них с глубоким и сильным вздохом. Такой вздох помогал растопить болевые спазмы и перевести их в оргазмические ощущения.

От захватов за конечности Ли перешел к болевым захватам за кожу, и я снова включился в режим управления болью. Я отделился от нее, и наш поединок перешел в заключительную фазу медленных облачных движений.

Глава 16

Формирование «аромата плода»

Несколько месяцев спустя, когда период обучения в лесах Партизанского водохранилища закончился, Ли сказал:

– Мы столько раз говорили о жаждах, что ты, наверно, стал экспертом в этом вопросе. Пора научиться применять полученные тобой знания на практике.

Мы не спеша шли по Пушкинской – центральной улице Симферополя и излюбленному месту для прогулок большинства жителей города.

– Я уже давно хотел заняться практикой, – с энтузиазмом откликнулся я.

– Да, твои вопросы об этом мне порядком надоели, – ворчливо произнес Учитель. – Похоже, развлекаться на улицах тебе нравится гораздо больше, чем слушать мои мудрые речи.

– Ну что ты, – притворно возмущился я. – Ничто не сравнится с наслаждением, которое ты доставляешь мне, утоляя мою жажду знания. Но я, следуя твоим указаниям, не забываю и о своих потребностях, а упражнения на улицах дают мне возможность распространять аромат своего плода на симпатичных девушек.

– На этот раз твоя задача будет несколько иной, – сказал Ли. – Ты будешь не распространять аромат плода на других людей, а, наоборот, вдыхать аромат их плодов.

Учение об аромате плода было составной частью «Вкуса плода с дерева жизни». Плод символизировал жизнь человека, который являлся одновременно и частью плода, и его олицетворением.

– Аромат плода складывается из мнения о тебе, твоего внешнего вида, запаха, того, что ты сам о себе думаешь, и того, что думают о тебе другие, – когда-то давно объяснил мне Ли. – Аромат плода – это слухи, которые распространяют о тебе другие или которые ты распространяешь о себе сам, воздействуя таким образом на своего будущего врага или союзника или просто на человека из толпы.

Формируя аромат плода, ты одновременно воздействуешь и на себя и становишься человеком, который отражает аромат плода. Из всех ароматов других людей ты выбираешь те, которые тебе больше по душе, и пытаешься в той или иной форме приспособить свой аромат под окружающих.

Существуют специальные приемы распространения аромата плода для достижения нужного тебе эффекта воздействия на других людей. Поэтому аромат плода имеет самое непосредственное отношение к общению и управлению людьми.

Рука Учителя вцепилась мне в плечо. Я обернулся и оцепенел на месте от ужаса. Лицо Ли исказило выражение животной жестокости, его глаза излучали ненависть и злобу убийцы-психопата, а тело пульсировало от сдерживаемой агрессии.

Учитель уже не раз пугал меня своими неожиданными действиями, и я уже более или менее привык контролировать свои эмоциональные реакции, но тут он застиг меня врасплох. Уютное спокойствие любимой улицы в сочетании с веселыми воспоминаниями о том, как я учился передавать аромат своего плода идущим по улице симпатичным женщинам, привели меня в такое благодушное настроение, что я просто не сумел перестроиться и понять, что происходит. Я чувствовал, что в следующую секунду это яростное чудовище, сжимающее мое плечо, набросится на меня и растерзает в клочья. Я прирос к месту, глядя на Ли с обреченной тупостью барана, предназначенного на заклятие, и тут Учитель отпустил мое плечо и весело расхохотался. По моему телу прокатилась дрожь облегчения. Я расслабился, хотя голова немного кружилась, и я не очень хорошо соображал.

– Немногого ты стоишь, если позволяешь кому угодно парализовать тебя взглядом, – презрительно бросил Ли.

– Не кому угодно, а тебе, – машинально и довольно глупо возразил я, встряхивая головой, чтобы прогнать оцепенение. – Что ты сделал со мной?

– Я показал тебе управление жаждой для формирования аромата плода, – сказал Учитель. – То, что ты видел, было мыслеобразом доведенной до крайних пределов жажды мести. Когда-то я уже говорил тебе, что в общении, как и во всем остальном, воины жизни выбирают срединный путь, оставаясь нейтральными в своих внутренних проявлениях, но создавая вокруг себя аромат, который может трактоваться как в одну, так и в другую сторону. Если сравнить аромат со звуком, то аромату воина жизни соответствовала бы тишина. Тишина содержит в себе зародыши всех звуков, и в то же время тишина теряется среди звуков. Точно так же аромат воина жизни содержит в себе зародыши всех оттенков ароматов, и в то же время он настолько тонок, что теряется среди других ароматов, и поэтому воин жизни незаметен среди толпы в том случае, если он не хочет выделяться. В то же время в моменты общения вне клана воин жизни подает себя, не раскрывая своих истинных намерений и чувств, так, как ему выгодно, создавая впечатления достоинств или недостатков, мелких привычек или страстей, пассивности или жажды.

Распознавание жажд относится к вдыханию аромата плода других людей. Каждая жажда проявляется специфическим оттенком аромата. Но чтобы научиться различать и идентифицировать эти оттенки, ты должен прочувствовать и запомнить их по своему собственному аромату, создавая соответствующие жажды с помощью мыслеобразов. Каждая жажда – это гипертрофированная потребность. Любая потребность в той или иной степени присутствует у каждого человека. Следовательно, для того, чтобы создать у себя мыслеобраз жажды, ты должен осознать в себе свою собственную потребность, являющуюся основой данной жажды, и с помощью представления усилить ее до нужных тебе размеров. По мере нарастания интенсивности потребности, ты будешь ощущать, какие изменения происходят в тебе и как меняется аромат твоего плода. Давай начнем с жажды слуги. Как ты думаешь, на какой потребности основана эта жажда?

– Наверно, на потребности подчиняться, – ответил я.

– Естественно, что на потребности подчиняться. Это очевидно, – сказал Ли. – Подумай, почему и в каких случаях у тебя возникает потребность подчиняться.

– По-моему, эта потребность у меня не очень сильно развита, – задумчиво сказал я.
– Я бы не сказал, что испытываю потребность подчиняться, скорее я считаю подчинение естественной реакцией во многих ситуациях, например, при общении с родителями, с преподавателями, с милицией, с Комитетом Госбезопасности или с тобой. В одних случаях я подчиняюсь более охотно, в других – менее охотно, но все-таки это для меня скорее разумный выбор, чем удовлетворение потребности.

– На самом деле потребность подчинения у тебя существует, – сказал Учитель. – Человек – стадное животное, и потребность подчинения заложена в нем самой природой. Если бы этой потребности не существовало, люди сражались бы до смертельного исхода, отказываясь подчиниться друг другу, и общество не смогло бы существовать. Нормально удовлетворяемая потребность почти не заметна. Ты автоматически удовлетворяешь ее, не задумываясь об этом. Если потребность становится столь сильной, что ты осознаешь ее и не забываешь о ней, это уже жажда, или слабая форма жажды. Ты высокий и физически сильный. Твои родители любили тебя, в стычках со сверстниками ты выходил победителем, и у тебя неплохо развита способность мыслить и самостоятельно принимать решения. Поэтому потребность в подчинении не стала необходимой для твоего выживания и благополучия и не обратилась в жажду слуги. А что ты скажешь о потребности господина? Насколько сильно у тебя проявляется желание доминировать?

– Наверно, немного сильнее, чем потребность подчиняться, но не слишком, – ответил я. – Мне нравится быть независимым, но я не чувствую желания подавлять других или навязывать им свое мнение, хотя в случае, когда приходится драться с кем-либо, у меня действительно иногда, когда ситуация становится критической,

возникает почти животное желание победить любой ценой и во всех своих действиях идти до конца без сомнений и сожалений.

– Поскольку ты силен и уверен в себе, – сказал Ли, – у тебя не возникает навязчивого желания продемонстрировать свою силу самому себе и окружающим. Потребность доминировать не превратилась у тебя в жажду господина. Но неспособность в нужный момент переводить потребности в жажды может стать уязвимым пунктом бойца и в некоторых случаях даже может стоить ему жизни.

– Каким образом? – спросил я.

– Это случается сплошь и рядом, – ответил Учитель. – Представь себе спор двух одержимых идиотов, ни один из которых не хочет уступить. Предмет спора может не стоить выеденного яйца, или может казаться исключительно важным для обоих. Спор переходит в драку, и в результате один или оба погибают. Даже если они понимали, что не имело смысла затевать этот спор, они не могли избежать его, поскольку ни один из них не умел обращать потребность в подчинении в жажду слуги.

Намеренное создание в нужный момент жажды слуги помогло бы одному из них отказаться от спора и, более того, получить от этого отказа и удовольствие, и реальный стратегический выигрыш.

– В таком случае совет: «если тебя насилуют, расслабься и получи удовольствие» должны были придумать «Спокойные», – заметил я.

– «Спокойные» сформулировали бы это несколько иначе, – усмехнулся Ли. – Если тебя насилует жизнь и ты не можешь этому помешать, расслабься и получи удовольствие, но если тебя ничто и никто не насилует, то все равно получи удовольствие. Следуя учению о «вкусе жизни», последователи Шоу-Дао получают удовольствие от всего, происходящего в их жизни. Поскольку легче это сказать, чем сделать, воины жизни затрачивают годы на выработку умения наслаждаться всеми событиями, как приятными, так и неприятными. На самом деле для них стирается разделение на приятное и неприятное. Событие – это всего лишь событие, а приятным или неприятным его делает эмоциональная реакция на него. То, что для одного может оказаться отвратительным, другому покажется божественным. Сознательное вызывание жажд является одним из ключей к управлению своим эмоциональным состоянием, а заодно и ключом к управлению людьми.

Возьмем случай изнасилования. В природе это нормальное явление. Инстинкт подчинения заставляет самку воспринимать этот процесс спокойно, без психологических травм и драматических последствий, исключая, конечно, пауков, у которых самка иногда закусывает своим партнером, если он не успеет вовремя ретироваться.

В обществе людей изнасилование – это серьезное преступление, часто заканчивающееся увечьями или смертью жертвы, и почти всегда – серьезными физическими и психическими травмами для женщины. Если бы женщина, которую насилуют, была Шоу, она понимала бы, что в случае сексуального нападения на нее ее главная задача – выжить и выйти из ситуации с минимальными потерями.

Вначале она оценила бы ситуацию – имеет ли смысл вступить в бой или подчиниться. Если очевидно, что сопротивление было бы бесполезным, нужно выбрать тактику дальнейших действий. Есть много трюков, с помощью которых можно обмануть или перехитрить насильника, и в них также используется умение распознавать жажды и управлять ими, но только как вспомогательный элемент. Если же изнасилования избежать невозможно, женщина-Шоу вызвала бы у себя жажду подчинения и даже, хотя это звучит отвратительно для европейской морали, получила бы наслаждение, подстроив свои жажды под жажды насильника и тем самым до некоторой степени управляя его поведением. Действуя так, она позволяет ему освободиться от излишка сексуальной агрессии с минимальными неприятностями для обеих сторон.

– Интересный взгляд на изнасилование, – заметил я. – Думаю, что моим знакомым женщинам было бы трудно его принять.

– Одна твоя знакомая женщина поступила бы именно так. Хотя не думаю, что среди местного населения нашлся бы мужчина, способный ее изнасиловать.

– Странно, что я не подумал о ней, – сказал я. – Наверно, для меня Лин не женщина в привычном понимании этого слова. Она ни на кого не похожа, даже на тебя. Ты ведешь себя как-то более по-человечески, несмотря на все невероятные вещи, которые ты показываешь мне. А Лин настолько совершенна и лишена обычных женских черт и недостатков, что кажется инопланетным существом.

– Она просто плохо умеет маскировать свое совершенство, – ворчливо заявил Учитель. – А если бы ты занимался со мной сексом так же, как с ней, я бы тоже казался тебе неземным существом, лишенным человеческих недостатков и слабостей.

Я расхохотался. Ли своим голосом и мимикой настолько хорошо сумел передать интонации ревнивой и обиженной женщины, что мне на секунду показалось, что его потертый костюм превратился в мешковато сидящее длинное женское платье.

– Все дело в отношении к ситуации, – объяснил Учитель. – Женщины считают, что изнасилование – это мерзкое и несправедливое деяние, которое не должно случаться с ними. Если на них набросится с лаем собака, они не будут реагировать на нее так, как реагируют на атакующего их мужчину, ведь собаку они считают существом, неспособным мыслить и не имеющим моральных устоев, поэтому, согласно их образу мыслей, собака вполне может лаять на них или даже покусать. Мужчину же они воспринимают как существо разумное, осведомленное о законах и правах человека, поэтому они начинают вести себя неадекватно ситуации.

В случае собаки, вместо того чтобы возмущаться по поводу ее преступного поведения, женщина может бросить в нее камень, или льстивым голосом сообщить ей, что она – очень красивое и умное животное, обладающее всеми выдающимися качествами четвероногого друга, или просто достать из сумки кусок колбасы и взяткой умаслить паскудную зверюгу.

С мужчиной женщина почти всегда ведет себя по-другому, и в большинстве случаев сама провоцирует его излишне жестокое обращение с ней. Если бы женщина, воспринимая насильника как бестолково лающую собаку, объяснила бы ему, какой он красивый и умный мужчина и какими выдающимися качествами мужского пола он обладает, а потом достала из сумки кусок колбасы или пачку сигарет и угостила бы его, возможно, он даже отказался бы от идеи насиловать такую милую и понимающую даму, а если бы и изнасиловал, то сделал бы это в гораздо более мягкой и приятной форме.

Однако женщины поступают наоборот. Они объясняют ничего не соображающему от желания сексуальной близости существу, какой он негодяй, подонок и мразь, ничуть не смягчая этим его и так чересчур возбужденное состояние, потом они рвут его одежду, кусаются и царапаются, еще больше подогревая его агрессивность, и в конце концов заявляют, что они прекрасно запомнили его лицо и что родная милиция засадит его, эту мерзкую тварь, за решетку лет на пятнадцать и он будет гнить в тюрьме, а вонючие и злобные гомосеки каждый день будут проделывать с ним то, что он сделал с ней. Только сейчас осознавший ожидающие его перспективы насильник, даже против своего желания, будет вынужден прикончить жертву, потому что перспектива протирать тюремные нары, ожидая, пока его самого кто-либо не изнасилует, его отнюдь не прельщает.

Так женщины ведут себя с мужчинами, но вряд ли ты встретишь даму, пытающуюся избавиться от злобной собаки, объясняя ей, что сообщит ее приметы собачнику, который поместит недостойное именоваться порядочным псом животное в клетку, а потом его заберут ученые в институт, чтобы ставить опыты на его желудке, печени

и легких.

Преимущество Лин в том, что она знает, как адекватно реагировать на ситуацию, обращаясь с насильником как с безличной силой, представляющей опасность для нее, такой же бессознательной, как собака, наводнение или падающий с крыши кирпич, и ее мысли заняты лишь тем, что она должна сделать, чтобы выжить и выйти из ситуации с наименьшими потерями, поэтому она отбрасывает все личные чувства и человеческие предрассудки, концентрируясь только на основной цели.

Мы миновали краеведческий музей и повернули направо, направляясь в небольшой сквер, расположенный перед девятой школой, в которой я когда-то учился. Учитель жестом предложил мне сесть на скамейку. Он удобно устроился, вытянув ноги, и, потянувшись, сложил руки за головой.

– Сейчас ты потренируешься доводить потребности до уровня жажды, – сказал он. – Начнем с жажды слуги. Чтобы облегчить себе задачу, представь, что я декан твоего факультета и собираюсь устроить тебе хорошую головомойку. Будем считать, что я декан очень чувствительный к настроениям студентов и что я ощущаю малейшие нюансы твоего отношения ко мне. Даже если ты станешь оправдываться и извиняться со скрытым внутренним сопротивлением, будь уверен, что я тебя вышибу из института. Так что я должен убедиться, что ты полностью находишься в моей власти, проявляя не только внешние признаки почтения и подчинения, но и наслаждаясь в душе ощущением собственной униженности и моего величия.

Учитель расправил плечи и твердым жестким взглядом уставился на меня. Его рот скривился в гримасе презрения и высокомерия.

Время от времени я рассказывал Ли истории о нашем декане. Он обладал суровым характером и питал особое пристрастие к дисциплине. Хотя я считал декана неплохим человеком, у меня он почему-то ассоциировался с Пиночетом. Сельхозинститут находился в получасе езды от города, и обучающимся в нем студентам предоставлялось общежитие. Декан полагал, что для улучшения успеваемости необходимо запретить городским студентам ночевать дома и отлучаться с территории института. Порядки, наведенные им в общежитии, вызывали некоторые ассоциации с тюрьмой. В течение дня нам запрещалось лежать или сидеть на кровати. Если возникало желание отдохнуть, студенты должны были пользоваться стульями.

Эти особенности личности декана развили во мне специфическую чувствительность к его присутствию, и когда интуиция предупреждала меня о возможности появления этого бескомпромиссного поборника дисциплины, я предпочитал ретироваться, чтобы не искать приключений на свою голову.

Однажды я в очередной раз совершил преступление, уснув на кровати в грязной одежде среди бела дня, и вдруг резкое ощущение опасности заставило меня сесть. Я понял, что сейчас в комнату с проверкой войдет декан. Я едва успел подняться и начать поправлять постель, как дверь распахнулась, и декан, суровый, как воплощение карающего правосудия, появился на пороге. Конечно, он устроил мне разнос, заподозрив, что я днем использовал кровать так, как ее можно использовать только ночью, но прямых доказательств у него не было, и громы и молнии, которые метал декан, оказались цветочками по сравнению с бурей, которая разразилась бы, застукай он меня лежащим на кровати.

Я встретился с Ли глазами и попытался настроить себя на внутреннее подчинение, но что-то во взгляде Учителя нервировало и раздражало меня, пробуждая с трудом подавляемую агрессию и желание ответить ему таким же высокомерным и презрительным взглядом. Чем больше я боролся с собой, тем меньше во мне оставалось покорности и желания подчиниться.

Усмешка Ли становилась все более презрительной и отвратительной, а потом он отвернул взгляд.

– Видишь, как легко управлять тобой с помощью взгляда, – сказал он.

– Не понимаю, почему у меня ничего не получилось, – попробовал оправдаться я с чувством раздражающей неловкости. – Честное слово, я пытался изо всех сил.

– Я знаю, что ты пытался, – сказал Ли. – Но ты все делал неправильно. Прямой взгляд в глаза выражает агрессию, особенно когда он сочетается с посылом соответствующего мыслеобраза. Где ты видел человека, который выражает свое подчинение, отвечая прямым взглядом на прямой взгляд? Чем больше ты смотрел на меня, тем сильнее тебе передавалась моя агрессивность, и в тебе рефлекторно пробуждалась ответная реакция. Ты силен и уверен в себе, поэтому отвечая взглядом на взгляд, ты просто не можешь вызвать в себе ответной покорности. А теперь я покажу тебе, что такое жажда слуги. Посмотри на меня.

Ли слегка ссутулился и подался вперед. Его взгляд скользнул по моему лицу и опустил. Губы сложились в льстивую подобострастную улыбку, а глаза, нервно перемещающиеся вверх, не пересекая линии моего взгляда, а потом отводящие взгляд в сторону и вниз, излучали любовь и покорность, граничащие с желанием раствориться во мне, потерять свою личность и индивидуальность в этой неутолимой жажде единства.

Блуждающий взгляд Учителя, казалось, гипнотизировал меня. С одной стороны, жалкое выражение самоуничижения вызывало у меня легкое раздражение и отвращение, но, с другой стороны, ощущение безграничной любви и жажды подчинения и самопожертвования, вплоть до отказа от собственной жизни, проникало вглубь моей души, согревая ее и вызывая какое-то извращенное сочетание ответного теплого чувства, отравленного идущим из глубин желанием оттолкнуть Ли, чтобы избавиться от этого навязчивого обожания, и даже неприятным мне самому садистским желанием причинить боль. Мелькнула мысль, что Ли напоминает мне беспредельно обожающую меня женщину, которая этим обожанием, преследующим меня и не дающим мне покоя ни днем, ни ночью, вызывает столь же безграничное желание раз и навсегда избавиться от нее, от ее всепроникающего желания растворения во мне и подчинения. К горлу подкатила тошнота. Я с трудом подавил начинающиеся спазмы в желудке и пищеводе. Не в силах больше глядеть на Учителя, я отвернулся и закрыл глаза, пытаясь отделаться от нарастающего стремительно, как снежный ком, подсознательного отвращения.

Резкие и болезненные удары по щекам привели меня в чувство. От боли и неожиданности отвращение исчезло, и спазмы тошноты прекратились. Ли улыбался. Лицо его было совершенно бесстрастно.

Я потряс головой, приводя в порядок свои мысли.

– Что это было? – спросил я.

– Ты расстался с еще одной иллюзией, – ответил Ли. – В присущем для тебя образе мыслей ты считал, что реальная власть обеспечивается жадой господина. В тебе больше господина, чем слуги, поэтому для тебя было бы крайне трудно, почти невозможно представить, какую власть и могущество имеет жажда слуги. Обрати внимание, когда я смотрел на тебя как господин, ожидая реакции слуги, ты достаточно спокойно выдерживал мой взгляд, но когда ты смотрел на меня глазами господина, а я показал тебе крайнюю степень жажды слуги, тебе стало плохо, потому что твоя потребность доминировать и повелевать слишком слаба, чтобы суметь удовлетворить жажду, которую ты видел во мне, и твоя нервная система не выдержала напряжения. Тебе стало плохо. Так что жажда слуги годится не только для подчинения. При умелом использовании она может дать огромную власть, но эта власть будет скрытой, и человек, который будет чувствовать себя господином, отвечая на жажду слуги, на самом деле окажется жертвой.

– Знаешь, на какой-то момент мне показалось, что ты – женщина, которая одновременно

вызывает у меня и сильную любовь, и в то же время отталкивание. Возможно, мне еще поэтому стало плохо, – сказал я.

– Общение на уровне мыслеобразов жажд пробуждает в тебе отклики, которые ты часто не можешь объяснить себе словами и которые могут оказаться очень сильными, и даже разрушительными, – сказал Учитель. – Я уже упоминал, что в психике есть болезненные или, наоборот, бесчувственные зоны, которые реагируют на слова, ситуации или иные воздействия нестандартным или ненормальным способом, точно так же, как точки на теле человека отзываются слишком болезненным ощущением на нажатие пальца там, где нарушена циркуляция энергии и начинает гнездиться болезнь.

Воздействие мыслеобразами жажд – гораздо более сильная форма зондирования болезненных зон психики и определения ее строения. Если ты хочешь управлять человеком, ты должен понять, как он устроен. Слишком долгий и слишком откровенный путь добиться этого – использовать слова и наблюдать его эмоциональные отклики. Это срабатывает в основном с людьми с низким уровнем интеллекта и может оказаться слишком очевидно для того, кто умеет мыслить. Чтобы незаметно определить слабые пункты какого-либо человека, в общении с ним ты должен создавать легкие, едва заметные образы жажд, направляя их на него и наблюдая, как его психика будет реагировать на эти послы. Сначала эти отклики ты сможешь читать по его бессознательным жестам, выражению лица, частоте дыхания и пульсации зрачков. Постепенно ты научишься воспринимать и расшифровывать его скрытые эмоциональные реакции своим телом, примерно так, как это произошло у тебя со мной, хотя, конечно, не в такой сильной степени.

Если ты захочешь понравиться человеку, то в первую очередь ты должен определить, какие из твоих мыслеобразов жажд вызывают у него положительный отклик, а какие – отрицательный, а затем, наращивая интенсивность соответствующей жажды, выяснить предел, за которым положительный отклик начинает угасать. Постепенно, но с каждым разом более полно и эффективно удовлетворяя его жажды, ты будешь потихоньку развивать и усиливать их. Избегая совершения действий и проявления чувств, для него неприятных, ты сможешь увеличивать его зависимость от тебя, и при надлежащем умении, эту зависимость человека от человека можно довести до уровня приверженности к наркотикам.

В истории примеры подобного использования жажд встречаются сплошь и рядом. Верховная власть в государстве часто принадлежит не королю, а его незаметному и малоизвестному министру, ловко удовлетворяющему жажды властелина и получающему все, что он пожелает, в обмен на удовлетворение этих жажд.

Развитие и прогресс человечества – это результат удовлетворения жажд, причем чем сильнее выражена жажда отдельного представителя человеческого рода, тем больше она влияет на его окружение и даже на всю цивилизацию в целом. У животных очень редко наблюдается перерастание потребности в жажду. Обычно животное причиняет боль другому живому существу не из садистских побуждений, а потому, что хочет есть, или защищает свою территорию, или борется за внимание самки. Только человек ухитряется придумывать абстрактные теории для того, чтобы оправдывать свои жажды и удовлетворять их самыми изощренными и антигуманными способами.

Александр Македонский завоевал полмира, подчиняясь своей жажде господина, но мотивируя это высокими целями необходимости создания империи, хотя очевидно, что завоеванные им земли были слишком обширны для того, чтобы силами его войск он мог поддерживать в них порядок.

Гитлер пытался завоевать весь мир и уничтожил миллионы людей, основываясь на теории превосходства арийской расы. Эйнштейн изобрел атомную бомбу, удовлетворяя свою жажду знания. Блаватская создала теософское общество, ведомая жаждой мессии.

Жажды превращали людей в святых или злодеев, заставляли их посвящать свою жизнь бессмысленным и бесполезным действиям или совершать гениальные открытия во благо

человечества.

Все эти люди действовали ради определенных целей, которые они считали благородными и правильными. Если бы они осознали, что поступают так только в силу того, что какая-то их естественная потребность гипертрофировалась до уровня доминирующей и забивающей все остальные потребности жажды, они были бы оскорблены и разочарованы.

Вся западная цивилизация основана на жаждах, с детства развиваемых у будущих членов общества. Поэтому западная цивилизация столь агрессивна и воинственна, и именно поэтому у людей Запада столь стремительно растет число нервных заболеваний. Человек, живущий ради удовлетворения жажд, может стать внешне преуспевающим и достичь высокого общественного положения и материальной независимости, но он не станет независимой и гармонично развитой личностью до тех пор, пока он продолжает быть рабом своих жажд.

Одной из самых распространенных форм эксплуатации жажд является религия. Большинство людей в религии удовлетворяют свою жажду слуги, а для некоторых религия становится орудием удовлетворения жажды мессии. Религия приносит несомненную пользу обществу, помогая его членам удовлетворять ряд потребностей, которые было бы трудно удовлетворить иным путем, и таким образом делает общество более стабильным и гармоничным, ведь человек с удовлетворяющимися потребностями более спокоен и счастлив, чем неудовлетворенный представитель человеческого рода, и представляет меньшую угрозу благополучию и безопасности других.

Атеист, лишенный возможности молиться и полагаться на волю Господа, в надежде, что тот надлежащим образом решит и направит его судьбу, вынужден удовлетворять свои потребности в подчинении, безопасности и следовании авторитету другими способами, и когда у него возникают проблемы, он вместо Господа Бога обращается к психотерапевту.

Нет смысла спорить о том, хороша или плоха та или иная религия, так же как нет смысла в рассуждениях о том, какой подход в психотерапии самый эффективный и правильный. С точки зрения «Спокойных», наиболее подходящая для каждого отдельно взятого человека религия – это религия, которая наилучшим образом удовлетворяет его потребности, не давая им перерасти в жажды и делая таким образом его существование наиболее благополучным и полноценным. Человек, полноценно удовлетворяющий свои потребности, неагрессивен и уравновешен и является прекрасным членом любого сообщества.

То же самое относится и к психотерапии. Тот подход, который позволяет пациенту осознать свои потребности и жажды и научиться их удовлетворять самостоятельно и без ущерба для других людей, – в данном случае является лучшим подходом.

Если рассматривать Шоу-Дао с такой точки зрения, то сразу становится понятным, что учение «Спокойных» не является ни религией, ни набором таинств, позволяющих ученику прикоснуться к чему-то запредельному или сверхъестественному или стать сверхсуществом.

То, чему с пеленок обучаются члены клана, – это быть спокойными, счастливыми и гармонично развитыми людьми, естественно удовлетворяющими свои потребности, но в то же время, в процессе удовлетворения этих потребностей, постепенно и терпеливо развивающими все возможности, заложенные в человеческой природе.

Когда-то я сказал тебе, что основная цель «Спокойных» – достичь при жизни физического бессмертия. Это тоже был трюк. Если бы я объяснил тебе, что «Спокойные» – это просто гармоничные и счастливые люди, ты не обратил бы на мои слова никакого внимания и не заинтересовался бы учением Шоу-Дао.

Европейцу не нужна мудрость, ему нужна яркая реклама. Бессмертие – это да, это звучит возбуждающе. Непобедимый воин – какие слова могут быть отраднее для уха

молодого мужчины. Ты купился на слова и действия, которые тебе казались невозможными для обычного человека. Тебе хотелось видеть меня Учителем, высшим существом, заменяющим Господа Бога, чтобы ты мог, не задумываясь, поклоняться мне, подражать мне и следовать за мной. Но желание поклоняться, подражать и следовать – это жажды, которые ты должен был удовлетворить, чтобы избавиться от них и стать гармоничным человеком. Теперь я могу тебе сказать, что бессмертие, непобедимость, экстрасенсорные способности – всего лишь естественный побочный эффект учения. Несчастный и неудовлетворенный человек цепляется за самые абсурдные идеи и борется, воплощая их в жизнь в надежде получить что-то, что выделит его из толпы. Он стремится к своей цели в надежде стать наконец удовлетворенным и счастливым, хотя погружение в собственную жажду еще дальше уводит его от гармонии и от понимания истинной подоплеки собственных действий. Удовлетворенный и счастливый человек ни за что не борется. Он просто живет, наслаждается жизнью и развивает себя, получая в процессе развития все больший заряд энергии, силы и счастья.

Обычно к бессмертию и сверхспособностям рвутся неудовлетворенные, несчастные в личной жизни люди, подсознательно угнетенные осознанием собственной ущербности. Они страстно добиваются поставленной цели, даже не задумываясь, нужен ли им результат и что они будут делать, добившись его. Представь, что кто-либо потратит двадцать лет, тренируясь день и ночь, чтобы добиться левитации. И вот он наконец достиг своей цели. У него больше нет молодости, его здоровье подорвано тренировками, но он наконец может левитировать. Что же он сделает теперь с этой своей способностью?

С одной стороны, можно неплохо зарабатывать деньги, демонстрируя этот трюк в цирке или на ярмарках, а, с другой стороны, можно удовлетворить свою жажду мессии, обучая других искусству левитации. Можно даже создать собственное учение и свою школу и умереть окруженным восхищенными учениками и поклонниками.

Ученики, в свою очередь, не задумываясь, зачем им это надо, тоже будут учиться левитировать в течение двадцати лет, и затем передадут свой опыт следующему поколению Искателей Истины или, скорее, Искателей Левитации, с уважением вспоминая Великого Учителя, Основателя Школы.

Во всем этом нет ничего дурного, это просто способ провести свою жизнь, следуя за идеей или авторитетом, точно так же, как другие проводят жизнь в молитвах или в посещениях психотерапевта. Жажда мессии – довольно распространенная жажда у тех, кто не смог найти гармонии в личной жизни и удовлетворяет себя тем, что учит других, как надо жить, изобретая собственные теории или ссылаясь на учение, книги или слова уже умерших мессий. Мессии, удовлетворяя свои жажды, пробуждают жажды в других вместо того, чтобы делать тех гармоничными и удовлетворенными. Только гармоничный человек может помочь другому стать гармоничным, хотя для достижения этой цели часто приходится применять ложное знание для выявления, усиления и удовлетворения жажд, до обращения их в обычные потребности.

– Ли, значит, твои слова о том, что «Спокойные» стремились к достижению физического бессмертия и что некоторые из посвященных Шоу действительно достигали его, были всего лишь трюком? – с изрядной долей разочарования спросил я.

– Вряд ли «Спокойные» стали бы называть себя Бессмертными или Воинами Жизни только для того, чтобы морочить голову подобным тебе юнцам, – усмехнулся Учитель.

– Так же как и притчи, цели и идеи «Спокойных» имеют много разных толкований, которые открываются ученикам по мере развития их сознания. Сейчас я просто дал тебе еще одну трактовку, которая сделает твоё понимание учения Шоу-Дао более полным.

Ли потянулся и сделал несколько вибрирующих движений, волнообразно прокатившихся по его телу снизу вверх. Мое тело автоматически откликнулось на энергетическую волну, пробужденную его действиями, синхронным подъемом энергии. Острые приятные уколы разливающейся по телу ци, напоминающие бурление газа в взбаламученном шампанском, освежили меня изнутри, создав удивительно приятное ощущение

радостного осознания слов Учителя.

С тех пор как я познакомился с ним, он, действительно, никогда не заставлял меня следовать догмам, никогда не ставил передо мной каких-то абстрактных недостижимых целей, к которым я должен был стремиться. Я выполнял конкретные задачи, которые он прямо или косвенно ставил передо мной, ощущая, как постепенно меняется мой внутренний мир. Юношеский пыл и жажда знаний и самосовершенствования еще не исчезли совсем, они, скорее, трансформировались в ровный и ясный огонь наслаждения от того, что я делаю, от того, как я развиваюсь, и от того, что я живу на земле. Только сейчас я понял глубинный смысл этих трансформаций.

– Знаешь, я встречался с многими людьми, которые утверждают, что они обладают экстрасенсорными способностями, практикуют йогу или какие-то другие эзотерические учения, – сказал я. – Они имеют учеников и последователей, любят говорить и объяснять пути постижения Истины, как добиться экстрасенсорных способностей, говорят много интересных вещей, которые в общем-то кажутся правильными, но во всем этом я, не понимая почему, чувствовал некоторую фальшь, и у меня никогда не возникало желания следовать за ними и поступать как они.

– Все правильно, – ответил Ли. – Интуитивно ты понимал, что они просто следуют своей жажде мессии. В книгах, которые они прочитали, написано много правильных слов, но главное – не повторять правильные слова, а жить правильной жизнью. Человек, удовлетворяющий жажду мессии, отличается тем, что обычно у него есть ученики, он много говорит, показывает и хорошо объясняет, но его ученики никогда, если, конечно, они не взбунтуются или не найдут другого мессию, не становятся самостоятельными, и мессия никогда не предоставит им возможности стать более мудрыми, правильными или совершенными, чем их Учитель. Если ученики освоят и поймут все, что он говорит, мессия перестанет быть мессией, а его жажда требует изобретать новые идеи и говорить новые и еще более умные слова, которым будут благоговейно внимать люди, удовлетворяющие свою жажду слуги, но на самом деле в глубине души не желающие меняться или становиться более совершенными. Им доставляет удовольствие сам процесс общения с мессией и приобщения к его идеям и готовым рецептам правильной жизни. Это приятный способ провести время и получить удовлетворение. Ученики мессий отличаются тем, что всегда говорят о своих Учителях или об основателе Учения с особым почтением, граничащим с поклонением, обожанием и обожествлением.

Естественно оказывать уважение Учителю, но истинное уважение имеет особый, почти незаметный аромат. Оно подобно уважению к прекрасному миру, в котором ты живешь, к твоим родителям, к твоей возлюбленной, к самому себе или к другим живым существам. Уважение слуги к мессии иное. Оно отличается резко выраженным ароматом. Ты любишь и уважаешь меня, а старший брат, открывающий тебе многие восхитительные тайны и грани этого мира. Именно поэтому я выбрал тебя своим учеником. Слуга всегда останется слугой, а Хранитель Знания может быть только братом.

Однако твои встречи с экстрасенсами и местными мессиями могут быть очень полезны. Воин Жизни должен уметь наблюдать и понимать скрытые мотивы поведения людей. У обычных людей, чья жизнь ограничена домом, работой и садовым участком, жажды не так заметны для окружающих. Но нигде ты не найдешь столько разных форм и проявлений жажд, как в среде людей, вращающихся в орбитах мессий и кумиров.

Воспользовавшись советом Ли, я по мере возможности начал посещать кружки людей, группирующихся вокруг очередного экстрасенса, йога или ясновидящего, и, действительно, открыл для себя много нового среди проявлений некоторых черт человеческой психики. Настраиваясь на ощущения почитателей нового учителя, я научился очень четко воспринимать специфический аромат острой жажды слуги и привык произвольно вызывать этот аромат у себя, убеждаясь в том, насколько сильно он воздействует на тех, кто живет удовлетворением своей жажды мессии.

Я отметил необычайную чувствительность мессий к аромату, распространяемому их учениками, и обнаружил, что, если я не источал аромат слуги, мессии относились ко мне настороженно и с подозрением даже в том случае, если я соглашался с ними и не противоречил их словам.

Как-то я упомянул об этом в разговоре с Учителем, отметив, что я буквально физически ощущаю, как меняется аромат их плода в тот момент, когда от разговора с преданными учениками они переходили к общению со мной.

– Они интуитивно чувствуют, что ты не тот человек, который способен утолить их жажду, а поскольку у тебя независимая и сильная личность, они подсознательно реагируют на тебя как на соперника и излучают аромат настороженности и агрессии,
– прокомментировал Учитель.

– Но я на самом деле настроен к ним доброжелательно, – сказал я. – Даже если я не разделяю их идей, я признаю, что многое из того, что они говорят, правильно и справедливо.

– Кто не с нами, тот против нас, – усмехнулся Ли. – Это любимый девиз тех, кто одержим жадной. Люди любят тех, кто играет в их игры. Тех, кто играет в противоположные игры, они ненавидят, а к тем, кто нейтрален, они относятся с настороженностью. Вступив на путь Шоу-Дао, ты стал человеком из другой команды, и теперь тебе придется научиться вести себя так, чтобы другие не замечали этого и продолжали думать, что ты по-прежнему действуешь ожидаемым и предсказуемым образом, разделяя их взгляды и идеалы. Раньше ты автоматически включался в действия других людей, бессознательно подыгрывая им, потому что правила взаимоотношений были заложены в тебя с детства. Теперь ты изменился. Твое поведение стало более осознанным, и ты не можешь реагировать механически на поступки и эмоции других людей так, как делал это прежде.

Раньше твоя потребность в общении, человеческой близости и взаимопонимании удовлетворялась автоматически. Осознание скрытых мотивов своего собственного поведения и поведения других людей лишило тебя романтического восхищения, спонтанной радости и интереса, которые проистекали из отсутствия понимания механизмов человеческой психики в сочетании с привитыми тебе с детства автоматическими способами реагирования. Потерянную при обретении осознания способность восхищаться и радоваться «Спокойный» обретает вновь в упражнениях «вкуса жизни» и заменяет механическое удовлетворение потребностей на их осознанное удовлетворение.

Если ты не научишься в своем новом осознании мира так же тепло и сердечно общаться с людьми, как ты это делал раньше, твоя потребность в общении, дружбе и любви может перестать полностью удовлетворяться, и тогда она начнет перерастать в жажду и компенсироваться за счет других действий, нарушая гармонию твоего духа.

Через подобный период проходят все воины жизни, которые родились и в детстве воспитывались вне клана. В какой-то мере он напоминает переходный период от влюбленности к любви, который удается преодолеть некоторым наиболее удачным парам. Влюбленность очаровательна своим эмоциональным накалом при почти полном отсутствии правильного представления о личности партнера.

После медового месяца наступает период узнавания и разочарования, который оказывается роковым для большинства пар, потому что их чувства не выдерживают напора реальности, и их ложное розовое представление о партнере переходит в не менее ложное черное представление о нем. Третий период – это период любви, чувства гораздо менее горячего и страстного, чем влюбленность, но зато устойчивого, спокойного и дающего человеку одну из высших форм удовлетворения. В любви принимают партнера со всеми его недостатками и несовершенством, наслаждаясь теми чертами его характера, которые вызывают уважение и восхищение. Со временем ты научишься относиться к людям подобным образом.

В процессе учения ты стал замечать несовершенство других людей, но это не должно стать причиной отчуждения или потери любви к окружающим. На самом деле «несовершенство» – не очень точное слово. Ты начинаешь понимать и видеть то, что другие люди не видят и не понимают – скрытые мотивы своего и их поведения, то, что прячется за фасадом красивых слов и «правильных» объяснений. Поэтому то, что они делают, начинает казаться тебе фальшью и обманом. Но по большей части это не фальшь и не обман, а одна из форм самообмана, попытка за красивой формой скрыть сомнительное содержание, как женщина скрывает недостатки своей внешности под слоем косметики. Но как для взгляда любящего человека женское лицо кажется прекрасным в своем естественном виде, так и для «Спокойных» люди, не делающие окружающих жертвами своих деструктивных и антигуманных жажд, кажутся прекрасными, несмотря на то что их истинные побуждения, скрытые за фасадом внешней формы, могут не соответствовать критериям гармонии и самоосознания воинов жизни.

Каждый человек уникален, и, даже если он придерживается абсолютно чуждых тебе взглядов, тебя должно волновать не то, как устроена его психика или ум, а то, как ты с ним взаимодействуешь. Если этот человек не наносит вреда тебе или твоим близким, и тем более, если он относится к тебе с теплотой, ты должен уважать и любить его так, как если бы ты разделял его взгляды, но не потому, что ты следуешь догме о необходимости любить ближнего ради собственного духовного совершенствования. Действуя так, ты удовлетворяешь свою естественную потребность в общении, любви и дружбе, а, кроме того, в ответ на свою любовь в трудную для тебя минуту ты сможешь получить помощь и поддержку.

Конечно, это звучит не столь красиво, как лозунги о любви, произносимые последователями религиозных течений, но это – естественная основа существования и выживания человека. Человек, который умеет любить и в то же время способен дать беспощадный бой врагу, гораздо больше приспособлен к жизни в этом мире, чем личность подозрительная, замкнутая и тщетно пытающаяся любить тех, кто ей в глубине души неприятен, следуя десяти заповедям, и в то же время неспособная постоять за себя, поскольку Господь сказал «не убий».

– Ли, а жажда мессии всегда проявляется в желании проповедовать свои или чужие идеи другим людям? – спросил я. – Разве мессии также не посвящают себя духовным практикам? Может ли быть мессия без учеников? Какую жажду испытывает тот, кто полностью посвящает себя какой-либо специфической практике, но не проповедует ее другим? Это что, жажда самосовершенствования?

– Нет, это жажда, похожая на жажду самосовершенствования, но она имеет некоторое отличие, – ответил Учитель. – Человек с жаждой самосовершенствования ищет пути реализации своей жажды. Он изучает книги, встречается с учителями, общается с подобными ему людьми. Но тот, кто сам выбрал для себя определенную практику и следует ей в полном одиночестве, удовлетворяет жажду так называемого «внутреннего мессии». Многие из индийских факиров, проводящие свою жизнь в отработке какого-либо мучительного и сложного трюка, требующего полной концентрации сил и внимания, – «внутренние мессии». Среди европейцев подобные люди тоже встречаются, хотя и не так часто, как на Востоке. Болтливые по природе европейцы имеют гораздо большую предрасположенность к жажде мессии.

Я имел возможность убедиться на собственном опыте в справедливости слов Учителя. На моем жизненном пути мне встретилось много «мессий», однако о людях с чертами «внутреннего мессии» мне почти не приходилось слышать.

Совсем недавно в телепередаче я увидел репортаж о жителе Москвы, установившем мировой рекорд в равновесии и попавшем в книгу рекордов Гиннеса. К сожалению, я не запомнил его имя, поэтому условно назову его Виктором. Несомненно, что люди, попадающие в эту книгу, по большей части делают это, удовлетворяя какие-то из своих жажд, но жажда «внутреннего мессии» встречается у них довольно редко. У Виктора жажда «внутреннего мессии» проявлялась в ее самой типичной форме.

Виктор двадцать лет проработал инженером, одновременно увлекаясь йогой и индийскими духовными практиками. Оставив работу, он решил всецело посвятить свою жизнь совершенствованию в равновесии, подведя под это соответственный философско-йогический базис. Свой первый мировой рекорд он установил, удерживая в равновесии пять палок (балансов): четыре на конечностях и одну на лбу, в течение более чем двух часов.

Спору нет, достижение весьма значительное, но в свете других обстоятельств жизни Виктора оно производит несколько сомнительное впечатление. Ради тренировок он оставил работу, и все его средства к существованию составляют 35 долларов в месяц, которые он зарабатывает в цирковой студии, давая уроки равновесия. Его жена не работает по состоянию здоровья, и у него есть сын-подросток, тоже, естественно, не работающий.

Вначале формальным оправданием столь легкомысленного поведения главы семьи была надежда на большие деньги, которые, по предположению Виктора, должна была бы выплатить ему в качестве премии книга рекордов Гиннесса. Однако, когда после установления первого рекорда, Виктор выяснил, что никакого денежного вознаграждения ему не полагается, он решил ответить на удар судьбы новым прорывом в самосовершенствовании и поразить человечество чудом удержания в равновесии шести балансов.

Механизм такого патологического развития жад, наносящих вред как самому человеку, так и его окружению, более подробно разобран на конкретном примере в книге «Обучение у воды».

Со временем я приобрел опыт общения с советскими экстрасенсами, «учителями» и святыми, чьи эксцентричности начали доставлять мне подлинное удовольствие после того, как я развил определенную сноровку в создании специфического аромата «слуги», приятного им и их окружению. Первоначальное ощущение недоумения и неловкости от их слов и поведения, когда их действия и слова шли вразрез как с обычным здравым смыслом, так и с мировоззрением «Спокойных», исчезло. К моему удивлению, я начал совершенно искренне наслаждаться общением. Хотя аромат принадлежности к сообществу был мною создан искусственно, я действительно научился получать удовольствие от общения, чувствуя то же самое, что переживали преданные ученики «пророка», хотя, естественно, его мудрые речи не оказывали ожидаемого воздействия на мое сознание.

Я просто удовлетворял свою потребность в общении, в привычных для меня интеллектуальных дискуссиях, и удовольствие от общения удваивалось от осознания того, что я делаю, от сознания того, что я начинаю понимать и чувствовать жажды и скрытые мотивы поступков людей, но, хоть мне и стыдно в этом признаться, самое большое удовольствие я получал от упражнения, которое Учитель называл «наслаждение глупостью».

Однажды, находясь в веселом настроении, Ли заявил:

– Для Воина Жизни нет большего наслаждения, чем наслаждение от человеческой глупости. Если бы все люди были умными, они вели бы себя как Воины Жизни, и мир был бы совершенным, но скучным. Воин Жизни прикладывает колоссальные усилия для того, чтобы стать тем, кем он является, и эта постоянная борьба и постоянное продвижение к совершенству иногда заставляют его задавать себе вопросы: «А стоит ли это таких жертв? Почему бы мне не жить так, как живут нормальные люди? Почему я должен стремиться к совершенству?»

Человеческая глупость – это именно тот стимул, который заставляет Воина Жизни не останавливаться на своем пути. Даже если Воин Жизни захочет стать самым обычным человеком, ему уже будет трудно всерьез вести себя так, как это делают нормальные люди. Кроме того, человеческая глупость доставляет неиссякаемый источник наслаждения. Изучая жизнь людей вне клана, слушая их разговоры, наблюдая их страсти и переживания, «Спокойный» накапливает ценный опыт общения и в то же время

получает заряд бодрости и веселья, как до упаду хохочущий человек на концерте талантливого сатирика. В некотором роде сатирик похож на «Спокойного». Наблюдая за жизнью людей, он находит невыразимо смешные моменты в том, что обычные люди просто не замечают, и гениальный сатирик вызывает смех, просто пересказывая самые обыденные происшествия или типичные диалоги, расставляя акценты таким образом, что слушатели открывают для себя смешную сторону своей собственной жизни, и тогда они хохочут до упаду. Выйдя из концертного зала, обычный человек вновь теряет способность извлекать наслаждение из собственной и общечеловеческой глупости, наблюдая себя и других со стороны, но Воин Жизни развивает и совершенствует это умение, превосходя в нем любого сатирика.

Глава 17

Эталон истины

Бесстрастное наблюдение за поведением представителей человеческого рода со временем стало привычкой. Каждый раз, объясняя мне какие-либо специфические черты человеческого поведения, Ли заставлял меня вступать в контакты с большим количеством людей, чтобы теоретические знания, которые он мне давал, пройдя проверку практикой, через осознание стали частью меня самого. Одновременно, общаясь и наблюдая, я учился с пониманием и терпимостью относиться к носителям другой истины, на практике прочувствовав, что, действительно, у каждого человека существует своя правда, и чем сильнее человек цепляется за эту правду, защищая свой внутренний мир от болезненных для себя открытий, тем бессмысленнее оказываются попытки «облагодетельствовать» его, проповедуя ему свою собственную правду.

Ярким примером бессмысленности подобных попыток можно считать попытки «спасения» аборигенов Австралии или тропических островов христианскими миссионерами. В головах до того естественно адаптированных к своей среде обитания местных жителей возникал хаос, миссионеров съедали, а обиженные христиане наводили порядок и восстанавливали справедливость огнем и мечом. Иногда возникали ситуации, курьезные в своей трагичности, когда дикари распинали и пытали миссионеров, поскольку по их рассказам они вполне логично заключили, что мученическая смерть открывает перед человеком врата рая и приобщает его к лику святых, а что еще, по их вполне обоснованному мнению, могло бы быть более приятным и полезным для христианского миссионера. Таким образом, они от всего сердца помогали чужеземцу, а сами с удовольствием оставались в своем уютном мире богов, демонов и духов.

– Споры о том, какое учение или какая точка зрения лучше или хуже, абсолютно бессмысленны, – сказал однажды Учитель. – Для того чтобы сравнивать какие-то вещи между собой, нужно иметь единый сопоставимый с ними эталон. Есть универсальные эталоны, которые позволяют сказать, что этот предмет длиннее, а тот короче или что он весит больше, чем другой предмет, если, конечно, их взвешивают в одинаковых условиях.

Каждому очевидна абсурдность вопроса: «Что лучше, вес или длина, бордовый цвет или справедливость?» Однако люди всерьез продолжают спорить о том, что лучше, атеизм или религия, фашизм или коммунизм, подъем кундалини или трудотерапия. Каждый имеет свой эталон истины, но люди спорят и спорят о несравнимых и бессмысленных вещах не потому, что это действительно приближает их к истине, а потому, что им нравится спорить. После каждого спора мнимое ощущение победы, поскольку каждый в большинстве случаев все равно остается при своем мнении, доставляет удовольствие, укрепляя еще больше личный эталон истины и давая печальное, но в то же время отрадное осознание того, как все-таки глупы окружающие, и как далеки они от понимания важных и серьезных вещей.

Люди с натурой лидера и самостоятельным мышлением сами изобретают эталоны истины, навязывая их другим. Так появляются учения и возникают групповые эталоны истины.

Тот, кто не может ничего выдумать сам, заимствует эталоны у живущих или уже умерших учителей, тем самым приобщаясь к тому, что они считают Истиной С Большой Буквы, и удовлетворяет свою жажду мессии, преподнося эту истину другим, а заодно, зарабатывает на этом деньги или престиж.

Когда-то давно я сказал тебе, что говорить правду другим – это преступление, преступление против правды, которую ты говоришь, и против людей, которые являются носителями другой правды. Ты пытался прочувствовать эту истину и сделать ее частью своего осознания, но для тебя это было трудно, потому что с детства тебе внушали, что говорить правду – хорошо, а лгать плохо. Только сейчас, когда ты начинаешь понимать поступки и скрытые мотивы поведения людей, ты начинаешь осознавать на глубинном уровне, почему говорить правду другим людям – это преступление. С точки зрения «Спокойных», не обязательно говорить правду другим людям, но подлинное преступление – не говорить правду самому себе.

Для последователей Шоу-Дао их эталон Истины – это их собственная жизнь. Это жизнь человека, который живет в гармонии с самим собой и с окружающим миром, не имея внутренних конфликтов и с удовольствием принимая себя самого и окружающих такими, какими они являются в действительности. «Спокойным» безразличны эталоны истины других людей и их поведение до тех пор, пока действия окружающих не угрожают жизни и безопасности членов клана. Воины Жизни всеми доступными им способами избегают конфликтов с другими людьми и отвечают агрессией только на непосредственную агрессию. Но это не борьба за правду или справедливость, это просто борьба за выживание. Постоянно развивающийся и внутренне гармоничный, не нуждающийся в том, чтобы лгать самому себе, человек становится счастливым и делает более счастливой и радостной жизнь своих близких и своего окружения.

Обычные люди, жизнь которых оказывается неблагополучной, которые не могут ладить со своей семьей и имеют конфликты с окружающими, защищают свое хлипкое внутреннее равновесие, обманывая самого себя, но именно они являются наиболее рьяными защитниками правды и поборниками справедливости. Они уверены, что правда – это то, что для них хорошо, или то, что является хорошим с точки зрения людей, которые по каким-то причинам в определенные периоды их жизни являлись для них авторитетами. Если же какие-то внутренние побуждения заставляют их желать того, что на подсознательном уровне для них является «плохим», они лгут себе, выдумывая «хорошие» мотивы для оправдания «плохих» желаний, и ведут себя таким образом, что до некоторой степени, в реальной жизни или только в фантазиях эти «плохие» желания удовлетворяются. Один из способов реализации «плохих» желаний – это приписывание этих желаний другим людям с последующей борьбой с этими «опасными» и «злонамеренными» людьми во имя «добрых» целей. Так, фашизм, чтобы оправдать удовлетворение своей жажды мирового господства, приписал то же самое желание коммунистам и «низшим» расам – евреям, цветным и цыганам, а затем ради самозащиты начал уничтожать опасных врагов, уже руководствуясь самыми справедливыми, добрыми и благородными намерениями.

Человеческие конфликты, столкновения и даже войны по большей части происходят оттого, что человек, считающий себя в глубине души эталоном истины и справедливости, проецирует свои дурные помыслы на других, а затем начинает бороться за восстановление истины и справедливости. Есть люди, которые действительно делают зло во имя зла, но подавляющее большинство людей совершает зло во имя добра. Многие убийцы и психопаты, причинившие огромный ущерб другим людям, если их расспросить, объяснят свое поведение как совершенно оправданное с точки зрения морали и справедливости.

Воины жизни не делят свои побуждения и желания на «плохие» и «хорошие». Для них существуют только естественные потребности, которые они учатся распознавать, осознавать и удовлетворять. В этом случае потребности не перерастают в жажды, нарушающие психическое равновесие человека, а удовлетворение потребностей не вызывает внутренних конфликтов и не заставляет их искать удовлетворения в конфликтных отношениях с внешним миром.

Когда все основные потребности человека удовлетворены, когда он здоров, сыт и доволен собой и другими, на первое место естественным образом выходит потребность в личностном росте и саморазвитии, в том, чтобы сделать и без того прекрасную и интересную жизнь еще более прекрасной, насыщенной и продолжительной. Таким образом, можно сказать, что в некотором роде Воины Жизни подходят к самосовершенствованию с другого конца, чем большинство эзотерических учений. Там ученик должен иметь сильную жажду саморазвития, которая обычно основывается на неудовлетворяющей его жизни в обществе, на личных проблемах и неразрешимых конфликтах. Идея о том, чтобы стать «святым» или совершенным сверхчеловеком, привлекает его тем, что дает возможность достичь самоуважения и уйти в блаженную «нирвану» из мира, который его не признает или не доставляет ему нужного удовлетворения. Люди с подобной жадью способны идти на жертвы, включающие умерщвление плоти, сексуальное воздержание и долгие мучительные тренировки, которые в конце концов действительно могут дать свой результат и привести к просветлению.

«Спокойные» выбрали другой путь. Они вначале учатся быть счастливыми, успешными и гармоничными в том мире, где они живут, и на этом фоне естественным образом на первый план выходит потребность в дальнейшем совершенствовании и духовном развитии. Поэтому «Спокойные» никому не навязывают свою идеологию и свое учение. Понять голодного лучше всего может только голодный, а понять счастливого по-настоящему может только счастливый. Люди, чье стремление к самосовершенствованию основано на внутренних противоречиях и недовольстве своей жизнью, окружающим миром и другими людьми, не поймут и не примут дух Шоу-Дао.

Учения разделяются на авторитарные и демократические. Те, кто хочет удовлетворить свою жажду самосовершенствования, обычно предпочитают школы авторитарные, где авторитет и слово Учителя – это закон, где Учитель является Богом и предметом культа.

В демократических учениях, к которым относится и Шоу-Дао, Учитель является старшим братом и другом, а не предметом культа, и в первую очередь «Спокойные» дают своим ученикам не то, что они считают Истинным знанием, поскольку психика человека, терзаемого жаждой и внутренними противоречиями не может правильно воспринять и осознать Истинное знание, а проводят их по кругам ложных знаний до тех пор, пока жажды ученика не насытятся и не перейдут на уровни естественно удовлетворяющихся потребностей. Только тогда пришедшая в гармонию личность ученика сможет правильно и равномерно развиваться.

Практически все европейцы, посвятившие себя следованию восточным эзотерическим учениям, делают это не от хорошей жизни. Обращаясь к мудрости Востока, которую они в силу своих собственных культурных традиций и воспитания никогда не смогут осознать и воспринять так, как это делает воспитанный в рамках соответствующей культуры азиат, они уходят от своих личных проблем и от не удовлетворяющей их действительности в мир сказок и фантазий, где они в своих иллюзиях, галлюцинациях и мечтах достигают «свободы», «мудрости», «осознания», где они приобретают «мистический опыт», и где они погружаются в водоворот восхитительных приключений, пережитых в прошлых жизнях, приключений, которых им так недостает в унылой и скучной повседневности. Двигаясь через свои воображаемые реинкарнации, они сражаются и побеждают, овладевают прекрасными женщинами, любят и ненавидят, грешат и раскаиваются, переживая все возможные оттенки чувств, которых жаждет их душа.

Изучив несколько асан и медитаций и обогатившись обширным «мистическим опытом», европейцы обретают самоуважение, которого им так не хватало в дрызгах и мелких проблемах унылого быта. Они больше не винтики, выполняющие, подобно простым смертным, свою роль в семье и на работе. Они приобщились к тайнам мироздания и вечности, они приобрели способность преодолевать пространство и время в своих снах и фантазиях о прошлых жизнях. Теперь можно вступить в клуб таких же, как они, последователей эзотерических учений и Искателей Истины, плодотворно проводя время в обсуждениях своего собственного мистического опыта, знаменательных событий из прошлых жизней, и пускаться в бесконечные интеллектуальные рассуждения о божественной сущности

мироздания, предназначении человека и прочих высоких материях.

Люди, прошедшие за этими занятиями достаточное время и научившиеся выполнять некоторые элементарные экстрасенсорные трюки, становятся Учителями, обретая, помимо самоуважения, еще и уважение начинающих эзотериков и экстрасенсов, с которыми они с удовольствием делятся своим мистическим опытом и историями из своей жизни, повествуя о том, как они преодолевали препятствия на пути к Истине. Такое поведение особенно характерно для жителей Советского Союза, которые из-за своей изоляции от остального мира и из-за бессилия перед обезличивающей и лишавшей их свободы мысли и слова государственной системой, могут только фантазировать и мечтать, надеясь, что занятия духовными практиками Востока дадут им ту свободу, которой их лишает государство.

Европейцы или американцы в случае, если их действительно заинтересуют восточные учения, могут поехать в Индию, Японию или Китай и там, в настоящих восточных школах и у восточных Учителей, получать знания, которые им необходимы. Поэтому у них фантазии о восточных техниках обычно не принимают таких крайних форм, как у твоих соотечественников, и они либо занимаются реальными исследованиями в их западном понимании, либо просто зарабатывают на этом деньги, точно так же, как делали бы это, занимаясь археологией или генетикой.

Глава 18

«Слуги» и «мессии»

Мы с Учителем сидели на скамейке в сквере около девятой школы и я с трудом осваивал ощущение жажды слуги.

– Твоя ошибка заключается в том, – сказал Ли, – что для тебя слово «жажда» ассоциируется с всепоглощающим сильным чувством. Ты пытаешься с помощью мыслеобраза мгновенно воспроизвести у себя это чувство, но поскольку жажда слуги тебе внутренне неприятна, естественно, что у тебя это не получается. Твои затруднения напоминают проблемы мужчин, которые становятся импотентами как раз в тот момент, когда они больше всего на свете желают продемонстрировать мощь и силу своих чувств. Чрезмерное стремление к результату разрушает и прерывает процесс, в то время как мягкое, но стабильно нарастающее наслаждение процессом без концентрации на результате приводит именно к тому самому результату, которого ты хотел бы добиться. Начни с самого простого. Вспомни, когда потребность в подчинении, из которой вырастает жажда слуги, доставляла тебе искреннее удовольствие.

– Мне приятно подчиняться тебе, потому что я уважаю и люблю тебя, и твои требования всегда оправданны, – сказал я. – Мне нравится подчиняться родителям, когда их желания обоснованы и разумны, я с удовольствием подчиняюсь людям, которые учат меня чему-то новому и интересному, и естественно, что для меня особым очарованием обладает подчинение капризам любимой женщины.

– Хорошо. А теперь вспомни моменты, когда подчинение доставляло тебе радость, и вызовы в себе приятный тонкий аромат удовольствия от подчинения.

Я вспомнил упражнение по обмену энергиями с Лин, когда мое тело, расслабленное и блаженствующее, реагировало на все ее команды и манипуляции, все глубже погружая меня в океан волнообразно накатывающих оргазмических ощущений. Воспоминание оказалось настолько ярким, что я забыл обо всем, выделяя из множества нюансов эйфорического состояния ту его составляющую, которая доставляла мне наслаждение от подчинения, единения и растворения в возлюбленной. Потребность в подчинении, увеличиваясь и разрастаясь за счет моей концентрации на ней, постепенно охватывала меня целиком, действительно превращаясь в жажду, неутолимую и всепоглощающую жажду слуги.

– Интуитивно ты выбрал сексуальную окраску потребности в подчинении, – откуда-то издали услышал я голос Учителя. – Придать любой потребности сексуальную окраску

– самый простой способ насладиться ею и развить ее. Я уже говорил, что все жажды являются результатом неправильного распределения сексуальной энергии. Манипулируя своей сексуальной энергией, ты можешь как вызвать жажду, так и избавиться от нее. А теперь посмотри на меня и снова представь себе, что я – рассерженный на тебя декан твоего факультета. Продемонстрируй мне такую жажду слуги, чтобы наслаждение, которое получает питаемая ею моя жажда господина, оказалось так велико, что я не стал бы тебя ругать.

Я снова взглянул на ставшее высокомерным и злобным лицо Учителя. Черты Ли слегка расплывались, и мне показалось, что я действительно вижу перед собой сердитое лицо декана. Но на этот раз я смотрел на него без всякого внутреннего сопротивления или напряжения. Как ни странно, даже его возмущенный взгляд был мне приятен, вызывая своей суровостью нарастающее чувство уважения и восхищения. Я преклонялся перед жизненным опытом, научными достижениями и человеческими качествами декана. Если он решил меня наказать, то это должно было быть абсолютно справедливое решение, и я был готов принять его с полным смирением, даже не понимая, в чем и как я провинился. Мыслеобраз, возникший где-то в глубинах сознания, заполнил все тело и стал расширяться за его пределы, объединяясь с физически осязаемым для меня мыслеобразом господина, исходящим из тела Учителя.

Наши мыслеобразы слились, утоляя и насыщая жажды друг друга. Я скорее почувствовал, чем заметил, как смягчается выражение лица Ли, и как проходит его гнев, сменяясь покоем и удовлетворением. Сила объединившего нас чувства в какой-то момент ужаснула меня, потому что подобное ощущение единения, слияния и взаимного поглощения я ощущал только со своей возлюбленной корейкой. То, что я смог пережить это пусть даже только в энергетическом контакте с женщиной, на миг показалось мне противоземным и постыдным, но это ощущение тут же пропало, сменившись расслаблением и покоем.

Ли резким движением поднялся со скамейки и встряхнулся с ног до головы, так, как это делают собаки. Его улыбка была издевательской и ехидной.

– Так ты начнешь с пониманием относиться к извращенцам, – прокомментировал он. – Давай, пройдемся. Ты добился даже большего, чем я ожидал.

Быстрая ходьба вернула меня к привычному эмоциональному состоянию, в котором смешались любопытство, восхищение и нетерпеливое желание узнать, что еще ожидает меня впереди.

– Это было удивительно, – с энтузиазмом сказал я. – Я действительно чувствовал, как сила, исходящая из меня, взаимодействовала с тобой, убажывая и успокаивая тебя. Мне кажется, что, если бы на твоём месте был настоящий декан, я смог бы подстроиться под него и избежать его гнева.

– Думаю, что смог бы, – сказал Ли. – Теперь ты понял, как можно с помощью мыслеобразов жад управлять человеком. Пары жад, взаимно удовлетворяющие друг друга, такие, как, например, жажды слуги и господина, жажды мессии и ученика или жажды заступника и жертвы, называются дополнительными жаждями. Если ты хочешь понравиться другому человеку, представь ему жажду дополнительную к его жажде, а если ты хочешь довести его до белого каления, противопоставь его жажде такую же жажду, как у него или близкую к ней. Представь себе, как могут развиваться отношения при столкновении господина с господином или мессии с мессией.

Жажды также классифицируются в соответствии с пятью первоэлементами, и все внутренние связи между первоэлементами переходят и на взаимоотношение жад. Так, жажды воды утоляют жажды огня и усиливают жажды дерева. Принципы и методы управления противником в рукопашном поединке, основанные на связях между пятью первоэлементами, остаются теми же самыми в психологическом манипулировании другим человеком, но здесь вместо приемов, связок, технических действий и рефлекторных ответов на них противника ты изучаешь потребности и жажды противника и учишься

превращать его жажды в потребности, а его потребности в жажды, удовлетворять их или, наоборот, лишать удовлетворения.

Искусство психологического манипулирования требует таких же долгих и упорных тренировок, как и изучение рукопашного боя. Ты должен в совершенстве владеть своей психикой, свободно вызывая мыслеобразы любых жажд в любой их комбинации, и, в то же время, ты должен уметь совершенно точно распознавать потребности и жажды других людей, чтобы правильно подобрать необходимый для достижения твоей цели твой собственный мыслеобраз.

Следуя рекомендациям Ли, общаясь с людьми, я вызывал ароматы искомым ими жажд, и эти упражнения доставляли мне особое удовольствие, создавая между мной и человеком, с которым я общался, мимолетные, но очень приятные моменты внутреннего взаимодействия и близкого к интимности контакта, почти никогда не встречающегося в деловом и формальном общении, при котором соблюдение внутренней дистанции производится автоматически и ощущение эмоциональной близости запрещено неписаным законом, генетически заложенным в человека еще с тех времен, когда его далекие предки выясняли друг с другом отношения по поводу границ их территорий или их прав и обязанностей, зависящих от положения в иерархической лестнице.

Это упражнение раз и навсегда излечило меня от гордости. Гордость, с точки зрения «Спокойных», была одним из защитных механизмов, в котором внутренняя неуверенность маскировалась жестким и застывшим внешним образом, сотканным из фиксированных способов реагирования, идей и представлений, предназначенных для того, чтобы четко и ясно продемонстрировать окружающим место носителя данного образа в обществе и заставить их уважать и признавать этот образ. Для гордого человека проявление покорности по отношению к тем, кто, по его мнению, стоял выше него, было естественным, потому что это совпадало с фиксированными идеями, заложенными в его образе. В то же самое время проявление покорности перед низшим или перед тем, кто, согласно его образу, не имел права требовать от него покорности, шло настолько вразрез с его представлением о себе, что гордый человек или предпочитал смерть унижению, или, если страх пересиливал гордость, невыносимо страдал от того, что образ, дающий ему уверенность в себе, разрушился и он лишился душевных опор, позволяющих ему поддерживать самоуважение.

– «Спокойный» отличается от обычного человека тем, – объяснил мне Учитель, – что он не имеет застывшего, фиксированного образа внутри себя и не нуждается в том, чтобы защищать этот образ в глазах других людей. Он создает те образы, которые ему нужны в данный момент, меняет их по собственному желанию, и разрушение иллюзорных образов не наносит ему душевных травм, потому что истоки уверенности и счастья воина жизни находятся внутри него и не зависят от одобрения или осуждения окружающих.

Упражняясь в создании ароматов, я сумел осознать свои фиксированные образы, которые я привык демонстрировать окружающим и постепенно разрушил фиксацию на них, став гораздо более гибким и непредсказуемым в своих внешних проявлениях.

Создание жажды слуги особенно пришлось мне по вкусу, и я начал широко применять ее слабую форму в общении с преподавателями, начальством и лицами, облеченными властью. С искренним удовольствием я демонстрировал им свое уважение и почтение, и в ответ получал столь же искренний эмоциональный отклик.

– Ты должен создать такой мыслеобраз, – сказал Ли, – чтобы даже в твоём слове «здравствуй» звучало желание сделать человеку что-то хорошее уже самим этим словом, чтобы в нем звучало не подострастие, а уважение, являющееся здоровой составляющей потребности в подчинении. Если ты сможешь передать свой положительный мыслеобраз другому человеку, то, скорее всего, в ответ ты получишь такой же положительный подсознательный отклик, и это краткое мгновение взаимного удовольствия добавит еще немного света и радости в ваши жизни.

Воспользовавшись его советом, я открыл для себя источник наслаждения, которое приносила людям жажда слуги.

Таким образом, одна из заповедей Шоу-Дао, которую я принял сначала лишь на интеллектуальном уровне, только сейчас стала частью меня на уровне эмоциональном, потому что без умения использовать жажду слуги, я не был способен ассимилировать ее в себя. Эта заповедь звучала так:

«Проявляй уважение к тем, кто достоин его, ибо в этом нет ничего постыдного; проявляй уважение к тем, кто жаждет его, ибо в этом нет ничего трудного; проявляй уважение к тем, кто недостоин его, если это тебе позволят обстоятельства, ибо в каждом есть что-то, достойное уважения».

Даже если раньше я пытался формально следовать этой заповеди, внешне проявляя уважение к тем, кто был мне неприятен, внутренне я ощущал сопротивление, и в моей душе оставался неприятный осадок конфликта с самим собой, поскольку мои стандартные фиксированные образы поведения были слишком негибкими, чтобы в некоторых случаях проявлять уважение без внутренней ломки образа. Когда я научился получать удовольствие от подчинения и произвольно вызывать и гасить жажду слуги, внутреннее проявление уважения к людям, которые были мне неприятны, перестало вызывать у меня затруднения.

В некоторых случаях я демонстрировал немного утрированную жажду слуги, создавая образ большого, добродушного, мягкого и даже слегка подобострастного человека. Плохо знающим меня людям такой образ внушал доверие, приправленное приятным осознанием собственного превосходства. Часто случается, что высокий, сильный и независимый мужчина источает аромат, который многие на подсознательном уровне воспринимают как потенциальную угрозу своему собственному образу, и тогда они ведут себя с настороженностью и недоверчивостью.

Создание образа мягкого и добродушного гиганта вызвало совершенно неожиданный побочный эффект. Мой аромат подчинения стал привлекать драчунов и хулиганов с такой же неодолимой силой, как запах валерьянки притягивает котиков. Мужчины малорослые и хлипкие, хотя и годятся в качестве объектов издевательств и грабежа, но с ними сладить слишком просто, и охота теряет привлекательность и интерес. Перспектива же отлупить и ограбить внешне безобидного, но крупного парня отличается от борьбы с недомерками примерно так же, как охота на льва отличается от выкапывания суслика из норки.

Неожиданный наплыв хулиганов, желающих продемонстрировать мне все свои выдающиеся мужские качества, сослужил мне прекрасную службу, дав возможность на улице, а не в тренировочном спарринге проверить эффективность боевых техник Шоу-Дао.

Один из случаев нападения был особенно забавным. Я гулял поздно вечером в парке, и на одной из безлюдных аллей ко мне подошли трое начинающих уркаганов, наглядно демонстрирующих свою крутизну презрительным сплевыванием на асфальт, засунутыми в карманы руками и прочими, столь любимыми в определенной среде агрессивными жестами.

Предчувствуя удовольствие, я продемонстрировал одну из лучших форм жажды слуги и ответил полной смирения и покорности фразой на их провоцирующие реплики.

Ребята почувствовали разочарование. Все оказалось слишком просто. Я был таким тюфяком, что меня даже бить не хотелось.

– Давай кошелек, – с ленивым презрением скомандовал один из них.

Я вытащил из кармана кошелек с такой живой радостью и желанием услужить, что это вызвало замешательство даже у видавших виды хулиганов.

– Снимай часы, – приказал тот же парень, по-видимому, главарь.

– Пожалуйста, – сказал я, услужливо протягивая ему свои старенькие потертые часы.

Главарь задумался и долгим оценивающим взглядом окинул мою куртку. Куртка из потертого кожзаменителя цвета «детской неожиданности» была старой и слишком большой для любого из них, и, видимо, он решил экспроприировать ее скорее из чувства долга, чем из жадности.

– Отдай куртку, – сказал он, и я почувствовал искреннюю радость, потому что боялся, что в предстоящей драке куртку могут порвать или запачкать, а тяжелое материальное положение моей семьи не позволяло идти на такие жертвы.

Улыбаясь до ушей, я протянул куртку хулигану и впервые прямо взглянул ему в глаза.

Этот взгляд так не вязался с созданным мной образом, что главарь почувствовал легкое беспокойство и, взяв куртку, грубо и резко сказал:

– А теперь вали отсюда.

Я не сдвинулся с места.

– Ты что, не слышал, я же сказал – вали отсюда, – заорал парень.

– По-моему, это общественный парк, – миролюбиво сказал я. – Мне нравится тут гулять, а если вам неприятно мое общество, то лучше валите отсюда сами.

На миг он оторопел от такой наглости, а потом, отбросив куртку в сторону, бросился на меня, целясь кулаком в лицо. Отведя облачным движением его руку, я скользящим движением пальцев хлестанул хулигана по глазам, и моя ступня врезалась ему в пах. С диким воплем он согнулся от боли, а я, прихватив его за волосы, добавил завершающий удар коленом в лицо. Когда его дружки опомнились и бросились на меня, с ним уже все было кончено. Минуту спустя я, перешагивая через бесчувственные тела, подобрал свою куртку, вынул из кармана главаря бумажник и часы и с легким чувством вины продолжил прогулку по аллеям ночного парка.

Однажды я спросил у Учителя, существует ли какая-либо специальная техника для того, чтобы распознавать жадности людей.

– Ты должен уметь наблюдать и знать, какими бывают жадности, и как они проявляются, – сказал Ли. – Но для начинающих есть одна уловка, которая облегчает им задачу наблюдения. Изучая человека, ты должен направлять свой взгляд чуть-чуть в сторону от его головы, таким образом, чтобы он всегда оставался в области твоего бокового зрения. Это позволит тебе сохранить отрешенность и избежать вовлечения в эмоциональные порывы собеседника, когда, например, на улыбку ты отвечаешь улыбкой или на агрессию отвечаешь внутренней агрессией. Но по мере приобретения опыта, необходимость в отрешенном наблюдении отпадает, и ты научишься, сохраняя отрешенность, одновременно чувствовать то же самое, что и собеседник, вплоть до того, чтобы в некоторые моменты испытывать те же самые жадности и влечения, что и объект твоего наблюдения.

Упражнения по выявлению жадности мне полюбились, и я в любых ситуациях – на улице, в институте, на вечеринках – наблюдал за самыми разными людьми, пытаясь по их поведению разгадать движущие силы их психики.

Очень ярко проявлялись некоторые черты жадности на занятиях физкультурой. По манере движения, по отношению к выполняемым упражнениям сразу можно было определить жадности доминирования и подчинения. Движения «господина» были сильными и уверенными, он получал удовольствие от мышечного напряжения и связанного с ним агрессивного

возбуждения.

«Слуги» были более мягкими и осторожными в своих движениях и внутренних проявлениях. Кто-то все делал педантично и по правилам, другие старались по мере сил сачкануть и демонстрировали полную расхлябанность и безразличие.

Наблюдения за людьми сделали мое отношение к их поступкам гораздо более мягким. Я понял, что люди, не способные контролировать свои жажды, так же не способны адекватно реагировать на ситуации, и то зло, которое они вольно или невольно причиняют другим, скорее их беда, чем преступление против окружающих. Отсутствие самой элементарной логики во многих человеческих поступках в свете теории жажд стало оправданным и понятным. К сожалению, то же самое понимание лишило романтического ореола кумиров моего детства и многих героев так нравившихся мне когда-то приключенческих книг. Теперь для меня путешествия в лабиринтах скрытых мотивов человеческого поведения стали гораздо более занимательными, чем приключенческие романы.

Глава 19

Оживление «когтя»

– Я замечаю, что постепенно становлюсь во многих своих проявлениях похожим на тебя, – сказал я Учителю. – Пытаясь принять какое-то решение, я думаю о том, как бы ты поступил в похожей ситуации. К сожалению, мне еще очень трудно понять, как ты мыслишь, и как ты действуешь, предсказать твои действия и поступки и даже понять смысл многого из того, что ты делаешь со мной.

Ли усмехнулся.

– Если бы ты мог предсказать меня, ты был бы мною. Европейцы не способны понять даже свои собственные действия и мотивы, и для них просто нереально даже приблизиться к пониманию внутреннего мира человека, воспитанного в абсолютно другой культуре, на других традициях, морали и мироощущении.

– Конечно, я понимаю это, – согласился я. – Я хотел спросить о другом. В каждой системе представлений, в каждом мировоззрении есть свои принципы и методы обучения, и хотя подготовка каждого конкретного ученика в Шоу-Дао индивидуальна, наверняка есть какие-то универсальные составляющие системы, которые распространяются на все области самосовершенствования.

– Естественно, что такие принципы и методы существуют, – сказал Ли. – Они являются составной частью учения «Вкус Жизни» и применяются во всех областях знаний «Спокойных» – от рукопашного боя до медицины и социальных взаимоотношений. Трудность заключается в том, что этих принципов и методов так много, что без соответствующего опыта трудно понять, какие из них используются в каждой конкретной ситуации. Я могу перечислить тебе некоторые из них, чтобы ты мог составить себе общую картину, хотя в основном они тебе уже давно известны. Начнем с принципов. Каждый из них имеет свое образное название, используемое в медитациях осознания, позволяющих сделать каждый принцип частью самого себя. Вот эти принципы.

Принцип постоянства – «течение реки».

Принцип преодоления – «разящий меч».

Принцип постепенности – «малые глотки».

Принцип сверхусилия – «прыжок на гору».

Принцип последовательности – «со ступени на ступень поднимаясь по небесной лестнице».

Принцип правильного направления – «следуя за стрелой», то есть следуя правильной методике.

Принцип спокойствия – «истинное спокойствие» – не желать большего, чем ты имеешь в данный момент, не подгонять себя, избегать перерастания потребностей в жажды, не ставить рекордов.

Принцип напряжения – «натянутый лук».

Принцип «озера радости» – получение от любой деятельности удовлетворения, граничащего с наслаждением.

Принцип стимула – «убегая от тигра» – использование деятельности или ситуаций, в которых только правильные действия обеспечивают выживание.

Принцип «беря большое, не упускай малое» – обращать внимание на все детали, не забывая о мелочах.

Принцип «беря малое, не упускай большое» – не терять общей картины, концентрируясь на деталях.

Принцип «озеро удивления» – не переставать удивляться всему вокруг.

Принцип невозмутимости – «водная гладь» – не удивляться ничему, даже если происходит что-то невероятное.

Принцип следования учению, не веря в результат, не видя дороги, – «слепец с поводьями».

Принцип осознания каждого своего действия – «сияние полной луны».

– Но ведь эти принципы противоречат друг другу, – сказал я.

– Так и должно быть. Именно поэтому учение «Спокойных» называется «срединным путем». Вся хитрость в том, чтобы в каждый момент правильно подобрать принцип, которому следуешь. А теперь поговорим о методах обучения. Вот некоторые из них.

«Повторение за мастером» – одновременное выполнение движений или какой-либо деятельности вместе с мастером, в сочетании с медитацией слияния, когда не только копируется внешняя сторона деятельности мастера, но и ощущается и запоминается его мыслеобраз, сопровождающий данные действия.

«Повторение после мастера» – исполнение чего-либо после показа мастером.

«Повторение, помня о мастере» – отработка чего-либо самостоятельно.

«Создание в дар мастеру» – самостоятельная разработка чего-либо.

«Озеро под луной» – запоминание речей Учителя.

«Великое знание тишины» – передача знаний бессловесным путем, без жестов и записей.

«Говорящие руки» – передача жестами и показом.

«Следы на песке у моря» – передача знаний посредством записей.

«Перебирание драгоценных жемчужин» – изучение книг.

«Человек в логове тигра» – обучение путем вовлечения ученика в ситуацию, требующую самостоятельного и моментального решения.

«Медленный ветер» – изучение чего-либо в медленном темпе.

«Ритуальная форма» – классические формы обучения, основанные на ритуалах, а в боевом приложении – отработка конкретных связок приемов.

«Постройка дома» – моделирование тех или иных жизненных ситуаций.

«Великий Учитель» – обращение внутрь себя, к своей интуиции, работа с самим собой.

«Пушистый снег» – убеждение ученика в его собственных силах и знаниях.

«Уминание снега» – наглядный показ ученику истинного уровня его знаний и умений.

«Снежинки, мелькающие в вышине» – знание более высоких ступеней, даруемое ученику, чтобы стимулировать его желание достичь их.

«Наблюдение из леса за пасущимися козами» – тайное наблюдение за учеником в его обычной жизни или в специально созданной для этого ситуации.

«Очень большой шаг» – обучение ситуацией, в которой ученик «перешагивает» то, что ему раньше не поддавалось.

«Полет стрелы» – объяснение принципов, законов и правил, на основе которых постигается большой пласт знаний.

«Отражение меча» – ответы на вопросы учеников.

«Обучение притчей» – обдумывание рассказанных мастером притч и постижение скрытых истин.

«Воровство жемчужин» – наблюдение за окружающим миром и природой и постижение истины через это наблюдение.

«Обучение ритуалом» – соблюдение социальных ритуалов, воспитывающих такие качества, как внутренняя дисциплина и уважение к учению.

Я мог бы перечислить еще многие из принципов и методов, но думаю, что для начала и этого более чем достаточно, чтобы ответить на твой вопрос.

– Ты совершенно прав, этого действительно более чем достаточно, – сказал я. – На самом деле, я хотел услышать от тебя что-то другое.

– Наверно, универсальный рецепт понимания Шоу-Дао, – Учитель скорчил ехидную рожу и издевательски захохотал.

– Что-то в этом роде, – я продолжал настаивать на своем. – Ведь существуют какие-то универсальные принципы, вроде закона инь и ян, понимание которых позволяет приблизиться к восприятию мировоззрения востока. Есть ли в Шоу-Дао такой же универсальный принцип обучения, который является как бы истоком остальных принципов и методов? Спрашивая о нем, я следую твоему же принципу – «беря малое, не упускай большое» и пытаюсь увидеть общую картину, складывающуюся из деталей, о которых ты только что мне рассказал.

– Значит, я не зря потратил время, – одобрительно улыбнулся Ли. – Универсальный

принцип обучения действительно существует, но он настолько всеохватывающий, что в чистом виде, без дополнительных уточнений, его сложно применить на практике. Тем не менее, он может служить опорой в тех случаях, когда возникает замешательство, помогая с помощью интуитивного осознания выбрать правильную тактику. Тот, кто сможет до конца прочувствовать этот принцип и сделать его частью себя, станет Воином Жизни. Осознание этого принципа наряду с навыком накопления сексуальной энергии и умением управлять ею, является одной из основных составляющих процесса развития внутренней силы.

При упоминании о внутренней силе я ощутил приток лихорадочного возбуждения. Учитель несколько раз заговаривал о ней, но его формулировки были достаточно расплывчатыми. Мне уже доводилось испытывать в самых разных ситуациях проявления внутренней силы, и всякий раз у меня создавалось впечатление, что какая-то совершенно изолированная и не осознаваемая в обычной жизни часть меня заставляла меня действовать самым непредсказуемым образом и достигать результатов, которые моему обычному сознанию казались поистине невероятными. Каждый раз у меня возникало страстное желание понять, как запускаются механизмы, приводящие в движение внутреннюю силу, научиться сознательно вызывать и контролировать ее проявления, но Ли мне пока не объяснил, как это делается.

– У тебя снова проявляется маниакальная жажда сверхспособностей, столь характерная для европейцев, – осуждающе покачал головой Учитель, с привычной легкостью угадывая ход моих мыслей. – Ты готовишься стать Воином Жизни, а не фокусником, а фокусы по-прежнему кажутся тебе более привлекательными, чем сама жизнь. Когда ты избавишься от этого недостатка, мы сможем наконец поговорить об управлении внутренней силой. А пока я расскажу тебе универсальный принцип обучения «Спокойных». Он называется «Всадник на спине ветра наблюдает за серединой», и его формулировка очень проста.

Избегая символичности китайских образов на привычном для европейца языке, он звучал бы следующим образом: правильный способ действий определяется интуитивным осознанием того, что в данной ситуации хочет сделать человек, знанием о том, как наиболее простым и безопасным способом осуществить то, что он хочет сделать, и автоматическим запретом на действия, которые могут повлечь за собой опасность для его жизни и благополучия, в случае, если запрет на такие действия не представляет большую опасность, чем сами действия.

– Но ведь это и так очевидно, – сказал я, почувствовав легкое разочарование.

– Правильные вещи всегда очевидны, – пожал плечами Ли, – но беда человечества в том, что люди, устремляясь к заоблачным высям технического прогресса и творческой мысли, перестали видеть очевидное. Большинство людей согласились бы с этим утверждением, но многих ты мог бы назвать, кто на практике всегда бы ему следовал?

Во-первых, мало кто из обычных людей, обуреваемых жаждой и терзаемых неудовлетворенными, часто противоречивыми потребностями, способен отдавать себе отчет в том, что он действительно хочет сделать в данной ситуации, поскольку жажды мешают ему правильно ориентироваться в своих реальных нуждах.

Во-вторых, современный человек, напичканный бесполезными с практической точки зрения знаниями из гуманитарных и технических наук, не имеет представления о том, как правильно действовать в самых обычных житейских ситуациях, не говоря уже о ситуациях, опасных для его жизни и благополучия.

И в-третьих, подсознательные запреты на некоторые действия и способы реагирования столь сильны, что человек иногда предпочитает потерять жизнь, но не нарушить их. Воин Жизни отличается от обычного человека тем, что всегда следует универсальному принципу, и правильность его действий определяется их целесообразностью, а не фантазиями о их целесообразности. Название этого принципа «Всадник на спине ветра наблюдает за серединой» расшифровывается следующим образом:

«Наблюдение за серединой» – это контроль над устойчивостью неустойчивой ситуации, осуществляемый таким образом, чтобы она не могла нанести вред Воину Жизни.

«Езда на спине ветра» – это спонтанный интуитивный ответ на любое изменение ситуации.

Как любое название принципа в Шоу-Дао, это название сформулировано так, что может служить основой медитации осознания для внутренней переработки и принятия этого принципа на подсознательном уровне. Образное представление восприятия всадника, мгновенно реагирующего спонтанным действием на резкие и непредсказуемые переходы из одной неустойчивой ситуации в другую, создает основу для приведения в действие внутренней силы, которая и является механизмом, позволяющим всаднику, оседлавшему ветер, сохранять равновесие в неустойчивой бесконечности полета. Ты уже вполне осознал этот принцип в технике рукопашного боя, но еще далеко не всегда можешь применять его в повседневной жизни.

Животные следуют универсальному принципу, интуитивно выбирая правильный способ действия, но преимущество человека – знания, расширяющие его возможности выполнить желаемое. К сожалению, по мере совершенствования знаний, человек сделал свое поведение настолько сложным, что потерял способность интуитивного принятия правильных решений. Его действия утратили естественную целесообразность и начали работать против человека, вместо саморазвития способствуя его самоуничтожению.

Действия животных гораздо более примитивны и менее разнообразны, чем действия человека, потому что они основываются как на врожденных инстинктах, так и на подражании поведению родителей и наиболее приспособленных к выживанию особей своего вида.

Для нормального существования человека недостаточно действий, основанных на инстинктах и простом подражании. Он должен уметь принимать сознательные решения. К сожалению, действия, приносящие желаемый результат, далеко не всегда оказываются целесообразными с биологической точки зрения, и наоборот. Поэтому для человека одним из самых важных этапов обучения становится способность принимать «правильные» решения, а для этого необходимо определить, что такое «правильное» и «неправильное».

Представление о «правильном» и «неправильном» с точки зрения каждого человека является субъективной истиной. При таком огромном количестве субъективных истин вопрос об объективной истине становится весьма сомнительным, поскольку каждый носитель субъективной истины уверен, что именно его истина если и не является объективной, то по крайней мере находится к ней ближе, чем другие. Воины Жизни сделали своим критерием объективности действий их соответствие естественным потребностям выживания как каждого отдельного члена клана, так и всего клана в целом.

В человеческом обществе «правильный» способ действия определяется сложной системой построений, основанных на фантазиях наиболее активных и авторитетных членов общества, которые меняются, дополняются и совершенствуются, передаваясь из поколения в поколение. К наборам «правильных» действий относятся этика – кодекс хороших манер и правильного поведения в социальных контактах, мировоззрение, как способ ориентации в жизненных ситуациях, и прочие традиционные взгляды и установки.

Авторитарные системы навязывают членам своего общества одну-единственную считающуюся правильной систему взглядов, носители другого мировоззрения считаются врагами и подлежат уничтожению или заключению в тюрьму. Демократические системы допускают большую широту взглядов, но неформально доминирующие установки социального поведения и положения в обществе так или иначе оказывают давление на людей, не придерживающихся общепринятой формы поведения. Естественно, что слова «авторитарный» и «демократический» я применяю в более широком смысле, чем привычные определения политических систем.

Система взглядов «Спокойных» с моей точки зрения является наиболее демократичной. Возможно, мне могли бы возразить, что, например, анархисты или хиппи вообще объявляют полную свободу от каких-либо ограничений, но на самом деле неформальный кодекс поведения анархистов или хиппи гораздо более жесткий, чем у последователей Шоу-Дао. При выполнении главного принципа выживания, «Всадник на спине ветра наблюдает за серединой», все остальное – религиозные взгляды, социальная принадлежность, уровень знаний, внешний вид и стереотипы поведения – перестает играть важную роль. Я мог бы пояснить тебе это на множестве примеров, но для начала возьмем самую близкую для тебя тему – рукопашный бой.

Первые несколько лет подготовки бойца посвящаются его физическому и психическому развитию, совершенствованию естественных двигательных навыков и отработке интуитивно-инстинктивных реакций на агрессивные или атакующие действия.

За этот период ученик освобождается от внутренних запретов на любые виды действий, осознает природу своих естественных инстинктивных реакций и, накладывая на естественную природу движений и реакций знания о специфических техниках управления телом, создает базу правильных подсознательных ответов на возникающие в бою ситуации.

Только потом воины Шоу-Дао переходят непосредственно к технике поединка и начинают изучать комплексы приемов и технических действий, тактику и стратегию ведения боя. Но даже при конкретном изучении приемов принцип «Всадник на спине ветра наблюдает за серединой» определяет специфический подход «Спокойных» к этой задаче, в корне отличный от системы подготовки в других школах рукопашного боя.

Арсенал Воина Жизни насчитывает бесконечное количество приемов, и основанная на этом непредсказуемость его стратегии обеспечивает неоспоримое преимущество перед бойцами школ, стиль действий и набор приемов которых заранее известен и предсказуем.

Поскольку изучить в совершенстве даже несколько тысяч приемов, по очереди отработывая каждый из них, практически невозможно, «Спокойные» пошли другим путем. Они создали координационную сетку кругов. Осваивая движения по кругам, ученик, в частности с помощью медитаций, осознает сотни возможных технических элементов, которые можно выполнить в каждом круге, используя конечности или части их, голову или туловище.

Затем боец начинает изучать десятки комплексов движений, предназначенных для тех или иных целей. Каждый комплекс содержит сотни, а иногда тысячи технических действий, некоторые из которых ученик повторяет всего по пять-шесть раз, а если их выполнение на данном этапе превышает его физические возможности, то изучает их в медитациях «воспоминания о том, чего не было». За счет использования психофизических методов обучения, движения каждого комплекса закладываются в подсознание ученика таким образом, что, иногда даже не помня какой-то конкретный прием, боец автоматически выполняет его в наиболее подходящей для его применения ситуации.

Таким образом в рукопашном бою «Спокойные» реализуют универсальный принцип Шоу-Дао, и воин осуществляет контроль над устойчивостью неустойчивой ситуации, автоматически отвечая на каждое ее изменение спонтанным интуитивным действием.

Можно сказать, что внутренняя сила, ведущая и направляющая последователя «Спокойных», до некоторой степени представляет собой интегрированный в его подсознание принцип «Всадник на спине ветра наблюдает за серединой».

– Здорово, – сказал я. – Когда ты объясняешь, все кажется таким простым и понятным. Но это просто и понятно лишь на интеллектуальном уровне. По правде говоря, мне кажется, что перевести все это на уровень подсознания – почти непосильная задача.

– У тебя впереди еще целая жизнь, – ободряюще подмигнул мне Учитель.

Глава 20

Парадокс бесстрашия

Когда я во второй или в третий раз приехал в совхоз «Жемчужный», чтобы посвятить местных любителей спорта в тонкости бокса, настольного тенниса и художественной гимнастики, физорг Анатолий с таинственным видом отвел меня в сторону и сказал, что пришло время обеспечить мне алиби, то есть показаться на глаза начальству и побывать на работе. В этот день по неизвестной мне причине все высокопоставленные лица совхоза и какое-то районное начальство собрались, чтобы понаблюдать за ходом сельскохозяйственных работ.

Мне предстояло явиться в бригаду, к которой я был приписан, и изобразить бурную деятельность в качестве помощника бригадира. Утреннюю тренировку пришлось отменить, и я отдал ключи от спортзала ребятам, которые хотели позаниматься самостоятельно. Один из учеников предложил меня подбросить на поле на стареньком мотороллере.

Мотороллер, подпрыгивая на ухабах, промчался по извилистым тропинкам и наконец затормозил на асфальтированной дороге, разделяющей два поля. Картина, представшая передо мной, потрясла меня до глубины души. По силе эмоционального воздействия ее эффект можно было сравнить только с экстремальными ситуациями, намеренно создаваемыми Учителем для ломки стереотипов моих представлений о мире.

Дорогу перегораживал трактор с бочкой жидких удобрений, содержимое которой только что было вылито на поле, скорее напоминавшее болото. Несколько женщин, кажется их было шесть, работали в поле. До середины бедер погрузившись в слой холодной весенней грязи, они высаживали рассаду капусты. Чтобы достать до земли, они сгибались так, что их лица почти касались темной взбаламученной жижи. Отворачивая голову в сторону, женщины погружали руку до плеча, втыкая в землю рассаду.

Стоя на сухой асфальтовой поверхности, за этим каторжным трудом с одобрением наблюдала пара десятков добротнo одетых мужчин. Я подошел к комсorghу совхоза, с которым меня успел познакомиться Анатолий, и потихоньку спросил, кто эти люди. Помимо шоферов и трактористов, брезгливо перепрыгивающих по настеленным доскам с прицепа на прицеп, чтобы, не дай Бог, не испачкаться, там находились бригадир, парторг, агроном отделения, агроном по химзащите, а также представители обкома и горкома со своими шоферами, директор совхоза и уже не упомяну кто еще. Мужчины ходили взад-вперед, придиричиво изучали рассаду и что-то обсуждали.

Я смотрел на шесть изможденных, выпачканных по шею в грязи существ, убивающих себя этой нечеловеческой работой, и меня поразил до абсурда нелепый контраст их согнутых фигур с мирно беседующими мужчинами, которые созерцали их труд с доброжелательным безразличием римских патрициев, посылающих рабов на съедение львам.

В тот момент рухнуло привитое с детства и до сих пор не подвергавшееся сомнению мое представление о справедливом устройстве социалистического общества и о радостях общественно полезного труда.

Я успел вернуться к вечерней тренировке, а утром отправился в леса Партизанского водохранилища на встречу с Учителем.

Повседневные дела не смогли погасить тягостного впечатления от увиденного. Я уже не был наивным юношей и успел повидать много тяжелых, неприятных и достаточно грязных сторон жизни, но они казались мне лишь частными случаями. Я разочаровывался в людях, но не в системе. Теперь мои идеалы рухнули. Я осознал, что система может безжалостно и равнодушно уничтожать личности множества людей, а слова о благородстве, гуманности и справедливости – всего лишь красивая сказка для дураков. Боль разочарования не проходила. Я чувствовал себя подавленным и несчастным, как

после смерти близкого человека.

Несмотря на мои отчаянные попытки казаться веселым и невозмутимым, Учитель с первого взгляда распознал во мне черную вселенскую грусть.

– Ты похож на ребенка, который, развернув конфету, обнаружил внутри дохлую мышь, – прокомментировал он. – Что же ввергло тебя в столь мрачное состояние человека, познавшего горький вкус изнанки жизни?

Я попытался улыбнуться и пошутить в ответ, но улыбка вышла натянутой. Втайне стыдясь неспособности контролировать собственные чувства, я рассказал Ли об увиденном.

Некоторое время Учитель молчал, бросая на меня короткие взгляды, и я понимал, как его забавляет наблюдение за моей безнадежной борьбой с собственной печалью.

– Не нужно бороться, нужно осознавать, – наконец произнес он. – Бороться с собой – самое бессмысленное занятие, которое только можно придумать.

– Я просто пытаюсь контролировать свои эмоции, – стал оправдываться я.

– Борясь с собой, ты не улучшишь своего настроения, – покачал головой Учитель. – Эмоции нужно использовать, истощать и перенаправлять. Когда ты чувствуешь, ты не осознаешь. Когда ты осознаешь, ты не чувствуешь. Просто перейди к осознанию. Тогда ты сможешь выбрать ту эмоцию, которая тебе нужна, без всякой внутренней борьбы.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Я расскажу тебе древнюю притчу «Спокойных», – сказал Ли. – Это притча о пяти лекарствах.

В давние времена в одном торговом городе жил чиновник. Однажды, когда он проходил по рыночной площади, к нему подошел какой-то оборванец и, выкрикнув бранные слова, плюнул в лицо чиновнику и убежал.

Не вынес чиновник позора и заболел. Так бы и умер бедняга, но его друзья послали за лекарем, который славился своим умением исцелять душевные раны.

Лекарь дал больному пять лекарств и велел каждую ночь, просыпаясь в назначенный час, принимать одно из них.

Настала ночь. Принял чиновник первое лекарство, и приснилась ему рыночная площадь и то, как оборванец плюнул ему в лицо. От нестерпимого унижения и позора страшно закричал больной и проснулся.

На следующую ночь принял он второе лекарство и снова увидел тот же самый сон, но вместо позора он ощутил леденящий душу страх.

Тот же сон приснился чиновнику и на третью ночь, но ни страха, ни позора уже не было, а охватила его глубокая печаль.

Удивился чиновник, но решил следовать указаниям лекаря до конца, и на следующую ночь выпил четвертое лекарство. Конечно же, он снова увидел тот же самый сон, но этот сон уже не был таким мучительным, как в предыдущие ночи, и ощутил чиновник только чувство легкого удивления.

На пятую ночь, неожиданно для себя самого, чиновник испытал радость.

Не зная, что и думать, он поднялся с кровати и незамедлительно отправился к лекарю

за советом и новыми лекарствами.

– Что ты почувствовал после приема моих снадобий? – спросил целитель.

– Все ночи мне снился один и тот же сон о том, как оборванец плюнул в меня, – ответил чиновник, – но каждую ночь этот сон вызывал у меня новое чувство: я испытывал то позор, то страх, то печаль, то удивление. А в последнюю ночь я ощутил радость и испытываю ее до сих пор. Теперь я растерян и не понимаю, что же я должен чувствовать на самом деле?

Услышав слова чиновника, засмеялся лекарь и сказал:

– Неважно, что с тобой произошло, если ты можешь относиться к случившемуся так, как считаешь нужным. Ведь только от твоего выбора зависит, будешь ли ты радоваться или огорчаться по любому поводу. Что же касается плевка в лицо, то мудрый человек просто не обратил бы на него внимания, тем более что обидчик твой – сумасшедший, и его плевков не более оскорбителен для тебя, чем порыв ветра, запорошивший пылью твои глаза...

Небо было хмурым и пасмурным. Резкий пронизывающий ветер шелестел в кронах деревьев. Весенний день казался таким же унылым и печальным, как и мое настроение. И вдруг все вокруг преобразилось, заиграв новыми красками. Свинцовая рябь на поверхности водохранилища превратилась в восхитительную игру волн, света и тени. Наполняющая душу грусть исчезла, и на смену ей пришло переполнившее меня до краев ощущение счастья. Впервые я осознал возможность выбора своей судьбы. Мне стало ясно, что, даже когда обстоятельства складываются не так, как бы мне хотелось, у меня все равно остается выбор. Я мог выбирать свою собственную реакцию на ситуацию, становясь грустным или радостным, спокойным или злым, испуганным или агрессивным, и этот выбор мог быть осознанным, а не автоматическим.

Сами по себе события были нейтральны. Их делала плохими или хорошими, ужасающими или прекрасными лишь моя интерпретация этих событий. Но эту интерпретацию я мог выбирать из бесконечного числа возможных и даже иногда противоречащих друг другу вариантов.

Глядя на страдания других людей, я мог чувствовать себя несчастным из-за жестокого и несправедливого устройства мира, но, с другой стороны, я мог радоваться тому, что чаша сия меня миновала и что, благодаря своей силе и уму, я в подавляющем большинстве случаев могу избежать участи сделаться жертвой обстоятельств или чьей-то злой воли.

Я понял, что, следуя учению «Спокойных», мне будет гораздо легче выживать в обществе, избегая тяжелых и безжалостных жерновов социалистической системы, перемалывающих людские судьбы. Как бы ни сложилась в дальнейшем моя судьба, я не стану безропотным рабом государства, как те женщины на поле.

– Вот теперь ты в порядке, – усмехнулся Ли. – Осознание помогло тебе перейти от естественных для тебя чувств к мироощущению Воинов Жизни. От природы у тебя доброе сердце. Ты относишься к людям с любовью и уважением. Ты умеешь сочувствовать им. Это прекрасные качества, но они имеют и обратную сторону, таящую в себе опасность в первую очередь для тебя самого.

Жалость, боль или ярость, которые ты испытываешь при виде жестокости и несправедливости, подтачивают твой организм, ослабляют и разрушают тебя. Люди реагируют по-разному на несправедливое, с их точки зрения, устройство общества. Одни из них пытаются изменить мир и становятся революционерами, принося с собой новую жестокость и несправедливость. Другие становятся монахами или отшельниками, уходя от мира с его жестокостью и несправедливостью и поощряя жестокость и несправедливость своей пассивностью. Между этими двумя полюсами есть много других вариантов.

«Спокойные» выбирают срединный путь. Они живут в этом мире таким образом, чтобы зло и жестокость, по мере возможности, не затрагивали их, и, сохраняя в своей душе счастье и спокойствие, стараются не причинять вреда другим. В то же время они не стремятся изменить мир и искоренить жестокость и несправедливость, поскольку борьба с ними означала бы всего лишь бессмысленную войну, никогда не приходящую к концу. Жизнь срединного пути – нелегкое искусство, но оно стоит того, чтобы его изучить.

– Ты уже много раз говорил мне об этом, – сказал я. – Мне кажется, что я не забываю о твоих словах и стараюсь им следовать, но, к сожалению, это не всегда получается. Иногда у меня возникает странное состояние раздвоенности, когда мой ум подсказывает мне одно решение, близкое к тому, которое, по моему мнению, мог бы принять ты, сердце мне говорит совсем о другом, и в то же время я понимаю, что правильный выбор может оказаться совсем иным, но каким – я не представляю.

– Так и должно быть, – ответил Ли. – Если бы ты мог следовать всем моим рекомендациям, ты был бы таким же, как я. Следуя моим советам ты пока только вполне искренне пытаешься подчиниться моему авторитету, но мой жизненный опыт или опыт «Спокойных» пока еще не стал твоим жизненным опытом, поэтому, даже если ты стараешься действовать в соответствии с мировоззрением Воинов Жизни, твоя душа пока еще не принимает этот способ действия и осознания, отторгая его, как организм отторгает имплантированную ему чужеродную ткань.

Только со временем, когда на уровне своих самых глубоких эмоциональных откликов ты осознаешь, что выбранный тобой способ поведения и реагирования на ситуацию действительно приносит наибольшую пользу тебе и даже окружающим тебя людям, раздвоенность, сомнения и грусть оставят тебя.

Сейчас ты находишься в замешательстве, двойственным образом реагируя на возникающие ситуации. Иногда ты умеешь интерпретировать события так, как это делают воины жизни, но на эмоциональном уровне ты пока не избавился от своих прежних автоматических и стереотипных интерпретаций. Эта раздвоенность и есть состояние замешательства, характерное для переходного периода от одного состояния к другому, от европейского восприятия мира к мировоззрению «Спокойных». Тебя можно сравнить, хотя в природе такое и невозможно, с гусеницей, наполовину превратившейся в бабочку, а наполовину оставшейся гусеницей. Обычные гусеницы не знают, что они превратятся в бабочек, а бабочки не помнят, что когда-то они были гусеницами.

Представь себе, что гусеница и бабочка встретились, подружились и стали беседовать о жизни. Гусеница рассказывала бы, как прекрасно медленно и спокойно переползает с ветки на ветку, питаясь сочными зелеными листьями, а бабочка возражала бы ей, что все это глупости и что единственное стоящее занятие в жизни – порхать с цветка на цветок, погружая свой хоботок в ароматный нектар и купаясь в цветочной пыльце. Конечно, так могли бы разговаривать лишь гусеница и бабочка с низким интеллектуальным уровнем. Если бы они обе закончили университет, то бабочка признала бы, что для гусеницы действительно больше подходит ползание по листьям, а гусеница понимала бы, что бабочкам больше пристало легкомысленно порхать среди цветов, но обе в глубине души жалели бы собеседницу за слишком примитивное и ограниченное восприятие мира.

Тебе, как гибриду гусеницы и бабочки, были бы чужды проявления как одной, так и другой стороны, и ты постоянно находишься бы в замешательстве, не зная, какой образ мыслей и действий можно считать более верным.

Когда ты окончательно превратишься в бабочку с высшим образованием, то есть в Воина Жизни, ты перестанешь испытывать замешательство, и, находя множество интерпретаций для каждой ситуации, ты научишься мгновенно и безошибочно выбирать из них ту, которая наилучшим образом подходит к ней. В свете открывающихся перед тобой бесконечных

возможностей интерпретирования, самые обычные вещи начнут доставлять тебе намного большее наслаждение, чем прежде, потому что ты будешь получать от них гораздо больший потенциал и заряд энергии, чем прежде, когда твой набор реакций был ограниченным и стереотипным.

– Скорее бы мне превратиться в бабочку с университетским образованием, – заметил я. – Я как-то не определял свое состояние словом «замешательство», но теперь я понимаю, что ты совершенно прав в оценке моего, ставшего почти хроническим состояния. Я недавно прочитал одну притчу, которая также привела меня в состояние полного замешательства.

Эта притча так красива, что мне жаль, что ее придумали не «Спокойные». Можно, я расскажу тебе ее?

– Конечно, – ответил Ли.

– Это даже не притча, а легенда о завещании царя Давида царю Соломону, – начал я.

Когда пришло время умирать царю Давиду, призвал он к себе своего сына, будущего царя Соломона.

– Ты уже успел объездить много стран, встречался с разными людьми, – сказал Давид. – Какое у тебя сложилось мнение о мире?

– О мире у меня мнение скверное, – отвечал Соломон. – Везде, где бы я ни был, царят несправедливость, глупость, зло и несчастье. Я не знаю, почему так устроен мир, но хочу всю свою жизнь посвятить борьбе за справедливость, мудрость, добро и счастье.

– Но чтобы бороться за все это, нужно знать, что оно из себя представляет. Есть ли у тебя это знание?

– Такого знания у меня нет.

– Тогда слушай внимательно то, что я тебе расскажу.

Давным-давно, когда мир был еще молодой, населял землю один-единственный народ, и управлял этим народом единый Правитель, и было у Правителя четверо сыновей – Наследников.

Когда Правитель понял, что умирает, он призвал к себе Наследников и завещал им нести людям справедливость, мудрость, добро и счастье. Так же как и у тебя, у Наследников не было знания о том, что такое справедливость, что такое мудрость, что такое добро и что такое счастье.

– И тогда Правитель дал им это знание? – спросил Соломон.

– Да. Он велел Наследникам хорошо запомнить следующее.

Несправедливость возникает из-за того, что человек относится к миру со своими симпатиями и антипатиями, которые мешают смотреть на мир объективно и беспристрастно.

Чтобы стать справедливым, человек должен избавиться от их власти. А для этого он должен всегда поступать так, как если бы мир существовал, а человек не существовал. Человек справедлив только тогда, когда он смотрит на бытие мира из своего небытия. «Мир существует, а я не существую» – только этот принцип может быть основанием справедливых мыслей и действий.

Глупость возникает из-за того, что человек, зная лишь ничтожную часть сложного и

многообразного мира, переносит это свое знание на то, что ему неизвестно.

Невозможно вычерпать безбрежное море неизвестного, поэтому мудрости не достичь, стремясь к расширению своих знаний. Расширяя знания, можно перейти лишь от большей глупости к меньшей. Мудр тот человек, который ищет истины не в мире, а в самом себе. «Существую я, а мир не существует» – это принцип, которому следует всякий мудрец.

Зло возникает из-за того, что человек противопоставляет себя миру, стремится достичь своих целей, вмешиваясь в естественный ход событий и подчиняя их своей воле. Чем больше человек стремится господствовать над миром, тем больше мир сопротивляется этому, и зло порождает зло.

Добр тот человек, который стремится не к господству, а к тому, чтобы действовать сообразно существующему в мире порядку. «Мир существует и я существую, но я стремлюсь не противопоставить себя миру, а раствориться в нем» – этот принцип является основой любых добрых поступков.

Несчастье возникает из-за того, что человеку чего-то не хватает, и чем большего ему не хватает, тем более он несчастен. А так как человеку всегда чего-то не хватает, то, двигаясь по пути обладания, человек может лишь перейти от большего несчастья к меньшему. Счастлив тот человек, внутри которого весь мир, и поэтому ему не может чего-либо не хватать. «Мир существует и я существую, причем весь мир растворен во мне» – вот формула счастья.

Когда Правитель умер, Наследники, обнаружив, что формулы справедливости, мудрости, добра и счастья противоречат друг другу, решили поступить следующим образом. Они разделили народ на четыре равные части, и каждый наследник стал управлять своей частью и нести людям либо справедливость, либо мудрость, либо добро, либо счастье.

В результате возник Справедливый Народ, Мудрый Народ, Добрый Народ и Счастливый Народ.

Прошло время, Наследники умерли, и Народы перемешались. Справедливые люди знали только то, что такое справедливость, но не знали того, что такое мудрость, добро и счастье. Поэтому справедливые люди несли в мир глупость, зло и несчастье, мудрые люди несли в мир несправедливость, зло и несчастье, добрые люди несли в мир несправедливость, глупость и несчастье, а счастливые люди несли в мир несправедливость, глупость и зло.

Поэтому ты, Соломон, и обнаружил в мире царство несправедливости, глупости, зла и несчастья.

– Я все понял, – сказал Соломон. – Наследники Правителя сделали ошибку: надо было бы всех людей научить всему сразу – и справедливости, и мудрости, и добру и счастью. Я не повторю их ошибку и буду нести в мир все эти добродетели не по отдельности, а вместе.

– Но ты забываешь, Соломон, что мир необратимо изменился: нет уже ни единого народа, ни единого Правителя. Кроме того, несправедливость, глупость, зло и несчастье породили страх, и поэтому, даже победив эти пороки, ты не сможешь искоренить страх.

– Чтобы искоренить страх, я должен быть бесстрашен? Но что такое бесстрашие?

– Разные люди боятся разного, но все страхи сводятся к двум типам: в радости люди боятся смерти, а в печали боятся бессмертия. Поэтому бесстрашен тот, кто знает цену и радостям, и печалим, а поэтому не боится ни смерти, ни бессмертия.

Давно жил царь Соломон, но люди помнят его. Его называли и справедливым, и мудрым, и добрым, и счастливым. Но он был таким потому, что поднялся над этими добродетелями, обретя более высокую: он был бесстрашен...

– Не удивительно, что эта притча очаровала тебя, – усмехнулся Учитель. – Как всякий европеец, склонный к заумным рассуждениям, ты, как от наркотиков, ловишь кайф от нетривиальных интеллектуальных построений, даже если они по сути ничего в себе не несут, а твое интеллектуальное и эмоциональное замешательство похоже на ощущения пьяницы после третьей рюмки – голова еще не болит, но уже приятно кружится.

– Тебе не понравилась притча? – слегка обиженно спросил я.

– Дело не в том, понравилась она мне или нет, а в том, что каждый из нас находит в ней. Это интересная притча, но для меня она представляет интерес совсем не в том плане, в каком она привлекает тебя.

– А что, по твоему мнению, меня в ней привлекает? – поинтересовался я.

– Это очевидно, – пожал плечами Ли. – С детства ты впитал в себя идеалы доброты и справедливости. Ты всегда мечтал быть мудрым, добрым, справедливым и счастливым, но на самом деле ты никогда не задумывался о том, что же такое доброта, справедливость, мудрость и счастье. Интуитивно ты имел о них представление, но четкой интеллектуальной концепции у тебя пока не было, и, более того, тебе никогда не приходило в голову, что доброта, справедливость, мудрость и счастье по своим определениям могут противоречить друг другу и даже производить впечатление несовместимых понятий.

Поскольку в глубине души ты продолжаешь считать себя умнее других, ты втайне надеешься, что на основе этой притчи тебе удастся изобрести рецепт того, как интегрировать в единое целое эти четыре абстрактных понятия и с помощью этого гениального озарения облагодетельствовать человечество. Но поскольку адекватной интеллектуальной формулировки гармоничного слияния добра, справедливости, мудрости и счастья пока тебе придумать не удастся, ты пребываешь в состоянии приятного замешательства и эйфорического ощущения того, что на тебя вот-вот снизойдет великое озарение. Кроме того, очевидно, что ты мысленно отождествляешь себя с царем Соломоном и тебя неотвратимо притягивает слово «бесстрашие». Любой мальчишка, начинающий изучать боевые искусства, мечтает быть бесстрашным и непобедимым. Но слово «бесстрашие» только звучит красиво. Я уже говорил тебе о том, что каждая медаль имеет две стороны. К сожалению, другая сторона бесстрашия – это невежество и глупость.

Я покраснел. Слова Учителя попали в самую точку. Хотя мне стыдно было в этом признаться, но в оценке моих скрытых мотивов он оказался совершенно прав.

Ли откровенно веселился, наблюдая за спектром эмоций, отражающихся на моем лице.

– Уверен, что ты обожаешь парадоксы, – безапелляционно заявил он. – Парадоксы имеют свойство вызывать у людей, чей ум находится на стадии развития чуть более высокой, чем у одноклеточных существ, состояние приятного эйфорического замешательства, когда им кажется, что они вот-вот проникнут в суть тайны, которая на самом деле окажется очень простой. Но время идет, этого не происходит, и в зависимости от характера человека эйфория сменяется или ощущением того, что тебя обманули, или подсознательной потерей уверенности в собственных силах, или мудрым осознанием того, что парадокс есть парадокс и он так и останется парадоксом на вечные времена.

– А как ты воспринимаешь эту притчу? – спросил я.

– Эта притча полезна тем, что она допускает множество толкований, и осознание каждого нового ее толкования может расширить мироосознание ученика. Многие

восприняли бы ее так же, как и ты, зачарованные расплывчатыми, но красивыми определениями мудрости, справедливости, добра и счастья. Возможно, через некоторое время им удалось бы понять, что эти определения, такие привлекательные для ума, на самом деле неверны, то есть относятся к ложному знанию. С такой точки зрения притча теряет свое очарование и становится просто приятной, но бесполезной игрушкой.

Еще один вариант понимания притчи – считать, что определения, представленные в притче, более или менее отражают истину, но рекомендация, данная в конце Давидом Соломону, – быть бесстрашным – нечто из уже совсем другой оперы. Вывод же притчи о том, что бесстрашие более высокая добродетель, чем мудрость, справедливость, доброта и счастье, кажется просто абсурдным, но при первоначальном прочтении притчи этого обычно не замечают, теряя суть за фасадом красивых слов. Тот же эффект производят фокусники, когда серией заранее продуманных жестов и слов они отвлекают внимание зрителей от своих главных манипуляций. Если ты хорошенько подумаешь, то сам сможешь обнаружить в этой легенде огромное количество всевозможных смысловых пластов и интерпретаций.

Меня снова охватила легкая грусть. Мне захотелось видеть мир так же, как Ли, охватывая наибольшее количество граней и оттенков событий и явлений, а потом я понял бессмысленность этой грусти и рассмеялся.

– Знаешь, кажется я уже понемногу перестаю расстраиваться от собственной глупости, – весело сказал я.

Ли высоко поднял брови в жесте притворного изумления.

– Неужели? А я вот от нее просто-таки получаю удовольствие, – с широкой улыбкой произнес он.

Глава 21

Преодоление барьера

Тема жестокости много раз всплывала в наших разговорах с Ли, и урок, который он преподавал мне во время обучения в лесах Партизанского водохранилища, имел свою предысторию. Поводом к нему послужил вопрос, который мне задал один из моих учеников-комитетчиков, сильный, уравновешенный и хорошо подготовленный боец.

Как-то после занятий он отвел меня в сторону и, смущаясь, сказал:

– Знаешь, Саша, похоже, у меня проблема. Недавно я оказался в ситуации, когда самым правильным решением было выбить противнику глаза. Я уже поднял руку, но что-то меня остановило. Я просто не мог нанести удар. Мне казалось, я чувствую, как мои пальцы впиваются в его глазницы, проникая вглубь и выворачивая окровавленные глазные яблоки. У меня заболели глаза, и меня чуть не стошнило. К счастью, я сумел справиться с собой и провести другой прием, но то, что произошло, могло стоить мне жизни. Я не считаю себя слабаком и чересчур гуманным человеком. Я мог бы взорвать или пристрелить врага без всякой жалости и угрызений совести, но какой-то внутренний барьер мешает мне вырывать глаза, разрывать ноздри и рот и выполнять подобные приемы. Как мне преодолеть этот барьер?

Схожие вопросы возникали у многих моих учеников, я тоже, правда в более легкой форме, сталкивался с подобной проблемой, и я не раз задавал Ли вопросы на эту тему.

С раннего детства отец привил мне страсть к охоте, и убийство диких животных я воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Мне часто приходилось сворачивать шею раненым птицам и добивать зайцев и лис. Уничтожение животных не доставляло мне удовольствия, но также и не вызывало угрызений совести. Я добивал подранков

из сострадания, и охота для меня была скорее не развлечением, а увлекательным и азартным способом добычи пропитания. Доходы моей семьи были весьма скромными, и свежее мясо к столу всегда приходилось кстати.

Незаметно для меня самого встречи с Ли изменили мое отношение к охоте. Хотя он обучал меня совершенному искусству убивать, мое мировоззрение изменилось настолько, что убийство животных даже ради пропитания стало мне неприятно, хотя я по-прежнему мог спокойно свернуть шею птице или добить раненого зверька.

Как-то раз я упомянул об этом в разговоре с Учителем.

– Это плохо, – сказал Ли. – Ты перестал быть жестоким.

– А разве быть жестоким хорошо? – спросил я.

– Я говорю о естественной, а не о патологической жестокости, – пояснил он. – Раньше ты был жестоким, не задумываясь об этом. Жестокость не поражала твоих чувств, ты был естественным, как сама природа. Я благодарен твоему отцу за то, что он с детства приучил тебя охотиться. Ты даже не представляешь, как много он сделал для тебя, показав тебе естество этой стороны жизни. Жизнь – это цепочка смертей, это то, что называется цепочкой питания.

– Ты имеешь в виду пищевую цепочку? – спросил я.

– Опять ты цепляешься за научные термины, – недовольно сказал Ли. – Термины заслоняют суть вещей. Для меня «цепочка питания» звучит более живо и образно, чем мертвый термин «пищевая цепочка». Но суть не в этом. Когда ты встал на путь Воинов Жизни, ты научился ценить и уважать жизнь во всех ее проявлениях, и на смену твоей естественной и невинной жестокости пришло осознание того, что «Спокойные» называют «преступлением перед жизненностью высшего и низшего порядка». Преступление перед жизненностью высшего порядка – это лишение жизни человека, а преступление перед жизненностью низшего порядка – это уничтожение животных и растений.

Здесь слово «преступление» не совсем правомерно. «Преступление» автоматически ассоциируется с чем-то плохим, запретным и греховным, а для Воина Жизни не существует таких понятий, как «плохое, запретное и греховное». Это относительные понятия, меняющиеся в зависимости от морали и культуры общества. Хотя и не совсем точно, но действия Воина Жизни классифицируются, скорее, не как плохие и хорошие, а как целесообразные и нецелесообразные.

Целесообразно то, что обеспечивает выживание и гармоничное развитие каждого последователя Шоу-Дао и всего клана в целом, а все, что не является целесообразным, естественно, является нецелесообразным.

По мере развития мироосознания и «Вкуса Жизни» у каждого из последователей «Спокойных» на смену естественной жестокости приходит неприятие преступлений перед жизненностью высшего и низшего порядков, но следующим этапом развития Воина Жизни является возвращение к его естественной жестокости, но на этот раз – к жестокости целесообразной.

Жестокость, необходимая тебе для выживания, получения пропитания, обучения и саморазвития, а также для самозащиты, является жестокостью целесообразной, и она не должна поражать твоих чувств, будучи простой и безличной, не связанной ни с наслаждением, ни со страданием. К внутреннему пониманию целесообразной жестокости ты придешь через медитации осознания, но помимо осознания тебе необходима еще и практика, поэтому на некоторое время мы вернемся к любимому занятию твоего детства – охоте.

Несколько дней спустя мы отправились в горы охотиться на хомяков. Мне были симпатичны эти любопытные юркие зверьки длиной чуть больше ладони с рыжевато-белыми

мордочками и с короткими, утолщенными у основания хвостами.

Ли уверенно вел меня среди невысоких пологих холмов, живописно украшенных скалистыми обрывами, к месту, где, как он утверждал, водилось множество хомяков. Наконец наши шаги вспугнули несколько зверьков, и они, прошелестев по траве, молниями бросились в норы.

Учитель остановился.

– Мы будем охотиться здесь, – сказал он. – Ты начнешь охоту с медитации осознания смерти. Представь себе хомяка, представь, как ты схватил его руками, ощути трепет его горячего живого тельца, как оно бьется и сопротивляется твоим усилиям удержать его. А потом представь, что ты его убиваешь, прочувствуй его предсмертные судороги, запах крови и смерти. Ты забираешь его жизнь не потому, что это доставляет тебе удовольствие. Это недостойно человека. Его жизнь нужна тебе, чтобы через ощущения естественной жестокости получить знания о жизни и смерти. Таким образом ты подкрепишь свою жизненность жизненностью менее развитого существа.

Я опустил на землю и сосредоточился. Без особого труда я ощутил в своих руках жестковатый короткий мех, тепло и трепет вырывающегося зверька. Это было приятное ощущение. Теперь я должен был убить хомячка, но мне не хотелось этого делать. Я перешел к медитации осознания необходимости принесения одной жизни в жертву другой, и жалость к зверьку ушла, сменившись отрешенной решимостью и смирением перед судьбой, заставляющей меня делать то, что я должен был сделать. С коротким хриплым выдохом я сжал руки и резко развел их в стороны, как бы разрывая хомяка пополам. Мне почудилось, что я услышал его исполненный ужаса предсмертный писк, и горячие струи крови, дурманя меня своим сладковатым пряным запахом, потекли по рукам. Я вздрогнул и открыл глаза, с недоумением глядя на свои судорожно сжатые кулаки. То, что они оказались пусты, в первый момент удивило меня.

– Неплохо. Воин жизни готов к охоте, – с ехидной ухмылкой подначил меня Ли. – Как ты предполагаешь их ловить?

– Можно сделать силки или ловушки и положить в них приманку, – предложил я.

– Увы, мой маленький брат, – покачал головой Учитель. – Тебе придется ловить их руками.

– Руками? – переспросил я. – Но это же невозможно. Они слишком быстро двигаются и не отходят далеко от нор, где они могут укрыться. Я просто не успею их схватить.

– Для последователя учения «Спокойных» нет ничего невозможного, – торжественно заявил Ли. – Человеку трудно поймать хомяка потому, что его руки находятся слишком далеко от земли. Чтобы охотиться на них, ты должен превратиться в животное.

– Как это? – спросил я.

– Смотри.

Ли согнул ноги и наклонил туловище вперед так, что его свободно болтающиеся руки опустились почти до земли, и пробежался в таком положении, опираясь на руки при резких переменах направления движения. Потом он прыгнул вперед, используя технику «прыжок с камня» – резкое понижение центра тяжести, – и быстрым оглаживающе-бьющим круговым движением рук прижал что-то к земле.

Я подбежал к нему, думая, что он действительно поймал хомяка, но руки Учителя были пусты.

– Ты был похож на гиббона, – улыбнулся я.

– Попробуй сделать то же самое, – сказал Ли. – Ты должен научиться легко и свободно передвигаться на четвереньках или с руками, находящимися у самой земли. Учти, у хомяков есть привычка бросаться с устрашающими криками и фырканием на того, кто перерезает им путь к норе. Очень быстрым круговым движением рук сбоку и сверху вниз ты должен крепко прижать голову и лапы зверька к земле, чтобы он не успел перевернуться и вцепиться в тебя зубами. Любое мелкое животное нужно ловить, накрывая его ладонью в сторону головы, а чтобы умертвить, ему или быстрым движением сворачивают голову, или ломают позвоночник движением, имитирующим разрывание пополам. Точно так же поступают и со змеями. Их разрывают пополам, держа одной рукой за голову, а другой – за хвост.

Я попробовал двигаться как гиббон, и это у меня неплохо получилось. Согласно китайскому гороскопу, я был огненной обезьяной, и, возможно, в связи с этим мне с детства нравилось изображать обезьян. Мне вспомнился школьный КВН, в котором я играл роль человека-обезьяны – пришельца с далекой планеты. Я двигался примерно так же, как мне показал сейчас Ли, и удивил публику, умудрившись съесть целиком яблоко, наколотое на кончик зонтика, помогая себе при этом ногой.

Я пробежался на четвереньках, время от времени совершая «прыжок с камня» и резко прижимая ладонями к земле воображаемого хомячка.

– Хватит скакать, пора приступать к охоте, – сказал Учитель, доставая из сумки полиэтиленовые пакеты, наполненные зерном, семечками и орешками. – Сначала мы отыщем их норы, затем рассыпем приманку и, затаившись, будем ждать, пока они отойдут далеко от нор, а потом ты прыгнешь вперед и отрежешь им путь к спасению.

Присев на корточки, я замер. Прошло минут двадцать, прежде чем хомяки успокоились и, обнаружив приманку, принялись с аппетитом поедать ее. Я рванул вперед наперерез одному из зверьков и уже протянул к нему руки, как тот, яростно крича и фыркая, бросился на меня, как камикадзе. Хотя Ли предупредил меня об этих повадках хомяков, его атака оказалась слишком неожиданной. Легкий испуг заставил меня замешкаться на мгновение, и хомяк, резко нырнув в сторону, ушел у меня из-под рук и забился в нору.

Ли захохотал.

– Никогда нельзя недооценивать противника, – принимая суровый и неприступный вид, заявил он. – В маленьком хомяке живет душа великого воина. Поэтому, отправляясь на бой с ним, ты должен быть готов к любым неожиданностям, даже к его вселяющему первобытный ужас фырканию.

Взглянув на мою смущенную физиономию, Учитель не выдержал и снова расхохотался.

– Жаль, ты не видел выражение своего лица, когда хомяк бросился на тебя. Это было любопытное зрелище.

Хотя я чувствовал себя слегка пристыженным, я не выдержал и тоже улыбнулся.

– В следующий раз я буду проворнее, – пообещал я.

– Давай, пройдем немного вперед, – сказал Ли. – Здесь зверьки слишком напуганы, чтобы еще раз подпустить тебя к себе. И запомни: уступая маленькому испугу, ты подвергаешься большому испугу. Уступая маленькой боли, ты подвергаешься большой боли. Не уступая маленькому испугу и не поддаваясь маленькой боли, ты избежишь большого испуга и большой боли.

На атаку хомяка ты реагируешь инстинктивным страхом. Но если ты поддашься этому

маленькому испугу, твои движения не будут точны, и, даже если ты схватишь зверька, он укусит тебя, и ты испытаешь потрясение от маленькой боли. Маленькая боль усилит твой испуг, и ты вновь совершишь ошибку, которая приведет к еще большей боли и к еще большему испугу. Видишь сколько проблем может создать маленький испуг. Поэтому Воин Жизни всегда должен быть собранным и отрешенным. Тогда он не обратит внимания на маленький испуг, и ему не придется бороться с большим испугом.

Вскоре мне удалось поймать трех хомяков. Хотя их атаки и фыркание по-прежнему оказывались для меня неожиданными, я больше не терял концентрации и вовремя успевал накрыть их руками. С сожалением я сворачивал зверькам шеи, понимая, что то, что я делаю, – лишь необходимый этап обучения, и их смерть не вызывала у меня чувства вины.

– Чтобы гибель зверьков не стала бессмысленным уничтожением, мы должны насладиться их вкусом, – сказал Учитель. – Ты сам приготовишь их. Пусть их смерть поддержит твою жизнь.

Сваренные со специями и картофелем хомяки оказались даже более вкусными, чем сублики, которых я не раз пробовал на охоте с отцом.

Мне пришлось много работать для приведения в равновесие чувства естественной жестокости. По знакомству я договорился, что один день мне разрешат убивать кур на птицефабрике, потом я попробовал резать скот на бойне при мясокомбинате. С курами проблем не возникало. Я сворачивал им шеи быстрым отточенным движением, так, что они не страдали перед смертью, и мне удавалось оставаться совершенно бесстрастным.

Прежде чем заняться животными покрупнее, я старательно проштудировал брошюру «Как правильно убивать животных» из папиной библиотеки, выбирая наиболее безболезненные способы.

Убивая животное, я сначала перерезал ему горло, а потом отработывал на нем техники рукопашного боя – вырывание глаз, удары руками, ногами и ножом. Поначалу мне было трудно справиться с неприятным чувством, сопровождающим каждое убийство, и Учитель предложил мне выполнять медитации, помогающие избавиться от него.

– Ты отождествляешь животных с самим собой, поэтому тебе неприятно убивать их, – сказал он. – Ты чувствуешь, что их жизнь так же ценна, как и твоя жизнь, но их жизнь не находится в твоей власти. Они в любом случае предназначены на убой, и это тебя не беспокоит. Ты покупаешь в магазине свинину и ешь ее с удовольствием, не печалься о судьбе свиньи. Почему же ты должен считать себя виноватым, убивая их собственными руками?

Чувствовать грусть, убивая, так же неправильно, как и испытывать наслаждение от убийства. Получающий наслаждение от убийства отождествляет животное с врагом, испытывающий грусть отождествляет его с самим собой или с другом. Судьба не бывает плохой или хорошей, она просто есть, и бессмысленно терзаться ненужными сожалениями оттого, что судьба избрала тебя своим орудием. Когда ты сможешь прочувствовать это в медитации по осознанию судьбы, ты начнешь убивать, не испытывая при этом печали.

Медитацией по осознанию судьбы я занимался перед сном. Я вспоминал свой собственный жизненный путь, во многом определяемый набором случайностей и не зависящих от меня событий, потом я представлял жизненный путь животных, заканчивающийся на мясокомбинате. Я видел крошечных поросят, с наслаждением сосущих материнское молоко, играющих, резвящихся или сладко посапывающих на соломенной подстилке, воображал телят, пасущихся на залитых солнцем лугах. Как и в моей жизни, в их жизни были радость и грусть, и я отличался от них только тем, что имел чуть больше свободы выбора, но, как и они, я не догадывался, где и когда

меня может подстеречь смерть. Когда я действительно осознал, что я не властен менять по своему желанию их судьбу, чувство вины и сожаления исчезло, и, перерезая горло овцам и свиньям, я смотрел на них глазами брата, отрешенно и спокойно принимающего и их, и свою собственную судьбу.

Процесс «осознания судьбы» во многом облегчила беседа с Учителем, в которой он рассказал мне о «жемчужном треугольнике противоположностей».

– Как ты думаешь, сколько противоположностей может существовать? – как-то спросил он меня.

– Две, – не задумываясь ответил я. – Инь и ян, черное и белое, зло и добро.

По недовольной mine, которую скорчил Ли, я понял, что, поспешив, снова попал впросак.

– Как ты думаешь, что такое противоположности? – спросил он.

– Вероятно, это вещи одной и той же природы, но принципиально различных характеристик, обычно взаимоисключающих.

– Это довольно сомнительное определение, – сказал Учитель. – Вот ты сказал, что черное и белое – это противоположности, а как тогда охарактеризовать пары белое и красное или черное и красное? Согласно твоему определению, эти пары тоже являются противоположностями, но тогда можно считать, что черное, белое и красное представляют собой три противоположности, а если могут существовать три противоположности, то, значит, их может быть и бесконечное количество. Что ты думаешь по этому поводу?

– Если так рассуждать, то, наверно, ты прав. Я никогда раньше не задумывался об этом. С детства я привык считать, что если вещи противоположны, то их должно быть две.

– В этом и заключается сила и слабость слов. С одной стороны, ими можно объяснить все, что угодно, а с другой стороны, чем больше ты объясняешь и говоришь, тем больше все запутывается. Слова, которые я произношу, предназначены не для того, чтобы дать тебе застывшие определения каких-то понятий и вещей, а чтобы пробудить в тебе интуитивное осознание их. Поэтому, не задумываясь больше о том, как можно или нужно определять противоположности или противоречия, ты будешь учиться выделять, осознавать и уравнивать жемчужные многоугольники противоположностей. Мы начнем с самого простого многоугольника – с жемчужного треугольника, который играет огромную роль в осознании и выборе собственной судьбы.

– Я уже привык думать, что искусство выбора судьбы заключается в нахождении равновесия среди двух противоположностей, двух сторон медали, – заметил я. – Похоже, теперь ты скажешь, что каждая медаль имеет множество сторон.

– Так и есть, – улыбнулся Ли. – Ты всегда это знал, но был слишком ленив для того, чтобы углубляться в подобные дебри. Толкование срединного пути как пребывания в равновесии среди двух крайностей – всего лишь самое простое представление о нем. Теперь ты понимаешь, что срединный путь – это нахождение равновесия среди бесчисленного множества противоположностей. Но прежде чем отыскивать равновесие, нужно знать, какие части себя или окружающего мира ты хочешь уравновесить. Многоугольники противоположностей описывают противоборствующие начала в природе, обществе и человеческом поведении. Осознавая их, ты избавишься от многих проблем и внутренних конфликтов в принятии решений. Затруднения, которые возникли у тебя в проявлении естественной жестокости, связаны с нарушением равновесия в жемчужном треугольнике противоположностей.

Ли замолчал, с насмешливым видом ожидая моего вопроса.

Пожираемый любопытством, я не стал затягивать паузу и спросил:

– А какие противоположности входят в жемчужный треугольник?

– Существует несколько жемчужных треугольников противоположностей, – с важностью произнес Учитель, явно потешаясь над моим нетерпением. – Сегодня мы поговорим о жемчужном треугольнике жизни. В него входят три основных и противоположных человеческих стремления – это слияние с жизнью, противодействие жизни и уход от жизни. Традиционные, но менее удобные для использования названия вершин треугольника жизни в переводе звучат как «ехать на спине Большого Дракона» – слияние с жизнью, «сражаться с Большим Драконом» – противодействие жизни и «спасаться от Большого Дракона» – уход от жизни.

В слиянии с жизнью находит свое отражение инстинктивная потребность в обществе себе подобных, в налаживании добрых и доверительных отношений с другими людьми и с окружающей средой.

Противодействие жизни – это агрессивность и потребность в доминировании, исключительно важная и необходимая для выживания.

Уход от жизни предполагает самодостаточность и избегание как близости, так и прямой конфронтации с людьми и природой.

Три вершины треугольника присутствуют в каждом человеке. Обычно люди их не осознают, слепо следуя непредсказуемым эмоциональным порывам, именно поэтому они и остаются для них противоположностями. «Спокойные» понимают и принимают их не как конфликтующие противоположности, затрудняющие принятие решения, но как отдельные и независимые пути, на которые можно вступить в нужный момент и с которых можно легко и осознанно вернуться в центр треугольника – в точку равновесия.

Если рассматривать жемчужный треугольник жизни с точки зрения учения об инь и ян, то вершина «спасаться от Большого Дракона» соответствует инь, «сражаться с Большим Драконом» соответствует ян, а третья вершина – «ехать на Большом Драконе» – представляет новую для тебя сущность – слияние инь и ян, сущность, которая не является ни инь, ни ян, и потому противоположна каждому из них.

Каждая точка внутри жемчужного треугольника противоположностей отражает тип индивидуальной реакции человека на возникающие ситуации. Обычный человек почти никогда не находится в центре треугольника. Он всегда тяготеет к одной из его вершин, а в некоторых случаях сознательно выбирает для себя какую-либо вершину, с отвращением отвергая и отрицая остальные. Так, человек, выбравший для себя в качестве ведущего направления слияние с жизнью, будет с отвращением относиться к агрессии и насилию, к подавлению гуманных человеческих чувств ради стремления побеждать. Он не сможет принять эти качества не только в других, но и в самом себе, а поскольку невозможно избавиться от естественно присущих человеку агрессивных инстинктов, даже старательно отрицая их и закрывая на них глаза, он не сможет быть самим собой, а значит, не достигнет гармонии. В ситуациях, требующих демонстрации силы и жестокости, такой человек не сможет их проявить, и это может стоить ему жизни.

Противодействующий жизни имеет натуру бескомпромиссного бойца и победителя. Он сражается с жизнью, с окружающими людьми и с собственными слабостями. Проявление сентиментальности, слабости и глубоких чувств не для него. Это – непростительная слабость, которая лишает его силы. Такой человек с избытком одарен естественной жестокостью и зачастую жестокостью, выходящей за границы естественности. У него душа воина, но он никогда не станет мудрецом.

Тот, кто уходит от жизни, отрицает как агрессию и жестокость, так и слабость и

излишнюю сентиментальность. Не путай мировоззрение Воинов Жизни, избегающих излишней эмоциональной зависимости от внешнего окружения, с позицией людей, для которых уход от жизни означает спасительную гавань, где они могут укрыться от пугающих их отношений и эмоциональных шквалов.

Бегущий от жизни человек не способен быть ни любящим, ни жестоким, это всего лишь моллюск, укрывшийся в безопасной раковине убеждений. В отличие от него Воин Жизни не страшат ни привязанности, ни жестокость. Воин Жизни способен на самую сильную нежность и страсть, и в то же время в нужный момент он бывает холоден, жесток и беспощаден. Спокойствие и легкую отстраненность Воин Жизни выбирает сознательно, как проявление мудрости, а не как бегство от проблем.

Когда в медитациях ты осознаешь и прочувствуешь каждую из вершин жемчужного треугольника жизни, ты сможешь произвольно выбирать, в каком направлении ты будешь двигаться из центра в каждый момент времени. Научившись мгновенно отождествляться с любой вершиной и с такой же легкостью возвращаться в центр, ты получишь ключ к правильному интуитивному ответу на возникающую ситуацию. Тогда проявляемая тобой жестокость будет такой же естественной, как жестокость ориентированного на противодействие жизни воина, а в случаях, когда ты захочешь завоевать чью-то любовь, ты будешь мягким и понимающим, как человек, стремящийся к слиянию с жизнью.

Умение уходить от жизни даст тебе преимущество наслаждения одиночеством для осознания и преобразования себя. Есть специальное упражнение для проработки вершин треугольника жизни. В некоторой степени оно напоминает упражнение «шаг вперед – зверь, шаг назад – человек». Выполни его.

Я встал на ноги и расслабился, направив снизу вверх приятный ласкающий поток мягких оргазмических ощущений. Другой поток, исходящий от внутренней улыбки, я послал сверху вниз. Отработанный многократными упражнениями мыслеобраз спокойствия и тихой радости, излучающейся в окружающий мир, реализовался почти мгновенно, ассоциативно слившись с настроением «внутреннего облака». Мыслеобраз «внутреннего облака» я учился формировать во время отработки классических восьмеркообразных облачных движений. Он базировался на ощущениях «внутренних» облачных движений, не исчезающих и не прекращающихся, даже когда на физическом плане упражнение не выполняется и я остаюсь неподвижным или даже занимаюсь какой-то другой деятельностью.

Приглушенные до едва ощутимых, движения «внутреннего облака» порождают целый спектр особых состояний и эмоционально-энергетических переживаний, использующихся в различных целях. Одним из применений мыслеобраза «внутреннего облака» было сочетание его с внутренней улыбкой, приводившее к особому состоянию спокойной, но бодрой готовности, когда за счет повышения тонуса организма возникает чувство полноты жизненных сил. В этом состоянии человек как бы светится изнутри до такой степени, что это становится заметно окружающим, а повышенный тонус организма на фоне радости и спокойствия закладывает основу для мгновенного перехода к действию или к другому эмоциональному состоянию.

Я шагнул вперед с коротким наполненным смертельной яростью криком, воссоздавая мыслеобраз человека-зверя, и тут же вернулся назад, к состоянию спокойствия и тихой радости. Я шагал туда-сюда, и каждый раз оба крайних состояния возникали и углублялись быстрее и с большей силой. Сознание отключилось. Мне казалось, что перед моим внутренним взором мелькают застывшие кадры кинохроники, где я то представлял в виде кричащего и беснующегося монстра, разрываемого на части неодолимым напором ярости и агрессии, то без всякого заметного перехода погружался во всеохватывающее эйфорическое ощущение покоя, радости и удивительной внутренней ясности.

Резкий окрик Учителя заставил меня прервать упражнение.

– Побереги силы! – бросил он. – Сейчас каждый шаг будет перемещать тебя к одной из вершин треугольника.

Ли взял обломок ветки и нарисовал на земле равносторонний треугольник, затем обозначил его центр и соединил его с вершинами.

– Центру соответствует мыслеобраз «человек» упражнения «шаг вперед – зверь, шаг назад – человек», – объяснил он. – Мыслеобраз «зверь» соответствует вершине противодействия жизни. Мыслеобраз слияния с жизнью напоминает мягкий податливый пластилин, чутко реагирующий на мысли, чувства и чаяния других людей. Этот пластилин очень уступчив, он заполнен нежностью и любовью, и, соприкасаясь с другими людьми, он обволакивает их, принимая приятную и нужную им форму. Эмоциональная составляющая образа – это насыщающая тебя до краев любовь к окружающему миру и к людям, желание служить им и в ответ принимать их благодарную и радостную любовь.

Уход от жизни – это мыслеобраз отчуждения от всего и от всех, в том числе и от самого себя. Ты словно бы являешься сторонним наблюдателем, рассматривающим под микроскопом холодного любопытства как окружающих людей, так и самого себя, свои желания и чувства. Это наблюдатель беспристрастный, немного циничный и уставший от жизни. Его восприятие мира в некоторой степени тоже приближается к состоянию спокойствия, но спокойствия холодного, мертвого и безрадостного. Если центр треугольника – это спокойствие жизни, то вершина ухода от жизни – это спокойствие безумия и смерти.

– Ли, а для чего мне может пригодиться мыслеобраз ухода от жизни? – спросил я. – Польза двух других вершин очевидна, но мне трудно представить жизненную ситуацию, в которой потребовалась бы реакция ухода от жизни.

– Этот мыслеобраз может понадобиться во многих ситуациях, – сказал Учитель. – Например, если тебя будут пытать и ты захочешь отключиться от своих мучителей и от собственных чувств. Если один из способов справиться с болью – это наслаждаться и управлять ею, то уход от жизни – это еще один способ, который в некоторых случаях может оказаться предпочтительнее первого. Когда человек отключается, его обычно перестают пытать и не наносят больше физических увечий, если же он стойко переносит пытки, палач входит в азарт и старается сломить его волю во что бы то ни стало. Другое великолепное применение мыслеобраза ухода от жизни – это симуляция сумасшествия, что тоже может когда-либо пригодиться. Со временем ты откроешь для себя еще множество полезных сторон вершины ухода от жизни.

Стань в центр треугольника и начни с мыслеобраза «человека». Затем переместись в позицию «зверя» – вершину противодействия жизни, оттуда шагни в вершину ухода от жизни, из нее – к слиянию с жизнью, потом снова вернись в центр и оттуда начни все сначала.

Я встал в центр и с легкостью воспроизвел состояние спокойной радости, из которого перешел в позицию зверя. С мыслеобразом слияния с жизнью трудностей почти не возникало, поскольку подобное состояние было для меня близким и естественным. Сложнее всего сначала пришлось с уходом от жизни, но имеющийся опыт в формировании мыслеобразов сделал свое дело, и вскоре я без задержек курсировал между вершинами и центром треугольника жизни.

– Хватит, – остановил меня Учитель.

Со вздохом облегчения я опустился на землю. По лицу градом катился пот, сердце колотилось, как паровой молот. Хотя выполнение упражнения захватило меня целиком, изнеможение от эмоционального напряжения оказалось слишком сильным. Ли опустился на корточки рядом со мной и сильными быстрыми движениями начал растирать мне руки, плечи и грудь.

Когда мои ученики из Комитета, или, как мы его между собой называли, «Конторы», начали задавать мне вопросы о том, как преодолеть психологический барьер нанесения жестоких и кровавых увечий противнику собственными руками, я подумал,

что мой собственный опыт и медитации осознания вряд ли смогут им помочь, и уже во время тренировок с Учителем на Партизанском водохранилище спросил у Ли, что я могу им посоветовать.

– Ты прав, медитации осознания – это не то, что сможет понадобиться в данном случае, – сказал Учитель. – Ты готовишься стать Воином Жизни, и твоя жестокость должна быть естественной жестокостью Воина Жизни, но они хотят стать просто воинами, хладнокровными машинами для убийства, и тут понадобится другая техника, пробивающая барьер страха с помощью волевых эманаций, преобразующих потребность в выживании и доминировании в жажду уничтожения. Ты еще не прошел через этот этап, но его должен миновать каждый, кто хочет стать Воином Жизни.

Чтобы избавиться от пороков, надо особым образом пройти через них; чтобы не иметь тяги к извращениям, надо прочувствовать, что такое извращения; чтобы быть нормальным, нужно знать, что такое безумие; чтобы ценить жизнь, нужно ощутить вкус смерти. Обучение пороками – очень мощная техника, но в то же время и очень истощающая. Поэтому прежде, чем стать порочным, ты должен уметь быть святым, чтобы, пройдя через порок, снова вернуться к состоянию спокойствия и гармонии. Перерезая горло животным с мыслеобразом отрешенного спокойствия, ты учился тому, как быть святым, но для того, чтобы сломать барьер страха перед насилием, нужно уметь становиться порочным.

– Не знаю почему, но твои слова слегка пугают меня, – сказал я. – Только не говори, что ты собираешься сделать из меня извращенца.

– Почему бы и нет? – насмешливо спросил Ли. – У «Спокойных» ведь есть изречение, что человек, заставивший пороки служить себе, преуспеет во всем. Заметь разницу – извращенец служит порокам, а Воин Жизни заставляет пороки служить себе. В первом случае мы сталкиваемся со слабостью, а во втором – с силой. Влечение, делающее слабого человека безумцем или извращенцем, для Воина Жизни может оказаться уникальным ресурсом силы и власти, к которому он прибегает в особых случаях. Именно поэтому обучение пороками «Спокойные» начинают лишь на той стадии, когда сознание и внутренняя сила ученика сформировались настолько, что не позволят ему поддаться слабости.

– А как происходит обучение пороками? – заинтересованно спросил я.

– В свое время ты об этом узнаешь, – сказал Учитель. – А пока мы ограничимся одним из предварительных этапов воспитания воина, который называется «созданием второго лица» или техникой «зеркала ветра». Разница между любителем и профессионалом заключается в том, что любителю нравится делать то, что он делает, профессионал же выполняет свою работу отрешенно и безупречно даже в том случае, если то, что он делает, не доставляет ему особого удовольствия.

У воина-любителя не возникает моральных и этических проблем с собственной жестокостью. Он выбрал род занятий, предполагающий агрессию и насилие, потому что это отвечает его естественным склонностям. Случай твоих учеников из Комитета иной. Насилие, которое они совершают собственными руками, в силу каких-то причин вызывает в них внутренний конфликт, следствием которого являются отвращение и страх, лишаящие их действия эффективности. Одним из самых простых способов разрешения подобного конфликта будет создание у такого человека «второй личности».

Эта «вторая личность» используется только в случаях профессиональной деятельности, а в остальных случаях она отходит на задний план и не дает о себе знать. «Мягкий» способ создания «второй личности» заключается в объяснении человеку целесообразности выполнения им некоторых профессиональных действий и в последующем обучении его выполнению этих действий. При таком обучении барьер страха и отвращения преодолевается постепенно и плавно по мере доведения навыков технических действий до полного автоматизма и отчуждения «профессиональной» личности от нормальной личности обучаемого. Пользуясь «мягким» методом, ты со временем добьешься своего,

не подвергаясь риску испортить отношения с КГБ, что могло бы случиться, если бы ты попытался применить гораздо более быстрые и эффективные, но слишком сильные и травмирующие психику людей с неподготовленным сознанием «жесткие» методы.

Постепенное развитие «второй личности» нужно подкреплять регулярными медитациями осознания целесообразности формирования профессиональных навыков и медитациями «воспоминания о том, чего не было». В них обучаемые должны с абсолютной достоверностью представлять себе ситуации, в которых они применяли бы вызывающие у них внутренний конфликт техники, повышая мотивацию преодоления психологического барьера созданием картин, в которых от правильно и вовремя выполненного приема зависела бы их жизнь или жизнь тех, кого они любят.

– А в чем заключаются «жесткие» методы? – заинтересованно спросил я.

– Это методы, быстро и неотвратно разрушающие психологические барьеры, – ответил Ли. – Их опасность заключается в том, что, ломая внутренние преграды, они могут уничтожить и саму личность, если она недостаточно сильна и сформирована. Обучение пороками и извращениями и некоторые другие техники относятся к «жестким методам». Не беспокойся, мы еще вернемся к этой теме.

Пару недель спустя после этого разговора я вернулся на Партизанское водохранилище после тренировки на Перевале и застал Учителя, весело играющим с очаровательным черно-белым котенком.

– Какая прелесть! – воскликнул я. – Откуда ты его взял?

– Не важно, где я его взял. Главное – что я принес его для тебя, – сказал Ли.

Я взял котенка на руки и ласково почесал его за ушком. Он заурчал, как с трудом заводящийся мотоцикл, и, выгнув спину дугой, принялся игриво тереться о мою грудь. Я всегда с особой любовью относился к собакам и кошкам, но, к сожалению, мама, питавшая страсть к стерильной чистоте в доме, не смогла бы сосуществовать с животным, свободно разгуливающим по полу, столам и кроватям.

– Спасибо, – сказал я. – Это чудесный подарок. Боюсь, правда, что мама не позволит мне взять его домой.

– Тебе и не нужно брать его домой, – жестко сказал Учитель. – Я принес его для того, чтобы ты убил его своими собственными руками и чтобы эта смерть была как можно более долгой, жестокой и мучительной.

– Ты шутишь? – спросил я, с недоверием глядя на Ли, но по непреклонному выражению его глаз я понял, что это не шутка. – Ты что, действительно хочешь, чтобы я убил его?

– Ты прекрасно расслышал то, что я сказал, – подтвердил Учитель. – Это всего лишь новый этап в обучении жестокости. На сей раз твоя жестокость не будет естественной и осознанной. Ты почувствуешь вкус извращенной жестокости, жестокости, доставляющей наслаждение, нечеловеческой и порочной.

Новые, непривычные для меня нотки, прозвучавшие в голосе Учителя, вызвали у меня ощущение тошноты. Неведомый мне раньше отвратительный животный страх поднялся откуда-то изнутри, отзываясь головокружением и спазмами в желудке. На спине выступили капли холодного липкого пота.

– Господи, что это со мной происходит? – в панике подумал я, лихорадочно пытаюсь понять причины такой преувеличенной и явно несоразмерной словам Ли реакции.

Я посмотрел ему в глаза. Взгляд Учителя был зафиксирован на мне, и выражение его

лица, его глаз, мыслеобраз, исходящий от него и проникающий в меня все глубже и глубже, вызывал смутные воспоминания о чем-то ужасном, невыносимом и отвратительном, что уже когда-то случилось или должно было случиться со мной.

– Ли, что ты делаешь? – спросил я, пытаюсь глубоким дыханием контролировать охватывающую меня панику. Колоссальным усилием мне удалось сдержать подкатывающую к горлу рвоту. Отвращение и страх ослабевали, подчиняясь контролю, но не оставляли меня.

– Ты знаешь, что я делаю, – сказал Ли.

– Клянусь тебе, я этого не знаю.

– Значит, я неправильно выразился. Может быть, ты и не знаешь, но ты это чувствуешь.

– Конечно, я что-то чувствую. Но я не понимаю, откуда пришло это чувство и что оно означает.

– Это барьер. Барьер, который тебе сегодня предстоит осознать и преодолеть, – смягчая выражение лица, с ободряющей улыбкой сказал Учитель.

Я в изнеможении присел на землю и прислонился спиной к валуну. Котенок вырвался у меня из рук и, слегка царапнув меня коготками сквозь брюки, соскользнул на землю. У меня промелькнула мысль, что вот сейчас он убежит в лес и весь этот кошмар закончится.

Издавательская ухмылка Учителя показала мне, что он прекрасно осознает мою последнюю тщетную надежду. Подхватив жалобно мяукнувшего котенка за шиворот, он сунул его в мешок и стянул горловину веревкой.

– У него еще осталось немного времени, – бесстрастно произнес Ли и тоже опустился на землю недалеко от меня, разглядывая меня с явным интересом.

Несколько минут мы молчали. Я сосредоточился на глубоком дыхании, приводя в равновесие вышедшие из-под контроля эмоции, а Учитель расслабленно созерцал меня полуприщуренными глазами.

– Теперь, когда ты немного успокоился, – нарушил молчание Ли, – соберись и попробуй понять, что же все-таки произошло.

Я подумал, но ничего заслуживающего внимания мне в голову так и не пришло.

– По правде говоря, не знаю, – сказал я. – Наверно, дело в том, что я люблю кошек, а этот котенок еще так мал и очарователен, что мне неприятно лишать его жизни, тем более жестоким и мучительным способом.

– Ты ведь чувствуешь, что дело не в этом, – скептически скривив губы, отозвался Ли. – Если бы это была простая жалость, вряд ли ты оказался бы на грани того, чтобы потерять сознание.

– Пожалуй, ты прав, – вынужден был согласиться я. – Но, возможно, мое состояние спровоцировал ты сам. Я воспринимал какой-то ужасный и мучительный мыслеобраз, исходящий от тебя и доводящий меня до безумия.

– Ты не прав. Это был не мой, а твой собственный мыслеобраз, всего лишь отраженный и усиленный мной. Этот мыслеобраз и есть твой внутренний барьер. Но мне бы хотелось, чтобы ты сам вспомнил и осознал его.

– Что я должен для этого предпринять? – спросил я, внутренне содрогаясь от мысли, что я должен буду вновь пройти через что-то подобное.

– Прежде всего успокойся и сделай свой ум чистым и восприимчивым, подключив к состоянию покоя осознание своей нити жизни. Потом вспомни, но в очень ослабленной и мягкой форме, то состояние, которое ты испытал, и спроси себя: «что это?», «с чем это связано?», «почему это так болезненно для меня?». Задав себе эти вопросы, вновь очисти свое сознание от посторонних мыслей и жди, пока ответ не придет к тебе. Лишь зная ответ, ты сможешь разрушить этот барьер.

Я прикрыл глаза и попытался расслабиться. Смутное ощущение тревоги и скрытой опасности того, что я собираюсь сделать, долго не оставляли меня, не позволяя окончательно расслабиться. Я несколько раз выполнил руками жест истины, огромной как солнце, прося ее дать мне силы, и закончил двойным жестом спокойствия. Затем я вспомнил уже давно ставший привычным мне мыслеобраз спокойствия и тихой радости. Мягкие и успокаивающие потоки оргазмических ощущений начали омыwać мое тело, исходя из основных дань-тяней и опускаясь вниз от внутренней улыбки. Мне стало так уютно и хорошо, что, кажется, на какое-то время я погрузился в сон или в полусон, из которого меня вырвал тихий глуховатый голос, звучащий в моей голове.

– Что это? С чем это связано? Почему это так болезненно для меня? – монотонно, как заезженная пластинка, повторял голос.

В первый момент я не сообразил, о чем идет речь. Сознание потихоньку просыпалось, и я понял, что эти вопросы велел мне задать Учитель, вспомнив то состояние, которое я пережил. Воспроизвести его оказалось нетрудно. Оно возникло само, сразу вслед за мыслью, и тошнота была так сильна, что мне пришлось снова приложить усилия, чтобы заглушить ее, доведя до чуть заметного, почти исчезающего уровня.

– Что это? С чем это связано? Почему это так болезненно для меня? – спросил я себя, вложив в эти вопросы всю свою концентрацию, а затем вновь расслабился, погружаясь в уютную колыбель безмятежного сна.

Дикий разрывающий душу крик заставил меня вскочить на ноги. Он был непрерывным, резко изменяющимся в высоте тона и модуляции. Никогда раньше я не слышал ничего подобного. Крик рвал мне душу и одновременно притягивал меня. Я вскочил на ноги и изо всех сил помчался в направлении, откуда он доносился.

Какая-то новая мысль неотступно преследовала меня на бегу, но я никак не мог ее ухватить. Что-то меня беспокоило. Я бежал, но не так, как обычно. Я продвигался вперед слишком медленно, тело казалось чужим и неуклюжим, шаги были слишком короткими, и иногда я с трудом сохранял равновесие. Я посмотрел вниз и увидел маленькие детские ноги в коротких черных шортах и стоптанных коричневых сандалиях на босу ногу.

Я завернул за угол двухэтажного желтого домика с облупившейся штукатуркой и оказался на заднем дворе. Зрелище, открывшееся мне, лишило меня возможности двигаться и даже говорить. На какое-то мгновение все чувства замерли во мне. Потом мое тело содрогнулось, как от удара. Мне показалось, что какое-то чуждое и незнакомое существо проникло внутрь меня, в мой мозг, а в следующий момент я понял, что этим чуждым существом был я сам, в своем обычном сознании взрослого человека. Я вспомнил, что то, что я вижу, действительно произошло со мной в далеком прошлом, но до сих пор оставалось затерянным где-то на самых задворках памяти.

Я мог наблюдать всю картину как бы со стороны, одновременно чувствуя ужас, охвативший меня в трехлетнем возрасте при виде крупного рыжевато-красного кота с пустыми глазницами и вспоротым животом. С застывшим оскалом окровавленной пасти кот тихонько раскачивался на собственных кишках, завязанных узлом на ветке дерева.

Кричал второй кот, которого, как я понял, через несколько минут ожидала участь

первого. Он извивался на земле со связанными лапами. Двое мальчишек лет двенадцати-тринадцати, вооруженные перочинными ножиками, сидели на корточках около него и с торжественной важностью разыгрывали непонятную мне ритуальную церемонию. Один из них был судья, другой – палач. Кота обвиняли в каких-то преступлениях, а потом мальчишки по очереди наносили ему неглубокие, но болезненные раны ножами, и отчаявшееся измученное животное заходило в крике бессильной тоски и ярости.

Эта бессильная ярость кота передалась и мне. Я хотел что-то сделать, закричать, позвать на помощь, броситься на мальчишек и сделать с ними то же самое, что они делали с котом, но я был слишком мал, слаб и испуган. Я по-прежнему стоял неподвижно, почти не дыша, и увлеченные своим занятием мучители меня не замечали. Когда нож вонзился в глазницу кота, мне показалось, что это мои глаза протыкает его окровавленное лезвие, но по крайней мере я снова начал ощущать свое тело и наконец смог пошевелиться.

Я медленно повернулся и пошел прочь. Я больше не хотел думать о том, что произошло. Я все равно не смог бы ничего изменить. Но я твердо знал только одно – я должен стать настолько сильным, чтобы никто и никогда не смог творить при мне несправедливость. Этого я не допущу, и я никогда не допущу, чтобы слабое и безобидное существо сделалось моей жертвой.

Видение растаяло. Я открыл глаза и посмотрел на Учителя. Страх и тошнота исчезли. Осталось только усталое безразличие, подобное тому, что появляется после сильного нервного напряжения.

– Вот ты и осознал свой внутренний барьер, – сказал Ли. – Теперь все будет проще. Тебе осталось лишь его преодолеть.

– Для этого я должен убить котенка? – спросил я, взглянув на мешок с затихшим в нем зверьком.

Мысль о том, что я буду вынужден убить его, на сей раз не вызвала у меня никаких чувств. Это было бы просто действием, которое я вынужден совершить, еще одной из вещей, необходимых при обучении воинскому искусству.

– Так просто ты не отделаешься, – сказал Ли. – Ты собираешься использовать мыслеобраз отрешенной естественной жестокости, которую ты и так уже достаточно развил. Было бы бессмысленно приносить в жертву котенка ради дополнительного подкрепления и без того устойчивого навыка.

– Тогда чего же ты хочешь от меня? – с недоумением спросил я. – Чтобы я его не убивал?

– Котенок должен умереть, – жестко сказал Учитель. – Я уже говорил тебе, что для того, чтобы избавиться от пороков, нужно пройти через них, для начала осознав их на чужом опыте. Бывают ситуации, в которых воин, питающий отвращение к пороку, проигрывает в битве с порочным и склонным к извращениям человеком именно потому, что его внутренние барьеры не позволяют ему становиться на одну доску с тем, кого в душе он считает моральным уродом.

Воин Жизни хранит в копилке своих возможностей осознание всего, к чему он может прикоснуться, как прекрасного, так и отвратительного, и он выбирает гармонию и спокойствие не потому, что этого требуют его внутренние барьеры. Это – его сознательный выбор. Тот, кто в силу внутренних ограничений не может стать порочным ни при каких обстоятельствах, не способен сделать сознательный выбор. Он лишь слепо следует автоматическим указаниям, которые диктует ему подсознание. Лишь тот, кто умеет чувствовать и вести себя как порочный человек, может сделать сознательный выбор избежать пороков, но в случае, когда этого требуют обстоятельства, для него не трудно, воссоздав мыслеобраз порочности, сделать вид, что он на самом деле порочен, и, действуя так, добиться поставленных целей.

Извращения и пороки находятся у вершин треугольника жизни. Если мазохизм тяготеет к слиянию с жизнью, то садизм, особенно в его физических и сексуальных проявлениях, обычно характерен для вершины противодействия жизни.

Сумев испытать и осознать вкус наслаждения садизмом, ты ближе подойдешь к пониманию того, чем является вершина «сражения с большим драконом».

– Что же я должен сделать, чтобы почувствовать вкус наслаждения садизмом? – спросил я.

– Всего лишь использовать свои ресурсы, – ответил Учитель. – В зачаточном состоянии все виды пороков и извращений присутствуют в природе каждого человека. Обычно они подавляются или не получают дальнейшего развития, но так или иначе в тебе уже заложена склонность к садизму. Осталось лишь пробудить ее, отождествившись с внутренним опытом другого человека, зафиксировать соответствующий мыслеобраз и, приведя в движение потоки сексуальной энергии, направить их в нужное русло мыслеобразом, подкрепленным волевыми эманациями.

Ты должен вернуться обратно в свои воспоминания о мучительной смерти котов, но на этот раз ты увидишь все не своими глазами, а глазами убийц, и ты почувствуешь наслаждение, которое доставляло им издевательство над животными. Запомнив этот мыслеобраз, ты, подкрепив его волевыми эманациями, выполнишь упражнение «шаг вперед – зверь, шаг назад – человек» и, добившись сильного и почти неконтролируемого состояния «зверя», наложишь на него мыслеобраз от наслаждения мучениями других существ.

– Теоретически я понимаю, как это сделать, – сказал я. – Но как я могу почувствовать то же самое, что мальчишки из моего детства? Их психика и побуждения мне абсолютно чужды. Как же я могу понять их и, тем более, перевоплотиться в них?

– А это уже твоя проблема, дружок, – ответил Ли. – Не надо притворяться, что ты не знаешь, как это сделать. Ты имеешь все, что нужно для этого. Другое дело, что тебе неприятно перевоплощаться в мальчишек, потому что тебе кажется, что это представляет угрозу для твоей личности и индивидуальности. Ты боишься, что, став кем-то другим, ты перестанешь быть самим собой. Наслаждение от садизма – слишком сильное и слишком поглощающее ощущение. Но запомни – ты становишься зверем, когда делаешь шаг вперед. Для того чтобы вернуться к себе, тебе нужно сделать всего лишь шаг назад, и ты снова станешь человеком, но человеком, обогащенным неведомым тебе ранее опытом зверя. Ты ни в коем случае не утратишь себя, наоборот, познав глубины зла, ты укрепишь свою человечность.

У «Спокойных» есть изречение: «От человека всего один шаг до зверя и один шаг до небожителя. Знающий, куда идти, обретает истину».

Это изречение предназначено для медитаций интуитивного осознания, преследующих разные цели. Одно из его толкований относится как раз к управлению пороками. Знание о том, куда идти, предполагает понимание того, куда не надо идти. Это значит, что, чтобы осознанно выбрать свой путь, надо сначала побывать там, куда идти не следует. Лишь в этом случае уверенность в выбранном пути обретает силу.

Другая пословица с несколькими разными толкованиями также в одном случае применима к теме управления пороками.

«Втройне сильнее тот, в ком „я“ и „не я“ шагают вместе».

С одной стороны, здесь речь идет о разрешении внутренних конфликтов, а с другой – в принятии и использовании всех тайных и явных сторон своей личности, без

отторжения, неприятия, угрызений совести или стыда.

А теперь вернись в свое видение и научись входить в вершину противодействия жизни без страха, сомнений и сожалений.

Слова Учителя смели последние остатки неуверенности и колебаний. Я вдруг понял, что в глубине души я действительно боялся потерять себя, перестать быть человеком, вступая в самые темные и отвратительные для меня области человеческой природы. Но теперь я знал с абсолютной уверенностью, что мне нужно будет сделать всего лишь шаг назад для того, чтобы вновь обрести человеческий облик, а то, что меня страшит, – всего лишь далекая и пока неведомая часть меня самого, которую мне предстоит познать, и эта возможность новой ступени познания наполняла меня радостью и энтузиазмом.

Я расслабился и, прикрыв глаза, воссоздал ощущения ужаса от происходящего во дворе убийства. Прежние чувства захлестнули меня, и я вновь превратился в трехлетку, наблюдающего за садистами-мальчишками. Опять я обнаружил в себе два сознания – ребенка и взрослого. Взрослое сознание сфокусировалось на мальчишках. Я слушал их слова, впитывал в себя их эмоции. Сознание ребенка отключилось, и теперь только сегодняшний я находился в крохотном детском теле, начиная подражать мимике, телодвижениям и интонациям мальчишек.

Неведомые мне раньше любопытство, наслаждение и возбуждение прорастали в моей душе, заглушая мои собственные чувства. Я не сопротивлялся, помня, что мне достаточно сделать шаг назад, чтобы снова стать самим собой. На мгновение меня окутала темнота, и я понял, что нахожусь в другом теле. Я был гораздо выше, агрессивнее и сильнее. В руке я сжимал окровавленный нож, глядя на изрезанного, окровавленного, с выколотыми глазами кота. Кот еще дышал. Он уже не мог кричать, а только тихо хрипел. Волна оргазмических ощущений, возникшая в половых органах, заставила напрячься мой член, а затем, стремительно рванувшись вверх, разбилась о макушку головы и разлилась по телу, заставив каждую его клеточку трепетать от наслаждения. Запах крови пьянил меня. Я казался себе небожителем, держащим в своих руках ключи от жизни и смерти. Взрезая кожу и мясо кота, я приближался к самому великому таинству на земле – к тому неведомому убежищу, где скрывалась сама жизнь, сама душа. Душа хотела уйти, и я был готов отпустить ее.

Одной рукой я прижал кота к земле. Воткнув нож ему в задний проход, я резким движением вспорол ему живот и вскрыл грудную клетку. Отвратительный запах изрезанных кишок ударил мне в ноздри, но почему-то он не был мне противен.

– Интересно, кто я сейчас – зверь или небожитель? – мелькнула мысль, на сей раз принадлежащая мне, а не мальчишке.

– Сделай шаг назад, – услышал я голос Учителя.

Автоматически я отступил и вновь очутился в своем детском теле, с ужасом и отвращением наблюдая за сценой убийства.

Содрогнувшись, я открыл глаза, и видение исчезло.

– Вспомни мыслеобраз наслаждения от убийства и соедини его с волевыми эманациями в упражнении «шаг вперед – зверь, шаг назад – человек». Когда ты будешь готов таким же образом убить котенка, ты дашь мне об этом знать.

Учитель достал из мешка котенка и сел на землю, поглаживая его. Рядом с собой он положил нож.

– Господи, неужели я все-таки это сделаю? – с ужасом подумал я, шагая вперед.

Мне было трудно сосредоточиться. Я воссоздал мыслеобраз, с каждым шагом вперед

накручивая себя до истерического возбуждения. Энергетические потоки бушевали в дань-тянях и хаотически металась по телу. Агрессия и жажда убивать переполняли меня, стремясь выплеснуться наружу, но последний крохотный островок сознания удерживал меня от того, чтобы целиком отдаться всепоглощающему напору агрессии.

Собрав в кулак волю, я сконцентрировался на мысли, что у меня нет выбора и я должен отбросить все, что мне мешает. Холодная ярость поднялась изнутри, уничтожив последний островок человечности.

– Я готов, – сказал я Учителю и поднял нож.

– Возьми котенка, – приказал он.

Я взял котенка у него из рук. Несколько долгих секунд я смотрел на него. У меня не было выбора. Я поднес нож к его голове.

Резкий удар по руке выбил из нее оружие.

– Только такой дурак, как ты, мог подумать, что я позволю угробить котенка, который, тем более, принадлежит моему лучшему другу, – с выражением крайнего недовольства произнес Учитель.

Гримаса отвращения на его лице скорее подошла бы престарелой английской леди, активистке общества защиты животных, обнаружившей, что ее дворецкий на досуге обрывает крылышки у мух и лапки у пауков.

Облегчение, которое я испытал, было невозможно описать. Я закрыл лицо руками и захохотал. По моему лицу катились слезы.

– Молодец. Ты был готов сделать это. Выполни скоростной бой с тенью, – сказал Ли.

Всю силу накопившейся во мне агрессии и ярости я вложил в резкие короткие серии ударов. Я кричал, как сумасшедший, катался по земле, круша и ломая кусты. Теперь, когда передо мной не было настоящей живой цели,мыслеобраз наслаждения от причинения боли реализовался в полную силу. Мне казалось, что я вижу своих воображаемых противников, слышу их стоны и хруст костей, когда я ломаю им руки и ноги, вырываю гортани и проламываю грудные клетки. Впервые насилие эмоционально связалось для меня с наслаждением, и это новое, ранее неизведанное чувство открывало во мне абсолютно новые, недоступные ранее возможности и силы. Я действительно ощущал себя то зверем, то небожителем, и оба этих состояния давали высочайшее и тончайшее осознание мира.

– Сделай шаг назад, – резко крикнул Учитель.

Я отступил и обеими руками выполнил жест Спокойствия. Покой и тихая радость наполняли меня, создавая удивительно прекрасное и мягкое настроение мира, красоты и гармонии. Казалось невероятным, что я, тот же самый человек, минуту назад мог кататься по земле, круша все, что попадалось под руку, и захлебываясь криками звериной ярости.

– Ли, я и не представлял, как восхитительно быть человеком, – сказал я.

– Теперь ты знаешь, куда идти, – лукаво улыбаясь, отозвался он.

В течение нескольких недель я воспроизводил мыслеобраз наслаждения жестокостью в медитациях воспоминания и добился того, что он стал составной частью меня самого, не вызывая больше внутренних конфликтов, неприятия или отвращения. Жестокость уже не затрагивала моего сердца и не могла поглотить меня. Я был способен и наслаждаться ею, и мог оставаться к ней совершенно безразличным.

После очередного возвращения из совхоза «Жемчужный» Учитель повел меня вглубь леса. Он остановился у невысокого дерева, к которому был привязан огромный баран. Ненадолго оторвавшись от ощипывания травки, баран безразлично взглянул на нас и, натянув веревку, попробовал на вкус листву растущего рядом кустарника.

– Мыслеобраз наслаждения жестокостью не обретет реальной силы до тех пор, пока ты не подкрепишь его вкусом свежей крови, – сказал Ли. – Через этот этап должен пройти каждый Воин Жизни. Это животное в любом случае предназначено на заклятие, и тебя не должно беспокоить то, что его плоть и кровь откроют тебе дорогу к вершине противодействия жизни.

– Что я должен сделать? Убить его? – спросил я.

– Ты должен воспроизвести мыслеобраз зверя, и не просто убить его голыми руками, а живьем разорвать на куски, сливаясь с его криком, его болью, запахом его крови и вкусом его мяса. Ты вырвешь сердце у него из груди и съешь его, но только в тот момент, когда все твое существо будет желать и жаждать этого.

Пытаясь собраться с мыслями, я сделал шаг в направлении к барану.

– Подожди! – остановил меня Учитель. – Сначаланими всю одежду, иначе потом ты ее не отстираешь.

Я медленно разделся догола, прикидывая, хватит ли у меня силы пальцами разорвать прочную баранью шкуру.

– Не вижу радости на твоём лице, – укоризненно покачал головой Ли. – Похоже, ты меня хочешь о чем-то спросить.

– Какой прием лучше использовать, чтобы вырвать у барана сердце? – задал я вопрос скорее для того, чтобы сказать что-либо, чем получить ответ.

– Не тни время. Ты прекрасно знаешь, как это сделать. с человеком, – сухо сказал Учитель.

Я попытался отвязать барашка от дерева, но Ли снова остановил меня.

– С таким настроением только тараканов давить, – сердито произнес он. – Сила воина не в его руках, а в его духе. Ты должен хотеть сделать то, что собираешься сделать, а не просто повиноваться приказу. Воспроизведи мыслеобраз наслаждения жестокостью, выполни упражнение «шаг вперед – зверь, шаг назад – человек», и, когда волевые эманации жестокости станут настолько сильны, что ты не сможешь больше их сдерживать, твое тело само будет знать, что делать. Не трать больше время на бессмысленные вопросы и глупые колебания. То, что ты делаешь, не является преступлением против жизненности.

С первым же шагом мыслеобраз жестокости, соединенный с состоянием зверя, произвел удивительный эффект. Тормоза, сдерживавшие меня в случае с котенком, исчезли. На фоне холодной контролируемой агрессии меня затопило дикое, животное чувство предвкушения смерти. Я двигался взад-вперед, поднимая после каждого момента спокойствия новые волны и потоки оргазмических ощущений, размывающих границы моего тела и превращающих меня в сгусток могучей, сметающей все на своем пути энергии. Автоматически я издавал короткие хриплые крики, которые Ли когда-то мне показал, называя их «песней смерти».

Руки и пальцы двигались, сжимаясь и разжимаясь неконтролируемыми аутодвижениями. Аутодвижения вызвали вибрацию всего тела, переходящую во вращение конечностей и туловища по разнонаправленным раскручивающимся спиральям. Я не мешал этому процессу, привычно оставаясь в роли отрешенного стороннего наблюдателя, и, когда биения тела уже почти понесли меня вразнос, я перебросил пульсацию пальцев и

основных дань-тяней на соответствующие зоны тела барана и мысленно воспроизвел образ того, что ожидал от меня Ли.

Я скорее увидел, чем почувствовал, как мое тело стремительно двинулось к барану. Набросив на ладонь петлю, я резким рывком разорвал веревку, привязывающую его к дереву, и, ухватив его за рог одной рукой, нанес первый удар, вонзив ему в горло крепкий заостренный на изломе сук. Я наносил удар за ударом, а потом, как мне показалось, бесконечно долго сдерживал биения его тела, плотно обхватив его скрещенными ногами, пока наконец не наступила смерть.

Я использовал мертвое тело для отработки ударов ножом, потом перешел к ударам и захватам без оружия. Пальцы раздирали мясо и шкуру животного почти без усилий, входя в его тело, как нож входит в масло. Кровь брызгала мне в лицо и на грудь, возбуждая своей влажностью и резким пьянящим запахом.

Жар и влага внутренних органов, ласкающих мою кисть, вызвали во мне новый поток оргазмических ощущений, отозвавшийся в голове и внизу живота. Рука нащупала в глубине тела еще горячее сердце, и, прижав тушу барана ногой, резким движением я вырвал его и поднес к своим глазам. Моя рука и зажатый в ней кусок мяса, казалось, светились. Я мог видеть потоки ци, циркулирующие в ней, и угасающий отблеск жизни и силы в сочащемся кровью сердце. Мои зубы вцепились в него. Я, почти не жуя, глотал один за другим его кусочки, чувствуя, как нечто волшебное и мистическое входит в меня вместе с ними. Это была другая жизнь, и в то же время это было новое знание. Я сливался с чем-то, изменяясь, и в то же время оставаясь самим собой. Как молния, меня пронзило острое и бесповоротное осознание произошедших во мне изменений. То, что я сделал, не было обычным упражнением. Это действительно был этап, в очередной раз изменивший мою личность и мою жизнь.

– Ты победил Большого Дракона, – откуда-то издалека донесся до меня голос Ли.

Мы молча сидели у костра и пили земляничный чай, закусывая его сдобным печеньем. По указанию Учителя я около часа плавал в водохранилище, смывая кровь и выполняя упражнения, освобождающие тело от остаточных аутодвижений и самопроизвольных выбросов энергии. Глядя на оббитые края белой эмалированной кружки, я наслаждался тишиной, покоем и удивительно новым и тонким ощущением жизни, воцарившимися в моей душе.

Как ни странно, воспоминания о том, что произошло, не вызывали во мне горьких или неприятных чувств. Наоборот, меня переполняла удивительная нежность и любовь ко всему, что меня окружало, – к дымящейся кружке с чаем, к костру, к погруженному в свои мысли Учителю, к воде, земле и прекрасному лесу, дающему нам приют. Я хотел спросить Ли, что же именно во мне изменилось и почему у меня возникло это новое, хотя и привычное для меня, но в чем-то совершенно иное восприятие мира, но мне было так хорошо, что я боялся спугнуть это чувство, задавая вопрос.

Учитель поставил кружку с чаем на землю и с мягкой улыбкой взглянул на меня.

– Тот, кто не знает, сомневается, – сказал он. – Тот, кто видит лишь крошечный кусочек мира и самого себя, не знает ни самого себя, ни мира, и сомнения лишают его души покоя. Лишь путник, вернувшийся из дальних странствий, способен вполне насладиться прелестью домашнего очага. В этот момент он избавляется от сомнений и жажд, толкающих его продолжать путь.

Сейчас ты находишься в самом центре треугольника жизни, вернувшись из дальнего пути к одной из его вершин. Истина в том, что, не познав вершин, невозможно оценить преимущество равновесия центра.

– Но если это лишь миг равновесия, значит, нам предстоит снова отправиться в путь. А где же тогда конец пути? Разве смысл не в том, чтобы навсегда приблизиться

к центру? – спросил я.

– Если повезет, когда-нибудь ты об этом узнаешь, – задумчиво сказал Ли, снова поднося к губам кружку с чаем.

Глава 22

Познание женщины

Вечерело. Небо над Неаполем Скифским потемнело, и на нем появились первые блестящие звезды. Учитель считал, что мне нужно подшлифовать технику «вееров и гребней», и мы в медленном спарринге отрабатывали приемы «Крабы поедают добычу», «Дикие кошки», «Собака кусает петуха, копье ищет цель» и «Обезьяна нагружает лодку плодами».

В этот день я совершал особенно много промахов, и не потому, что техника движений у меня действительно так уж хромала, а совсем по другой причине. Два дня назад мы с Лин стали любовниками, и наконец прекрасная кореянка стала не только моей наставницей, но и возлюбленной.

Я влюбился по самые уши, и даже выше. Мне и раньше случалось испытывать пылкие романтические чувства, но то, что сделала со мной Лин, было не под силу ни одной обычной европейской женщине. Я изо всех сил пытался сосредоточиться на тренировке, но изгнать Лин из моих мыслей в данном случае могла бы только пуля, а прибегать к столь крайним мерам я не хотел.

Мысль о женитьбе всегда была глубоко отвратительна моей свободолюбивой душе. Возможно, это было связано с тем, что семейная жизнь моих родителей напоминала непрекращающуюся схватку отчаявшихся, но не покоренных садо-мазохистов, твердо решивших довести свой поединок до победного конца. В их постоянном соперничестве, переносившемся и на меня, не было победителя и проигравшего. Они оба были глубоко несчастными людьми, не умеющими и, более того, не желающими выйти из травмирующей ситуации. Это совершенно непонятное нежелание избавиться от мучений в наиболее яркой форме проявилось в тот момент, когда отец отказался от предоставляемой лично ему сельхозинституту однокомнатной квартиры. Если учесть, что мы все жили в одной комнате, разделенной затем стенами на три части, без горячей воды и отопления и с туалетом, прятавшимся в коридоре за матерчатой шторкой, такое решение отца можно было объяснить только тем, что он не хотел доставлять матери излишнее удовольствие.

Благодаря унаследованной от рода Медведевых сильной и устойчивой нервной системе, я научился воспринимать родительские ссоры со стоическим спокойствием. Я старался не принимать ничью сторону и дипломатично отсиживался в уголке, пока в воздухе носились оскорбительные реплики и предметы кухонной утвари. Горький опыт моих собственных родителей, а также родственников моих друзей по школе убедительно доказывал, что счастливые браки встречаются так редко, что не стоит рисковать, добровольно всовывая голову в петлю.

Известно, что любовь начисто лишает человека разума, и теперь, позабыв о своих мудрых решениях, я мечтал о том, как мы с Лин поженимся и у нас появится ребенок, которого мы с первых дней будем воспитывать в лучших традициях Воинов Жизни.

Защищаясь от атаки Учителя движением «отражающий гребень-меч», я попытался провести удушающий захват таким образом, чтобы привести его к форме «пасть белой собаки», но Ли, совершив обманное движение, перехватил мою руку с болевым воздействием на кисть, и через мгновение я уже лежал на земле, морщась от боли.

– Да, познание женской ипостаси Дао явно не пошло тебе на пользу, – укоризненно произнес Учитель.

Я не осмелился возражать, смущенной улыбкой признавая его правоту.

– Пойдем пройдемся, – предложил Ли. – Похоже, сегодня от тебя толку не добьешься.

Обрадованный, я поднялся на ноги, в тайне надеясь, что Учитель заговорит со мной о Лин. Мне до безумия хотелось узнать его мнение о том, стоит ли нам пожениться, но учитывая непредсказуемый характер Ли, мне бы и в голову не пришло заговорить об этом самому.

– Ли, а как последователь Спокойных должен строить свои отношения с женщинами? – задал я нейтральный вопрос, надеясь потихоньку подвести Учителя к интересующей меня теме.

– Даос должен иметь много женщин! – заявил Ли, подмигивая мне и многозначительно усмехаясь.

Я в данный момент придерживался иного мнения. Мне хотелось, чтобы Лин была единственной женщиной в моей жизни, конечно, при условии, что мы не расстанемся, как говорится, до конца наших дней.

– Почему? – брякнул я, охваченный нехорошим предчувствием крушения своих радужных надежд.

Учитель бросил на меня взгляд, предназначавшийся безнадежному идиоту.

– В твоём «почему» содержатся сразу два вопроса, – вновь усмехнулся он. – «Почему должен?» и «Почему много?». Надеюсь, ты выслушаешь меня внимательно, поскольку оба мы, и ты, заметь, гораздо больше, чем я, заинтересованы в том, чтобы во время выполнения упражнений твой ум был погружен именно в тренировку, а не витал в перистых облаках романтических мечтаний.

Я покраснел.

Учитель укоризненно покачал головой.

– Ты не о том думаешь, дружок. Совсем не о том, – сказал он. – Цель обладания многими людьми противоположного пола заложена в самой природе мужчины. В этом его суть и предназначение. Как бы мы к этому ни относились, но именно такова уловка природы, заставляющая вид сохраняться.

Чем больше генетических вариантов пройдет через кузницу природы, чем больше всевозможных сочетаний появится на земле, тем выше способность вида приспособиться к изменяющимся условиям жизни. Именно поэтому мужчина должен иметь, обладать, познавать, контактировать со многими женщинами.

– Должен – это звучит как-то слишком обязывающе, – заметил я. – Так и под статью попасть можно.

– Многие и попадают, – сказал Ли. – Но не беспокойся, к даосам это не относится. Даос – не обычный мужчина. Можно сказать, что даос – это человек, одержимый идеей гармонии и в то же время не являющийся рабом этой идеи. Поэтому он не имеет внутреннего права обладать человеком без его согласия. Говоря, что даос должен познать много женщин, я выражаюсь не совсем точно, потому что слово «должен» тут не подходит. Даос не совершает насилия над самим собой, как не совершает его и над другими.

Процесс взаимоотношений с женщинами – это часть его жизни, и этот процесс естествен, как сама жизнь. Любовь женщины дарует ему силы и до некоторой степени саму способность жить, потому что правильное общение с женщиной обогащает энергию мужчины и продлевает его существование. Это – часть его пищи, его воздуха, его жизни. Это способ жить. Даос должен быть близок со многими женщинами и не только

в течение своей продолжительной, а иногда, и бессмертной жизни, но и в каждый отдельный более или менее значительный период своего существования. Даос черпает силы из окружающего его мира любви.

Женщина дао – это тот же даос, но еще более гармоничный, еще более утонченный, еще более трепетный, еще более совершенный, а потому и более уязвимый, подверженный ударам окружающего его жестокого мира.

– Учитель, – заметил я. – Сейчас ты говоришь прямо как поэт. У тебя в глазах даже появилось что-то, похожее на романтические воспоминания.

– Ты лучше на себя посмотри, – с ленивым миролюбием огрызнулся Ли. – Одна ночь с женщиной дао – и на что ты стал похож! А знаешь ли ты, сколько их было у меня?

– Сколько? – с живым интересом откликнулся я.

– А вот это как раз тебя не касается! – резко меняя тон на более жесткий, отрезал Учитель. – И прекрати болтать, иначе я скажу Лин, что ваши встречи оказывают на тебя дурное воздействие.

Я прикусил язык. Потерять корейнку, тем более по собственной глупости, мне хотелось меньше всего на свете.

– Спасибо, что позволил мне продолжить, – проворчал Ли. – Женщины, и в особенности женщины дао, во многом более мудры, спонтанны и живучи, чем мужчины. Женский организм, более важный для продолжения человеческого рода, чем мужской, природа наделила большей устойчивостью и сопротивляемостью к трудностям и непредсказуемым переменам, подстерегающим их на жизненном пути. Женщину охраняет сама природа, и инстинктивное желание охранить и уберечь ее заложено также в природе мужчины.

Последователь Спокойных не борется с природой. Он следует ей, конечно, уклоняясь с проторенной инстинктами колеи, но он никогда не идет против природы и не борется с ней, как поступают, например, аскеты, умерщвляющие плоть и объявляющие контакты с женщиной смертельным грехом.

Даос всегда хранит в своем сердце несколько по-настоящему близких ему женщин дао, женщин, представляющих собой пять граней жизни, пять первоэлементов.

Так, существуют женщины земли, женщины воды, женщины огня, женщины воздуха и женщины дерева. Их соответствие элементам не является жестким, можно говорить только о главной тенденции. Так, женщина земли в соответствующих обстоятельствах может проявлять свойства огня или воды. Только женщина дао, прошедшая всю необходимую подготовку, становится чистым воплощением женщины-дерева, и ее самовыражение в качестве других элементов всегда проявляется намеренно и осознанно.

Научившись различать тип женщины, ты будешь знать, как нужно строить ваши взаимоотношения на основе гармонии и взаимопонимания. То, что прекрасно подходит для женщины огня, может вызвать отвращение у женщины воды, а методы, срабатывающие с женщиной земли, способны привести тебя к краху в отношениях с женщиной воздуха.

Только женщина дерева в силах понять и принять самые противоречивые формы взаимоотношений, потому что дерево – это знак универсальной гармонии, возникшей из пропорционального сочетания остальных четырех первоэлементов – воды, огня, воздуха и земли.

Для обучения женщиной даос должен пройти через общение со всеми первоэлементами, выбирая для этого женщин, являющихся яркими представительницами каждого типа, не искаженных внутренними конфликтами и противоречиями.

Женщина земли – это женщина порождающая, щедрая, как сама земля. Она обладает всеми

признаками женщины-матери и может быть в чем-то похожа на мать даоса. Она подходит ему своим телом, своей энергетической сущностью, своим темпераментом, своим внутренним поиском добра и истины.

Даос-дерево срастается с женщиной земли в одно целое. Даже если их связь в конце концов обрывается, она все равно остается в нити жизни даоса, укрепляя его счастливыми воспоминаниями и помогая ему жить, усиливая его энергетику медитативной инициацией потоков оргазмических ощущений, порожденных воспоминаниями о многократном обладании женщиной земли.

Вода орошает землю и питает дерево. Падая с неба, она сначала касается кроны дерева, стекая затем по стволу к корням, капая с листьев и орошая землю, и уже потом, проникнув в глубь земли, через множество мелких корешков она впитывается деревом, увлажняя его на этот раз изнутри. Эта связь воды, дерева и земли отражается и на отношениях даоса-дерева с женщинами воды и земли.

Общение с женщиной воды помогает даосу-дереву лучше впитывать соки земли, и в то же время женщина воды делает женщину земли, даже без ее понимания и согласия, и даже вне контакта с ней, гораздо более восприимчивой к корням дерева, к корням, пронзающим плоть женщины земли и вбирающим из нее соки ци, но оставляющим ей взамен сами основы дерева, его корни, его семья, его мысли, его душу, его плоть.

Женщина воды – это вторая великая инь. Текущая, изменчивая, неуловимая, мощная стихия инь, она обладает всеми качествами, кроме одного – она не может быть базой, она не может быть постоянной спутницей даоса-дерева. Мужчина-дерево счастлив с ней, но в женщине земли он нуждается гораздо больше, хотя одной земли тоже недостаточно для его существования. Земля дает спокойствие, уверенность и устойчивость, но в ней отсутствует волнующее разнообразие воды, позволяющее вскрыть потаенные тайнички земли, даруя ей долгожданный всплеск эмоций, гормонов и энергии и множество других вещей.

Истинная женщина воды не привязывается к мужчине-дереву, она лишь иногда проплывает мимо него в образе тучи, орошая его капельками дождя, а иногда пробегает мимо его корней в виде ручейка или речки.

Огонь – это символ солнца, и женщина огня при прямом контакте испепеляет, но, если уметь правильно пользоваться ею, не становясь доступным ее стремительному напору, дерево пробуждает в себе новые силы, подобно тому, как листья обращают в энергию солнечный свет.

Общение с женщиной огня насыщает организм мужчины великой энергией солнца. Мужской ян может испепелить ян другого мужчины, но ян женщины лишь подогревает ян мужчины, облегчая ему поглощение инь. Огонь женщины, дополняя его и объединяясь с ним, как бы помогает яну мужчины противодействовать разрушительным чертам инь, присутствующим в мощных стихиях воды и земли.

Женщина воздуха трепетна и нежна, как эфир. Она словно растворена вокруг. Она не навязчива, и, вместе с тем, будучи незаметной для окружающих, она объединяет собой всех, кто контактирует с ней.

Женщина воздуха питает собою все и вся. Будучи связанной с мужчиной-деревом, она позволяет ему преодолеть все трудности, возникающие при общении с остальными стихиями, но, будучи перевозбуждена, стихия воздуха может нанести дереву вред, обломав его ветви, а то и вырвав с корнем из чрева матери-земли.

Каждая стихия – воды, воздуха, огня и земли, – заключая в себе неоценимые блага, может нанести непоправимый вред дереву, но мудрость Спокойных помогает даосу приобретать, не теряя.

Идеал женщины – женщина-дерево – совершенная спутница жизни, это вторая половина

яблока, возможная любовь на века, но чаще всего – это мудрый и добрый друг. Даже не будучи связанной с мужчиной-деревом сексуальной и эмоциональной зависимостью, она все равно остается его другом, единомышленником, соединением и воплощением всех стихий.

Лин – твоя женщина-дерево, но она же может стать для тебя любой стихией...

Доминирующие стихии проявляются у человека в зависимости от обстоятельств, от настроения, от того, с кем он в данный момент общается. Женщина, демонстрирующая одному мужчине свойства земли, с другим может оказаться испепеляющим огнем, а для третьего она станет долгожданной водой, пролившейся с неба после долгой засухи.

Женщина-дерево исключительно редка, по крайней мере устойчивый тип женщины дерева. В какой-то момент любая женщина, принадлежащая к одной из четырех стихий, может приобрести свойства женщины-дерева. Но счастлив тот мужчина, кто имел возможность наслаждаться женщиной-деревом долгие годы.

В данном случае я говорю не о схеме звезды – разрушительно-созидательной связи пяти первоэлементов, а об их взаимодействии в виде креста, в центре которого находится дерево, а расположенные по сторонам элементы работают, так сказать, на центр. При таком расположении эта связь питает мужчину-дерево, находящегося в центре. Подобные кресты могут взаимодействовать между собой, и женщина-дерево, также стоящая в центре своего креста, может оказаться землей для одного мужчины, передавая ему нужные качества, и в то же время может питать свое дерево от мужчины, являющегося для нее водой, но вместе с тем образующего центр своего собственного креста.

К таким простым и достаточно понятным схемам сводили древние китайцы сложнейшие и запутаннейшие хитросплетения человеческих отношений и взаимодействий. Они представляли мир заполненным сеточками межличностных отношений, постоянно меняющих свой знак и полярность.

То, что было прочным сегодня, ослабевает или разрушается завтра, рождаются новые связи, притягиваются и отталкиваются новые стихии, меняя затем свою природу...

– Знаешь, мне почему-то на мгновение показалось, что я нахожусь на уроке физики, – сказал я. – Эти взаимодействующие кресты с меняющимися полярностями, то соединяющиеся, то разделяющиеся, чем-то смутно напоминают молекулы и атомы, свободные электроны и прочие элементы ядерной физики.

– Ты совершенно прав, – сказал Ли. – Если углубиться в эту тему, то можно найти множество удивительных аналогий и совпадений, и это еще раз доказывает мудрость древних китайцев, нашедших универсальное, хотя и слишком упрощенное объяснение всем явлениям, происходящим в природе. Но ядерная физика не интересует даоса. Он живет в реальном мире, а не в мире абстрактных идей и понятий, и для него гораздо более важно и поучительно то, что происходит каждый день, каждое мгновение в его собственном мире, в мире человеческих взаимоотношений, в мире отношений мужчины и женщины.

Современный человек чувствует себя листком, оторвавшимся от универсального древа желаний. Он не понимает себя, не понимает, чего конкретно он хочет, и, даже думая, что понимает это, не находит способа эти желания удовлетворить. Больше всего такая неудовлетворенность наблюдается в отношениях мужчины и женщины. Обычно мужчина не имеет ясного представления, что же такое женщина, какая она бывает и какой ее можно сделать, как ее выбирать и как с ней взаимодействовать, и поэтому взаимоотношения мужчин и женщин обычно заключают в себе гораздо больше деструктивного начала, чем созидательного.

Обучаясь общению с женщиной, даос так организует свой мир, что созидательная

часть общения с партнером всегда превалирует над деструктивной, и даосский подход к искусству любви и человеческим взаимоотношениям дает плоды гораздо более спелые, сладкие и сочные, чем запутанные и травмирующие связи подавляющего большинства людей.

К сожалению, простое и естественное оказывается для современного человека сложным и почти недостижимым, хотя обычно самые сокровенные ответы и главные истины лежат на поверхности, но, устремляя взоры к космическим далям, человечество не обращает внимание на то, что находится у него прямо перед носом.

Люди, познавшие истину, становятся даосами, даже если они предпочитают называть себя иначе, потому что даосизм – это не система верований или идей, а в первую очередь – внутренняя гармония, гармония, связанная с осознанием глубинного смысла символики дерева как особой формы существования, гармония, основывающаяся на пропорциональном соединении четырех стихий с постепенным возвращением из семени человека-дерева.

Я уже рассказывал тебе, как именно дерево стало краеугольным камнем учения Шоу-Дао, но я хочу напомнить об этом снова. В этот раз ты должен отнестись к моим словам не как к красивой древней легенде, а как к катализатору особенного настроения, необходимого для медитативного осознания твоей собственной нити жизни.

Судьба распорядилась так, что ты тоже стал крошечной расцветающей веточкой в раскидистой кроне дерева Воинов Жизни. Так твоя нить жизни пересеклась с нитями жизни людей, живших много тысячелетий назад, людей леса. По сути, они теперь тоже в некоторой степени твои предки, потому что родство по клану для Спокойных сильнее кровного родства.

Представь себе племена диких лесных людей. Дерево – их бог, жестокий бог, требующий новых и новых жертв, смерти и крови. Это – универсальная идеология. Никто не может поставить ее под сомнение.

И вот среди этого сообщества людей появляются еретики. Они утверждают, что дерево не пьет кровь, что дерево не нуждается в крови. Для дерева важны лишь земля, вода, воздух и солнце.

Более того, они утверждают, что люди, приносящие жертвы, уничтожают свой собственный народ. Не боги, живущие в деревьях, насылают на людей леса страшные болезни, – нет, в этом виноваты горы гниющих трупов, приносимых в жертву и сваленных под священными деревьями.

– Болезнь – не кара духов, – говорили они. – Болезни надо лечить.

Жрецы должны были наказать еретиков. Началась война. Отступники решили покинуть леса. Уходя, они унесли с собой ветви священных деревьев. Ветви их деревьев не нуждались в крови, они даровали жизнь. Ушедшие учились выживать, сражаться и лечить. Они учились опыту других народов и делились своим.

Покидая прежнее место жительства, они оставляли там своих единомышленников – ветви клана, которые указывали путь желающим последовать за ушедшими.

Впереди клана двигались разведчики, укоренявшиеся на новых местах и подготавливавшие почву для прибытия основного отряда. Эта дорога, растянувшаяся на века, называлась «поток», и члены клана – «ветви потока», «ветви дерева» в бурлящем потоке жизни – плыли вперед, прибываясь к новым берегам. Это был долгий и трудный путь.

Тогда же возник культ Хранителей Знания. Это были особые люди потока, знания и могущество которых превращали их в скалу. В районе, из которого клан уходил, следуя течению реки жизни, оставались Хранители Знания – «скалы на пути потока». Они принимали

на себя заботу о следующих за «Ветвями дерева» друзьях и противостояли ударам преследующих клан врагов. Люди клана знали, как отыскивать Хранителей Знания, являющихся «скалами на пути потока», даже не будучи знакомыми с ними. Хранитель Знания всегда отличался от своего окружения некоторыми особенными чертами своей жизни.

Но были и другие Хранители Знания. Их называли «Песок на берегу». Они растворялись среди чуждых им народов, как затерявшиеся среди других песчинки. Они развивали традиции «Ветвей дерева» без допущения к ним непосвященных, без влияния на них как идущих следом, так и живущих рядом.

«Идущими впереди» называли Хранителей Знания, опережающих основное продвижение ветвей клана. Эти люди отыскивали сподвижников и подготавливали их к принятию новой философии, нового мировоззрения, нового уклада жизни. Благодаря им люди клана, прибывая на новое место жительства, уже имели поддержку в лице новообращенных.

«Живущие в потоке» – это Хранители Знания, которые не вели активной деятельности, совершенствуя и дополняя те области знания, которые испытывали в этом необходимость.

Символ дерева присутствовал и в классификации людей клана. К корням дерева относились Посвященные и Хранители Знания, сохраняющие святая святых – философское осознание Дерева Жизни.

Стволом дерева был костяк клана, помогающий выживанию «Ветвей дерева», состоящий из рядовых членов – воинов, купцов, врачей. Косвенным образом к нему относились сочувствующие и поддерживающие клан элементы местного населения, люди, тянущиеся к учению клана, пусть даже преследуя при этом свои собственные цели.

Ветви располагались на стволе так же, как и у живого дерева, по мере вырастания. Так, к верхним ветвям относились дети, к средним – родители, а к нижним – люди старшего возраста.

Наверно, ни в одном из людских сообществ женщина не занимала столь высокого положения и социального статуса, как в клане «Ветвей дерева». Для Спокойных женщина была священна, она была существом, дарующим жизнь, дающим плоды, как и само Дерево Жизни.

Обожествление женщины не снимало, однако, с нее забот и проблем, выпадавших на долю клана. Все члены клана были равны, и женщины становились воинами, лекарями и философами наравне с мужчинами, и то, что они рожали детей, не препятствовало их деятельности. Материнство продолжалось лишь около года, в период кормления грудью. Затем, как я уже тебе рассказывал, ребенок передавался из «руки» в «руку», состоящую из пяти человек (включая ребенка), среди которых он проходил очередной этап получения надлежащих знаний и воспитания.

Проблема современного общества заключается в том, что оно всерьез не задумывается о различии между воспитанием и выращиванием. Большинство родителей именно выращивают ребенка, полагая, что воспитывают его, но в действительности они лишь механически копируют действия своих родителей, впоследствии предъявляя претензии к школе и учителям за то, что те не смогли правильно обучить и воспитать ребенка. Но школа прямо не заинтересована в воспитании. Учителя в основном желают лишь получать зарплату, сохраняя, по мере возможности, свою нервную систему, расшатанную от общения с ежедневно терзающими их монстрами...

Ли замолчал. Мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сожаление.

Я вспомнил свой школьный опыт. Действительно, о воспитании тут было трудно говорить, если, конечно, не считать воспитанием традиционные монологи учителей о необходимости быть честным и трудолюбивым, как истинный пионер – всем ребятам

пример или, немного позже, как настоящий комсомолец. Пожалуй, это все-таки было не воспитание, а не очень удачная попытка промывки мозгов.

Я представил себя сыном клана. Что было бы со мной, если бы меня отняли от матери, как только я перестал сосать грудь? Каким бы я стал?

Я очень любил свою мать и знал, что она искренне отдавала мне всю свою любовь, но я уже в семи-восьмилетнем возрасте чувствовал, насколько внушаемые ею мне истины далеки от реальной жизни, и как расходятся слова и поведение родителей. Их знания и убеждения не помогали им даже элементарно ладить друг с другом...

Мысленно попросив прощения у матери, я твердо решил, что, если бы мог выбирать, я предпочел бы родиться в клане...

Потом мои мысли перенеслись к людям дерева. Сознание сужалось, и я автоматически входил в медитацию осознания нити жизни. Представление о том, что я – сын клана, словно унесло меня на тысячелетия назад. Смутные обрывки неясных видений мелькали у меня перед глазами, неопределенные, но очень яркие переживания мимолетно захватывали меня, уступая место другим, столь же мимолетным и неопределенным.

Мелькнула мысль, скорее даже не мысль, а осознание того, что чувствуют люди, вспоминая свои прошлые жизни. В отличие от них, я различал вымысел и реальность. Упражнения нити жизни, особенно связанные с медитацией на людях и прошлых событиях, причастных тем или иным образом к ее формированию, иногда погружали меня в состояния транса с удивительно яркими видениями, в которых я, замещая кого-то, становился главным действующим лицом.

В такие моменты мне казалось, что все это действительно когда-то произошло со мной, что мое тело и я сам вспоминаем нечто, в самом деле имевшее место когда-то давным-давно, когда я еще не родился.

Меня больше не удивляло, что люди, подсознательно испытывающие сильный страх смерти, с легкостью принимают на веру теорию реинкарнации, особенно в том случае, если их жизнь сложилась так, что она не удовлетворяет их. Имея чуть-чуть воображения и достигая при помощи медитации измененных состояний сознания, они сталкиваются с реализацией своих тайных фантазий и желаний, с полной достоверностью «вспоминают» и с восхищением переживая свои воплощения в царей и знаменитых полководцев, мушкетеров и танцовщиц, великих художников и поэтов.

Нить жизни уносила меня все дальше и дальше. Картины становились более яркими и отчетливыми. Я видел горы гниющих трупов людей и животных под величественными кронами священных деревьев. Я видел людей, одетых в шкуры, с луками и копьями в руках. Они спорили о чем-то на непонятном мне языке, но смысл их разговора был мне ясен.

Нити жизни противников жертвоприношений засияли передо мной сплетениями золотого жгута, и я последовал за ними, поднимаясь вверх и проносясь через время и пространство. С высоты птичьего полета я наблюдал, как группа людей с зелеными ветвями в руках вышла из леса на бескрайние просторы степей. Я поднимался все выше и выше, и кинофильм Великого Исхода прокручивался передо мной...

Люди клана рождались и умирали. Они трудились и сражались. Они упорно двигались вперед по Великому Потoku Жизни, и вместе с этим движением росли их знания, их сила, их учение. Их нити жизни уходили в бесконечность, и далеко впереди, на горизонте, я различил, как их нити жизни соприкоснулись с моей, передавая ей опыт поколений. Не важно, где и когда я появился на свет. Не важно то, что я родился вне клана. Я все равно был одним из них...

Типология пяти стихий

Капли дождя, упавшие на лицо, вернули меня к действительности. Дождик был легкий, теплый, грибной, не требующий зонта. Мы шли по набережной закованного в бетон Салгира. Захваченный медитацией, я даже не заметил, как мы вошли в парк. Дождь напомнил мне о стихиях, о воде, падающей с неба и орошающей крону дерева, чтобы потом быть поглощенной землей. Вслед за этим вернулись воспоминания о Лин, снова вызвавшие к жизни мой внутренний конфликт. Даже если даос должен иметь много женщин, я этого не хотел. Мне было достаточно одной, и в то же время в глубине души я понимал, что Учитель прав, и для меня уже не существует иного выбора, кроме как следовать по пути Воинов Жизни. Если моя модель мира мешает этому, я изменю ее.

Приняв это решение, я вздохнул со смешанным чувством грусти и облегчения. На губах Ли блуждала саркастическая усмешка.

– Похоже, мне придется переквалифицироваться в турецкого султана и срочно завести гарем, – сказал я. – Чего только не сделаешь ради учения.

– Рад, что ты готов на такие жертвы, – похлопал меня по плечу Учитель. – Не беспокойся, это тебе понравится. Чего у даосов не отнять, так это умения получать удовольствие.

– Может быть, ты мне дашь какие-нибудь практические рекомендации? – предложил я.

Ли изобразил удивление.

– Интересно какие? – спросил он.

– Конкретные, – пояснил я. – Например, есть ли какая-нибудь специальная даосская стратегия охмурения женщин, по каким признакам различать стихии, к которым они относятся, сколько примерно женщин я должен иметь и каким образом строить свои отношения с ними?

Учитель укоризненно покачал головой.

– Ты не справишь, – сказал он. – Ты говоришь так, словно собираешься взять на себя сообразительности и перевыполнять пятилетний план по взаимодействию со стихиями и построению дерева в кратчайшие сроки.

– Может, я не совсем правильно сформулировал свой вопрос, – попытался оправдаться я, – но, согласись, фраза «даос должен иметь много женщин» – слишком общая. С тем же успехом можно сказать: «сексуальный маньяк должен иметь много женщин». При таких сжатых формулировках разница между даосом и сексуальным маньяком как-то не просматривается.

– Пожалуйста, избавь меня от аналогий, – оборвал меня Ли. – Если бы ты не мог отличить даоса от сексуального маньяка, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Извини, – сказал я. – Конечно, я понимаю, что ты имеешь в виду, но мне бы хотелось услышать от тебя несколько конкретных советов. Может быть, ты все-таки ответишь на мой вопрос?

– Ты имеешь в виду специальную даосскую стратегию охмурения женщин?

– И это тоже.

Ли пожал плечами.

– Тебе она прекрасно известна. Ты уже не раз выполнял упражнения по управлению

людьми, входу в контакт с ними и выходу из контакта. Вопреки русской народной пословице «курица – не птица, баба – не человек», даосы все-таки относят женщину к человеческому роду, и установление контакта с женщиной относится к технике управления людьми. Как ты знаешь, эта техника имеет много составляющих.

Одна из них – это воздействие на людей через создание специфического аромата плода. Если ты помнишь, ты уже испытывал аромат своего плода на женщинах, и с немалым успехом.

Я улыбнулся, вспомнив упражнение, о котором говорил Учитель. Ли учил меня передавать идущим навстречу мне по улице женщинам исходящий от меня посыл теплых чувств, используя медитативные упражнения для создания внутреннего настроения счастья и тихой радости. Женщины, откликаясь на обращенное к ним излучение внутренней улыбки, отзывались кто удивлением, кто радостью и восторгом, а одна девушка даже остановилась, заглянув мне в глаза, словно хотела заговорить.

– Странно, я почему-то не подумал об этом, – улыбаясь приятным воспоминаниям, сказал я. – Видимо, мысли о сексе ассоциируются с чем-то не совсем обычным, и мне казалось, что для подобного общения с женщинами нужны какие-то специальные методы знакомства.

– Даже сейчас ты до конца не избавился от предрассудков, – сказал Учитель. – В твоей старой модели мира убеждение об обособленности и даже в некотором роде запретности секса укоренилось настолько глубоко, что, даже становясь даосом и во многом расширив свою модель мира, ты так до конца и не смог избавиться от этого стереотипного представления.

– Наверно, ты прав, – согласился я. – Для меня действительно не представляет проблемы знакомиться с девушками и производить на них хорошее впечатление, но, видимо, мое воспитание удерживает меня от попытки слишком быстро вступать с ними в сексуальную связь. Именно поэтому я спросил тебя о том, как соблазнять женщин. Уверен, что здесь должна быть какая-то особая тактика помимо умения завязывать знакомства.

– Эта тактика в первую очередь зависит от типа женщины, – сказал Учитель, – но прежде всего ты должен преодолеть природную стеснительность и сломать внутренний барьер, мешающий тебе переходить к сексуально окрашенным действиям. Тут дело не только в воспитании, хотя оно, конечно, играет свою роль. Подсознательно ты считаешь, что из-за излишней полноты твое тело недостаточно привлекательно, и ты привык завоевывать женщин не своим телом, не своими сексуальными достоинствами, а душевными качествами – умом, доброжелательностью и так далее, а для этого требуется время.

Теперь тебе предстоит расширить свою модель мира, включив в нее образ красивого, опытного, сексуального и страстного мужчины. Наверняка, ты не раз сталкивался с подобными моделями мира и знаешь, каким является исходящий от них аромат.

– У меня действительно есть один такой приятель, – припомнил я. – Меня всегда удивляло, что это женщины находят в нем. Физически он не особенно привлекателен, но у него просто невероятное количество любовниц. Создается впечатление, что женщины слетаются на него, как мухи на мед.

– Ты когда-нибудь наблюдал за тем, как он соблазняет женщину? – спросил Ли.

– Честно говоря, да, – ответил я. – Меня это интересовало с чисто научной точки зрения.

– Ну и что же ты заметил?

– При виде новой женщины он просто преображается. Что-то неуловимо меняется в

его лице, жестах и движении. Он вроде бы и не говорит ничего особенного, привычные банальные комплименты, но в этих комплиментах скрыт какой-то особый подтекст, какой-то намек, обещание, направленное именно к этой женщине, так, словно она – единственная и неповторимая. Вокруг него как будто создается возбуждающая атмосфера сексуальности, тайны и обещания чего-то прекрасного и загадочного. Не удивительно, что ему удается добиться всего, чего он хочет.

– А ты понимаешь, каким именно образом он создает этот аромат сексуальности?

– Я не уверен, что понимаю это. Скорее, я сумел почувствовать то, как он это делает, наблюдая за ним и настраиваясь на его ощущения. Когда я попытался копировать его, мне казалось, что я дополняю внутреннюю улыбку возбуждением в половых органах, которое распространяю по всему телу, насыщая его сексуальной энергией и излучая ее в окружающее пространство.

Затем я сосредотачивал все свое внимание на женщине, отыскивая в ней особо привлекательные черты и сужением сознания добивался того, что эти черты начинали казаться мне божественными и уникальными, а женщина – самой прекрасной на земле. Для себя я назвал эту технику «намеренным провоцированием влюбленности».

– Ты очень наблюдателен, – усмехнулся Ли. – Интуитивно ты понял и сумел симитировать стереотип поведения, данный от природы специфическому типу мужчин и женщин. Этот тип – охотники за сексом, охотники на половых партнеров. Оружием в их охоте является особый язык тела, безмолвно извещающий окружающих об их намерениях и на подсознательном уровне неотразимо притягивающий людей с потребностями или жаждой сексуальных контактов, а также тех, кто ищет партнера для брака или длительных отношений.

– Значит, если выучить этот язык тела, можно будет стать столь же удачливым охотником?
– спросил я.

– Нет никакой необходимости учить язык тела, – сказал Учитель. – В некоторых случаях это может оказаться даже вредным, потому что, концентрируясь на деталях, ты не сможешь контролировать и полностью имитировать всю картину в целом.

Какой смысл для тебя думать о том, что твои зрачки должны быть расширены, губы – чуть-чуть приоткрыты и изогнуты особым образом, что твоя поза должна косвенным образом намекать на твои мужские достоинства? Деталей, влияющих на общую картину, так много, что ты просто не сможешь искусственным образом проследить за тем, чтобы все они были выдержаны в нужном стиле, а противоречие между деталями тут же на подсознательном уровне отмечается партнером, вызывая у него отношение настороженности или недоверия.

Только медитацией на создании нужного аромата, должным внутренним настроем ты заставишь твое тело посылать именно те сигналы, которые нужны тебе.

По той же причине механическое изучение техники секса часто не дает удовлетворения, потому что контроль за деталями убивает спонтанность и наслаждение. Техника секса находится внутри тебя, а не во внешних позах и деталях, но, доведенная до совершенства, она уже перестает быть техникой и становится частью тебя, твоим неотъемлемым свойством.

Прежде всего, чтобы избавиться от стеснительности и неуверенности в себе, ты должен ввести в свою модель мира осознание того, что если ты нравишься Лин – королеве среди себе подобных, то найдется немало других женщин, которые будут без ума от тебя.

Однако, когда ты убедишься в этом на практике, не слишком обольщайся на свой счет. Матушка-природа обманула женщину, заставляя ее любить существа более низкого порядка, и мужчине, чтобы нравиться женщинам, достаточно быть чуть

красивее орангутанга.

Считай, что с этого момента ты выполняешь новое задание. Тебе предстоит отыскать шесть женщин, которые вместе с тобой составят «Божественное семь». Эти женщины должны быть настолько раскрепощены в сексуальном плане, что для них не станет препятствием выполнение групповых сексуальных упражнений под твоим началом.

Я опешил. Идея группового секса до сих пор не посещала меня даже во сне, и задача отыскать в моей пуритано-социалистической среде шесть дам, склонных к групповухе, представлялась мне более чем нереальной.

Заметив выражение ужаса на моем лице, Учитель расхохотался.

– Видел бы ты себя, – сказал он, покровительственно похлопав меня по плечу. – Закрой рот и успокойся. «Божественное семь» – это программа-максимум. Для начала ты выполнишь более простое задание – построение «пирамиды» из партнерш.

– Какой пирамиды? – без особого энтузиазма спросил я.

– Это тебе объяснит Лин, – усмехнулся Ли. – Тебе лучше услышать это от нее. А я расскажу тебе немного подробнее о типах женщин.

Прежде всего стихия женщины проявляется в ее физиологии, и уже затем – в характере. Не забывай, что, как я уже говорил, чистые типы стихий в природе почти не встречаются, поэтому тебе придется определять только ведущую стихию в природе женщины, не забывая, однако, что даже ведущая стихия может меняться со временем и в зависимости от обстоятельств.

Женщины земли в первую очередь отличаются хорошо развитыми вторичными половыми признаками. Про таких говорят: «тело белое, грудь широкая». У них великолепно развитые бедра и крепкий костяк. Их характер может быть самым разным и во многом зависит от твоего собственного поведения. Обычно такие женщины прочно стоят на земле и знают, чего они хотят. Если ты будешь соответствовать ее ожиданиям, женщина земли будет преданной и надежной, но довольно ревнивой.

Ее основной недостаток – склонность к собственничеству. Она будет постоянно претендовать на твое время, на твою жизнь, а такую роскошь Воин Жизни не может себе позволить. Поэтому, чтобы не разрушить свою связь с землей, даос должен быть с подобной женщиной особо дипломатичным и терпеливым. Женщина земли не падка на сексуальность в чистом виде. Ее нужно привлекать своими душевными качествами, своими знаниями, уделять ей особое внимание, совершать ради нее подвиги.

Женщина огня как правило имеет более стройное и гибкое тело, более подвижную психику. Среди европейских женщин женщины огня обычно более смуглые и кажутся «южными».

Если женщина земли отличается глубоким, увлекающимся умом, то ум женщины огня быстр и текуч, как и ее стремительно меняющиеся эмоции.

Раздражение у женщины земли накапливается постепенно, в глубине. Оно может храниться там много дней, прежде чем вырвется наружу в виде мощного землетрясения. Женщина огня не умеет сдерживать свои порывы. Если ей что-то не нравится, она взрывается почти мгновенно и неконтролируемо, опалая все вокруг своим огненным темпераментом.

Женщина воздуха обычно хрупка и воздушна. Она может быть бледной и астеничной, но ее сексуальные переживания обычно гораздо более глубоки, чем у других типов, вплоть до того, что она может потерять сознание или впасть в истерику, приближаясь к оргазму. Менее всего выражен оргазм у женщины земли – она как бы хранит в глубине свои эмоции и переживания, а сексуальная кульминация женщины огня обычно проявляется взрывоподобно, как и ее эмоции.

Женщина воздуха легко расстраивается. Она очень эмоциональна, и ее легко обидеть. Ее защита от внешнего мира слабее, чем у других типов, и она в значительной степени лишена способности сопротивляться, отвечать на агрессию агрессией.

Женщина воды – высокая, стройная, сильная, с развитыми мышцами, но кожа ее обычно бледнее, чем у женщины огня.

Женщина воды не сразу возбуждается. Она может быть холодна, капризна и изменчива, но, когда мужчина научится управлять этой стихией, она дает ему массу приятных переживаний, хотя и забирает много энергии. Обычно женщина воды стоит мужчине нервов и больших денег.

Женщины огня и воздуха, особенно воздуха, гораздо более бескорыстны. Воздух же больше дает, чем отбирает.

Женщина-дерево – это прежде всего ум. Она полностью понимает даоса, принимая его мировоззрение и умея подстраиваться к его личности без ущемления своих интересов. Даже если ей трудно что-то принять в мужчине, это могут быть лишь какие-то его привычки, но ни в коем случае не мироосознание. Тут они полностью совпадают.

Помимо деления женщин по стихиям существует еще одна классификация – по типам возбудимости, по способу реагировать на ситуации и партнеров противоположного пола. Она называется «семь жемчужин».

Так, бывают женщины сексуального, эмоционального, интеллектуального, сексуально-эмоционального, эмоционально-интеллектуального, сексуально-интеллектуального и сексуально-эмоционально-интеллектуального типа.

Каждый тип определяется специфическим набором потребностей и жажд. Если эти ведущие жажды трудно обнаружить с первого взгляда, то ароматы семи базовых типов различаются без труда.

Сексуальная женщина – это женщина тела, больше повинующаяся инстинктивным требованиям организма, чем разуму или эмоциям. Часто она не может подавить в себе зов природы, даже осознавая, что делает что-то не так. Например, такая женщина способна лечь в постель с большим мужчиной, прекрасно понимая, что она рискует заразиться и в результате даже умереть, но не в силах противиться сексуальному влечению.

Эмоциональная женщина – это женщина сердца. Ее действия в основном обусловлены ее эмоциональными реакциями. Изучив ее характер, такой женщиной очень легко управлять. Для этого нужно лишь подобрать ключи, включающие соответствующие эмоции.

Для того чтобы добиться ее расположения, достаточно лишь продемонстрировать сопереживание ее чувствам. Женщина сердца может поддаться внезапному порыву страсти после тронувшей ее душу музыки или песни, растревожившего ее чувства кинофильма, стихов или страстного признания в любви. Влекомая неконтролируемым эмоциональным порывом, она способна лечь в постель даже с неприятным ей в физическом плане мужчиной.

Женщина интеллектуального типа – это женщина головы. Склонная, как правило, к обдумыванию всего происходящего, она часто попадает в ловушку собственных рассуждений. Так, например, после длительных интеллектуальных изысканий она может «додуматься» до каких-нибудь кажущихся ей откровениями «истин» типа «увы, все мужчины – второго сорта, ибо они не могут сравниться со мной в остроте ума, поэтому не стоит и связываться с ними» или «не имеет смысла любить этого человека, потому что, когда мы расстанемся, это заставит меня страдать».

Женщины головы могут с легкостью выйти замуж за старика, чтобы завладеть его состоянием, или прокладывать себе дорогу к успеху, отдаваясь мужчинам, от которых зависит их карьера. Их расчетливый ум гасит эмоциональные порывы и потребности плоти, так как цель, намеченная их рассудком, всегда будет превалировать над чувствами.

Женщина сексуально-эмоционального типа встречается в двух вариантах – женщина тела и сердца и женщина сердца и тела, в зависимости от того, какая сфера является доминирующей – сексуальная или эмоциональная.

Женщина сердца и тела может быть склонна к извращенной половой жизни, так как эмоции подхлестывают ее сексуальность. Такая женщина нуждается в огненных чувствах. Она требует к себе повышенного внимания и может намеренно провоцировать у окружающих эмоциональные всплески, когда испытывает недостаток сильных чувств. Женщина сердца и тела способна устраивать скандалы только для того, чтобы завести свою сексуальную сферу.

Женщина тела и сердца, наоборот, живет воспоминаниями и переживаниями уже состоявшихся любовных встреч, спонтанно и неосознанно выполняя упражнение нити жизни. Вновь переживая прекрасные или ужасные моменты, она, как правило, окрашивает прошлое в более яркие цвета, питая эмоции через сексуальность.

Женщины эмоционально-интеллектуального типа разделяются на женщин головы и сердца и на женщин сердца и головы.

Женщины сердца и головы быстро поддаются чувству, но спустя короткое время начинают его контролировать, по крайней мере, пытаются это делать. Часто это приводит к противоречивости поведения и доставляет страдания как самой женщине, так и ее партнеру. Женщины этого типа – хорошие актрисы. Им нравится управлять окружающими, выставляя свои чувства напоказ и используя их для достижения каких-либо целей, причем обычно они проделывают это на бессознательном уровне.

Женщина головы и сердца тонко чувствует окружающий мир. Она ищет партнера, который бы удовлетворял как ее интеллектуальные, так и эмоциональные запросы. Она способна на сопереживание и в то же время не склонна чересчур поддаваться эмоциональным порывам. Подобное сочетание интеллекта и эмоциональности является удачным для работы с людьми, в социальной сфере, для психологов и учителей.

Женщина сексуально-интеллектуального типа – это женщина тела и головы или женщина головы и тела.

Женщина тела и головы обладает большим творческим потенциалом. Ей удается использовать избыточную сексуальную энергию для создания произведений искусства, будь то музыка, живопись или скульптура. Часто к этому типу относятся поэты, которым всплески сексуальной энергии даруют вдохновение и создают базу для творчества.

Женщина головы и тела любит рассуждать и может стать ученым, с головой уходящим в науку. В ее случае мыслительный процесс дает толчок жаждам тела. Она может испытать волну оргазмических ощущений от красиво сформулированной идеи или новой увлекательной теории.

Даже в сексе такая женщина будет отыскивать применение своего интеллекта, разнообразя его новыми приятными изобретениями, например, украшая тело партнера цветами или разрисовывая его, возбуждаясь не столько от мужчины, сколько от результатов своей деятельности.

Подобная женщина может стать жертвой чувства в результате интеллектуальной беседы, когда умственное превосходство мужчины заводит ее, даже при наличии

физического отвращения.

Женщины сексуально-эмоционально-интеллектуального типа делятся уже на шесть классов. Это женщины тела, сердца и головы; женщины тела, головы и сердца; женщины сердца, тела и головы; женщины сердца, головы и тела; женщины головы, сердца и тела и, наконец, женщины головы, тела и сердца.

Женщина тела, сердца и головы – это человек с неугасимой внутренней потребностью в общении, в том числе и очень интимном. Это общение должно давать не только сексуальное удовлетворение, но и обеспечивать пищу чувствам и уму. Ум такой женщины постоянно контролирует и оценивает складывающуюся картину взаимоотношений, усложняя ее и совершенствуя.

Женщина тела, сердца и головы – одна из самых очаровательных любовниц, сексуальное общение с которой никогда не покажется тебе однообразным и скучным.

Женщина тела, головы и сердца переживает сексуальное влечение как бы изнутри, в странных умственных построениях, извращая его. Она может обратить сексуальную энергию в самые сложные формы извращений, замещая реальное общение своеобразными фетишами полового чувства.

Впрочем, она способна направить свою энергию и на созидательную деятельность, типа конструирования чего-либо, или садоводства, или создания новых форм в искусстве, но и на эту деятельность, так же как и на окружающий мир, она будет переносить свою сексуальность, получая эмоциональную поддержку от предметов, ставших объектом сублимации ее сексуальной энергии. Этот тип склонен к коллекционированию, разнообразным хобби, являющимся плодом погашенной и преобразованной разумом сексуальности.

Женщина головы, тела и сердца разумна и рассудочна. Она умеет контролировать свои эмоции и проявления своего тела. При правильном развитии такая женщина способна достичь высочайших высот в любви, но, если события складываются не столь благоприятно, она во имя каких-либо кажущихся ей рациональными целей может превратиться в черствое и бездушное существо, подавляющее все свои естественные порывы.

Женщина головы, сердца и тела извлекает большинство своих эмоций из рассуждений и работы мысли. Секс для нее находится далеко не на первом месте. Она вступает в половые связи как бы мимоходом, лишь удовлетворяя ненужную и досадную потребность, подобно тому как ученый, занятый решением сложной задачи, машинально берет и съедает бутерброд, откликаясь на требования желудка, но не прекращая в этот момент своих размышлений.

Женщина такого типа обычно отвратительна для мужчины, потому что, не будучи заинтересованной в его интеллекте, она воспринимает партнера лишь как средство удовлетворения своих половых инстинктов. Часто сексуальное влечение у них вообще бывает подавлено в силу ханжеских или морализующих рассуждений, погружения в науку или в творчество. Также для нее характерно извращенное подавление эмоциональной и половой сфер.

Женщина сердца, головы и тела – это тип личности, у которого мыслительный процесс обслуживает эмоциональный настрой, то есть ум работает на эмоции, не контролируя их. Если такая женщина возненавидит кого-то, то она будет получать сексуальное удовлетворение от хорошо продуманной и удачно осуществленной мести.

Полюбить она может в первую очередь за счет яркой эмоциональной окраски общения, и тогда ее сексуальная жизнь будет особым образом организована и упорядочена с помощью разума, являясь как бы логическим продолжением эмоционального влечения.

Женщина сердца, тела и головы вся подчинена эмоциям, возбуждающим ее сексуальность. Она легко склоняется к извращениям, в которых мыслительный процесс может быть либо подчинен эмоциональному сексу, либо он служит для его контроля и подавления.

Женщина сердца, тела и головы, тем не менее, способна организовать работу своего ума таким образом, чтобы любыми способами добиться удовлетворения своей страсти, рожденной на мощной эмоциональной волне, не обязательно связанной с любовью. Она может добиваться мужчины со всей пылкостью и страстностью только потому, что он оскорбил ее невниманием или отказался от свидания с ней. Спровоцированный отказом мощный эмоциональный всплеск оскорбленного самолюбия в свою очередь порождает не менее мощную волну сексуального желания, для удовлетворения которого уже используется голова.

Естественно, что классификации пяти первоэлементов и «семи жемчужин» в равной степени относятся как к женщинам, так и к мужчинам, и, научившись применять их на практике, ты сможешь подобрать ключи к каждому типу, зная, как нужно действовать – через сексуальную сферу, через эмоции или через интеллект, и имея представление, каким поведением какой стихии нужно отзываться на скрытые потребности женщин земли, воздуха, огня или воды.

– По-твоему, это так просто? – скептически заметил я, под конец его рассказа уже порядочно отупевший от перемешавшихся у меня в голове женских типов. – Для начала неплохо было бы все это запомнить.

– Не нужно запоминать, – резко сказал Учитель. – Ты должен понимать, осознавать и чувствовать. Иначе ты рискуешь оказаться в ловушке интеллектуального типа – погрязнуть в схемах и рассуждениях, не связанных правильными эмоциональными откликами с реальной жизнью. К тому же не забывай – человека нельзя просто впихнуть в застывшую схему. Его тип может меняться в зависимости от обстоятельств чуть ли не на прямо противоположный. Тут можно провести аналогию с многоугольником равновесия. Человек способен перемещаться в любом направлении от центра тяжести, от точки равновесия, но поведение среднего человека обычно таково, что он предпочитает какое-то одно направление или зону, в которой он находится чаще всего.

Изучая себя, возвращаясь к своим прошлым поступкам в медитациях воспоминания и нити жизни, ты сможешь понять, в каких зонах и направлениях имеет обыкновение колебаться твой собственный тип личности. Поскольку диапазон твоих перемещений по типам личности в процессе взращивания человека-дерева значительно более широк, чем у обычного европейца, ты на своем собственном примере приобретешь достаточно глубокое понимание этой классификации. Если же ты начнешь наблюдать за поведением своих знакомых с этой точки зрения, то со временем тебе не нужно будет даже вспоминать, как называется тот или иной тип, – ты научишься автоматически чувствовать структуру личности человека, с которым ты общаешься в данный конкретный момент, и сможешь интуитивно подбирать ключи, открывающие доступ к его сексуальной, эмоциональной и интеллектуальной сущностям.

– А как стыкуются классификации пяти первоэлементов и «семи жемчужин»? – спросил я. – Можно ли, например, сказать, что человек, у которого в равной степени развиты тело, сердце и голова, является человеком-деревом?

– Не путай божий дар с яичницей, – скривился Ли. – Человек-дерево – это результат гармоничного взаимодействия четырех стихий, и это не имеет никакого отношения к его сексуальной сфере, эмоциям и интеллекту. Эти схемы не накладываются друг на друга, но они стыкуются в разных измерениях.

– Как это? – поинтересовался я.

– Каждую из этих схем условно можно считать линейной, потому что компоненты этой

схемы возможно расположить по возрастающей или убывающей, то есть сказать, что у этого человека вода преобладает над огнем и воздухом, или что у него эмоциональная сфера выражена более явно, чем интеллектуальная.

Если представить, что линейная связь одной классификации представлена на одной оси координат, хотя на самом деле даже один тип классификации является многомерным, а линейная связь другой классификации отражена на другой оси, мы получаем уже комбинированную двухмерную систему типов. Даосизм создал множество всяческих классификаций, которые могут соединяться и комбинироваться друг с другом самыми причудливыми способами. Они могут соединяться и в многомерные системы координат, и крестообразно, и столбиком, и лабиринтом, и спиралью. Спокойные были мастерами подобного рода построений.

– Пожалуй, на сегодня хватит классификаций, – запротестовал я. – Мне для начала нужно разобраться с тем, что ты уже рассказал. Если для обучения женщиной приходится вникать в такие тонкости, я не удивляюсь, что мужчинам и женщинам так сложно прийти к взаимопониманию.

– Не преувеличивай, – сказал Учитель. – Прийти к взаимопониманию совсем не так затруднительно, как тебе кажется. Пока теория будет медленно укладываться в твоём мозгу, положишься на интуицию и займись практикой. Ты же даос. С этой минуты ты начнешь знакомиться на улице с женщинами с вполне определенной целью – вступать с ними в сексуальные связи, причем достигать этой цели ты должен в кратчайшие сроки. Не нужно изобретать какие-то особые приемы. Просто будь самим собой. Ты уже знаешь более чем достаточно для выполнения такого простого задания. Чем менее ты будешь сосредоточен на цели, чем менее ты будешь напряжен, тем больший успех тебя ожидает. Ты еще удивишься своим способностям рокового соблазнителя.

– Хотелось бы верить, – скептически произнес я.

Мы расстались около часа ночи, и я на ходу вскочил в последний троллейбус, совершенно пустой, идущий к центральному универмагу. Я думал о задании, которое дал мне Учитель, и снова прокручивал в уме рассказанные им классификации, придумывая подходы к женщинам разных типов.

Троллейбус затормозил на остановке, дверцы открылись, и в него впорхнула девушка лет двадцати пяти, с очаровательными округлыми формами и смугловатой кожей. Ее пышущее здоровьем тело и густые черные волосы напоминали о щедрых на подобных красавиц землях южной части Украины.

Ее появление сработало как катализатор всего, что я узнал за этот день. Я ощутил, как мое тело автоматически выполнило упражнение внутренней улыбки в сочетании с волнами оргазмических ощущений, поднимающихся от половых органов вверх и затопляющих меня состоянием счастья и первой юношеской влюбленности и восторга.

Я самым естественным образом повернулся к ней, и слова вырвались сами, без всякого предварительного обдумывания.

– Боже мой! Какая вы очаровательная! – воскликнул я. – Как бы мне хотелось с вами познакомиться!

На миг наши взгляды скрестились, и между нами проскочило что-то неуловимое, искра, которая воспламенила ее так же, как она воспламеняла меня.

– Так давайте познакомимся, – улыбнулась девушка, усаживаясь рядом.

Уже через минуту у меня в кармане лежал ее телефон, записанный губной помадой на троллейбусном талончике.

Две остановки спустя мы вместе вышли из троллейбуса, направляясь к ней домой. С

трудом подавив угрызения совести оттого, что я не предупредил маму, что не вернусь домой этой ночью, я остался ночевать у моей новой подруги. Эта ночь, которой ознаменовалось выполнение очередного задания Учителя, запомнилась мне навсегда.

Ли был бы доволен мной.

Глава 24

Высшая форма любви

Я уже несколько дней не видел Учителя, и меня терзали нехорошие предчувствия. Я сам не смог бы определить причину такого беспокойства. Ли нередко исчезал, не объясняя, куда и зачем, и я должен был бы уже привыкнуть к этим его внезапным исчезновениям и появлениям, но я чувствовал, что в данном случае что-то не так.

Поэтому, когда телефон зазвонил и я, сняв трубку, услышал в ней голос Учителя, то испытал несказанную радость.

– Твоя грусть чувствуется даже на расстоянии, – укорил меня Ли. – Вот мне и приходится звонить. Похоже, ты сам не способен разобраться с собственными эмоциями.

– Учитель, я соскучился по тебе, – сказал я. – Когда мы сможем увидеться?

– Как истинный южанин, ты не ценишь цветов юга, – глубокомысленно произнес Ли, – и я хочу научить тебя вдыхать их аромат. Ты не должен печалиться и скучать по мне. Я постараюсь, чтобы эта наша встреча запомнилась тебе надолго.

– Где мы встретимся? – спросил я.

– После часа ночи я буду ждать тебя на нашем месте в Ялте, – сказал Учитель и повесил трубку.

Я отправился в Ялту на одном из последних троллейбусов, и, не представляя, где и как я проведу эту ночь, на всякий случай решил отоспаться на заднем сиденье.

Когда я вышел на площадь ялтинского автовокзала, часы уже отмерили полночь. Я знал, что эта встреча будет необычной, и меня охватило лихорадочное возбуждение. Южная ночь всегда вызывала в моей душе особые чувства. Черный цвет в традициях Спокойных был особым цветом, цветом мудрости и осознания, и глубокая бархатная чернота ночи вызывала во мне одновременно и настороженность, и смутные, но глубокие и волнующие ощущения чего-то необычного, таинственного и удивительного, скрывающегося под ее покровом.

Я вдохнул полной грудью теплый воздух красивейшего города Крыма, в котором даже бензиновая вонь автовокзала не могла заглушить ароматы цветущих растений и трав.

Я подумал, что для настоящего крымчанина, с детства успевшего облазить все самые потаенные уголки Крымского полуострова, весь Крым воспринимается как один большой город, в котором, как и в любом городе, есть места, особенно близкие и дорогие сердцу. Ялта была одним из таких особых мест для меня. Учитель уже не первый раз назначал мне свидание именно в Ялте, и эти встречи всегда оказывались в чем-то особенными.

Я испытывал такой подъем чувств, что, хотя времени до встречи оставалось в избытке, я не мог спокойно идти и побежал, скорее даже помчался со всех ног вниз по улице, к морю. Мелькнула мысль, что в такое время бегущий человек может вызвать подозрения у чересчур бдительного наряда милиции, а я, как назло, забыл прихватить с собой паспорт, но все обошлось, и до моря я добрался без приключений.

Сбавил ход я только на набережной. Ночь была безлунной, и неяркий свет фонарей

освещал лениво вздыхающую черную безбрежность моря. Время было позднее, и народу на набережной почти не осталось, только кое-где на лавках целовались и обнимались влюбленные парочки.

Место нашей встречи – лавочка в укромном углу небольшого скверика чуть поодаль от моря – к счастью, не было занято. Учитель еще не пришел, и я, присев на скамейку, залюбовался размытым в темноте силуэтом роскошной цветущей магнолии, росшей неподалеку. Казалось, что ее крупные ослепительно белые цветы фосфоресцируют в свете фонарей.

Ли не заставил себя долго ждать. Как всегда, он появился неожиданно, бесшумно вынырнув из темноты, как привидение из стены древнего замка.

– Я рад тебя видеть, – сказал Учитель, садясь на противоположный конец скамейки и непривычным, показавшимся мне нарочитым и демонстративным жестом положив руки на колени. Он сидел с ровной спиной, как пианист, готовящийся прикоснуться к клавишам рояля на ответственном выступлении, и, не шевелясь, смотрел в черную непроглядность моря, напоминавшего о себе только тихими мерными вздохами волн.

– Я тоже рад тебя видеть, – откликнулся я.

– Сегодня мы будем говорить о чувствах, – сказал он каким-то особенным голосом.

Я внутренне напрягся. Мне не нравился пафос происходящего.

– Ты уезжаешь? – спросил я.

– Да, но на этот раз всерьез и надолго, – ответил Учитель.

– Мне будет тебя не хватать, – ровным голосом сказал я, сам удивляясь своему спокойствию.

Ли повернул голову и внимательно посмотрел мне в глаза.

– С мужской ипостасью дао ты прощаешься легче, чем с женской, – улыбнулся он.

Я наслаждался до боли знакомыми язвительными нотками в его голосе.

– Наверное, я уже изучил искусство прощаться, – с легкой грустью сказал я.

– Похоже, что да, – откликнулся Учитель.

Мое восприятие было настолько обострено, что, казалось, каждая секунда нашего общения записывается на пленке невидимого магнитофона, чтобы навеки остаться во мне, в бесценной копилке памяти.

– Я просто пытаюсь быть даосом, Учитель.

– Рано или поздно это должно было произойти, – как бы продолжая начатую мысль, сказал Ли и снова отвернулся к морю.

– Пошли купаться! – неожиданно предложил он.

Перемахнув через парапет, мы спрыгнули на каменистый пляж, и, раздеваясь на ходу, устремились к воде.

Вода оказалась теплее остывшего к ночи воздуха. Ее прикосновение к коже напоминало ласкающие руки любимой женщины. Мы плыли в открытое море. Иногда, как будто ниоткуда, на поверхности появлялись огромные покачивающиеся в такт волнам белесые купола медуз. Мы лениво обплывали их, направляясь дальше, к смутно

чернеющей вдаль, на стыке неба и воды, линии горизонта.

– Ты еще когда-нибудь появишься? – поинтересовался я, не в силах скрыть оттенки отчаянной надежды, предательски звучащие в моем голосе.

– Возможно, да, а возможно, нет, – спокойно ответил Ли, и я про себя отметил, что в другое время он не стал бы тратить слова, отвечая на подобный вопрос.

– Учитель, почему я не ощущаю потерю? – неожиданно для самого себя спросил я.

– Потому что в глубине души ты знаешь, что мы с тобой всегда будем вместе, – ответил он.

– Ты не знаешь, как дела у Лин? – задал я вопрос, просто чтобы что-то сказать, потому что знал, что все равно не получу на него ответа.

– У Воина Жизни дела не могут идти плохо, – уклонился от ответа Ли.

– Знаешь, мне казалось, что научиться прощаться – одна из самых трудных задач на земле, – сказал я. – Я научился понимать, что жизнь не стоит на месте, и что ситуация меняется каждый момент, что что-то прекрасное входит в нашу жизнь и уходит из нее. Я осознаю неизбежность перемен, я готов к ним и принимаю их, но все-таки в глубине души я не могу примириться с ними. Я всегда знал, что когда-нибудь ты уйдешь из моей жизни, но я не хотел думать об этом, и хотя я сейчас принимаю твой уход, как неизбежность, я не хочу, чтобы ты уходил. Я не хотел, чтобы уходила Лин, я не хотел, чтобы из моей жизни уходили другие люди или чтобы из нее уходили прекрасные отношения с кем-то. Я лишь научился смиряться с потерями и не растрчивать себя в бессмысленных сожалениях о прошлом, устремляясь в новую жизнь, но я понимаю, что умение спокойно принимать потери и смиряться с ними – это еще не все, это не то, что требуется от воина жизни.

– Не обманывай себя, – сказал Учитель. – На самом деле ты уже знаешь то, что чувствуют Воины Жизни, просто ты пока не способен выразить это словами, а для твоего неистребимо европейского ума понять означает выразить словами. Твое сознание полагает, что то, что пребывает вне слов, не существует, но твоя душа знает, что это не так.

Я не уйду из твоей жизни и не прощаюсь с тобой, как не ушла из твоей жизни и Лин. Я обещал, что сегодня мы поговорим о чувствах, об эволюции чувств. Всю свою жизнь последователь Спокойных развивает и возвращает свои чувства, даже в большей мере, чем он развивает и возвращает свой интеллект. Интеллект – это схема действий, но сам по себе он ничего не значит. Чувства – это ключ к управлению энергией, к управлению собой и другими, к управлению окружающим миром и его стихиями, это ключ к гармонии, счастью и совершенству.

Управляемые и мощные чувства – главный инструмент Воина Жизни на его пути к мудрости и бессмертию. Ум – это качество правильного интеллекта, но мудрость – это свойство правильных чувств.

Ум дает возможность правильно анализировать ситуацию, а мудрость позволяет правильно на нее реагировать оттренированными и адекватными чувствами.

Двигаясь по ступеням пути Воинов Жизни, ты начинаешь понимать сущность чувств, и в частности, ты начинаешь осознавать, что такое любовь. Люди подразумевают под этим словом самые разные понятия. И, действительно, существует множество самых странных и неожиданных вещей, которые люди могут называть любовью. Я расскажу тебе об одной из классификаций – линии любви, которая называется «Вхождение в дом», от том, как совершенствуется любовь по мере роста и развития личности человека.

Самый распространенный вид любви – это любовь качеств и поведения – «любование домом». Она основана на достоинствах, которыми обладает объект любви, и на его

поведении, выгодном или удовлетворяющем какие-то скрытые потребности любящего. Так, человек с жадной страданий способен любить того, кто приносит ему эти страдания, так что поведение объекта любви вовсе не должно быть позитивным. Необходимо лишь, чтобы оно в той или иной степени удовлетворяло набор жадных потребностей любящего человека.

Известно, что на низших ступенях любви любовь легко обращается в ненависть. Как ты думаешь, почему это происходит?

– Потому что жажды среднего человека обычно слишком трудно или даже невозможно удовлетворить, и, привыкая к поведению любимого объекта, как ребенок к соске, человек раздражается, когда у него эту соску отнимают или если ее дают не так часто, как ему хочется, – ответил я.

– В целом ты прав, – сказал Ли. – Человеку свойственно много стремлений, и, помимо удовлетворения сексуальных потребностей, для него являются исключительно важными коренящиеся в самой его природе потребности во власти и безопасности. Любовь, здесь я имею в виду взаимную любовь, – универсальное чувство, одновременно удовлетворяющее эти три потребности – в сексе, власти и безопасности, а заодно способное удовлетворить еще огромное количество всевозможных потребностей и жадностей. Поэтому многие люди испытывают острую нужду в самом чувстве любви, поэтому о любви говорят все религии мира. Но, испытывая потребность в чувстве любви, человек не знает, что это такое, и не умеет любить по-настоящему, обычно оставаясь на уровне любви качеств и поведения.

Но качества и поведение объекта любви не могут быть идеальными, и тогда любящий, не осознавая того, обнаруживает, что сам объект любви мешает ему любить его, отнимая, как ты выразился, соску у ребенка. Так возникает двойственность, и любовь качеств и поведения начинает замещаться ненавистью качеств и поведения, столь же сильной, какой раньше была любовь.

Если накапливающееся недовольство и подспудная ненависть значительно меньше любви, они прорываются только иногда в виде столкновений и конфликтов, но если накопившаяся и до поры до времени сдерживаемая или неосознаваемая ненависть приближается к критической точке, когда она становится почти равной любви, достаточно малейшего толчка, чтобы перевесить чашу весов в сторону ненависти.

Более глубокий уровень любви возникает, когда люди, помимо привязанности к качествам и поведению, разделяют убеждения друг друга. Связь по убеждениям может быть настолько сильна, что она окажется способна до некоторой степени компенсировать недовольство, возникающее в связи с некоторыми отрицательными качествами и особенностями поведения. Эта форма любви называется «Переступить порог дома».

Еще более высокое качество любви – это любовь на уровне сущностей. На этом уровне любви человек любит другого не за то, что он что-то для него делает, во что-то верит или обладает какими-то качествами, а за то, что он представляет собой как единая и целостная личность. На этом уровне становится уже невозможной ненависть или резкие столкновения и конфликты. Возможно, какие-то привычки одного могут быть неприятными другому, но неприязнь распространяется лишь на какую-то деталь поведения, но ни в коем случае не на личность. Такая любовь называется «Жизнь в доме».

В отношениях с Лин ты прошел все эти фазы любви. В первую очередь тебя поразили ее качества – красота, ум, сексуальность. Затем тебя очаровало ее поведение – то, что она делала с тобой, доставляло тебе исключительно сильные и острые ощущения.

Затем ты полюбил ее за ее убеждения, убеждения Воинов Жизни, ощущая себя не только учеником и любовником, но и братом по клану.

Лишь с течением времени ты сумел соединить в своем ощущении Лин все ее личные

качества, поведение, убеждения, прочие черты ее личности и полюбил уже ее саму, ее неповторимую индивидуальность, ее личность, ее сущность.

Но это была еще не высшая форма любви. Ты продолжал отделять ее личность от себя, и именно поэтому, когда вы расстались, столь велика была горечь потери.

– Я не отделял ее от себя, – сказал я. – Она всегда была отдельной. Мы сливались в единое целое на какие-то мгновения, но мы не могли стать одним существом, пребывающим в одном и том же теле.

– Вы не могли стать едины в одном теле, – сказал Учитель. – Но на высшей ступени любви вы становитесь едиными в своих чувствах. Это – любовь огненного тела, любовь, которая выше любви сущностей, любовь, которая никогда не прекращается. Она называется «Слияние с домом».

Лин оставила тебя слишком рано, и с ней ты лишь вступил в область любви огненного тела. Со мной ты зашел гораздо дальше. Прислушайся к самому себе, к своей душе. На лавке ты мне сказал, что почему-то не ощущаешь потерю. Может быть, теперь ты поймешь, почему это так.

Равномерный плеск воды, рассекаемой нашими руками, вводил в полугипнотическое состояние транса и обострения восприятия. Я знал, что Учитель уходит из моей жизни, может быть, навсегда, но, пробужденная его словами, в моей душе проснулась, вернее, даже не проснулась, а перешла на сознательный уровень та невыразимая, необъятная и безмерная любовь, которая росла и крепла с самого первого дня нашей встречи. Я знал, что эта любовь останется со мной навсегда вместе с Учителем, помимо моей воли живущим и существующим в моей душе. Он был со мной, и никакое расстояние не могло отнять его у меня. Мне было грустно оттого, что я могу больше никогда не услышать его голос, не рассмеяться от его ехидных шуток, но это было не главное. Как бы ни сложились в дальнейшем наши жизни, Ли навсегда останется со мной.

Радость, смешанная с болью, была так сильна, что я не мог говорить. Соленая морская вода смывала слезы с моих щек, и я радовался, что Учитель не видит их. Я не хотел плакать при разлуке.

– Ты научился прощаться, – негромко сказал Учитель. – Ты учился этому искусству в общении со многими женщинами, которых ты любил, некоторых – на уровне качеств и поведения, некоторых – на уровне убеждений и некоторых – на уровне их сущности. Но в искусстве прощаться есть еще одна очень важная тонкость – правильный выбор момента и настроения для прощания. Воин Жизни прощается на гребне своих чувств, на высшей точке своей любви и благодарности. Тогда боль разлуки уравнивается благодарностью судьбе, подарившей тебе эту любовь.

Я вздрогнул, наткнувшись рукой на незамеченное мной скользкое тело медузы.

– Пора поворачивать к берегу, – сказал Ли.

Где-то далеко-далеко, за огромной массой черной воды россыпью драгоценных камней сверкнули огни набережной. Мы плыли обратно в молчании, казавшемся бесконечно долгим. Я подумал, как мудро было со стороны Учителя устроить этот разговор в воде, среди безбрежного моря, ограниченного только линией горизонта. Вода ласкала меня, снимая напряжение чувств и смывая боль утраты. На берег я вышел спокойным и почти счастливым.

– Будем надеяться, что местные полуночники не позарились на нашу одежду, – поддразнил меня Ли. – Иначе тебе придется топтать в Симферополь голышом.

– А как же ты? – поинтересовался я.

– Оставляя одежду на пляже, я всегда знаю, где именно среди ночи я смогу достать другую, – гордо заявил Учитель. – Подумай об этом, мой большой брат.

Глава 25

Главный человеческий недостаток

Зина, одна из учениц, записавшихся на семинар по Шоу-Дао, в первый же день нашего знакомства пожаловалась, что в ее характере есть множество черт, которые мешают ей жить и с которыми она не в силах справиться.

– Что беспокоит тебя больше всего? – спросил я.

– Страх, – сказала девушка. – Я постоянно испытываю страх.

– Ты боишься чего-то конкретного?

– Иногда да, иногда нет, – ответила Зина. – В действительности мне не угрожает никакая реальная опасность, но какой-то трудно определимый иррациональный страх в той или иной форме постоянно присутствует во мне, проявляясь иногда в виде нервозности или беспокойства по поводам, которые того не стоят, а иногда в иных формах. Бывает, что тревожность мешает мне заснуть или не дает сосредоточиться на выполняемой задаче.

Мне были знакомы эти разновидности иррационального страха. В той или иной форме они присущи каждому человеку, и Учитель безжалостно указывал мне на малейшие проявления подобных чувств в моем характере.

Однажды во время очередной полуночной прогулки по городу я затронул тему качеств характера, мешающих личностному росту человека.

– Не имеет смысла говорить о каком-то абстрактном «человеке», – резко оборвал меня Ли. – Это обобщение слишком удобно для тебя, поскольку позволяет критиковать других, самому оставаясь в стороне.

– Я вовсе не критикую других, – попытался оправдаться я. – Я прекрасно знаю, что обладаю массой недостатков.

– Дело не в том, что ты признаешь, что имеешь недостатки, – еще более жестким тоном сказал Учитель. – Только круглый дурак считает себя совершенным. Все обстоит гораздо хуже. Ты болен, и твоя болезнь почти безнадежна.

Ли замолчал, выдерживая драматическую паузу.

Его чересчур серьезный тон слегка напугал меня. Не понимая, что именно он имеет в виду, я, как утопающий за соломинку, уцепился за спасительное слово «почти».

Этот разговор произошел в первые месяцы моего ученичества, и я, еще не слишком хорошо знакомый с характером и психологическими приемами Учителя, иногда реагировал на его действия слишком бурно.

– Ты хочешь сказать, что у меня какое-то серьезное заболевание? – на всякий случай поспешил уточнить я.

– Ты болен физически, но, что гораздо хуже, ты, как и все европейцы, болен духовно.

Слова «все европейцы» окончательно меня успокоили.

– Пару минут назад ты отругал меня за склонность к обобщениям, – улыбнулся я. – Говоря «все европейцы», ты подразумеваешь меня?

– Говоря «все европейцы», я подразумеваю всех европейцев, за, возможно, крайне редкими исключениями, хотя мне еще не доводилось встретить ни одного европейца, здорового во всех отношениях, – сказал Учитель.

– Я чувствую, что в данном случае ты вкладываешь в понятие «болезнь» какой-то особый смысл, – заметил я. – Что ты имеешь в виду?

– Для Воина Жизни болезнью является любое свидетельство отсутствия гармонии как в циркуляции энергии и естественном функционировании организма, так и в проявлениях человеческого духа. Поэтому Спокойные считают болезнью все, начиная от невоспитанности и вспыльчивого характера и кончая плохим настроением и неумением радоваться жизни, – заявил Ли.

Я задумался. С одной стороны, подобная концепция казалась весьма заманчивой и вызывала отклик в моей душе, но, с другой стороны, само слово «болезнь», возможно из-за того, что моя мать была инвалидом первой группы и почти двадцать лет болела раком, вызывала у меня слишком неприятные ассоциации. Несмотря на несгибаемый характер и крайне выраженную волю к жизни, мать постоянно испытывала почти невыносимые страдания. После нескольких операций она с трудом передвигалась по дому, не могла даже сидеть на стуле, время от времени теряла сознание и, выполняя простую домашнюю работу, периодически испускала глубокие исполненные муки стоны. Я привык к этим стонам и не обращал на них внимания, но, конечно, подобная обстановка не могла не сказаться особым образом на моей психике. Я вдруг понял, что упоминание слова «болезнь» пробуждает во мне подсознательный страх, на который я раньше никогда не обращал внимания.

Как откровение, я неожиданно осознал причину моего столь глубокого интереса к народной медицине, к знахарству и нетрадиционным методам лечения. В основе этого интереса лежал с детства глубоко запрященный страх и желание выжить любой ценой, победить болезнь, если она вдруг застигнет меня врасплох, так, как она застигла врасплох мою мать.

Затем ко мне пришло еще одно воспоминание. Я учился в девятой английской спецшколе. Эта школа считалась привилегированной и выгодно отличалась от других школ качеством преподавания. Однако, с моей точки зрения, качество преподавания не слишком влияло на детей, в большинстве своем типичных лоботрясов, предпочитающих заполнять свой досуг чем угодно, от спекуляции марками до драк на танцплощадках, лишь бы не грызть гранит науки.

Тем не менее уровень школы отразился на поступаемости в высшие учебные заведения, и почти все ученики моего класса, за исключением одного-двух, поступили в университеты и институты.

Сейчас я вспомнил, какой ужас охватил меня, когда я неожиданно узнал, что около восьмидесяти процентов моих соклассников поступили в симферопольский медицинский институт. Отчасти это было связано с тем, что родственники многих из них имели какое-то отношение к медицине, и детишки следовали проторенными путями по стопам предков, заодно используя так широко распространенные в провинции личные связи.

Раньше я особо не задумывался о личности врачей, которые меня лечат. Врач был для меня авторитетом, и я наивно полагал, что, если ему удалось закончить медицинский вуз, он должен быть специалистом в своем деле. Однако теперь все изменилось. Теперь врачами должны были стать мои лоботрясы-одноклассники, и я прекрасно понимал, что их реальный уровень знаний отнюдь не соответствовал завышенным оценкам, которые им ставила школа. Я мог спокойно допустить, что из них получатся посредственные инженеры или экономисты, но ошибки инженеров или экономистов не угрожали моему здоровью или здоровью моих близких. Однако посредственный врач даже при

самых наилучших намерениях мог совершить ошибку, которую впоследствии было бы слишком трудно, если не невозможно, исправить.

Итак, теперь я знал, кто собирается меня лечить, и при мысли о том, какого рода будет это лечение, меня охватил ужас. Я дал себе торжественную клятву, что шесть лет спустя, когда мои одноклассники закончат мединститут, я не буду обращаться к врачам.

Конечно, я сам понимал, что давать подобное обещание просто смешно, поскольку вряд ли врач, к которому я когда-либо попаду, окажется моим одноклассником, и, кроме того, было очевидно, что большая часть студентов медвузов были такими же лоботрясами, как и мои школьные приятели, так что определять срок в шесть лет было просто абсурдно, но я в то время был почти школьником, я еще не встретил Учителя, и дал себе эту забавную клятву, скорее следуя на поводу эмоций, чем повинуюсь доводам рассудка.

– Вернись к реальности, мой маленький брат, – услышал я насмешливый голос Ли.

Я встряхнулся, удивляясь самому себе. Воспоминания так захватили меня, что я забыл, что делаю и где нахожусь. Было уже за полночь. Маленькие тихие улочки, по которым мы шли, были пусты. Откуда-то издали доносился залиvistый и нервный собачий лай. Я вернулся к реальности в полном смысле этого слова. Я ощутил на своей коже ласкающую влажность южной ночи. Прозрачный свет луны, запутавшийся в кронах деревьев, создавал удивительную и причудливую картину игры света и тени. Облупившиеся стены домов в темноте казались древними стенами средневековых крепостей.

Я шагнул в сумраке ночи рядом с самым загадочным в мире человеком, мудрым носителем удивительного древнего и в то же время столь современного знания. Я вспомнил слова Учителя о том, что болезнь – это отсутствие гармонии, и что Спокойные считают болезнью все, начиная от невоспитанности и вспыльчивого характера и кончая плохим настроением и неумением радоваться жизни.

Сейчас эти слова стали частью меня. Я подумал, с каким искусством Ли выбирает место и время для своих наставлений. Теплая крымская ночь была полна покоя и гармонии. Даже собачий лай вписывался в этот покой, добавляя в него особую ноту очарования жизни. В такую ночь мне не хотелось быть вспыльчивым, боязливым или нетерпеливым. Я хотел быть таким же естественным и спокойным, как эта улица, как этот влажный неподвижный воздух, как эти деревья, неподвижно застывшие в лунном свете, как Учитель, шагающий рядом со мной.

Что-то неуловимо изменилось во мне. Я вдруг понял, что слово «болезнь» поменяло для меня свой глубинный внутренний смысл. Действительно, болезнь могла быть ужасной, как, например, рак, но почему-то это больше меня не беспокоило. Я подумал, что рак – это тоже отсутствие гармонии, но теперь я был почти уверен, что однажды я постигну искусство восстановления внутреннего равновесия, и тогда рак станет для меня вещью не более страшной, чем вспыльчивость или лень.

Я с благодарностью посмотрел на Учителя. По выражению его лица было очевидно, что он прекрасно осведомлен обо всех моих внутренних переживаниях и трансформациях.

– Твоим преимуществом является то, что, хотя ты легко теряешь устойчивость, ты с такой же легкостью восстанавливаешь ее, – улыбнулся он, и в его взгляде я прочитал одобрение. – Когда-нибудь ты постигнешь искусство балансировать на спине ветра, и когда-нибудь ты поймешь, что болезнь – это дар, которым судьба награждает Следующего по Пути Истины, поскольку лишь отсутствие гармонии напоминает тебе о том, что гармония существует. Воины Жизни используют болезнь как упражнение, и жизнь предоставляет им множество возможностей упражняться и совершенствовать свое искусство существования и выживания в этом прекрасном мире. Если ты будешь относиться к болезни как к несчастью, которое ослабляет тебя и лишает тебя радостей жизни, ты так или иначе проиграешь, но если ты научишься

воспринимать болезнь как упражнение, дающее тебе новый опыт, знания и силы в твоём путешествии по жизни, ты станешь и сильнее, и мудрее.

– С чего я должен начать, чтобы искоренить свои болезни? – спросил я.

– О болезнях физических мы ещё поговорим, – ответил Ли. – Сейчас твоя задача – позаботиться о болезнях духа.

– Я сделаю все, что ты скажешь, – с готовностью откликнулся я.

– Не думай, что все так просто, – сказал Учитель. – Самая большая сложность в излечении болезней духа, болезней характера – это то, что ты их не замечаешь, или то, что ты замечаешь лишь некоторые детали, упуская из вида самое главное.

– Думаю, что я достаточно критичен по отношению к себе, – сказал я. – Я не стараюсь казаться лучше, чем я есть, и открыто признаю свои недостатки.

– Какие дифирамбы самому себе! – усмехнулся Учитель. – Судя по твоему последнему высказыванию, трудно поверить, что ты чересчур критично настроен по отношению к самому себе. Но это нормально для европейца. Европейцы никогда не видят свое истинное лицо. Они считают себя либо богами, либо улитками.

– Я не считаю себя ни богом, ни улиткой, – возразил я.

– Ты понимаешь, о чем я говорю, – отрезал Ли. – Европейец смотрится в зеркало своего «я» и видит себя или прекрасным принцем, или гадким утенком, который никогда не превратится в белоснежного лебедя.

В душе я знал, что он прав, и мне вдруг захотелось понять, кем я представляю себя – принцем или гадким утенком. Я вынужден был признать, что, действительно, иногда завышаю свои положительные качества, но бывают моменты, когда я теряю уверенность в себе и вижу себя скорее в черном, чем в розовом свете.

– Ты хочешь сказать, что европейец всегда видит себя или принцем, или гадким утенком? – спросил я. – В моем случае нельзя сказать, чтобы я склонялся к одной из этих крайностей.

– Так происходит всегда, – подтвердил Учитель, – но тут есть еще одна маленькая деталь. Ты думаешь, что европейец – это единая и неделимая личность, которая знает, что она собой представляет и чего она хочет. В действительности это не так. Личность европейца вмещает в себя множество сущностей. О существовании некоторых из них она догадывается, но о присутствии других она даже не отдает себе отчета.

– Ты хочешь сказать, что во мне живет несколько сущностей, о которых я ничего не знаю? – удивился я.

– Их больше, чем ты можешь себе представить, – усмехнулся Ли.

– А в тебе тоже присутствуют разные сущности? – зажигаясь энтузиазмом от новой неизвестной мне темы, поинтересовался я.

– Во мне тоже есть разные сущности, и ты неоднократно был свидетелем их проявления, но разница в том, что мои внутренние сущности осознаны, познаны, приручены и объединены в одно целое. Теперь они едины в своей гармонии, но в случае необходимости я могу выделить одну или несколько из них для того, чтобы они выполняли свои задачи.

– А когда я видел твои сущности? – спросил я.

– С одной из них ты познакомился, когда я впервые демонстрировал тебе технику прыжков, – хитро улыбнулся Учитель. – Помнится, она произвела на тебя неизгладимое впечатление.

«Неизгладимое» – это было еще слабо сказано. Я вспомнил, как крик и действия Ли буквально вывернули меня наизнанку, сжигая и вырывая внутренности и мозг, и что был момент, когда я всерьез принял его за инопланетное существо. Но мне никогда не приходило в голову, что то, что я видел, не было Учителем, вернее, было одной из неведомых мне сущностей, живущих в его теле.

– Расскажи мне подробнее о сущностях, – с загоревшимся взглядом попросил я.

Ли усмехнулся.

– В свое время мы обсудим и это, – сказал он. – Сейчас мы должны заняться другими делами. Мы слишком отклонились от темы. Пора вернуться к болезням души и поговорить конкретно о тебе.

– Как скажешь, – с легким разочарованием согласился я.

– По-моему, кто-то здесь заявил, что открыто признает свои недостатки, – усмехнулся Учитель. – Перечисли мне их.

Это предложение не вызвало во мне энтузиазма. Конечно, я мог много чего порассказать о себе, но произошла странная вещь – когда я думал о своих недостатках, какая-то часть меня признавала, что они у меня есть, но другая часть упорно настаивала на том, что это совсем не так и что я лишь хочу назвать какие-то качества, чтобы выполнить распоряжение Ли, но что в сущности эти заявления будут ложью.

Еще одна часть сознания пассивно регистрировала этот странный внутренний диалог, не принимая ничью сторону.

– А ведь Учитель был прав насчет сущностей, живущих в нас, – с удивлением понял я, прислушиваясь к спорящим внутри меня голосам. Что же я тогда представляю из себя, и как я могу разобраться, что правильно, а что нет?

Время шло, и мне надо было отвечать.

– Наверное, я ленив, – не слишком искренне начал я, – иногда я бываю излишне самоуверен, а иногда – не слишком уверен в себе...

– Хватит, – резко оборвал меня Ли. – Ты сам не веришь в то, что говоришь!

– Я стараюсь быть правдивым, – сказал я, – но только сейчас я понял, что у меня нет критерия истины. Иногда я действительно бываю ленив, но иногда я работаю и тренируюсь как проклятый. Что-то во мне считает меня ленивым, но другая часть меня утверждает, что это не так. То же самое с остальными качествами. Иногда они проявляются в одной форме, иногда в другой.

Учитель успокаивающим жестом похлопал меня по плечу.

– Рано или поздно мы все проходим через это, – сказал он. – Теперь ты сам видишь, насколько трудно трезво оценить себя самого. Как я и говорил, ты замечаешь лишь некоторые детали, упуская из вида самое главное.

– Я могу каким-либо образом выправить положение вещей и начать оценивать себя и свои действия объективно? – спросил я.

– Для этого тебе придется развить одну из своих сущностей – внутреннего стража, – сказал Ли. – А пока я сам расскажу тебе о твоих недостатках.

Лицо Учителя стало жестким и суровым. Он заговорил сухим и отстраненным тоном, и его слова отпечатывались в моей душе, как молот на раскаленном железе.

– Ты не имеешь стабильности, – говорил он. – Во всех своих действиях ты или излишне пассивен, или слишком перегибаешь палку. Ты излишне стеснителен, в тебе присутствует скрытая агрессивность, ты мгновенно переходишь к исполнению задуманного, не потрудившись трезво оценить ситуацию, тебе свойственны мгновенные выбросы неконтролируемой ярости, когда обстоятельства или какой-то человек подводят тебя к определенному пределу. Ты излишне доверчив и излишне наивен, ты бываешь ленив, но иногда затрачиваешь слишком много усилий на вещи, которые того не стоят...

Учитель продолжал перечисление, и я понимал, что он прав. Сущности, таящиеся в моей душе, склонили головы перед его авторитетом.

Заметив мою унылую мину, Ли неожиданно разразился хохотом.

– Выше голову, мой несовершенный дружок! – воскликнул он. – Не забывай, что твои болезни – это твои преимущества, ведь, избавляясь от них, ты постепенно придешь к гармонии и совершенству.

– Долго же мне придется идти, – пессимистично заметил я.

– Главное – не забывай одну простую истину: священна дорога, а не храм, – сказал Учитель.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Это один из афоризмов, принадлежащий Мудрой Свиные. Я уже как-то рассказывал тебе об этой Великой и Знаменитой Хрюшке. В образе Мудрой Свиные сливаются воедино инь и ян, противоположные начала, и обычно в притчах Мудрая Свиные отвергает решения, основанные на «да» и «нет», предпочитая им срединный путь.

– Расскажи мне эту притчу! – попросил я.

– Она называется «Что помогло: дорога или храм?» – сказал Учитель.

Однажды Мудрая Свиные возвращалась домой после паломничества в один из храмов Индии и повстречала юношу, идущего в том же направлении. Они познакомились и завели беседу о путешествии, ведь всем известно, что даже короткий разговор сокращает путь.

Юноша стал рассказывать Свиные о чудодейственной силе стен храма, поклониться которому он ходил. Достаточно было кому-нибудь потереть ладонями камни стен, как все его желания тотчас исполнялись.

– Исполнились ли твои желания? – спросила Мудрая Свиные. – И чего ты хотел?

– Я просил здоровья, богатства и храбрости, так как именно этого мне всегда недоставало, – ответил юноша.

– Ну и как же ты их получил? – поинтересовалась Свиные.

– Дорога к храму была долгой и тяжелой, но ее тяготы закалили и укрепили мое тело, – ответил юноша и продолжил свой рассказ: – Однажды, уже в Индии, мне посчастливилось найти большой кувшин с золотом, и я стал богатым. Когда же до храма оставалось всего три дня пути, на меня напали разбойники, но я превозмог свой страх и обратил их в бегство. Так я получил все, что пожелал.

– Как неразумно поступают люди, – заметила Мудрая Свиные. – Им надо было сделать

священной дороге, а не храм.

– Что может быть священного в дороге? – удивился юноша.

– А что исполнило твои желания – храм или все-таки дорога? – спросила Свинья.

– Ты хочешь сказать, что именно процесс избавления от болезней творит чудеса, а не то универсальное состояние, к которому ты стремишься, следуя по пути? – спросил я.

– Ты почти угадал, – подмигнул мне Ли. – Таково одно из толкований этой притчи. Основная ошибка людей, обращающихся к восточным учениям, – это то, что они ищут храм, который сделает их мудрыми и совершенными, но в своих поисках храма они забывают о дороге. Некоторые называют этот храм нирваной или самадхи, некоторые называют его просветлением или переходом на высший уровень сознания.

Люди думают, что они готовы пуститься в путь к этому волшебному храму, но и тут они ошибаются. Дорога к храму всегда перед ними, но они не видят ее или не хотят ее видеть. Поэтому они ищут Учителей, которые откроют им сокровенные тайны о том, как достигнуть храма без дороги, или они ищут Школу, которая дарует им мудрость. Они забывают, что для того, чтобы стать здоровым, нужно всего лишь перестать быть больным. Им неизвестно, что в действительности лечит не храм, а дорога, и самая простая дорога к гармонии и совершенству – это дорога Спокойствия, дорога плавного и постепенного избавления от болезней – как болезней тела, так и болезней духа.

– Но почему так происходит? – спросил я. – Ведь то, что ты сейчас объяснил мне, достаточно очевидно.

– Все дело в сущностях, таящихся в личности человека, – объяснил Учитель. – Каждая сущность хочет чего-то своего. В какие-то моменты человек думает, что желания этой сущности – это его собственные желания, но поскольку он не знает, что за сущность владеет им в данный момент, он ошибается в своих желаниях, он считает, что хочет одного, хотя на самом деле за этим желанием скрывается нечто совсем другое.

– Ты не мог бы объяснить поточнее? – попросил я.

– Возможно, ты встречался с людьми, которые всю жизнь мечтают о чем-то, но никогда этого не совершают, хотя в действительности это не так уж и сложно. Например, кто-то мечтает путешествовать, но все его мечты ограничиваются лишь редкими загородными прогулками, или мечтает изучить иностранный язык, но едва может произнести на нем «здравствуй».

– Знаешь, я вспомнил забавный пример на эту тему, – улыбнулся я. – Как-то я был в гостях у друзей в поселке под Белогорском и познакомился с человеком, который купил там дом, перебравшись в Крым откуда-то из русской глубинки. Этот человек рассказал мне, что он живет здесь уже семь лет и что его мечтой всегда было увидеть море, но дел всегда невпроворот – надо и работать, и достраивать и ремонтировать дом, и он так ни разу и не выбрался на море, но когда-нибудь в будущем, когда он закончит ремонт в доме и разберется с делами, он обязательно это сделает и тогда его мечта осуществится.

Слушая его, я вежливо поддакивал, несказанно удивляясь про себя подобному феномену. Если бы мы находились в Сибири или на Урале, я бы мог понять, что он не имеет денег и времени для столь долгого путешествия. Но до моря было всего полчаса на автобусе, и мечту его жизни было не так уж трудно осуществить. Люди не переставали удивлять меня.

– Объясни, почему он так странно себя ведет? – закончив рассказ, спросил я у

Учителя.

– Для некоторых людей важнее иметь мечту, которую они когда-нибудь смогут осуществить, чем в действительности осуществить ее, – сказал Ли. – Возможно, его мечта увидеть море – это все, что у него есть. Одна из сущностей, живущих в нем, жаждет увидеть море, и эта жажда подпитывает у него желание жить и бороться за существование. Видишь, он даже переехал жить в Крым, поближе к морю. Эта сущность толкает его действовать в определенном направлении. Но есть и другая сущность, которая прекрасно знает, что стоит ему увидеть море, как из его жизни исчезнет последняя иллюзия и она станет пустой и бессмысленной. Возможно, что эта вторая сущность – его страж, который защищает его дух от потери иллюзий, хотя может быть и по-другому. Нам слишком мало известно о жизни этого человека.

Неожиданно на меня нахлынула глубокая печаль.

– Но ведь это же ужасно! – воскликнул я. – В его жизни действительно нет ничего, кроме постоянной работы. Я не представляю, как можно так жить.

– В его жизни есть надежда, – мягко произнес Учитель. – И в его жизни есть стремление. Надежда и стремление – это могучие движущие силы, которые позволяют нам преодолевать тяготы человеческого существования. В действительности ты не слишком отличаешься от него. В твоей жизни тоже есть надежда и стремление, и ты тоже работаешь и тренируешься. Кому-то твои надежды и стремления могут показаться глупыми и бессмысленными, и они точно так же скажут, что ты зря тратишь свое время и силы.

– Но я по крайней мере прикладываю усилия для осуществления своей мечты! – возразил я, слегка обиженный подобным сравнением.

– Все дело в том, что твои сущности смотрят в одном направлении. О таких, как ты, говорят, что в них «Я» и «не Я» шагают в ногу. На эту тему у Спокойных даже есть изречение: «Втрое сильнее тот, в ком „Я“ и „не Я“ шагают в ногу».

– Что значит «Я» и «не Я»? – вновь зажигаясь любопытством, спросил я.

– Не сейчас, – как от назойливой мухи, отмахнулся от меня Ли. – Ты всеми способами уходишь от темы твоих недостатков.

– Наверное, в этом виноват мой внутренний страж, – улыбнулся я.

К теме недостатков характера мы возвращались неоднократно. Ли заставил меня составить список моих слабостей и внимательно следить за проявлениями сущностей, расширяя и дополняя его новыми пунктами, отражающими мнения разных сущностей, классифицируя собственные недостатки и отыскивая способы избавиться от них.

Теперь настал мой черед рекомендовать то же самое своим ученикам. Я посоветовал девушке, желающей искоренить мешающие ей в жизни качества характера, составить список ее недостатков. Зина оказалась достаточно наблюдательной, и на следующее занятие она предоставила мне внушительный список.

Первое место в этом списке занимал страх. Далее следовало чувство собственной значимости. Третье место досталось неспособности намеренно и полноценно контролировать свои мысли, чувства, эмоции и действия.

Четвертым пунктом было отсутствие должного контроля собственного голоса, языка, речи, звука, интонации, неумение точно и доходчиво передать свои чувства, мысли и ощущения – иными словами, косноязычие.

На пятом месте красовалась склонность к самобичеванию, самообесцениванию и самоунижению, неадекватные проявления жалости по отношению к себе или по поводу

каких-то событий.

Естественным следствием пятого пункта был шестой – приступы безверия в себя, неуверенность и сомнения.

Седьмое место занимали лень и безволие, неспособность воплощать в жизнь собственные решения типа: умеренно питаться, рано вставать, выполнять какие-то необходимые действия, а также склонность к откладыванию дел, оттягиванию сроков их выполнения, неспособность вовремя являться на свидания и т. д.

В восьмом пункте Зина отметила неспособность контролировать мимику лица, жестикуляцию и произвольные телодвижения.

На девятом месте стояла зависимость внутреннего состояния от внешнего окружения и наоборот, зависимость выбора внешнего окружения от внутреннего состояния.

Десятый пункт занимала зависимость от мнения окружающих, зависимость от привычек, от привязанности к другим людям, отсутствие естественности и простоты.

Но больше всего мне понравился последний пункт – незнание себя. Однажды Учитель сказал, что восхождение к вершинам учения Шоу-Дао начинается именно с осознания глубины незнания самого себя, поскольку в этот момент даос ступает на путь самосовершенствования, постепенно и методично овладевая всеми внешними и внутренними составляющими личности, всеми гранями души и тела.

Однако был один пункт, который Учитель назвал бы самым основным недостатком, главным смертным грехом по отношению к самому себе, и этот пункт отсутствовал в Зинином списке.

Тема основного недостатка всплыла в наших разговорах, казалось бы, совершенно случайно, но, как всегда, к месту, как раз в период, когда Ли безжалостно, хотя и с присущим ему юмором, критиковал слабости моего характера.

Я рассказал ему об одном моем знакомом научном сотруднике, который интересовался йогой и эзотерическими учениями в надежде найти в них ключ к избавлению от тягот повседневного существования. У него были проблемы с желудком и печенью, начинался артрит, отношения на работе складывались не самым лучшим образом. Пару лет назад Михаил развелся с женой и теперь жил один в небольшой комнате коммунальной квартиры. Он жаловался мне на плохое здоровье, на неспособность сосредоточиться, несмотря на то что он пытается выполнять какие-то упражнения хатха-йоги, но по самиздатским книгам трудно научиться чему-то, а хорошего преподавателя найти невозможно, поскольку все вокруг – самоучки, изучавшие йогу по тем же самым книгам.

Я посоветовал Михаилу в первую очередь бросить курить, поскольку он, несмотря на свой интерес к йоге, дымил, как паровоз, затем изменить в лучшую сторону привычки питания, пить настои лекарственных трав, выполнять упражнения для улучшения работы суставов и т. д. Он внимательно слушал, скорбно покачивая головой, но на каждый мой совет он неизменно находил контрдовод. Курение было единственным способом снять напряжение, накапливающееся на работе. Конечно, он хотел бы более полноценно питаться, но самостоятельно он неспособен приготовить даже яичницу, не говоря уже о полноценном обеде. Он пытался пить настои трав, но их приготовление занимает много времени, да и принимать их надо по расписанию, а он, заматанный делами, постоянно пропускает время приема.

Пообщавшись с ним в этом духе несколько раз, я убедился, что все мои благие намерения помочь ему растрачиваются втуне, и перестал давать Михаилу советы.

– Знаешь, что странно, – в заключение сказал я Учителю. – Этому человеку действительно нужно всерьез заняться своей жизнью и своим здоровьем, и кажется,

что он достаточно умен, чтобы понимать это, но что меня удивляет, так это то, что, если бы он тратил на заботы о себе столько же времени, сколько он проводит в беседах на эту тему, он был бы образцом здорового образа жизни.

Ли укоризненно покачал головой.

– Иногда меня просто удивляет твоя наивность, – сказал он. – Этот твой приятель вовсе не нуждается в избавлении от страданий. То, что ему действительно нужно, – это аудитория, которая будет выслушивать его жалобы, сочувствовать ему и морально его поддерживать.

– Но ведь это бессмысленно, – возразил я. – Он в самом деле болен, и если он сейчас не займется собой, остаток своей жизни он будет страдать и физически, и морально.

– Ну и что? – состроил недоуменную гримасу Учитель. – Каждый европеец, глядя на других, гордится своим умом и здравым смыслом. Но все горе в том, что, когда речь заходит о реальном применении этого здравого смысла для собственного благополучия и процветания, тут-то и происходит сбой. Возможно, здравый смысл и существует, но, увы, он не работает.

– К сожалению, я и сам достаточно часто подмечал это, – сказал я. – Но почему так происходит?

– Мы с тобой уже не раз беседовали о недостатках характера, – ответил Ли. – Ты можешь похвастаться множеством недостатков, но одна из причин, по которой я сделал тебя своим учеником, это то, что в тебе очень слабо выражен главный и наихудший недостаток человечества, причина большинства людских несчастий.

Учитель замолчал, хитро взглянув на меня.

– Что это за недостаток? – я не удержался от искушения сразу же задать вопрос.

– Может быть, ты сам мне об этом скажешь?

Я задумался. Список моих личных недостатков был столь впечатляющ, что я затруднялся придумать что-либо новенькое. Однако надо было что-то изобрести. Я напряг извилины, и тут меня осенило.

– Наверное, это глупость? – с надеждой спросил я.

Мимика Учителя явственно продемонстрировала мне, что я промахнулся.

– Даже не знаю, – сдался я, назвав несколько менее впечатляющих версий, которые Ли так же молчаливо отверг.

– Ты упустил одну из самых распространенных слабостей, которую тебе каждодневно демонстрируют твои сограждане, – сжалился наконец надо мной Учитель. – А не заметил ты ее потому, что основной недостаток – это плоть и кровь европейцев, это сама суть их жизни. И поскольку в определенной, хотя и в меньшей степени этот недостаток присущ и тебе, ты даже не отдаешь себе отчета в его существовании и не можешь определить его словами.

– Мне стыдно, что я такой тупой, – покаянно признался я.

– Не ты один, – похлопал меня по плечу Учитель. – У этого недостатка есть свое, особое название, которому трудно подобрать полноценный эквивалент в русском языке. Можно было бы назвать это пассивной нерадивостью по отношению к самому себе, к своей судьбе и к своему духу. Спроси любого человека, хотел бы он быть

счастливым и забыть о том, что такое страдания, и, если он в своем уме, он ответит тебе: «да». Но если ты спросишь того же самого человека, что сделал он для того, чтобы действительно быть счастливым и забыть о том, что такое страдания, он, конечно, назовет тебе несколько вещей, он сможет объяснить, что учился, или работал, или делал зарядку, или добивался любви и уважения, или сколачивал капитал, или обзавелся семьей, но вряд ли он скажет тебе о том, что он сделал для того, чтобы приобрести главный и основной компонент счастья – гармонию с самим собой и гармонию с окружающим миром.

В древности на Востоке пассивная нерадивость считалась главным смертным грехом, но постепенно люди забыли об этом и пассивная нерадивость стала частью их жизни. Только не путай пассивную нерадивость с даосским пониманием недеяния. Недеяние – это проявление гармонии, пассивная нерадивость – это проявление лени, отсутствия гармонии, пренебрежения к самому себе, к своему духу и к своему телу.

Для того чтобы добиться гармонии с самим собой и с окружающим миром, нужно непрестанно работать, непрестанно совершенствоваться, не переходя, однако, в этой работе к излишней и преувеличенной активности. Для того чтобы осознавать, в каком направлении должна вестись эта работа, тебе нужно непрерывно упражнять свой ум, свое сердце и свое тело, так, чтобы они приобрели силу, чувствительность и гибкость. Лишь в этом случае ты сможешь плавно следовать за непрерывными трансформациями окружающего мира, за сложными и хитроумными изгибами судьбы, удачно вписываясь в повороты и не оказываясь на обочине жизни.

Но если для достижения гармонии следует действовать, даже пребывая в бездействии, для того, чтобы страдать, не нужно особо стараться. Страдание – удел ленивых и слабых духом, и в то же время страдание – мощный инструмент для привлечения внимания и помощи других, это ресурс, помогающий сделать других людей рабами нашего страдания.

Мир полон страдающих людей, людей, большая часть жизни которых ирреальна, пуста и бессмысленна. Они гонятся за мимолетными призраками счастья и успеха, облакая их в форму новых вещей, новых любовниц, признания толпы, денег, дачи или машины. Но это лишь призраки, на краткий миг насыщающие людские жажды, но не искореняющие, не утоляющие их.

Обрати внимание на то, чем большую часть времени занято большинство твоих знакомых. Они или смотрят телевизор, или ссорятся, или болтают и сплетничают, или предаются иллюзорным мечтам о том, чего они когда-нибудь добьются, если судьба будет к ним благосклонна, или совершают какую-нибудь очередную глупость.

Их жизнь течет, регулируясь толчками и пинками, которые время от времени дает им внешний мир, и их жизнь почти не зависит от пустых и бессмысленных мелочей, которыми они наполняют ее, полностью забывая о них через несколько дней или месяцев.

Люди не чувствуют своей личной ответственности за ход своей судьбы, за то, как они живут, что делают и как умирают. Люди не помнят, кто они такие, и не задумываются о том, как они живут и зачем они живут, вспоминая о смысле жизни лишь тогда, когда их жизнью становится страдание.

Страдание – это восхитительная стратегия, которую изобрел человек, чтобы избежать личной ответственности.

Страдания и воображаемая борьба с ними заполняют пустоту жизни, создавая временные цели.

Подумай, сколько раз, когда встречаются двое и спрашивают друг друга: «Как жизнь», они тут же переходят к долгому и подробному пересказу своих последних неприятностей и неудач. Но самое забавное в этом то, что большинство этих страданий и неудач проистекает из неспособности удовлетворить их фантазии и

желания, обычно или находящиеся за пределами их подлинных возможностей, или не удовлетворяемые в силу лени и отсутствия желания работать.

Подумай, сколько времени люди посвящают реальному самосовершенствованию, реальному личностному росту, развитию своего тела, ума и эмоций, и сколько времени, энергии и сил они затрачивают на никому не нужные пустяки, которые в действительности не стоят выеденного яйца.

Меня охватила печаль, а на смену ей пришло гнетущее чувство стыда и собственной ничтожности. Я прикинул, сколько времени я провожу у телевизора, вспомнил свою склонность к легким бездумным беседам с друзьями, свою природную лень, желание подольше поспать, любовь к вредным для здоровья пирожным и прочие свидетельства самого страшного смертного греха.

– Учитель, но почему ты говоришь, что у меня пассивная нерадивость выражена слабо? Мне кажется, что значительную часть времени я, как и все европейцы, растрчиваю на пустяки, не стоящие внимания.

– Ты внимательно слушал, но так и не понял, что я хотел сказать, – покачал головой Ли. – Все, что мы делаем, в том числе и эту беседу, можно было бы назвать пустяками и напрасной тратой времени. Шоу-Дао – не научный коммунизм. Здесь нет четкого кодекса поведения Образцового Шоу-Даоса. Здесь нет списка того, что правильно, хорошо и полезно, и того, что глупо, бессмысленно и вредно. В Шоу-Дао важно не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Любая работа, любое действие или любое безделье могут растрчивать твою энергию втуне или могут способствовать твоему внутреннему росту. Это как секс: он может быть удовольствием с потерей энергии, или он может быть удовольствием с приобретением энергии. Различие между даосом и европейцем состоит в том, что там, где европейец теряет, даос приобретает.

– Но в чем тогда, например, заключается разница между тем, как даос смотрит телевизор, и как это делает европейец?

– Ты снова задаешь вопросы, на которые ты сам можешь ответить, если немного подумаешь, – нахмурился Ли. – Не стоит демонстрировать мне пассивную нерадивость, притворяясь глупее и беспомощнее, чем ты есть на самом деле. Сейчас, спрашивая меня о том, что ты можешь понять и сам, ты, вместо того чтобы воспользоваться случаем укрепить свой ум и уверенность в своих силах, пытаешься использовать меня там, где это не является необходимым. В качестве рычага воздействия на меня ты используешь интеллектуальную беспомощность, так, как некоторые люди используют страдания для того, чтобы завладеть вниманием других людей. А теперь ответь сам на свой вопрос.

К своему удивлению, я понял, что действительно знаю ответ. Он пришел в виде осознания откуда-то из глубин моей души, всплыв на поверхность, как большой старый сом из озерной тины, и затем сам облекся в слова.

– Европейец смотрит телевизор в основном для того, чтобы убить время, или набраться новых волнующих впечатлений, которых ему недостает в повседневной жизни, или получить какую-то не слишком важную информацию типа того, что происходит в мире на этой неделе. Европейец делает это бездумно и механически, следуя привычкам или обыденному распорядку, просто потому, что он пришел с работы, наступил вечер и больше нечего делать.

Даос смотрит телевизор лишь в том случае, если он действительно испытывает в этом необходимость, а не потому, что ему скучно и нечем заняться. И если даос смотрит телевизор, он максимально задействует все грани своей души, впитывая, используя и преобразуя получаемую информацию, наслаждаясь зрелищем согласно учению «Вкуса жизни», используя эмоции, вызываемые событиями, разворачивающимися на телеэкране, как толчок к перераспределению энергии в организме, тренируя свой ум или, наоборот, расслабляясь.

– Ну вот видишь, как все просто, – сказал Учитель. – Все это ты уже знал, и лишь твоя пассивная нерадивость мешала извлечь это знание на поверхность. Я уже говорил, что главное – не что делать, а как это делать.

Нечто подобное мы с тобой обсуждали, говоря об отношении Спокойных к работе. Ты знаешь, что Воины Жизни, избегая крайностей, в каждом конкретном случае находят свой «срединный путь». Они работают и не работают одновременно, выполняя только то, что действительно необходимо сделать, но не затрачивая времени и энергии на ненужные усилия. Необходимую работу они выполняют как можно лучше, доводя это выполнение до совершенства и одновременно используя работу как упражнение по саморазвитию, извлекая из нее наслаждение интеллектуальное – от выбора наилучших решений, наслаждение эмоциональное – согласно учению «Вкуса жизни», и наслаждение физическое, укрепляя тело в процессе работы. В некотором смысле суть внутренней работы немногим отличается от сути выполнения работы, необходимой для выживания.

В душе даоса все внутренние сущности смотрят в одном направлении, поэтому они действуют слаженно и к общей пользе. Сущности, составляющие личность европейца, обычно эгоистичны и противоречивы, как и люди, каждая из них считает себя лучше, умнее и осведомленнее, и каждая из них тянет в своем направлении, как лебедь, рак и щука в басне Крылова. То, что было важно для одной из сущностей, тут же забывается, как только другая сущность берет временную власть над личностью. Третья сущность тоже будет тянуть одеяло в свою сторону, заставляя человека забыть о своих предыдущих желаниях, чаяниях и намерениях.

Только тот, кто способен отдавать себе отчет в том, чего он действительно хочет, тот, кто способен взять на себя ответственность за свою жизнь и свои действия, тот, кто способен в каждое свое действие вкладывать все свое внимание, свою душу, ум и тело, сможет в конце концов прийти к осознанию самого себя, прийти к спокойствию и к гармонии, внутренней и внешней.

Когда одна из внутренних сущностей захватывает власть, человек забывает о том, кто он есть, и чего он хочет. Желания сущности он принимает за свои собственные желания, хотя эти желания могут быть вредны и даже смертельно опасны. Бывает, что на какой-то срок человека охватывает словно временное помешательство, все его стремления направлены на одно – например, купить какую-то вещь, или поехать в какое-то место, или овладеть какой-то женщиной. Сущность дает ему небывалый всплеск энергии и стремления, который он наивно принимает за состояние силы или за высшую волю, указующую ему путь к счастью. Но все это не больше чем самообман. Поэтому, когда тебя будут охватывать странные стремления или желания, спроси себя, спроси свое сердце, действительно ли ты этого хочешь или это – бессмысленное и ненужное желание одной из твоих внутренних сущностей. Только приняв на себя полную ответственность за свои желания и решения, ты сможешь действовать, как Воин Жизни, а не метаться из стороны в сторону, как поплавок, затерявшийся в бушующем море.

– Но если моя личность состоит из нескольких сущностей, то как я смогу отделить желания сущностей от своих собственных желаний? – спросил я. – Что же тогда представляет собой мое «Я»?

– Это трудно объяснить словами, но однажды ты почувствуешь это, мой маленький брат, – мягко сказал Ли. – Твое «Я» – это некая универсальная результирующая всех внутренних сущностей, шагающих в ногу, поскольку все сущности Воина Жизни смотрят в одном направлении. На самом деле ты уже знаешь, что это такое, единственное, что тебе осталось, – это вывести это знание на поверхность. Для того, кто откажется от пассивной нерадивости ради ответственности и самоосознания, это нетрудно осуществить...

Цигун «волшебного дерева»

Я продолжал размышлять о сущностях, живущих в человеке, но, поскольку Учитель больше не затрагивал этот вопрос, мой интерес к ним постепенно угасал. Про себя я решил, что сущности – это некое условное определение специфических «ролей», в которые вживается человек, выполняя те или иные функции в своей социальной жизни. Так, в один момент он мог исполнять роль отца, в другой момент – роль интеллектуала, или делового человека, или поборника справедливости.

Конечно, в глубине души я понимал, что такая трактовка слишком примитивна и не может соответствовать представлениям Спокойных о структуре человеческой психики, но подобные размышления помогали мне успокоиться и подавить свое чересчур настойчивое любопытство. Так было до того дня, когда я лицом к лицу столкнулся с одной из своих внутренних сущностей, которая никак не вписывалась в схему «ролей» и которую Ли впоследствии определил как «ведущего». Все началось с упражнений укоренения и разветвления.

Был конец мая, на удивление жаркий даже для Крыма.

– Сегодня большой день для тебя, – торжественно заявил Учитель.

Мы неторопливо шагали по лесополосе, направляясь к нашей излюбленной полянке. Я промолчал, прикидывая, что может означать эта фраза. Приобретенный мною опыт общения с Ли заставлял меня настороженно относиться к подобным заявлениям.

Учитель лукаво взглянул на меня.

– Сегодня тебе предстоит стать человеком-деревом, – еще более торжественно заявил он.

– Так уж и сегодня? – усомнился я.

Поскольку в представлении Спокойных понятие «человек-дерево» означало совершенного человека, гармонично соединившего в себе четыре первоэлемента – землю, воду, огонь и воздух, и обретшего контроль над этими стихиями, мои сомнения были вполне оправданны.

– Интересно, куда подевалась твоя европейская самоуверенность? – усмехнулся Ли.

– Неужто ты считаешь себя столь далеким от совершенства?

– Увы, – вздохнул я.

– Символ дерева имеет много скрытых значений, – переходя на серьезный тон, сказал Ли. – Дерево обладает мощью и устойчивостью. Оно плотно укореняется в земле, питаясь ее соками, впитывая в себя воду и устремляясь вверх, к небу, где его пищей становятся воздух и огонь солнечного света. Земля, вода, воздух и огонь увеличивают силу дерева, и оно дает плоды.

Человек, уподобившись дереву, также может соединить в себе инь земли и небесный ян. Плодом этой работы станет его жизненная энергия, его внутренняя сила и, в итоге, сама его жизнь.

Дерево лишено сомнений и сожалений, внутренних конфликтов и противоречий. Оно обладает естественным спокойствием и безмятежностью. Поэтому, превращаясь в дерево, ты сможешь избавиться от многих болезней духа и тела.

Мы вышли на полянку, и Учитель остановился в центре ее.

– Комплекс упражнений «Волшебное дерево» помогает Воину Жизни взаимодействовать с энергиями собственного организма, – сказал он. – Лучше всего начинать практику

«Волшебного дерева» поздней весной, когда природа уже полностью пробудилась от зимнего сна и деревья покрылись зеленой листвой. Упражнения надо проводить на поляне, среди деревьев. Встань на северном краю поляны, лицом к югу, так, чтобы перед тобой было больше открытого пространства.

Я по положению солнца прикинул, где может находиться север, и встал так, как сказал Учитель.

– Разденься и сними часы, – велел он. – Ничто не должно стеснять твоих движений и препятствовать естественному перемещению энергии по телу.

– Ботинки тоже снимать? – спросил я.

– В данном случае да, – сказал Ли. – Но если тебе придется выполнять упражнения в более холодную погоду, это не обязательно. Ты можешь заниматься в одежде, но она должна быть свободной. Брюки должны быть без ремня, и на теле не должно оставаться никаких металлических предметов. Вначале тебе нужно размяться. Начни с упражнений по кругам, но характер этих упражнений должен быть мягким и разогревающим, где-то на уровне контролируемых аутодвижений. Ты готовишься не к бою, а к состоянию спокойного, но четкого восприятия, и тебе следует размять и разогреть все тело и суставы. Одновременно с упражнениями по кругам воспроизведи состояние «внутреннего облака».

Я подчинился. Вскоре мое тело наполнилось мягкими и приятными потоками оргазмических ощущений, которые, казалось, окутали его густым невидимым облаком. Спокойствие внутренней улыбки сделало меня легким и невесомым.

– Теперь выполни естественную стойку, – давал мне указания Учитель. – Поставь ноги на ширину плеч и расположи ступни таким образом, чтобы тазобедренные и голеностопные суставы располагались в одной вертикальной плоскости. Слегка присогни колени, опуская центр тяжести и распрямляя поясницу, растягивая спину и позвоночник. Плечи расслаблены, руки свободно свисают вдоль туловища. Опусть подбородок и слегка подтяни его к шее, так, чтобы точка бай-хуэй на макушке головы была направлена к небу. А теперь выполни упражнения «живая нора» и «кожаный мешок».

Эти упражнения были мне хорошо знакомы. «Живая нора» – упражнение с первым нижним источником – заключалось во втягивании ануса, сопровождаемом специфическими мыслеобразами с целью создания потока оргазмических ощущений, который затем поднимался вверх. Упражнение «кожаный мешок» в чем-то напоминало упражнения йоги – «наули» и «уддияна бандха». С его помощью развивались и прорабатывались мышцы живота, и затем, с помощью мыслеобразов, также вызывался поток оргазмических ощущений, которые накапливались в нижнем дань-тяне или использовались для устранения энергетических застоев во внутренних органах, мышцах и костях.

– Накапливай энергию, позволяя ей свободно перемещаться по телу, – сказал Ли.

Я почувствовал, как мышцы начали подрагивать под первыми легкими биениями аутодвижений. Учитель подошел ко мне и мягкими плавными движениями начал проглаживать мое тело по разным направлениям. Каждое движение начиналось от точки бай-хуэй, вниз по одному из трех направлений: по задней поверхности головы, спине, ногам и середине ступней; по лицу, груди, животу и ногам до ногтей больших пальцев ног; и через уши, плечи и руки до ногтей средних пальцев рук. В соответствии с указаниями Ли, я, следуя за его руками, на выдохе проводил энергию вниз, по указываемому его ладонями маршруту, избавляясь от напряжения и выводя из тела в землю болезненную, «мутную» ци.

– Сейчас ты готов к укоренению, – услышал я слова Учителя. – Упражнение, которое ты будешь выполнять, называется «корни в земле». Представь себя деревом, стань им, почувствуй себя им. Твои стопы становятся корнями, и они врастают в землю, вжимаясь

в нее так, словно хотят ее раздавить. Энергия устремляется вниз к ступням, накапливаясь там естественным образом, стимулируя рост и силу корней. Позволь своим стопам самим выбрать удобное для них положение. Они не должны быть мертвыми и неподвижными, они могут двигаться, выбирая наиболее удобную для них позицию, и, в соответствии с изменением положения стоп, туловище тоже может менять свое положение, но все эти перемещения должны осуществляться лишь интуитивно, на уровне аутодвижений.

Упражнение «корни в земле» помогает тебе развить устойчивость и силу ног, так необходимые в бою, оно создает прочную энергетическую связь с землей, оно позволяет тебе питаться силой земли, накапливая ее в ногах и нижнем дань-тяне, подобно тому, как ею питается дерево.

Прежде чем начнутся аутодвижения, ты можешь проявить немного самостоятельности, сознательно подталкивая свои ноги к интуитивному выпусканию корней. Перенеси для начала вес на пальцы ног, вдави их в землю и ощути, как они вырастают в нее. Потом перенеси вес тела на пятки и позволь пяткам укорениться. Затем распредели равномерно вес по всей стопе и почувствуй, как корни прорастают из точки юн-цюань. Не забывай о том, что корни устремляются не только вглубь, они распространяются вширь. Чем мощнее твоя корневая система, тем выше твоя устойчивость и тем эффективнее твоя энергия взаимодействует с энергией земли.

Чтобы пустить корни еще глубже, ты можешь дополнительно опустить центр тяжести тела, сопровождая это опускание мыслеобразом еще более мощного и глубокого укоренения.

Я почувствовал, как мышцы ступней подергиваются от притока ци. Энергия, скапливаясь в нижней части ног, начала пульсировать, вызывая раздражение и беспокойство. Я несколько раз перекатил с пальцев на носки, пытаюсь «выпустить корни», но что-то не срабатывало, словно невидимые закупорки в активных зонах пальцев препятствовали моей ци слиться с ци земли. Раздражение от биения энергии в ступнях нарушало мою концентрацию. Я вновь обратился к упражнениям внутренней улыбки и «живой норы», стараясь достичь необходимого состояния спокойствия.

Глубокое размеренное дыхание помогло мне отключиться от неприятных ощущений в ногах. В какой-то момент я вошел в столь приятное и расслабляющее состояние «внутреннего облака», что на какое-то время позабыл, кто я, где я нахожусь и чем занимаюсь, а затем меня поразило неожиданное и странное ощущение. Мне показалось, что из пальцев ног вырвались юркие быстрые змейки, которые нырнули в землю, но их хвосты плотно застряли у меня в ступнях.

Змейки вертелись, устремляясь вниз, отыскивая удобные им позиции, а потом у меня перед глазами почему-то промелькнула сцена из учебного кинофильма, в котором показывался многократно ускоренный процесс роста пшеницы. Белые, вначале почти прозрачные тонкие ростки, набирая силу и цвет, уверенно устремлялись вверх. Словно отзываясь на эти образы, десятки подобных ростков вынырнули из моих стоп, на сей раз устремляясь не вверх, а в землю.

Я почувствовал, как стопы зашевелились, интуитивно отыскивая наиболее удобное для укоренения положение, а затем ростки буквально пригвоздили их к земле. На мгновение возникло желание освободиться, почувствовать себя свободным. Я попытался приподнять ногу, но не мог даже на миллиметр оторвать ее от земли.

Ростки разрастались. Я чувствовал, как деревенеют их стволы, как они меняют свой цвет на более темный. Потоки ци больше не вызывали напряжения у меня в ногах. Энергия ушла в землю, превратившись в стремительно развивающуюся корневую систему.

Я, удивленный и потрясенный, отстраненно наблюдал за этим процессом. Рост корней постепенно замедлялся, наступил момент, который я определил про себя как момент

равновесия, а затем энергия земли принялась наполнять мои корни. Она поднималась вверх медленными, приятными и мощными потоками. Эта энергия не была тяжелой и беспокойной. Возникла несколько странная аналогия этой энергии с густым материнским молоком. Наполняя и питая меня, ци земли давала мне устойчивость и спокойствие.

Поглощенный переживаниями, я не сразу обратил внимание на боль и напряжение в полусогнутых ногах. Я направил энергию земли вверх, и ее целительный поток почти сразу принес облегчение. Ци скапливалась в нижнем дань-тяне. Ее потоки начали циркулировать по всему телу, вверх и вниз. Потоки, идущие к корням, стимулировали их рост, хотя это был рост уже не вглубь, авширь. Последнее, что я помню, – это спазмы неконтролируемых аутодвижений, которые, стремительно усиливаясь, понесли меня вразнос.

Когда я пришел в себя, я лежал на земле, на своей одежде, а Учитель с сосредоточенным видом массировал и растирал мое тело.

– Ты не должен был до такой степени отдаваться во власть аутодвижений, – сказал Ли. – Ты потерял контроль над ними. Мне пришлось принимать срочные меры, чтобы вывести тебя из опасного состояния.

– Я не знал, что нужно контролировать аутодвижения, – попытался оправдаться я. – Я мог это сделать, но ты же меня не предупредил.

– Все в порядке, – сказал Учитель. – Для первого раза все прошло неплохо. Но теперь, когда ты имеешь представление о том, что такое укоренение, ты будешь выполнять это упражнение самостоятельно в течение нескольких недель, так что тебе придется самому полностью контролировать весь процесс. Ты не должен намеренно вызывать аутодвижения или специально подавлять их. Просто следуй за велениями тела и наблюдай проявления ци в твоём организме, пребывая в состоянии внутреннего спокойствия и отрешенности. Твое тело знает, что делает. Не мешай ему.

В этот раз ты отключился и не смог завершить упражнение. Когда аутодвижения угасают, нужно забрать свои корни из земли. Ты можешь представить, что ты всасываешь их внутрь, растворяя их затем в своём теле и вместе с ними возвращая обратно твою собственную энергию, смешанную с энергией земли и воды. При помощи дополнительных мыслеобразов ты можешь собрать ци из окружающего пространства или от окружающих тебя деревьев, перемешать эти энергии в теле, равномерно распределяя ци по организму, и т. д. Со временем ты научишься интуитивно чувствовать, что именно тебе нужно.

Забрав свои корни внутрь, ты должен руками собрать ци движением инь в круге силы и, наложив ладони на нижнюю часть живота, поместить ее в нижний дань-тянь. После этого тебе предстоит растереть и размассировать все тело, начиная с области живота вокруг пупка. Затем следует область почек и ноги. Ты оглаживаешь ноги сверху вниз, сбрасывая в землю избыточную ци, и наконец переходишь к верхней части туловища, начиная массаж от кистей рук к плечам, затем следуют лицо, шея и волосистая часть головы. Не забудь сбрасывать с рук лишнюю ци. Процедура заканчивается прохлопыванием ладонями по всему телу и отдыхом в течение десяти-пятнадцати минут.

Я начал практиковать укоренение ежедневно, по возможности в лесу, но, в силу недостатка времени, иногда приходилось довольствоваться комнатой. Учитель время от времени спрашивал о моих успехах, и наконец он решил, что пришло время перейти к следующему упражнению комплекса «живые деревья».

– Упражнение, которое ты сейчас будешь делать, называется «живая ветвь» или «разветвление», – сказал он.

Мы находились на той же самой полянке в лесополосе, где я впервые «укоренился».

– «Пустить корни» – это лишь полдела, – продолжил Учитель. – Корни – это основа, это сила дерева, но через корни дерево впитывает в основном ци земли и воды. Теперь, когда ты знаешь, как укорениться, пришла пора перейти к следующему этапу – к этапу роста и развития. Теперь ты будешь устремляться не только вглубь земли, но и к небу, выпуская вверх ветви и питаясь еще и энергией неба и солнца – ци воздуха и ци огня. Встань на северный край поляны и укоренись.

Процесс «выпускания корней» занял несколько минут, и, когда мое тело стало подергиваться первыми аутодвижениями, Учитель подошел ко мне. Его пальцы коснулись кончиков пальцев моих рук, коротким легким движением подкинув их вверх.

– Расслабься и отдайся ощущениям, – сказал Ли.

Его пальцы продолжали приподнимать и подбрасывать мои кисти, плавно меняя направление движений. С каждым разом руки становились все более невесомыми. Они опускались вниз медленно и словно нехотя. Я тоже становился легким и невесомым. Меня охватывало удивительное ощущение радостно-восторженного спокойствия. Несмотря на свою интенсивность, радость и восторг не были утомительными, а затем мои руки, отыскав особые зоны пространства, словно созданные для них, зависли в воздухе. Создавалось впечатление, что все мое тело погружается в приятную упругую и мягкую массу, поддерживающую меня в расслабленной неподвижности, и в следующий момент я ощутил себя парящим над огромным бескрайним пространством, подобно степному орлу.

Эта ассоциация неожиданно вызвала удивительно яркие воспоминания детства. Я ощутил свою нить жизни, вернувшись в яркий летний день, когда мне было восемь лет. В то время у меня уже было свое ружье. Я испытывал столь типичную для многих мальчишек страсть к охоте.

В тот день мы с отцом охотились в степи. Я заметил орла, сидевшего на столбе линии электропередач. Тщательно прицелившись в него, я выстрелил и понял, что попал, потому что огромная птица слегка вздрогнула.

Орел медленно повернул голову в мою сторону, и, как мне показалось, взглянул на меня с презрительным спокойствием. Немного погодя он величественно расправил крылья и, оттолкнувшись от столба, взмыл к небесам.

Это был удивительный момент. Возможно, тут сказалось изумление оттого, что выстрел не причинил птице никакого вреда. Чувство, которое я в этот момент испытывал к орлу, приближалось к чувству религиозного благоговения. Для восьмилетнего мальчишка он стал своеобразным символом величественного спокойствия и силы, почти символом вечности. В момент, когда орел воспарил, я слился с ним в своих чувствах. Казалось, что я расправил крылья и взлетел вместе с ним, унесенный ввысь этим прекрасным зрелищем.

Я так никому и не рассказал о своих переживаниях, только спросил у отца, почему выстрел не причинил птице никакого вреда.

– Твои патроны были заряжены бекасином в расчете на перепела, – ответил отец. – Это очень мелкая дробь, а перо крупной птицы хорошо защищает от нее, особенно если выстрел был произведен с большого расстояния.

Я принял это объяснение, но оно не изменило мои чувства. После встречи с орлом состояние парения стало часто посещать меня во сне и в полудреме, и я уже настолько ассоциировал себя с этой могучей птицей, что переставал ощущать себя человеком, оставалось лишь удивительное чувство парения.

Я и раньше летал во сне. Подобные сны свойственны многим людям и связаны с различными фазами полового созревания. В народе существовало поверье, что, когда

человек летает, он растет. Однако «парение орла» в моих снах было очень специфичным.

Для меня полет начинался с того, что я взмывал над лестничным пролетом нашей симферопольской квартиры, где деревянная лестница полувинтом уходила вниз, к двери на улицу. На какой-то момент я зависал над этим пролетом, а затем выплывал в широко раскрытое окно веранды и скользил над знакомыми улочками родного города, то взмывая высоко вверх, то снижаясь до уровня голов идущих по улицам пешеходов.

И вот сейчас я снова был орлом, парящим над широкими просторами степи.

Громкие ритмичные звуки прервали чудо этого полета. Я сфокусировал взгляд и понял, что Учитель хлопает в ладоши перед моим лицом.

– Вернись к суровой действительности, мой маленький брат, – с обычной для него ехидной усмешкой произнес Ли. – Заверши упражнение и промассируй тело.

Я привычно втянул внутрь корни, концентрируя энергию в нижнем дань-тяне, и, завершив массаж, опустился на землю рядом с Учителем, поглощенным завариванием чая.

– Это было здорово, – взволнованно сказал я. – Мне не часто приходилось испытывать подобное удовольствие. Я даже вернулся назад по нити жизни в один удивительный момент моего детства.

Пока Ли неторопливо разливал чай по кружкам, я рассказал ему о своем переживании.

– Что такого ты сделал со мной? – в заключение спросил я. – Я запомнил только, что ты приподнимал пальцами мои руки.

– Ветви деревьев не растут абы как, – сказал Учитель. – Они занимают совершенно особые зоны пространства, располагаясь так, как им удобно, как требует того их энергетика. Когда ты пускаешь корни, когда ты превращаешься в дерево, твои руки становятся ветвями деревьев. И точно так же, как ветви деревьев ищут свое особое место в пространстве, твои руки должны отыскать благоприятные для тебя зоны.

– О каких зонах ты говоришь? – заинтересованно спросил я. – Я не знал, что существуют какие-то особые зоны.

– Ты прекрасно знаешь об этом, – возразил Учитель. – Я уже рассказывал тебе о методе лечения некоторыми зонами пространства, или о том, как на определенном расстоянии от человека ставят зажженную свечу, пламя которой особым образом воздействует на энергетику человека.

– В самом деле, ты прав, – вынужден был признать я. – Но у меня как-то не возникла ассоциация между лечением зонами пространства и особыми позициями рук.

– И то и другое позволяет тебе влиять на энергетические потоки организма, – сказал Ли. – Наверняка ты заметил, что, когда я подкидывал твои руки, перемещая их в разных направлениях, ты по-разному воспринимал разные зоны пространства. В некоторых из них твоим рукам хотелось остаться подольше, а в самых благоприятных для тебя зонах руки застыли, и ты испытал чувство удивительного комфорта. Ты выполнил то, что делает дерево, – отыскал наилучшие позиции для твоих ветвей.

На первых порах тебе потребуется моя помощь, но вскоре ты сам научишься правильно располагать свои ветви. Для этого тебе нужно лишь подметить начало аутодвижения рук, а затем интуитивно помочь им занять благоприятную для тебя позу. По мере приобретения опыта ты сможешь уделять внимание и «листьям» – пальцам, поскольку пальцы тоже в значительной мере влияют на перераспределение

энергии в твоём организме.

Но ни в коем случае не старайся запоминать позиции ветвей и воспроизводить их в последующих упражнениях разветвления. Каждую минуту, каждый момент в тебе и в окружающем мире происходят перемены, поэтому каждый раз тебе придется интуитивно отыскивать новые зоны и новые позиции. По мере практики позиции рук будут становиться все более симметричными, хотя полной симметрии тебе добиться так и не удастся. Симметричные позиции рук говорят о здоровье и о гармоничном распределении энергии в теле. Если же поза несимметрична, но естественна, это является свидетельством избытка или недостатка ци в каких-то областях тела.

Неестественные позиции свидетельствуют о более серьезных нарушениях. Неестественные позиции, сопровождающиеся наклонами и искривлениями туловища, называются «корявое дерево», но, принимая эти причудливые позы, тело как бы лечит само себя, устраняя застои энергии и компенсируя нехватку или избыток ци.

Когда твои позы станут более или менее симметричными, и ты приобретешь достаточную практику в упражнениях «Волшебное дерево», ты почувствуешь то, что называется «шевелением корней». Потоки ци, идущие через ноги в землю, улучшат проходимость энергетических каналов ног, сила ног увеличится, и возникнет естественная тенденция сгибать колени, опуская центр тяжести все ниже и ниже. Ступни ног могут начать незначительно смещаться, отыскивая еще более прочные позиции укоренения, и таким образом будет происходить перемена стойки. Но все эти изменения должны протекать медленно и естественно, без нарушения ритма дыхания и позиций туловища и рук. В каждом упражнении ты должен прорабатывать лишь одно особое положение, допуская не более одной перемены стойки. По мере практики ты приобретешь необходимый опыт.

– У меня не выходит из головы мой опыт парения, когда я превращался в орла, – задумчиво произнес я. – Я столько раз испытывал его в детстве, и сейчас я снова вернулся к нему. Такое впечатление, что я превращаюсь в нечто совершенно не имеющее отношения к моей обычной личности, и в то же время я знаю, что мне делать, чего я хочу, и как я должен действовать. Что это такое – обычный сон или нечто более глубокое?

– В эти моменты орел становится твоим ведущим, – пожал плечами Ли. – Это очень простое объяснение.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я.

– Похоже, что мы возвращаемся к теме, которой ты так одержим, – усмехнулся Учитель. – Ведущий – это одна из сущностей, которая может быть частью тебя или может на какое-то время входить с тобой в контакт.

По лукавым огонькам, поблескивающим в глазах Ли, я понял, что он находится в хорошем настроении, и в моей душе забрезжила надежда.

– Поднимайся! – скомандовал Учитель прежде, чем я успел задать свой следующий вопрос. – Встань на северный край полянки и выполни упражнения выпуска корня и разветвления.

Я с легким сожалением отставил в сторону кружку с недопитым чаем и отправился на «место укоренения». Меня охватило разочарование при мысли о том, что я ошибся, и Учитель снова ушел от разговора о сущностях.

Возможно, разочарование мешало мне сконцентрироваться, и процесс укоренения занял больше времени, чем обычно.

– Соберись, – неожиданно прикрикнул на меня Ли. – Ты должен быть готов встретиться лицом к лицу с твоим главным ведущим.

Тут мог сыграть роль фактор неожиданности, или было что-то особенное в интонациях его голоса, но этот окрик буквально загипнотизировал меня, и, когда Учитель стал подкидывать мои руки, они повиновались ему, как хорошо вымуштрованные солдаты опытному сержанту. Я чувствовал зоны пространства как миниатюрные тоннели или как обволакивающие и поддерживающие чехлы, имеющие более или менее удобную для моих рук конфигурацию. Наконец руки отыскали идеально отвечающую им форму и растворились в ней. Я ощутил мощнейший выброс энергии, направляющийся вверх, от корней к голове и ветвям, а затем мое тело исчезло, и я провалился в безбрежное пространство, наполненное интенсивным фиолетовым цветом, в котором, кроме этого света, ничего больше не было. Я ощутил растерянность и пустоту, поскольку я не знал, что со мной, что случилось с моим телом, и где я нахожусь, а затем из глубины фиолетового цвета и, одновременно, из глубины меня самого сформировалось странное существо, не имеющее ни формы, ни объема, и это существо заговорило со мной.

На самом деле слово «заговорило» тут не подходило. Существо передавало мне информацию каким-то особенным, бессловесным образом, на уровне некоего универсального чувственного восприятия. Я знал, что существо было мной, и в то же время мной не являлось, и я знал, что это существо знало ответы на все вопросы, которые волновали меня. Неожиданно я ощутил безграничную уверенность в правильности выбранного мною пути, во всем, что я делал, и чем занимался. Затем существо передало мне нечто, что я мог бы определить как универсальное знание, граничащее с мудростью вселенной. Я не мог осознать его или удержать, но восхищение оттого, что я к нему прикоснулся, взволновало меня до такой степени, что я позабыл обо всем. В какой-то момент меня буквально вырвало из фиолетового пространства мощным высасывающим движением, и я вернулся к действительности.

Я ощутил свое тело с нелепо растопыренными руками, вибрирующими в воздухе, словно крылья птицы, ловящие ветер. Мои босые ступни особенно остро ощущали контакт с землей через точку инь – юн-цюань и через точку ян в центре соединения пятки со стопой, через которую энергия возвращается в землю при «падении плода». Мои пальцы щекотала трава. По сгустившимся сумеркам я понял, что провел в состоянии «волшебного дерева» немало времени. Даже не оглядываясь по сторонам, я знал, что Учитель ушел.

Тело налилось ощущением силы, но в то же время некоторые его части были застывшими и одеревеневшими. Я почувствовал себя опустошенным. Я втянул энергию корней и ветвей внутрь, концентрируя ее в нижнем дань-тяне, и, потянувшись затекшим телом, приступил к массажу. Затем я сел на землю, привалившись спиной к дереву, и, бездумно глядя на звезды, вернулся в воспоминаниях к своей встрече с тем, кого Учитель назвал моим главным ведущим.

Впоследствии я не раз показывал упражнения укоренения и разветвления своим ученикам. Их реакции были самыми разнообразными – спокойными и бурными, с мощными всплесками энергии аутодвижений, даже сопровождавшимися криками или плачем, но лишь двое моих учеников смогли однажды провалиться в фиолетовое пространство, где они, как и я, встретились с главным ведущим.

Мне запомнился забавный случай, когда один из участников семинара после выполнения упражнения «волшебных деревьев» подошел ко мне и сказал:

– Я уже давно занимаюсь практиками ци-гун, но удивительно, что даже в парных упражнениях с женщинами я не испытывал столь мощных переживаний, как при занятиях с вами.

– Но ведь Учитель лучше любой женщины, – глубокомысленно заметил я, и участники семинара буквально согнулись пополам от хохота.

Я с нетерпением ожидал следующей встречи с Ли, терзаемый жаждой поделиться с ним подробностями моей встречи с ведущим, а заодно засыпать его вопросами на интересующую

меня тему. На следующий день, вернее, на следующую ночь мы встретились в городе и, как обычно, отправились бродить по улицам.

Учитель посмеивался над моим нетерпением, но я чувствовал, что он готов к разговору.

– Ведущий – это особое состояние тела, души и разума, позволяющее через чувства понять то, что недоступно уму, – наконец сказал он.

– Но ведь согласно этому определению ведущий – это состояние, а не сущность, – заметил я. – А ведь раньше ты говорил, что ведущий может быть частью меня, но может быть и сущностью, находящейся вне меня.

– Не придирайся к определениям, – сказал Учитель. – Ведущего невозможно описать словами, поэтому описания, которые я тебе даю, – всего лишь очередной кусочек ложного знания, которое, тем не менее, помогает тебе создать представление о теме разговора. Вчера ты встречался с ведущим и получил от него знак истины. Ты видел его, ты говорил с ним, так объясни мне, что такое ведущий.

– Я не могу этого объяснить, – сдался я. – Но мне бы хотелось побольше узнать о ведущих, даже если то, что ты мне скажешь, не будет в полной мере отражать истинное положение вещей.

– Наиболее распространенный тип ведущего я мог бы определить как некую сущность, находящуюся внутри тебя, представляющую собой квинтэссенцию работы твоего подсознания и способную гораздо более плодотворно, нежели сознание, анализировать опыт твоей жизни и события, происходящие в окружающем мире, – сказал Ли. – В той или иной форме ведущий присутствует в каждом человеке, но далеко не все способны слышать его голос или воспринимать его внесловесные команды. Люди, чутко реагирующие на указания ведущего, называются ведомыми. Как правило, ведомые люди щедро одарены в энергетическом смысле. Они чувствительны и обладают хорошей интуицией. Такие люди могут принести много пользы себе и окружающим, если они выберут правильный путь, свободный как от излишних предрассудков, так и от ложного заигрывания с тайными силами, управляющими их жизнью.

Ведущие обычно привязаны к настроению, к эмоциональному настрою человека. Ведущий может проявляться в душе человека в виде затаенной, но устойчивой эмоции, которая редко приобретает бурные формы, но тем не менее эта эмоция четко и однозначно указывает хозяину, например, что ему стоит или не стоит делать, с кем ему стоит или не стоит вступить в контакт.

Многие, сами того не ведая, испытывают сильнейшее воздействие ведущих в моменты сильной влюбленности, когда нечто внутри их подталкивает к совершению безумств, полностью противоречащих предыдущим планам и доводам рассудка. Нечто подобное происходит в состоянии аффекта, когда человек может совершить самое ужасное преступление, а затем он не в силах понять, как это произошло. На короткое время подсознание захватывает власть и влечет человека по избранному им непредсказуемому пути.

– Но ведущие, о которых ты говоришь, причиняет человеку вред, – заметил я. – Вначале я понял, что ведущий помогает человеку выбирать правильное решение в случаях, когда его сознание не способно полностью оценить ситуацию.

– Есть множество типов ведущих, – сказал Учитель. – Больше, чем ты можешь себе вообразить. Формы их проявления классифицируются в соответствии с шестидестью четырьмя гексаграммами. Это сложная классификация, и сейчас я не буду вдаваться в подробности. Ты должен уяснить лишь то, что есть благоприятные для тебя ведущие и есть ведущие-разрушители. Ведущие, помогающие человеку, тесно связаны с его внутренней силой, но личность такого человека должна быть гармоничной и уравновешенной. В случае личности, страдающей от внутренних конфликтов, склонной

к резким перепадам настроения, ведущие не могут обладать целостной стратегией, и, даже в случае, если человек обладает значительным запасом энергии и внутренней силой, влияние ведущих может быть как благоприятным, так и опасным. Именно поэтому я упоминал, что ведомые люди должны придерживаться срединного пути, избегая как излишних предрассудков, так и заигрывания с неведомыми им силами. Еще одна любопытная категория ведущих – это ведущие сна. Ведущие сна как бы предугадывают ситуацию, которая может возникнуть, и облачают ее в видения. Эти видения становятся вещими снами.

Ведущие глубинной интуиции помогают человеку, серьезно настроившемуся на достижение какой-то конкретной цели, отыскать наиболее быстрые и доступные способы ее достижения.

Для Воинов Жизни подобные ведущие завязаны на их внутренней силе. Именно на взаимодействии с такими ведущими построена значительная часть техник управления судьбой. Воины Жизни умеют создавать своих ведущих, или они могут позволить кому-то еще создать ведущего для них. Иными словами, ведущий не всегда является порождением самого ведомого.

Умея создавать ведущих для других, ты сможешь управлять людьми. В частности, на этом во многом основаны техники управления толпой или техники управления группой людей.

Самый простой способ создать ведущего для другого человека – это использовать его жажду или потребность. Приведу элементарный пример – тебе достаточно в жаркий день с наслаждением выпить стакан воды для того, чтобы человек, у которого уже сформировалась аналогичная потребность, ощутил непреодолимое желание последовать твоему примеру.

– Это мне напомнило дурную шутку, которую иногда проделывают на концертах, – сказал я. – Говорят, что если кто-то сидит в первом ряду и жуёт лимон, корча соответствующие рожи, у музыкантов, играющих на духовых инструментах, рот наполняется слюной, и они не могут нормально играть.

– Это еще один способ формировать ведущего, – кивнул Учитель. – Как видишь, существует множество способов.

Для контроля над ведущими Спокойные используют внутреннего стража. Именно внутренний страж защищает интересы своего хозяина, своевременно высвобождая или контролируя его жажды, но страж в то же время является и разумным ведущим, в некотором роде королем всех ведущих, поскольку на пути к достижению цели он действует наиболее осознанно.

Представь, что полностью обессиленный человек ползет по пустыне в попытке отыскать источник воды. Ему приходится контролировать все свои эмоции, все свои жажды, подталкивающие его прекратить сопротивление, расслабиться и отдохнуть, но поддаться этим жаждам означает проиграть битву в борьбе за жизнь. В подобной ситуации внутренний страж, контролируя волевыми усилиями мотивацию человека, мобилизует его на продолжение борьбы, на выживание.

Ли замолчал. Несколько минут мы шагали в тишине, а потом я задал вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

– А что ты можешь сказать о сущностях, которые охватывают бесноватых? – спросил я.

– Не торопись. Возможно, когда-нибудь ты встретишься и с нелюдьми, – усмехнулся Учитель.

Интуитивный полет

Непрерывные тренировки и чересчур активный образ жизни порядочно выматывали меня, несмотря на прием биологически активных препаратов и восстановительные упражнения, которые я регулярно выполнял. После одной из изнурительных тренировок в лесах Партизанского водохранилища я пожаловался Учителю, что у меня все болит, что мой организм находится на пределе, и спросил его, есть ли еще какой-либо неизвестный мне способ быстрого восстановления жизненных сил.

Ли усмехнулся.

– Есть слишком много способов, которых ты не знаешь, – сказал он. – Некоторые из них задействуют помощь ведущих. Раз уж ты так просишь, я научу тебя одному из них, включающему в себя упражнения интуитивного полета и полночного бега.

При упоминании новых, доселе неизвестных мне терминов я сразу же почувствовал прилив сил. Я уже практиковал ночной бег в темноте по пересеченной местности, обучаясь интуитивно огибать препятствия и уклоняться от стволов и ветвей деревьев, но по тону Ли я понял, что полночный бег – это нечто новое для меня.

– Знакомый блеск в твоих глазах указывает на то, что ты не так уж плох, как говоришь, – ехидно сказал Учитель. – Уже темнеет. Подождем немного до полной темноты, и тогда я объясню тебе, что ты должен будешь сделать.

Около часа я выполнял расслабляющие растяжки и массажные упражнения, беседуя с Ли на разные темы и с нетерпением ожидая наступления темноты. Наконец ночь окутала нас своим черным бархатным покровом, подсвеченным мягким светом стареющего месяца.

– Встань в центр поляны, – жестким голосом скомандовал Учитель.

Я молча повиновался.

– Начинай выполнять упражнение укоренения до тех пор, пока не почувствуешь, что неразрывно сросся с землей.

Я встал в нужную позицию со слегка согнутыми коленями, направляя энергию вниз и чувствуя, как мои ступни могучими корнями прорастают вглубь земли.

– Теперь переходи к разветвлению, – донесся до меня голос Ли.

Я максимально расслабил руки, и полусознательными-полуавтоматическими движениями начал выполнять легкие наклоны вперед. Руки, уподобляясь маятникам и почти потеряв чувствительность, безвольно болтались из стороны в сторону, постепенно наливаясь тяжестью. Энергия, стекающая к кистям, давала о себе знать покалыванием в онемевших пальцах, свидетельствующим о притоке энергии к кистям. Движения становились все более размашистыми, кисти рук начали интуитивно отыскивать зоны пространства, где происходило перераспределение энергии.

– Сейчас ты перейдешь к упражнению интуитивного полета, – сказал Учитель. – Привстань немного на носки, разведи в стороны плечи и сделай несколько наклонов вперед, продолжая активизировать энергию покачиванием рук. Следуя указаниям Ли я, прогнувшись в спине, принялся подпрыгивать на пятках, накапливая энергию, которая уже распирала меня изнутри, достигая почти взрывной мощи.

– Почувствуй, как сила заполняет тебя, – монотонно говорил Учитель. – Сдерживай себя до тех пор, пока сможешь, а затем отдайся внутреннему порыву силы, которая повлечет тебя в известном только ей направлении. Ты побежишь широким шагом, используя технику катящегося камушка с широко расставленными стопами, слегка

подвернутыми внутрь. Ты будешь равномерно дышать полной грудью, с каждым новым вздохом твое тело будет терять тяжесть, и ты почувствуешь, что взлетаешь все выше и выше. Наконец ты станешь легким и пустым, ты будешь бежать, не чувствуя усталости, по лесу, по степи, по перелескам. Ты будешь бежать, ведомый внутренней силой до тех пор, пока она не найдет тот единственный и уникальный кусочек пространства, который необходим твоему организму для восстановления и укрепления. В этом месте сила оставит тебя, ты упадешь на землю и, возможно, уснешь, а место, на котором ты уснешь, восстановит твои силы и восполнит запас энергии. Поснувшись утром, ты должен будешь снова выполнить упражнение разветвления и заставить организм интуитивно выбрать те предметы вокруг тебя, которые смогут пригодиться для твоего лечения. Бери все, к чему ты почувствуешь интуитивное влечение, даже если то, что ты соберешь, покажется тебе непригодным или совершенно ненужным. Теперь почувствуй, что ты готов, и беги!

Энергия уже переполняла меня и била через край. Неконтролируемые аутодвижения наложились на прогибы туловища и движения рук, мои пятки стучали по земле все с большей силой и частотой, сознание отключалось, проваливаясь в пустоту, а затем я ощутил, как мое тело совершило спринтерский рывок, и я помчался вперед широким катящимся шагом, ничего не ощущая и почти не осознавая, что происходит. Автоматически я лавировал между деревьями, мои руки взлетали вверх и опускались, как крылья птицы, и с каждым их движением, с каждым вдохом тело становилось все более легким и невесомым.

Краем глаза я отметил, что лес кончился, на смену ему пришла степь, которую сменили холмы, а затем я снова бежал по степи. Не знаю, сколько времени я бежал. Возможно, прошло несколько часов, но я этого не осознавал. Время остановилось, менялись лишь регистрируемые уголками глаз окутанные темнотой пейзажи.

Внезапно напор энергии ослабел. Мое тело двинулось в сторону, потом снова сменило направление, совершая странные хаотические перемещения, словно слепой, пытающийся отыскать в огромном пустом зале нечто неведомое ему самому.

Наконец сила ушла из меня, как воздух из проткнутого воздушного шара, и тело мягко опустилось на землю. Я ощутил под щекой щекочущее покалывание травы и провалился в глубокий сон без сновидений.

Прежде чем открыть глаза, я почувствовал солнце на своем лице. Его лучи обжигали, как горячий компресс. Это была единственная зона, в которой сохранилась чувствительность. Мелькнула мысль: «Как странно, от меня осталось только лицо».

Некоторое время я лежал, наслаждаясь ощущением жара. Чувствительность постепенно возвращалась в тело, хотя сознание еще не прояснилось. Я слабо пошевелился, с наслаждением ощутив свои конечности, и внезапно вспомнил наказ Учителя выполнить упражнение разветвления, а затем собрать все, что привлечет мое внимание, и на что укажет моя интуиция.

Так и не проснувшись до конца, я, действуя скорее по наитию, начал укореняться. Впервые в жизни, выполняя укоренение, я не стоял на земле, но я чувствовал, что это не имело значения. Я лежал на боку, и корни стали прорастать вниз из моего бедра, икры, ступней и ребер, которые касались земли. Затем я направил энергию вверх, в руки и голову, наполняясь легкостью и спокойствием.

Повинуясь внезапному импульсу, я медленно приподнялся на локте, и первое, на что упал мой взгляд, был катышек засохшего конского навоза. Я тупо смотрел на него до тех пор, пока моя рука не потянулась к нему. Какой-то странный внутренний импульс велел мне взять его с собой. Я вынул из кармана носовой платок и завернул в него катышек.

Затем я оглянулся вокруг. Мое внимание притягивали то пучки полусохшей травы, то веточки, то камешки, то земля. Я набрал приличное количество всякой всячины и

только тут сообразил, что мне некуда все это положить. Кое-что я рассовал по карманам брюк, а остальное завернул в рубашку, засыпав землю в отделенную узлами часть ее рукава.

Я встал, окидывая взглядом местность, в которой оказался и пытаюсь сориентироваться. В одном из направлений я увидел дорогу и направился к ней в надежде поймать попутку и добраться до Симферополя.

Глава 28

Ласкающее прикосновение вечности

– Мой Учитель не садюга, мой Учитель не садюга, не садюга он, – повторял я про себя, поднимаясь и снова плюхаясь на землю, перекатываясь и вскакивая, чтобы вновь упасть.

Я страдал на хорошо вытопанной полянке, скрытой в делях крымского леса, окружающего Партизанское водохранилище.

По своей форме упражнение напоминало мне наказание придирчивым сержантом провинившегося солдата, но суть его была совсем иной. Я был уже и без того достаточно вымотан предыдущей интенсивной двухчасовой тренировкой и предвкушал отдых и задушевную беседу с Учителем, когда Ли велел мне падать на землю и вновь подниматься всеми возможными способами, осуществляя в то же время бой с тенью.

Я падал и поднимался по моим прикидкам уже около сорока минут, и по поведению Учителя не было заметно, что в ближайшее время он собирается прекратить эту попытку.

– Ты должен четко определить для себя разницу между работой под принуждением и работой в удовольствие, – объяснил мне однажды Ли в момент, когда я уже не чувствовал в себе сил выполнять очередное изматывающее упражнение. – Ты учишься потому, что процесс обучения доставляет тебе удовольствие, хотя от этого удовольствия иногда и хочется скрежетать зубами. Даосы научились получать наслаждение от предметов, действий и явлений, которые, как правило, не доставляют удовольствия обычному человеку. Одним из подобных действий является самосовершенствование. Слово «самосовершенствование» звучит очень заманчиво для европейского уха, но путь истинного самосовершенствования долог и труден, и мало кому под силу двигаться по этому пути. Чтобы избежать ощущения неудобства или страданий европейцы изобрели способ облегчить себе жизнь, и они начали называть самосовершенствование некие действия, которые не были слишком трудны или мучительны для них, действия, которые удовлетворяли их жажды деятельности, преодоления препятствий, признания или какие-то иные жажды.

Даосы, как и все прочие человеческие существа, тоже имеют естественную склонность избегать излишнего напряжения и страданий, но они пошли другим путем и отыскали свой собственный трюк, позволяющий им превратить тернистый путь самосовершенствования в удовольствие. С помощью учения «Вкус плода с Дерева Жизни» Спокойные обретают способность получать наслаждение от всех типов деятельности, от всех проявлений внешнего мира.

Я изо всех сил старался получать удовольствие от упражнения, но мои силы были почти на исходе. Некоторое разнообразие в мои мучения вносила возможность варьировать способы вскакивания с земли и последующего приземления. Я то припадал к почве, мягко опираясь на конечности, то ударялся о нее в падении всем телом, то перекатывался и готовился к отражению атаки или атаковал, переходя из верхнего уровня в нижний.

Ли определил задачу этого упражнения как развитие способности четко представлять себе картину перехода с одного уровня на другой, одновременно окружая себя

воображаемыми противниками, вооруженными кто чем – от вил и лопат до кастетов и кинжалов.

Падая и поднимаясь, я отражал атаки ставших для меня почти реальными врагов и контратаковал их, но, положив руку на сердце, я вынужден был признать, что я уже достиг той фазы, когда полностью исчезает даже мысль о возможности получать удовольствие от занятий, и почти полностью утрачивается способность наблюдать внутренним взором за явлениями, проистекающими внутри измученного организма. Я был утомлен настолько, что мне с трудом удавались казались бы простейшие движения, но все же я, уже почти отключившись, пока находил в себе силы вновь и вновь бросать то вверх, то вниз свое большое тяжелое тело.

Я подумал о том, как легко может довести человеческий организм до полного опустошения многократно повторяющееся действие. Пару недель назад меня довело почти до безумия упражнение «посох слепца», которое я должен был выполнять в течение долгих часов. Учитель заставил меня в быстром темпе вздергивать ногу вверх, а затем ставить ее на носок перед собой, сочетая это движение со специфическими движениями руками. Таким образом я нарабатывал привычку отражения атаки руками и ногами в нижнем и среднем уровнях. Я понимал, что именно группа подобных простых в своей основе навыков и составляет каркас механизма боя, обеспечивая физическую поддержку несложным техническим приемам. Лишь за счет изнурительных и повторяющихся движений удастся выработать доведенное до автоматизма умение отбивать атаки противника, контратаковать, быстро и пластично передвигаться и вовремя изготавливаться к той или иной форме защиты.

Не знаю, что нашло на Учителя, но он вдруг ни с того ни с сего решил проявить невиданный гуманизм и облегчить мне жизнь, заменив одно упражнение другим. То ли день был действительно хорош, то ли ласковое осеннее солнышко по особому пригрело щедрую крымскую землю, то ли шевельнулись у него в душе теплые чувства – не знаю, но мой тяжкий приговор был заменен на более мягкую форму то ли удовольствия, то ли наказания.

Я стал выполнять упражнения «играющего тигренка», или «играющего тигра», описанные в книге «Формы Шоу-Дао». Задача упражнения заключалась в том, чтобы научиться быстро восстанавливать свой организм после разного рода пагубных воздействий, которые могли иметь место во время схватки, вроде удара в пах или удушения с воздействием на сонную артерию. Славик, мой напарник, к сожалению, не всегда мог присутствовать на тренировках, поскольку работа в милиции не оставляла ему слишком много свободного времени. Из-за его отсутствия я был вынужден отрабатывать движения «играющего тигренка» на воздухе. К счастью, для выполнения этих тао не было особой необходимости в присутствии партнера, поскольку основные движения производились на самом исполнителе. Так, например, форма «тигренка выплевывает кость» заключалась в том, чтобы со всей дури ударить себя кулаками в область спины напротив солнечного сплетения, ухитрившись не повредить при этом позвоночник. В результате дыхание, якобы сбитое ударом противника в солнечное сплетение, должно было бы восстановиться.

Я выполнял один за другим приемы «играющего тигренка», испытывая смутное чувство радости оттого, что предыдущее упражнение наконец закончилось. Затем я понял, что внутри меня зарождается еще не до конца определившийся вопрос, и это обстоятельство подействовало на меня ободряюще. Я ощутил, что пока еще я не замучен настолько, чтобы окончательно потерять способность думать, и что мой интерес к Шоу-Дао не угас под давлением отрицательных эмоций, вызываемых тяжелыми физическими нагрузками.

Я сделал жест, дающий знать Учителю, что мне бы хотелось получить ответ на вопрос, и задрал вверх левую руку, что означало, что мой вопрос – теоретический, требующий словесного пояснения и не связанный с физическим показом приемов.

Благосклонным жестом Ли позволил мне задать вопрос, и я, утомленный слишком

продолжительным молчанием, воспользовался полученной возможностью и тут же затараторил так быстро, что язык с трудом выговаривал слова, выскальзывающие из меня одно за другим. Я надеялся, что напор моей словесной атаки не даст возможности Учителю уклониться от ответа.

Суть моего вопроса сводилась к тому, чтобы побольше узнать о приемах восстановления бойца после получения различных увечий или травм, как справиться с ситуациями, осложненными остановкой дыхания и т. д.

Не знаю, в честь чего, но Учитель решил побаловать меня. Он сделал знак, приглашающий меня после необходимой кратковременной заминки движений присесть на землю рядом с ним и расслабиться в предвкушении радостного мгновения, когда свет новых знаний прольется на мои затуманенные усталостью мозги.

Я удобно устроился под деревом на сложенной пополам куртке и приготовился слушать.

– Я не совсем понял, что именно тебя интересует, – сказал Учитель. – Мы уже не раз обсуждали с тобой тему реанимационных техник.

– Действительно, я знаю уже достаточно методов восстановления после ударов или удушающих приемов, – подтвердил я, – но мне бы очень хотелось узнать что-то особенное, о чем знают лишь единицы.

Ли усмехнулся.

– Известные тебе приемы восстановления и так знают единицы, – возразил он. – Ведь даже правильно выполнить искусственное дыхание сможет далеко не каждый специалист.

Учитель хитро взглянул на меня.

– Пожалуй, стоит заварить чайку, – нарочито безразличным голосом сказал он.

Ли шмыгнул в кусты, где в мешке хранилась замаскированная от постороннего взора наша кухонная утварь. Учитель настаивал, что мы должны уметь в случае необходимости мгновенно оставить полянку, забрав с собой или замаскировав все свои вещи, так, чтобы ни у кого не зародилась даже мысль, что здесь недавно кто-то был.

Я уже научился чувствовать настроение Ли, и понимал, что он поддразнивает меня, так что я решил «добить противника в Берлине» и не отставать от него.

– Почти все известные мне способы реанимации так или иначе связаны с манипуляциями на теле человека, – сказал я. – Но ведь наверняка существуют какие-то энергетические, бесконтактные способы восстановления. Ты не мог бы рассказать мне о них?

– И ты даже не хочешь дождаться Славика? – ехидно спросил Учитель, проламываясь сквозь густую чащу кустов, как медведь через малинник. – Тебе не стыдно лишать своего напарника столь полезных знаний?

Я вертелся на месте, стараясь уследить за его передвижениями.

– Неужели ничего нельзя показать без Славика? – разочарованно спросил я. – Еще неизвестно, когда он появится. Я потом ему все расскажу.

– То есть я должен объяснить тебе все прямо сейчас и немедленно, не успев даже попить чайку? – продолжал издеваться Ли.

– В общем-то да, – чересчур эмоционально воскликнул я.

Несколько минут мы продолжали беседовать в том же духе, пока Учитель разжигал костер и ставил котелок на огонь, а затем, совершенно неожиданно для меня, его жесткие жилистые пальцы вцепились мне в шею, пережимая сонную артерию. Я чисто рефлексивно схватил его за руку, почти тут же сообразив, что не имеет смысла сопротивляться, а затем я начал проваливаться в бессознательное состояние, с отрешенным интересом регистрируя предшествующие ему фазы погружения, с неожиданной быстротой сменяющие одна другую.

Мне казалось, что я проваливаюсь в бездонный черный колодец, оставляя на его поверхности крошечный поплавок контроля сознания, но поплавок сознания растворился в голубизне видений, и я ощутил себя лежащим на прогретом солнцем песке черноморского пляжа. Я наблюдал за плавным полетом белоснежных, как сахарная вата, чаек и прислушивался к мерному шороху волн в широкой полосе прибоя. Я испытывал чувство высочайшего наслаждения, из которого меня неожиданно вырвал, буквально выдернув меня наружу из бездонных глубин черного колодца, до безобразия отвратительный звук. Казалось, что этот звук заставил вибрировать и содрогаться все внутри меня. Поплавок сознания, как пробка из бутылки нагретого на солнце шампанского, пулей вылетел на поверхность, а затем я почувствовал, как на мое тело обрушилась давящая и всесокрушающая стена звука, оживляющая меня и возвращающая меня к бытию.

Мое тело рефлексивно сжалось, я ошалело вытаращил глаза и увидел спокойное и серьезное лицо Учителя, склонившегося надо мной.

– А вот и первый способ бесконтактного оживления, – сказал он. – Это техника оживления криком.

Я с трудом приподнялся и сел, пытаюсь окончательно прийти в себя.

– Нетерпение наказуемо, – ехидно заметил Учитель. – Лучше бы ты дождался Славика.

Затем он обрушил на меня четко нацеленный удар, демонстрируя иной тип разрушающего воздействия. Мне показалось, что что-то вынули у меня из организма. На этот раз я вошел в бессознательное состояние окончательно и бесповоротно, без каких бы то ни было поплавок сознания. Я провалился в абсолютную темноту, в небытие. Удар Учителя полностью уничтожил мосты, соединяющие меня с окружающим миром.

Тот же самый резкий, отвратительный, невыносимый звук, сила которого нарастала по мере возвращения сознания, вернул меня к действительности. Я чувствовал себя плохо. Меня мутило. Возможно, я еще не успел отойти от своего первого погружения через удушье, к которому я в общем-то был уже привычен. Голова была легкой и пустой, конечности отказывались слушаться, и я, в отличие от первого раза, даже не сделал попытки сесть. Сквозь полуприкрытые веки я снова увидел лицо Учителя, но теперь оно казалось далеким и расплывчатым. Ли с увлечением разглагольствовал на тему бесконтактной реанимации. Часть моего сознания старалась сконцентрироваться на том, что он говорил, в то время как другая его часть была занята ревизией моего организма.

– А вот еще один вариант с применением крика, – сообщил Учитель. – Сейчас ты испытаешь несколько иной способ воздействия.

Пальцы Учителя снова вцепились мне в шею. По моему телу прокатились сильнейшие судороги, но я их не успел прочувствовать до конца. Я снова провалился в бездонный колодец бессознательности. Крик, который поднял меня на поверхность, был еще более омерзителен, чем предыдущие.

Самый первый крик Учителя был своеобразной модификацией крика «пай», «пай-а-а-ай», который обычно применялся для психологического воздействия на противника или для концентрации усилия в рукопашном бою. Казалось, однако, что в последнем крике достигла своего пика квинтэссенция угрозы одного наделенного легкими живого

существа другому живому существу. Это было нечто страшное и неопишное. Если первый крик звучал на высоких тонах, то последний, казалось, поднимался изнутри живота и сопровождался то ли пронзительным стоном, то ли шипением. Холодное ощущение вибрации, порождаемое криком, проникло мне в ноги, поднимаясь по ним до нижней части живота, а затем еще выше, заставляя тело содрогаться и приводя меня в чувство. Этот переход в сознательное состояние был более плавным и постепенным, чем в предыдущих случаях.

Я окончательно пришел в себя после нескольких затрецин, щедро нанесенных мне Учителем. Почему-то после них мое настроение улучшилось, и я даже почувствовал себя бодрим и почти отдохнувшим. Я перекатился на правый бок, и мое состояние улучшилось настолько, что мне даже не потребовалось совершать особо героические усилия для того, чтобы наблюдать за манипуляциями, которые проделывал Ли.

Ли взял бревнышко, на котором мы обычно сидели, закутал его плащ-палаткой для придания ему более или менее человекоподобного образа и, используя бревнышко в качестве учебного пособия, принялся объяснять мне детали техники бесконтактной реанимации.

– В первую очередь ты должен убедиться, что в горле пациента нет рвотных масс, иначе он может задохнуться, – сказал Учитель. – Об этом я больше не буду тебе напоминать. Пострадавший должен лежать на спине, и тебе нужно сесть с правой стороны от него на таком расстоянии, чтобы твоя рука могла свободно дотянуться до его солнечного сплетения.

Ли протянул правую руку и коснулся середины прикрытой плащ-палаткой чурки.

– Звуковая волна должна быть направлена вот в это или вот в это место, – продолжил он, указывая на соответствующие зоны манекена.

Примерно в течение часа он демонстрировал области воздействия, меняя положение головы и плеч воображаемого пациента, объясняя, каким образом следует производить воздействие звуковой волной и как модулировать крики.

– В целом метод очень простой, – в конце концов подытожил он, – но, к сожалению, этот метод не всегда применим по той простой причине, что ты можешь быть не в голосе.

Мне захотелось рассмеяться, возможно, потому, что термин «не в голосе» не слишком соответствовал событиям, разыгрывающимся на лесной полянке.

«Боже мой, – мелькнула мысль, – насколько же мне повезло, какие удивительные вещи мне довелось узнать и испытать на себе!»

Меня захлестнуло расслабленное умиротворение, возможно наступила запоздалая реакция на все травмирующие воздействия, которые я пережил за этот день, и я, буквально растворившись в этом блаженном чувстве, вновь потерял сознание.

Жизнь возвращалась ко мне болью, причиняемой большим пальцем Учителя, безжалостно вонзившимся в зону под носом. Я предпринял вялую попытку избавиться от этого воздействия, и Учитель убрал палец, на сей раз надавив на еще более болезненную реанимационную зону на руке.

Я, почти раскаявшись в своем любопытстве, ухитрился-таки отобрать руку у продолжавшего истязать меня Ли и вопрошающе уставился на него с некоторой долей удивления, негодования и возмущения, вполне оправданной, если учитывать, что я еще не слишком хорошо соображал, что к чему.

Учитель состроил еще более удивленную мину, явно передразнивая меня.

– А ведь я дал тебе поспать, – укоризненно произнес он. – У нас не так много времени, чтобы я мог позволить тебе дрыхнуть часами.

«Выходит, я уже превратился в лентяя и лежебоку», – отметил я про себя. Инстинкт самосохранения не позволил мне облечь эту мысль в слова.

– Ну как, ты удовлетворился полученными знаниями или стоит продолжить изучение интересующей тебя темы? – поинтересовался Ли.

– Я бы предпочел продолжить, – не совсем уверенно сказал я, подавляя малодушное желание навсегда забыть о техниках бесконтактной реанимации.

– В таком случае тебе для бодрости стоит сначала попить чайку, – великодушно сказал Учитель.

Со временем одной из дежурных шуток моих учеников станет реплика: «Я запомню, кто задал этот вопрос!»

Я перенял практику Учителя, который имел обыкновение показывать технику, о которой я спрашивал, на Славике, а технику, интересующую Славика, – на мне. Следуя этой традиции, когда кто-то из моих учеников задавал вопрос, я отвечал на этот вопрос, используя в качестве учебного материала одного из его напарников. Поскольку зачастую подобные демонстрации были не слишком приятными, пострадавший, с некоторой долей иронии, давал понять своему приятелю, что запомнит, кто задал вопрос...

Я услышал звук шагов приближающегося Славика и понял, что сейчас моему возвращающемуся с работы ничего не подозревающему партнеру придется пройти через те же самые муки, через которые прошел я из-за своего неумного любопытства. Меня терзали угрызения совести...

Краем глаза я уловил многозначительный взгляд Учителя, и этот взгляд не сулил Славике ничего хорошего. Без всяких слов я знал, что я должен был сделать. Работа в кругу воина, следование по пути воина подразумевало, что в любой момент боец должен быть готов к отражению самого неожиданного нападения, и мы постоянно подстраивали друг другу ловушки, неожиданно атакуя партнера или устраивая ему какую-либо провокацию.

Эта игра была подхвачена моими знакомыми рукопашниками и перенеслась на улицы Симферополя. Когда собиралась компания любителей воинских искусств, в любой момент один из друзей мог нанести другому неожиданный удар, и, если тот не успевал среагировать, ему оставалось пенять на себя.

Ловушки Учителя носили гораздо более серьезный характер, и его неожиданные засады или атаки проводились почти на уровне реальной схватки.

– Одна из самых коварных ловушек, подстерегающих человека на его жизненном пути, – это ловушка обыденности, – объяснил Ли. – Обыденность убаюкивает сознание человека, создавая у него ложное убеждение, что все идет своим чередом и ничего плохого и непредвиденного с ним просто не может случиться. В результате он оказывается не готов к непредвиденным поворотам судьбы и становится жертвой обстоятельств. Воин Жизни не может быть жертвой, но постоянная готовность противостоять неожиданностям не возникает сама по себе. Она вырабатывается в постоянных упражнениях контроля над судьбой. Спокойные учатся обходить ловушки судьбы или избегать их. Техника контроля над судьбой начинает оттачиваться с навыков рукопашного боя. Практически все навыки рукопашного боя имеют свое отражение на более высоких уровнях, и тогда они перерастают в техники тактики и стратегии бытия, в техники, применяемые Спокойными в их повседневной, социальной и духовной жизни.

Так, методы контактного и бесконтактного контроля над движениями противника,

именуемые «Езда на спине ветра», перерастают в свою духовную ипостась – методы контроля над судьбой, временем, пространством и окружающим миром, то есть, собственно, над жизнью. Этому способствует развитие интуиции «срединного пути». Представь, что твоя интуиция подсказала тебе не встречаться с каким-то человеком, и это позволило тебе избежать больших неприятностей. Эта предосторожность сродни той, когда в рукопашной схватке ты перекрываешь руку противника, лишь изготовившегося к удару, но старающегося не выдавать своих намерений. И в том и в другом случае ты не позволяешь развиться опасной для тебя ситуации.

Мы со Славиком часто попадались в ловушки друг друга. То Славик зависнет на мне сзади в удушающем захвате, от которого исключительно трудно, почти невозможно избавиться, то я подстерегу его и неожиданной серией ударов повергну на землю, так что его не спасет даже его профессиональная боксерская реакция, поскольку так называемые «подкожные» удары Шоу-Дао слишком быстры и неожиданны.

Мы уже давно практиковали подобные упражнения круга воина и стали настолько осторожны, что было непросто застать друг друга врасплох. Я знал, что Учитель хочет, чтобы я неожиданным ударом погрузил Славика в бессознательное состояние, и прикидывал, удастся ли мне это сделать.

Треск веток, ломающихся под ногами моего напарника, усилился, и среди переплетения сучьев появилось белесое пятно, приближающееся к нам.

Славик был одет в старое, уже ставшее желто-серым кимоно, но в сумраке леса оно казалось белым одеянием призрака. Наконец мои глаза смогли различить очертания его литой атлетической фигуры, и волна радости от встречи с другом поднялась в моей душе. Я лихорадочно соображал, как подстроить напарнику очередную каверзу, так чтобы он не разгадал моих намерений.

Судьба благоприятствовала мне. Славик был так счастлив, что ухитрился сбежать с работы в лес на тренировку, он с таким жаром объяснял это нам, что он ослабил внутренний контроль. Учитель подыгрывал мне, как, впрочем, в аналогичных ситуациях он подыгрывал и Славика, готовя нападение на меня, и мы вовлекли моего напарника в оживленную беседу.

– Я положу тебе каши, – сказал я и, взяв в одну руку миску, а в другую ложку, самым естественным движением потянулся к завернутому в газеты котелку с еще теплой кашей, стоящему за спиной моего друга.

Я внутренне почувствовал, что Славик подсознательно отметил мое движение, отозвавшись на него чуть заметным напряжением мышц, но позвякивание ложки о миску и запах каши, поднимающийся из котелка, расслабили его. Учитель о чем-то спросил Славика, и я, выбрав момент, когда тот отвлекся, собираясь ответить на вопрос, мягко уронил ложку в гущу каши, так, чтобы она, не звякнув о борта, вонзилась в нее, как нож, и осталась стоять. Аккуратно держа на весу наполненную миску, чтобы ценный продукт не вывалился на землю, я нанес короткий резкий удар ребром ладони сбоку по точке фэн-чи на шее моего партнера. Если подобный удар в расположенную рядом точку фэн-фу нередко приводит к смертельному исходу, удар в фэн-чи не опасен для жизни. Он отключает человека, как выключатель электрическую лампочку.

Голова Славика рефлекторным движением дернулась вперед и вниз в направлении, противоположном направлению удара, и его тело стало мягко заваливаться набок.

Оттащив от костра тело моего напарника, я приготовился наблюдать технику оживления звуком в исполнении Учителя.

Ли сел, поджав под себя ноги, с правой стороны от Славика на расстоянии вытянутой руки от его солнечного сплетения, слегка развернув туловище в направлении лица моего напарника таким образом, чтобы звук, вырывающийся из его горла, напрямиком

ударил по уху, в районе которого был нанесен удар.

– Обрати внимание на некоторые нюансы, – негромким голосом сказал Учитель. – Зона, на которую ты будешь воздействовать при помощи звука, выбирается в зависимости от того, в какую область был нанесен отключающий удар. Если была поражена область сердца, тебе нужно сесть на расстоянии вытянутой руки от этой зоны и воздействовать звуком именно на нее. При ударах в голову звук надо направлять в первую очередь в область уха со стороны полученного удара, за исключением тех случаев, когда удар пришелся непосредственно в ухо.

При поражении ушей следует располагаться ближе к пострадавшему – сидя у его изголовья на расстоянии ладони или двух от его головы и наклоняясь к самой переносице. Крик должен быть направлен в точку между бровями. Начнем с обычного крика «пай».

Два раза глубоко вдохнув и выдохнув, Учитель издал два коротких крика:

– Пай, пай!

Веки Славика задрожали, и Ли выдал новый пронзительный и продолжительный, зовущий звук:

– Пай-а-а-а-ай!

Мой напарник открыл глаза, и я поразился их выражению. Его взор был неосмысленным и чистым, как взгляд новорожденного младенца. Такой взгляд свойствен людям, приходящим в себя после глубокого обморока, когда они, еще не понимая, кто они и где находятся, ощупывают глазами окружающий мир, упорядочивая информацию, поступающую в их мозг.

Подобный прием, называемый «взгляд младенца», используется в некоторых медитативных практиках Спокойных. В подобных медитациях ученик осваивает «девственный взгляд» на мир, не замутненный наложением на этот мир сформированной в процессе существования модели мира. В этот краткий момент мир воспринимается таким, какой он есть, и лишь затем неизбежно подключается работа мозга.

Глаза Славика приняли осмысленное выражение. Он окончательно пришел в себя.

– Опять упражнения, – разочарованно и протяжно произнес он.

В его голосе прозвучала столь откровенная почти детская обида, и это было так забавно, что мы дружно расхохотались.

Славик сел. Я, в качестве утешительного приза, протянул ему миску с кашей, и Учитель начал подробно объяснять моему напарнику реанимационные техники, которые он недавно показывал мне.

Мы поотрабатывали технику крика, Славик проделал надлежащие манипуляции на бревнышке – нашем учебном пособии, а затем вновь настал мой черед стать подопытным кроликом.

Я развернулся спиной к Учителю и встал на колени, чтобы смягчить падение на землю. Хотя после нанесения отключающего удара тело падает мягко и расслабленно, лишний раз плюхаться на землю с высоты своего роста мне почему-то не хотелось.

Ли выполнил удушающий прием, и прежде, чем я потерял сознание, передо мной, как прожитая жизнь перед внутренним взором приговоренного к казни, промелькнуло воспоминание.

Мы с Лин отдохали во времянке после упражнений. Голова моей возлюбленной лежала у меня на плече, и я, в наступившем продолжительном молчании, наслаждался ощущением ее присутствия, тяжестью ее тела, шелком ее волос на моей щеке.

– Знаешь, – неожиданно встрепнулся я. – Один знакомый недавно рассказал мне, что некоторые японцы во время полового акта затягивают на шее удавку и вроде бы от этого они испытывают какое-то небывалое сексуальное наслаждение. Мне это показалось немного странным. Трудно поверить, что, когда тебя душат, ты можешь сосредоточиться на сексе. Говорят, что бывают даже смертельные случаи удушения во время полового акта.

– Если все делать правильно, смертельные случаи исключены, – заметила Лин. – Ласкающее прикосновение вечности – это великое искусство, которое известно немногим.

– Ты говоришь об удушении? – удивился я. – Ты что, тоже проделывала подобные штучки?

– Подобные штучки? – передразнила меня корейнка. – Ты говоришь так, как будто бы речь шла об извращении. Можно подумать, что Учитель никогда не выполнял на тебе удушающие приемы.

– Но это же боевая техника. Это совсем другое дело, – возразил я.

– Дело в том, как и для чего ты применяешь удушающие техники, – сказала Лин. – Возьми, например, состояние внутреннего облака.

– Причем тут внутреннее облако? – удивился я. – Это особое медитативное состояние, связанное с внутренней улыбкой и формированием особых мыслеобразов циркуляции энергии по кругам фигуры восьми триграмм. Какое отношение внутреннее облако имеет к удушению?

– Самое прямое, – сказала корейнка. – Истинное наиболее глубокое состояние внутреннего облака постигается лишь после упражнений с удушением.

Я почувствовал, как во мне пробуждается интерес.

– Я не знал этого, – сказал я. – Учитель никогда об этом не упоминал. Ты можешь показать мне, как это делается?

Лин игриво потянулась.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – задумчиво протянула она. – Я не уверена, готов ли ты к подобному откровению.

Корейнка явно поддразнивала меня.

Я опрокинул ее на спину и наклонился над ней, лаская ее лобок и груди.

– Надеюсь, я смогу тебя убедить, – тоном профессионального соблазнителя сказал я.

– Ладно, – улыбнулась Лин. – Но помни, ты сам напросился.

– Я готов принять на себя эту ответственность, – торжественно заявил я.

– Войди в состояние внутреннего облака, – предложила Лин.

Корейнка зажгла свечу и поставила ее на пол в углу времянки. Затем она достала блюдечко с несколькими конусами благовоний и тоже подождала их. Лин накинула короткое черное шелковое кимоно, которое делало ее еще более соблазнительной и желанной. Мне казалось, что моя возлюбленная обладает самым совершенным женским телом на земле, но, как ни странно, ее кимоно возбуждало меня даже сильнее, чем обнаженное тело. Возможно, это было связано с тем, что фантазия всегда прекраснее действительности, или меня просто манило то, что скрыто от глаз, но, когда Лин двигалась и точеные

округлости ее тела натягивали черный шелк, обрисовываясь под ним, как сюрреалистические творения гениального художника, мне казалось, что я всем своим существом откликаюсь на безмолвный призыв ее плоти.

Кореянка прекрасно осознавала всю силу своего воздействия на меня. Она, откинув назад волосы, провела ладонями по лицу жестом спокойствия и начала выполнять упражнение спонтанного движения по кругам. Несколько мгновений она оставалась почти неподвижной в свободной, ненапряженной стойке с чуть согнутыми коленями, затем дрожь аутодвижений заставила трепетать кончики ее пальцев. По телу Лин прокатилась легкая дрожь, а затем амплитуда аутодвижений начала расширяться.

Хотя моя возлюбленная ничего не сказала мне об этом, я знал, что я должен синхронизировать свое внутреннее облако с ее состоянием. Я догадывался, что этот спонтанный чувственный танец ее тела был очередным подарком для меня, еще одной «снежинкой, падающей с неба» – новым для меня кусочком знаний Спокойных.

Я выполнил упражнение по расширению сознания, выдвинув свою чувственную оболочку вперед, до тех пор пока она не соприкоснулась с чувственной оболочкой Лин. Аутодвижения кореянки стали отдаваться в моем собственном теле, вызывая перемещение оргазмических потоков по орбитам внутреннего облака.

Повинуясь внезапному импульсу, я откинул одеяло. Оно казалось мне вызывающим беспокойство экраном, мешающим моему полному слиянию с возлюбленной. Я лежал совершенно обнаженный, широко раскинув содрогающиеся от аутодвижений руки и ноги, и напряжение оргазмических потоков стало так велико, что я не смог удержаться от эрекции, напор которой, казалось, вот-вот разорвет мой член на мелкие кусочки, как бомба палестинских террористов.

Я знал, что Лин посылает мне безмолвный приказ убрать силу из члена, но я, как ни старался, не мог этого сделать.

Аутодвижения кореянки начали затихать, становясь более замедленными, затянутыми и округлыми. Теперь ее руки двигались параллельно, словно массируя на расстоянии мое тело, и я чувствовал, как энергетические потоки смягчались, следуя за пассажами Лин. Напряжение спадало, и я наконец сумел переместить энергию, бурлящую в половых органах, вверх по позвоночнику, проводя ее затем по микрокосмической орбите и распределяя по всему телу.

Меня охватило состояние эйфорического расслабления. Казалось, я вот-вот потеряю сознание, но мой сторонний наблюдатель все еще удерживал контроль, и я каким-то уголком сознания регистрировал то, что происходило со мной.

Лин располагалась таким образом, что свет свечи падал на нее спереди и сбоку, и ее огромная причудливо деформированная тень выполняла свой собственный фантастический танец на белой стене. Дым благовоний колеблющимися спиралями поднимался вверх, окутывая тело кореянки вуалью прозрачного тумана.

При особо размашистых движениях шелк кимоно распахивался, и моему взору открывались танцующие твердые груди с маленькими темными, как вишни, сосками. На какое-то время мое внимание приковало плавное перемещение сосков, которые то скрывались за черной шелковой завесой, то вновь появлялись на свет, чтобы свести меня с ума. Какой-то механизм внутри меня стал предугадывать, какое движение сделает сейчас моя возлюбленная и когда ее сосок вынырнет из своего укрытия. Моя чувственная оболочка настолько слилась с ней, что через некоторое время я знал наверняка, что она сделает и как она будет двигаться в следующий момент. Вспомнив еще одну из техник управления сознанием, которую мне показывал Учитель, я начал втягивать чувственную оболочку в себя, и когда она слилась с кожей, в моих ощущениях тело Лин вплотную приблизилось к моему, хотя она ни сделала ни шага в мою сторону.

Я чувствовал, как соски кореянки щекочут мою грудь, и прилив оргазмических ощущений к груди и шее стал настолько сильным, что он заставил меня застонать. Сладостные спазмы аутодвижений сотрясли грудную клетку. Я начал глубоко дышать, пытаюсь контролировать ситуацию. Спазмы утихли, сменившись пульсацией, которая мощным насосом посылала вибрирующие потоки энергии в руки и голову.

Не прерывая ритма округлых движений, Лин раздвинула и без того почти ничего не скрывающие полы халатика, и я увидел ее лобок. Как и соски, он казался самостоятельным живым существом, волшебным, как говорящий бельчонок из сказки. Теперь все мое внимание сконцентрировалось на движении лобка. Я чувствовал, как он скользит по моим бедрам, по моему животу и как жесткие курчавые волосы Лин доводят меня до безумия ритмичностью своего возбуждающе-щекочущего прикосновения.

Мой член снова напрягся. Теперь спазмы сотрясали нижнюю часть тела, и вихри оргазмических ощущений отдавались тяжелыми толчками в ногах.

Лин медленно развязала пояс и позволила халату соскользнуть на пол. Широкий шелковый пояс кимоно она накинула себе на шею, как ожерелье, и, подойдя к кровати, легла на меня. Тяжесть и близость ее тела изменили характер оргазмических потоков. Теперь наши энергии объединились, циркулируя по восьмеркообразной траектории вдоль наших тел. Женское инь насыщало меня, обмениваясь на мужское ян.

Как ни странно, прямой контакт тел успокоил меня. Спазмы прекратились, и на смену почти невыносимому напряжению пришло ощущение волшебного парения, ощущение всепоглощающего блаженства. Потоки оргазмических ощущений стали ровными и спокойными. Казалось, они достигали каждой клеточки моего тела, заливая ее мягким светом наслаждения.

– Выполни упражнение внутреннего облака, – прошептала Лин.

«Как странно, разве можно достичь еще более глубокого погружения», – подумал я.

Мне казалось, что ощущение внутренней радости, волшебного привкуса гармоничного смешения энергетических потоков, характерное для внутреннего облака, уже достигнуто и что я больше ничего не смогу к этому прибавить.

Лин взяла пояс кимоно и, мягко просунув его конец мне под шею, обвила его вокруг моего горла.

– Внимательно следи за своими ощущениями, – прошептала она. – Отдавайся им, как ты отдаешься мне – без опасений и колебаний.

Я почувствовал, как ткань натянулась, понемногу перекрывая доступ воздуха в легкие. Полуприкрытыми глазами я смотрел на прекрасное лицо возлюбленной, наслаждаясь этим зрелищем и полностью отдаваясь на ее волю. Затем ее лицо расплылось и исчезло, и на смену ему пришло ощущение полета.

Я парил в глубокой синеве. Тело исчезло, растворившись в пространстве. Удивительное чувство легкости и невесомости, казалось, распространилось и на энергетические процессы, протекающие в моем теле. Если раньше пульсации, оргазмические ощущения и потоки ци, казалось, имели объем, плотность и силу, то теперь они стали размытыми и бесплотными. Меня охватило ни с чем не сравнимое эйфорическое состояние спокойствия, безмятежности и внутренней радости. Я взлетал все выше и выше, синева сгущалась вокруг меня, и в конце концов я затерялся в ее безбрежных просторах.

Когда я открыл глаза, то увидел перед собой лицо Лин. Моя возлюбленная была одета в кимоно, и шелковый пояс, который недавно унес меня в неведомые дали, был завязан у нее на талии.

– Ты запомнил истинное состояние внутреннего облака? – спросила корейка.

– Это невозможно забыть, – сказал я, сглатывая слюну.

Как обычно бывает после удушения, у меня першило в горле и хотелось прокашляться.

– Теперь с помощью медитации воспоминаний ты сможешь добавить это новое ощущение к твоим упражнениям, – улыбнулась Лин.

– Теперь я понимаю японцев, – заметил я. – Ради подобного удовольствия вполне можно рискнуть жизнью. Интересно, когда японцы затягивают на шее удавку во время полового акта, они испытывают те же ощущения, что испытал я?

– Общим для всех является ощущение потери веса и парения, – ответила Лин. – Но оттенки переживаний индивидуальны для каждого и зависят от того, какими мыслеобразами сопровождается половое возбуждение и перемещение сексуальной энергии. Ты был настроен на состояние внутреннего облака, и ты смог познакомиться с тончайшими нюансами этого состояния. Но, когда люди прибегают к асфиксии во время полового акта или во время мастурбации, их целью является получить еще более тонкие и интенсивные сексуальные переживания. Возбуждая эрогенные зоны, они доводят себя до пикового состояния возбуждения, когда оргазмические переживания столь интенсивны, что нервная система уже не в силах выдерживать их, и тогда они начинают, медленно затягивая удавку, перекрывать доступ воздуха в легкие. С одной стороны, таким образом они сбрасывают избыточное сексуальное напряжение, затягивая процесс погружения в оргазмические переживания, а с другой стороны, они добавляют к оргазмическим переживаниям ни с чем не сравнимое ощущение парения в пространстве. Кроме того, в зависимости от личных склонностей, можно окрашивать сексуальные переживания дополнительными действиями или мыслеобразами, получая наслаждение от самых разных вещей – от представления каких-то сексуально возбуждающих объектов, от специфических фантазий, от причинения боли себе или другим и т. д. Существует огромное количество вариантов. В данном случае твоя задача – научиться через медитации, не прибегая к удушению, воспроизводить ощущение парения в сочетании с чувством тонкой радости, характерным для внутреннего облака.

Я начал отрабатывать это ощущение, дополнительно используя каждую возможность зафиксироваться на нем, когда во время спарринга меня отключали удушающим приемом. Иногда вместо парения в небе мне казалось, что я плыву под водой, вспоминались сцены из детства, когда я совершал погружения, охотясь с острогой.

Откуда-то издалека донесся звук, скорее напоминающий негромкий писк или еще какой-то трудно определяемый раздражающий шум, подобно тому как среди абсолютного спокойствия вас вдруг начинает тревожить приглушенный гудок паровоза или клаксон машины. Образ Лин исчез. Я лежал на песке, море плескалось у моих ног, и белые чайки надо мной описывали в небе круги. Я знал, что нахожусь на Золотом пляже Феодосии. Я наслаждался ощущением солнца и освежающего ветерка на моей коже, мне было удивительно хорошо, но звук, на этот раз гораздо более продолжительный, громкий и раздражающе-сверлящий, прервал это состояние блаженства.

Мои веки дрогнули и приоткрылись. Переход к реальности ошеломил меня. Вначале я видел лишь ветви деревьев, колышущиеся в вышине, и в течение какого-то времени меня терзало мучительное желание вспомнить, где я нахожусь, и что я тут делаю. Я повернул голову, и в поле моего зрения попала довольная физиономия Славика, вернувшему меня к жизни.

– Это ты кричал? – на всякий случай поинтересовался я.

– Извини, если испортил тебе удовольствие, – ухмыльнулся Славик.

Учитель сделал знак, приглашающий нас расслабиться и немного отдохнуть.

– Есть еще одна техника реанимации, – сказал Ли, – но она почти никогда не применяется в чистом виде, лишь как дополнение к другим реанимационным техникам. Это техника реанимации с помощью волевого импульса.

Волевые импульсы или волевые эманации Учитель определял как одну из составляющих проявления внутренней силы, как базирующийся на концентрированном сгустке эмоций мощный энергетический выброс, с помощью которого человек обретал способность совершать сверхусилия.

– Ты сказал «почти», – заметил я. – Значит, ее все-таки можно применять?

– Можно-то можно, но не тебе и не сейчас. Нет смысла затрачивать излишние усилия там, где цели можно достичь более простыми способами. Но, как вспомогательный элемент, волевые импульсы очень хороши.

– А ты не мог бы показать нам реанимацию только за счет волевых импульсов? – попросил я.

Учитель ласково улыбнулся и прикоснулся пальцами к шее Славика. Мой напарник в который раз за этот день потерял сознание. Аккуратно уложив его обмякшее тело на землю, Ли встал над ним в позу с полусогнутыми ногами, напоминающую стойку всадника, так, что тело Славика оказалось у него между ног, и я с восхищением и трепетом стал следить за чередой перевоплощений, происходящих с моим наставником. Его метаморфоза напомнила мне то, что случилось с ним во время демонстрации техники прыжков в день нашего знакомства.

Глаза Учителя засверкали, тело, излучающее неземную энергию, как бы переполнялось всепокрушающей силой, поднимающейся изнутри. Лицо Ли исказилось серией гримас, по телу снизу вверх прокатилась волна. Лицо застыло в зверином оскале, отражавшем высшую степень напряжения и сосредоточения. Учитель резко выбросил руки вперед в направлении солнечного сплетения Славика. Тело моего друга конвульсивно содрогнулось, как под действием электрошока, голова и ноги приподнялись, казалось, его сводило судорогой, а резко раскрывшиеся вытаращенные глаза с изумлением впились в лицо Ли.

Несколько мгновений спустя тело моего напарника расслабилось, а взгляд приобрел осмысленное выражение.

– Я тоже хочу увидеть это! – закричал Славик.

– Хотеть не вредно, – усмехнулся Учитель. – Медвежонок тебе все расскажет.

Ли очень редко называл меня «медвежонок», и в эти моменты между нами возникала какая-то неуловимая связь, наполненная такой теплотой и нежностью, что казалось, в мире нет для меня человека роднее Учителя.

– А теперь нам действительно пора отдохнуть, – сказал Ли. – Поговорим о том, как волевые импульсы сочетаются с другими реанимационными приемами.

Он рассказал нам более подробно об основных реанимационных техниках и о том, как можно воздействовать на умирающего человека, а затем мы снова вернулись к теме реанимации звуком.

– Давай потренируемся в использовании еще и других звуков, – попросил я, забыв о пережитых страданиях.

– Сегодня вас больше нельзя отключать в полную силу, – сказал Ли. – Вы уже побывали у ворот небесных облаков, рождающих туман, и некоторое время вам не стоит туда

возвращаться. Их очарование может повредить вашему здоровью.

Учитель посмотрел на нас с загадочной улыбкой, от которой мне почему-то стало не по себе.

– Лучше поиграем с комком бицепсов на вашей грудной клетке, – неожиданно предложил он, и, не дав мне время сообразить, что он имеет в виду, Ли легонько ткнул меня пальцем в одну из активных точек, нарушающих работу сердца.

Меня словно поразило электрическим током. Что-то внутри меня замерло, и, хотя сердце не остановилось, было явно, что что-то в его работе нарушилось. Тело покрылось липким холодным потом. Я побледнел.

Учитель поднял с земли два округлых камня, которые мы использовали для упражнений с «яйцами каменной птицы». Эти камни мы привезли с алуштинского пляжа, подобрав их по форме и размеру.

Обернувшись ко мне и вытянув перед собой руки, Ли начал ритмично постукивать камнями друг о друга. Этот ритм напомнил мне ритм восстанавливающего дыхания: ху, ху-ху, ху-у-у, о котором я уже упоминал в своих книгах.

Мне сразу стало легче дышать. Я чувствовал, что звук был напрямую связан с работой сердца. Казалось, Учитель безошибочно выбрал линию пространства, которая объединяла мое сердце и ударяющие друг о друга камни.

– Вот здорово, – восхитился я. – Мне даже в голову не могло прийти, что с помощью двух камней можно воздействовать на сердечный ритм.

– Это не так уж и сложно, – сказал Учитель. – Лучшая линия воздействия – это прямая линия, проходящая через сердце человека перпендикулярно его телу. Ты должен находиться спереди, и, если человек находится в сознании, ты сможешь выбрать оптимальное расстояние воздействия, ориентируясь на его реакции.

С потерявшим сознание при ударе в область сердца дело обстоит сложнее. В таких случаях нет времени на звуковые манипуляции, поэтому подобный метод обычно используют для восстановления после небольших разовых ударов, когда человек находится в сознании.

С помощью ритмичного стука камней можно восстанавливать и барабанные перепонки, травмированные в результате ударов или хлопков по ушам. Им же можно лечить и некоторые болезни слуха, изо дня в день тренируя барабанные перепонки, приучая их к различным нагрузкам. Этого добиваются, постукивая камнями по определенной схеме на разных расстояниях от ушной раковины.

Учитель показал еще несколько десятков способов оказания помощи человеку, пострадавшему при самых различных ситуациях. Это была одна из тренировок, в которой, как мне казалось тогда, мне открываются таинства мира, таинства жизни и смерти, хотя техники, показанные Ли, были удивительно просты и эффективны. Меня поразила мысль о том, насколько хрупким в действительности является человеческое существо и насколько легко, обладая определенными знаниями, можно манипулировать жизнью и смертью.

– Для того чтобы умереть, человеку не нужны особых причин, – сказал Учитель. – Человек может умереть от пережитого страха или от счастья. Такое странное животное, как человек, способно убить себя даже при помощи воображения. И если простейшие реанимационные техники – это физическое или звуковое воздействие на пострадавшего человека, то в случае смерти от психических причин реанимационные техники используют сложную игру мыслеобразов, связанную с подсознательным внедрением в психику больного или умирающего человека, а также использование реальных или воображаемых инородных предметов, которые внедряются в тело человека,

а затем извлекаются из него.

– Для меня удивительно, что человек может убить себя при помощи воображения, – сказал я.

– Это происходит чаще, чем ты думаешь, – заметил Учитель.

– Я в детстве читал рассказ Грина, – сказал я. – Тогда вся история мне показалась абсурдной, но сейчас я понимаю, что это вполне могло бы быть на самом деле. Я не помню подробностей, но суть была примерно следующей. В одном небольшом городке жили два приятеля, которые любили подшучивать над другими. От нечего делать они подглядывали за соседом, вся немудреная жизнь которого состояла в том, чтобы наесться до отвала, спать и заниматься любовью с женой. Этот сосед был чудовищно толст и напоминал свинью.

Шутники отправили ему анонимное письмо, что человек, живущий подобно ему, недостоин права на существование и что, начиная с этого дня, у него пропадет сон, аппетит, и он не сможет больше заниматься любовью. Он будет худеть и худеть, и ровно через полгода, такого-то числа, он умрет.

Каждый месяц толстяк получал подобное письмо, где напоминалось, сколько дней ему осталось до смерти. Он действительно потерял сон и аппетит и перестал заниматься любовью, и через пять месяцев от него остались кожа да кости.

Однажды он встретил на улице одного из шутников и рассказал ему о зловещих письмах и о том, что ему осталось жить всего ничего.

Испугавшись, что розыгрыш зашел слишком далеко, шутник рассказал ему, что эти письма писал он со своим приятелем, и что на самом деле не было никакого проклятия.

– Теперь уже не важно, кто писал эти письма, – сказал сосед. – Я точно знаю, что я должен умереть в назначенный срок, и я умру. Но ты, разрушивший мою жизнь и уничтоживший меня, умрешь вместе со мной.

С этими словами он убил подшутившего над ним.

– Это весьма правдоподобная история, – сказал Ли. – И особое правдоподобие ей придает то, что человек, над которым подшутили, занимался только тем, что ел, пил и спал с женщиной. У него не было воли, у него не было живого интеллекта, у него не было устремлений. Его психика была столь примитивна и не защищена, что он безоговорочно поверил бумажкам, которые бросали в его почтовый ящик. Не письма убили его, он сам убил себя при помощи воображения.

– Но как происходят подобные вещи? – спросил я. – Как можно настолько убедить себя в том, что ты должен умереть, чтобы действительно умереть?

– Ты что, хочешь получить от меня научное объяснение? – усмехнулся Ли. – Наверное, можно было бы изобрести какую-то сложную теорию, но от этих теорий мало толку. Для Воинов Жизни важнее было понять, как действуют механизмы психики и как использовать эти механизмы, чем объяснения, почему они действуют именно так. Говорят, что все болезни от нервов и только три от удовольствия. С тем же успехом можно было бы сказать, что все болезни от воображения. В древние времена люди считали болезни зловредным воздействием духов или колдунов или наказанием богов. Современная наука по-своему объясняет происхождение болезней, но во многих случаях эти объяснения так же далеки от истины, как представления первобытных людей.

Главное для тебя – научиться понимать, когда человек убивает себя при помощи воображения, и знать, как его от этого вылечить.

– И как это сделать?

– Существует много способов лечения, и принципы, на которых это лечение основано, полностью аналогичны тем, которые ты изучал применительно к рукопашному бою, например: противопоставить подобное подобному, или лечить подобное подобным, или «клин клином вышибают».

Когда воображение человека выходит из-под контроля и на уровне одержимости концентрируется на какой-то идее, человек входит в состояние, подобное тому, что возникает во время медитации осознания, но в данном случае к нему приходят ложные осознания, ложные откровения.

В случае «лечить подобное подобным» ты должен заменить один навязчивый мыслеобраз другим мыслеобразом, который также будет задействован на базе фантазии, но который покажется подсознанию больного более убедительным или более привлекательным, чем предыдущий образ. Фактически, ты создашь для него новый объект концентрации, более полезный или безопасный, и, постепенно, больной оставит и этот объект, переключив свое внимание на повседневные заботы.

В случае «клин клином вышибают» объект новой концентрации внимания может быть совершенно иной природы, чем болезненные фантазии. Главное – новый раздражитель должен быть настолько силен, чтобы под его влиянием человек забыл о своей навязчивой идее. В качестве альтернативного раздражителя можно использовать страх смерти, или влюбленность, или вызвать к жизни какую-то из жажд или слабостей человека – например, играя на его гордости, или жадности, или честолюбии.

Магия основывается на манипуляции человеческим сознанием, человеческим воображением. Искусство знахарей и колдунов позволяет им запускать в человеке нужные им программы – разрушительные или целительные, деструктивные или созидательные. Именно для этого магия и создала столь сложные и впечатляющие ритуалы.

– Но как же тогда энергетическое воздействие? – спросил я. – Я же сам не раз видел, как ты гипнотизируешь животных. Кроме того, ты заставлял меня испытывать самые странные переживания без каких бы то ни было ритуалов или словесных преамбул.

– Подобное тому, что делаю я, могут делать единицы, – сказал Ли. – Есть арифметика, и есть высшая математика. Если арифметикой магии в той или иной степени владеет большинство знахарей и доморощенных экстрасенсов-любителей, то высшая математика магии доступна далеко не всем. Во многих случаях самого простого манипулирования человеческим сознанием и воображением бывает довольно для того, чтобы добиться желаемых результатов.

Часто для того, чтобы разбудить отрицательное воображение человека, достаточно всего лишь сказать, что какой-то сильный экстрасенс наслал на него порчу, или подсунуть ему какую-нибудь магическую побрякушку, вроде его фотографии с проткнутым иголкой сердцем или особым образом завязанных пучков травы. Тут не потребуется никаких затрат энергии. Его подсознательный страх, разрастаясь по мере напоминания о магическом преследовании, сделает всю необходимую работу. В большинстве случаев реальное энергетическое воздействие ничтожно по сравнению с психическим воздействием, и поэтому нет смысла «стрелять из пушки по воробьям», прибегая к особо сложным и изощренным техникам.

Глава 29

Выделение видимого двойника

Золотая осень в Крыму всегда была моим любимым временем года. Конец октября

выдался на удивление жарким. Он был словно пронизан золотом – золотом солнечных лучей, золотом осенних листьев, золотом сжатых полей.

Одним воскресным утром перед встречей с Учителем я неожиданно задумался о механизмах проскопии ощущений. В последнее время у меня все чаще возникали странные эмоционально окрашенные предчувствия относительно будущих событий. Я угадывал не сами события, а именно характер впечатлений, которые мне предстояло испытать. Это могло быть ощущение опасности, тревожности, значимости, загадочности или удовольствия. Как правило, в своих предчувствиях я не ошибался.

На скорую руку позавтракав, я выбежал из дома, спеша на остановку троллейбуса, который должен был довезти меня до перевала. Учитель назначил мне встречу в горах, на заранее оговоренном месте.

Эйфорически-волшебное предвкусение будущего охватило меня в тот момент, как дверь квартиры захлопнулась за моей спиной. Это было волнующее предчувствие чего-то чрезвычайно важного и значимого, событий, которые, возможно, изменят мою жизнь. Меня наполняла непоколебимая уверенность в том, что этот день станет особенным. Впрочем, любой день, проведенный с Ли был особенным и непохожим на другие. И все-таки я чувствовал, что этот день внесет в мою жизнь что-то новое и исключительно важное.

Выйдя на нужной остановке, я посмотрел вслед сине-белому троллейбусу, который, неторопливо набрав скорость, устремился вниз по горному серпантину, к невидимому за холмами морю. Полной грудью вдохнув свежий прохладный воздух, я отыскал неприметную тропинку, ведущую вверх.

Место встречи находилось неподалеку от остановки. Присев на нагретый солнцем камень, я выбрал позицию, из которой было удобно созерцать как горы, так и дорогу, проходящую через перевал. Незаметно для себя я погрузился в медитацию воспоминаний, связанных с осенью. Это время года для меня было наполнено особыми сентиментально-лирическими ощущениями. Начало учебного года, встречи с друзьями и любимыми девочками-школьницами, чувство первой любви, походы на охоту и многое-многое другое.

Учитель, как всегда, появился незаметно. Чувствуя мое настроение, он не стал нарушать его. Сняв с плеч рюкзак, Ли молча опустился на землю рядом со мной. Продолжая созерцать расцветенные золотом осенней листвы силуэты гор, краем глаза я отметил, что на этот раз Учитель, против своего обыкновения, сидел не на корточках, а прямо на земле. На его бедрах были завязаны тесемки, идущие от прикрывающей ягодицы тоненькой подушечки, обшитой водонепроницаемой материей. Подобные приспособления обычно используют охотники, туристы и рыболовы, чтобы без опаски садиться на прохладную или влажную землю.

Чувство внутреннего единения с Учителем породило новую гамму ощущений. Не хотелось ни двигаться, ни говорить. Нам было просто хорошо вдвоем. Опьяненные красотой осени, мы сидели, глубоко вдыхая запахи леса, травы и земли.

Не знаю, сколько времени мы провели так, – десять минут, а может быть час. В какой-то момент я почувствовал, что моя душа насытилась красотами окружающего мира, и на смену потребности в созерцании прекрасного приходит жажда знания.

Чутко уловив перемену моего настроения, Ли коротким движением головы дал мне понять, что я могу начать разговор. Наслаждаясь возникшей между нами связью, характерной для бессловесной передачи информации от учителя к ученику, известной на Западе под заимствованным из дзен-буддизма названием «мондо», я еще некоторое время молчал, удивляясь силе чувства родства, возникающего между мною и Учителем.

– Ты хотел спросить меня о проскопии чувств?

Слова Ли прозвучали неожиданно. В них был и вопрос и, одновременно, утверждение. На какую-то долю мгновения мне даже почудилось, что я сам произнес эту фразу, но потом я понял, что это был голос Учителя.

Я уже настолько привык к подобным трюкам Ли, что давно перестал задавать идиотскую фразу «Откуда ты знаешь, Учитель?» Вместо этого я просто кивнул головой.

– Проскопия знаний и проскопия чувств в корне отличаются друг от друга, – заговорил Ли. – В первом случае предвидение основано на неосознанной обработке имеющейся информации, когда подсознание постигает и выводит на поверхность то, что не могло осмыслить сознание. Проскопия чувств – явление более тонкого порядка, чем проскопия знания. Она является отголоском происходящих в мире изменений и позволяет улавливать энергетические настроения грядущих перемен. Подобное предвидение может быть привязано к людям, к событиям в мире людей, к явлениям в природе или в космосе. Но прежде, чем ты овладеешь проскопией чувств, тебе придется пройти фазу контроля над видимым и чувственным двойниками.

Ли уже неоднократно упоминал о двойниках, но, как правило, делал это вскользь. Я выполнял ряд простых упражнений, связанных с двойниками, но всякий раз, когда я пытался затронуть эту тему на более глубоком уровне, Учитель уходил от ответа.

Я как раз собирался задать вопрос, почему именно сегодня мы вплотную подошли к теме двойников, как Учитель уже ответил на него.

– Осень – лучшее время для начала занятий с чувственными двойниками по той простой причине, что силы, накопленные за лето, не израсходованы, а зима еще не начала свою разрушительную работу и не отбирает силы у твоего организма.

Психика ученика должна быть максимально уравновешена и спокойна, поскольку потрясение, которое она испытывает при полном отделении двойника, сопровождающемся тотальным отключением всех «внутренних стражей», бывает слишком велико, настолько велико, что человек в обычном состоянии просто не сможет выдержать его. Только разлитое глубокое спокойствие, возникающее при созерцании золотой осени может служить базой для выполнения подобного упражнения.

В этот период дух воина спокоен, и тело его также стремится к спокойствию. Внутренние процессы протекают плавно и равномерно, и даже дыхание осуществляется как бы само по себе, без участия организма. В то же время дождливая осень с резкими перепадами к морозу не подходит для упражнений с двойниками, поэтому если ты когда-нибудь переберешься в другую климатическую зону, то должен будешь выбрать место и время максимально соответствующие тому, что ты видишь сейчас.

Я понял, что в данном случае Учитель имеет в виду внутреннее видение, интуитивное умение отыскать и почувствовать золотую осень даже в климате, где такого понятия в принципе не существует.

Когда-то давно Ли рассказал мне известную даосскую притчу, посвященную теме внутреннего видения, интуитивного постижения сути вещей.

Один китайский правитель захотел отыскать лучшего коня во Вселенной. Спросил он старого Шана, славящегося своим мастерством разбираться в лошадях:

– Нет ли в твоём роду кого-либо, чтобы послать на поиски коня? Сам ты не можешь отправиться в путь – ведь годы твои уже немалые!

– У сыновей моих способности небольшие, – ответил старик. – Они сумеют выбрать хорошего коня, но отыскать чудесного коня им не удастся. Хорошего коня узнают по его стати, по зубам, костяку и мускулам. У чудесного же коня все это то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не

поднимая пыли, не оставляя следов. Есть, правда, один человек – он знает коней не хуже вашего слуги. Это – даос по имени Ян Чжи.

Правитель послал за Ян Чжи и отправил его на поиски чудесного коня.

Через три месяца даос вернулся и доложил:

– Я отыскал то, что вам надо, в Песчаных холмах.

– Что за конь? – спросил правитель.

– Кобыла, каурая.

Послали за лошадью, но это оказалась не каурая кобыла, а вороной жеребец.

Рассердился правитель, призвал к себе старого Шана и сказал:

– Человек, которого ты порекомендовал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не в силах отличить кобылу от жеребца. Что же это за знаток лошадей?

– Ян Чжу достиг высшей ступени мастерства, – ответил старый Шан. – Вот почему он превзошел и меня, и всех остальных. То, что видит Ян Чжу – мельчайшие семена природы. Он овладел сущностью и не замечает поверхностного. Погрузившись во внутреннее, он предал забвению внешнее. Ян Чжу замечает лишь то, что ему необходимо, и не уделяет внимания несущественному. Конь, которого выбрал Ян Чжу, не будет знать себе равных.

Так и случилось. Во всей Поднебесной не нашлось коня, равного этому жеребцу.

– Жаркие тропики не годятся для полного выделения двойника, – продолжал между тем Учитель. – Поэтому в тропическом климате для подобных упражнений ты должен будешь отыскать спокойное и прохладное место у воды, где отсутствует раздражающий шум и резкие запахи. Искусственно созданный холод в данном случае не подходит.

Я как раз собирался спросить, почему нельзя использовать кондиционеры, когда Ли сказал:

– Начинай упражнение по выделению «третьей руки».

Эта техника была мне хорошо известна, хотя до сих пор я осуществлял ее лишь на уровне мыслеобразов.

– Ты готов?

Я кивнул. Ли объяснил мне, какие именно изменения я должен ввести в известное мне упражнение.

Сконцентрировавшись, я быстро вошел в ставшее уже привычным измененное состояние сознания. Ощущение предельной внутренней собранности и решимости удивительным образом сочеталось в нем с абсолютным спокойствием.

Выставив перед собой руку с отведенным в сторону большим пальцем, я, слегка расфокусировав глаза, посмотрел вдаль как бы сквозь него. Изображение раздвоилось, и на фоне восхитительного осеннего пейзажа появились два больших пальца, создавая странное ощущение ирреальности происходящего. Концентрируясь на них, я все глубже и глубже погружался в состояние транса, окончательно утрачивая связь с действительностью.

В какой-то момент мне показалось, что большие пальцы существуют сами по себе,

вне всякой связи с рукой. Несмотря на то, что я созерцал не столько кисть, сколько расположенный за нею пейзаж, один из внутренних стражей осуществлял контроль за изображением пальцев.

Меня фокусировку глаз, я немного поиграл с наложенными на пейзаж изображениями, выполняя нечто подобное упражнению, хорошо известному профессиональным стрелкам, когда они при прицеливании с помощью сознания более четко концентрируются на левом или правом изображении.

Снова сосредоточившись на картине раздвоенных пальцев, я дал себе установку увидеть один из них повернутым в противоположную сторону. В первую очередь я решил работать с ложным изображением большого пальца, так как на него легче было воздействовать.

Время текло незаметно. Пальцы неподвижно висели в воздухе. Постепенно я вошел в состояние, близкое к каталепсии. Несмотря на то, что я уже долгое время держал руку на весу, она совершенно не уставала. По телу перемещались приятные прохладные потоки спонтанно активизирующейся энергии. Выполняя медитацию слияния с миром, я отрешенно ожидал, когда произойдет то, что должно произойти.

Неожиданно двойник большого пальца резко, почти болезненно запульсировал, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Погруженный в созерцание, я совершенно утратил ощущение собственного тела, так что в первый момент самопроизвольной пульсации пальца испытал сильный шок, с которым с трудом справился.

Существующий сам по себе палец двигался и пульсировал, и это по какой-то причине вызвало иррациональный внутренний протест где-то в глубинах моего существа.

Внутренний голос пытался убедить меня, что так не бывает, но контролирующие процесс медитации стражи словно отделяли его от сознания, и я с нарастающим, но в то же время отстраненным интересом наблюдал за тем, как внутри меня множатся и сталкиваются между собой всевозможные противоречивые ощущения.

– Такого не бывает, – кричал внутренний голос.

– Конечно, не бывает, – отвечали стражи.

В их голосах звучали интонации психотерапевта, разговаривающего с тяжело больным. Больному объясняли, что он прав, и он успокаивался. Точно так же голос сознания принял к сведению, с ним согласился, и сознание успокоилось.

Справившись с целой гаммой переживаний по поводу происходящего, я неожиданно понял, что большой палец, вернее, его двойник, повернулся в нужном направлении. Бдительные стражи тут же подавили ликование от удачи.

Самое сложное в медитативном процессе, помимо избавления от навязчивого внутреннего диалога – это исключить резкие эмоциональные всплески, возникающие в измененном состоянии сознания и связанные, в первую очередь, с проявлениями страха и радости.

Страх, радость и другие эмоциональные проявления препятствуют процессу осознания, и потому не должны присутствовать в медитативном процессе. Во многих школах и эзотерических течениях Востока любые спонтанные проявления чувств и эмоциональные реакции на происходящее как внутри, так и вовне ученика, немедленно искореняются с помощью жесткого волевого подавления и контроля. Как правило, это требует тяжелой борьбы с самим собой, и для обретения необходимой степени подобного контроля обычно требуются годы тренировок.

Последователи Шоу-Дао отыскивали более легкий путь, помогающий избежать изнурительной внутренней борьбы. В психофизических упражнениях «Спокойных» управление

состоянием медитирующего обеспечивают внутренние стражи, которые берут на себя функции контроля за всем, что происходит внутри и вне занимающегося, за его внутренним диалогом и спонтанными эмоциональными всплесками.

Первое упражнение с чувственным двойником в силу обстоятельств совпало у меня с травмой: бандит, напавший на меня во дворе моего дома перерезал мне бритвой сухожилия на среднем и указательном пальцах правой руки. Рана облегчила мне упражнение с выделением «третьей руки», и, в то же время, упражнения с «двойником» травмированной кисти помогли мне преодолеть боль.

К моему удивлению, после операции, несмотря на то, что пальцы мне лишь зашили, но не ампутировали, у меня начались фантомные боли, которые, как правило, возникают лишь в ампутированных частях тела. У меня же было ощущение, что рядом с прооперированными пальцами дополнительно выросли два пальца-фантома, болевшие не менее сильно, чем пальцы, сшитые хирургом.

Находясь в больнице, я вынужден был готовиться к экзамену по микробиологии, который должен был сдавать через день. Подготовку к экзамену в сочетании с управлением чувственным двойником руки я использовал в качестве упражнения по расширению сознания. Манипуляции «третьей рукой» оказались настолько захватывающими, что я полностью забывал о боли. Иногда фантомная рука самопроизвольно увеличивалась, и отделялась от руки вплоть до локтя.

До этого мне уже приходилось работать с двойниками, правда, не с чувственными, а с воображаемыми. Работа с воображаемым двойником чем-то напоминала идеомоторную тренировку спортсменов. Представляя свое тело в движении, я оттачивал навыки и приемы рукопашного боя с помощью воспоминаний и представлений, не затрачивая при этом физических усилий.

Впоследствии, под руководством Учителя, я отрабатывал выделение двойника-мыслеобраза. Двойник-мыслеобраз не требовал таких колоссальных затрат усилий, как даже частично выделенный чувственный двойник, не говоря уже о видимом двойнике.

Подобные тренировки я проводил и с Лин.

Помню, как однажды меня страшно заинтриговало занавешенное зеркало в ее комнате. Долгое время мне не удавалось выяснить, зачем Лин это делает. Учитель говорил, что она сама расскажет мне об этом, когда придет подходящий момент.

Несколько дней назад, после выполнения упражнений волшебной рощи, когда кореянка заставила меня ощутить воздействие своего чувственного двойника, она сказала мне:

– Когда-нибудь, после того, как ты поймешь, в чем заключается секрет выделения видимых двойников, техника, которую я тебе показала, поможет тебе вернуться из зазеркалья.

О видимом двойнике я услышал впервые. Как и следовало ожидать, подобное словосочетание немедленно вызвало у меня прилив жадного любопытства.

– Так ты поэтому занавешиваешь зеркало? – догадался я. – Это связано с выделением видимых двойников?

– Угадал.

– А чем видимый двойник отличается от чувственного? Что он из себя представляет? Это копия меня самого?

Лин улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Видимый двойник представляет собой осознаваемую часть тебя, но далеко не всегда он – это ты сам. Видимый двойник может вести себя упрямо и своенравно, а в мирах,

в которые он уходит, он иногда проявляет себя самым странным и непредсказуемым образом. Именно поэтому до тех пор, пока воин не научится полностью его контролировать, он вынужден принимать определенные меры предосторожности.

– Продолжай, – донесся до меня издали голос Учителя. – Отделяй двойника от себя. Отпусти его на свободу. Единственное, что ты должен для этого сделать – это в самый последний момент отключить контроль всех внутренних стражей...

Неожиданно вторая, не существующая в реальности кисть с повернутым внутрь пальцем стала сжиматься и разжиматься. Мой внутренний мир погрузился в абсолютное безмолвие, похожее на затишье перед штормом. Это было ни с чем не сравнимое ощущение ухода от окружающего мира во внутренний мир, в полную концентрацию на процессах, происходящих с моим телом.

Не знаю, что именно запустило процесс выделения двойника, совмещенный с всплеском аутодвижений, – мое внутреннее волевое усилие, или отдающий команды голос Учителя. Кисть двойника начала с бешеной скоростью сжиматься и разжиматься, заставляя мою реальную кисть проделывать аналогичные действия.

В какой-то момент мою настоящую руку свело судорогой. Она застыла, словно перестав существовать. Амплитуда аутодвижений, совершаемых ее пальцами, стала исчезающе малой, практически незаметной. Аутодвижения, казалось, переместились внутрь кисти, погрузившись в ее плоть и кровь, в саму кость. Внутри кисти ощущалось странное гудение, воспринимаемое скорее чувствами, чем слухом. В окончательно онемевшей руке не осталось никаких ощущений, кроме этого странного глухого и нервирующего гудения.

Тем временем рука-двойник продолжала совершать активные размашистые аутодвижения, сгибаясь, разгибаясь, вычерчивая в воздухе извилистые линии или нанося в пространство резкие энергичные удары. Несколько раз кулак двойника пронесся сквозь мою голову. Казалось, он вот-вот вдребезги разобьет мое лицо. Мне пришлось приложить усилия, чтобы сохранить контроль над собой и необходимое для выполнения упражнения состояние холодной отрешенности.

Страх давал о себе знать возникающей внизу живота короткой дрожью. Не позволяя потокам спровоцированных нервозностью оргазмических переживаний подниматься к высшим центрам, я перенаправлял эти потоки вниз прежде, чем они успевали подняться до уровня пупка.

Напрягая мышцы ануса, я вводил потоки тревожного ци в ноги. Энергия стекала вниз по внутренней части бедер, захватывая иногда и наружную поверхность. Эти потоки согревали мои стопы, наполняя их приятными оргазмическими ощущениями. Пальцы на ногах то сжимались почти до судороги, то разжимались, то пускались в веселый перепляс, словно клавиши рояля под пальцами талантливого пианиста.

Где-то на краю моего сознания пронеслось воспоминание о сеансе стереокино, которое зрители смотрели в специальных очках, создающих эффект трехмерности изображения. На экране актеры цирка метали тарелочки в зрительный зал. Возникало полное ощущение, что тарелка летит прямо в тебя. Зрители ахали и уворачивались.

Хотя я и понимал, что это лишь оптический эффект, и никакой опасности нет, автоматические рефлексы не слушались голоса разума, и я испытывал легкое внутреннее напряжение всякий раз, когда тарелка жонглера устремлялась прямо мне в лицо, а затем пролетала сквозь меня, как привидение сквозь стену. Я был вынужден прилагать небольшое усилие, чтобы удерживать свое тело под контролем и не уклоняться от ударов виртуальных тарелок. Нечто похожее испытывают автомобилисты, когда волна грязи неожиданно бьет в лобовое стекло. Так и хочется прикрыть глаза и откинуться назад, уворачиваясь от летящего на тебя потока.

Сейчас, когда кулак видимого двойника устремлялся к моему лицу и, пройдя сквозь

голову, появлялся с другой стороны в виде раскрытой ладони, я, благодаря многолетним тренировкам, сумел относительно легко взять эмоции под контроль. Напряжение в животе исчезло, теперь оно возникало лишь в глазах.

Глазные яблоки, казалось, были готовы выскочить из орбит. Несмотря на то, что взгляд фиксировался на одной точке, панорамное зрение резко расширилось, и я, к своему удивлению, мог видеть не только то, что находилось передо мной, но и то, что происходило за моей спиной.

Вообще в измененных состояниях сознания со зрением нередко происходят очень странные вещи. Поле зрения может сужаться до узкого тоннеля или, наоборот, резко расширяться. Иногда человек начинает видеть себя со стороны, или может разглядеть мельчайшие детали отдаленных предметов, которые в нормальном состоянии он вообще не способен различить.

В данный момент мои глаза, казалось, отделились от тела и жили своей собственной жизнью. Возникало странное ощущение, что глаза, занимая свое место в глазницах, в то же время находились и вне моей головы.

Неожиданно рука видимого двойника захватила и вытянула из моего тела лицевую часть черепа. Это было не поддающееся описанию чувство, немного похожее на ощущение присутствия ампутированной конечности при фантомной боли, хотя самой боли при этом не было.

Вслед за лицом верхняя часть туловища видимого двойника начала отделяться от моего реального тела. Я испытал мощнейшую эрекцию и автоматически перенаправил бурлящий поток оргазмических ощущений из тела двойника в собственное тело. Краем сознания я ощущал удивительное ощущение удвоения половых органов и передней части бедер вплоть до стоп.

Пальцы на моих реальных ногах перестали шевелиться, пальцы ног двойника увеличили скорость движения. Двойник дергался и трясся. Его движения резко контрастировали с застывшей онемелостью моего реального тела. Затем двойник вытянул вторую руку из моей реальной руки, до этого плетью висевшей вдоль тела.

Внутри меня билась и пульсировала энергия. К пульсации добавилось ощущение раскачивания. Внутренним взором я отчетливо видел, точнее, чувствовал все части своего второго тела, составлявшего основу будущего двойника.

Подобную технику внутреннего видения я в свое время отрабатывал во время даосских сексуальных практик с Лин, когда, находясь в полной темноте, через касания, через осязательные ощущения я создавал точную визуальную картину ее тела, как снаружи, так и внутри, четко локализуя пункты активизации энергии и траектории перемещения энергетических потоков.

Шоу-даосскую технику внутреннего видения-чувствования отчасти можно сравнить со способом восприятия мира кротом-звездорылом – живущим под землей слепым животным с множеством причудливых червеобразных отростков на морде. Касаясь этими отростками стенок тоннелей, крот-звездорыл создает в центрах своего мозга, аналогичных зрительным центрам у человека, четкое представление об окружающем его пространстве.

Отделение от тела первого двойника Учитель называл «первыми родами». Теоретически, можно было сформировать столько двойников, на сколько у человека хватало энергии и концентрации внимания. На практике последователи Шоу-Дао обычно выделяли до восьми двойников, каждый из которых выходил в направлении одного из лучей фигуры восьми триграмм.

Видимые и чувственные двойники используются с самыми различными целями: для воздействия на противника во время поединка, в целительстве или в сексуальных

практиках, когда, формируя двойника возлюбленной, даос вводит его в свое тело для активизации сексуальной энергии. В частности, для стимуляции процесса выделения видимых двойников может использоваться техника «всасывания» в тело даоса чувственного двойника его возлюбленной.

Но, пожалуй, наиболее важной задачей, для которой применяются видимые и чувственные двойники, является формирование энергетической системы бессмертного зародыша. «Зародышем бессмертия» или «бессмертным зародышем» называется специфическое энергетическое образование, которое формируется при помощи серии специальных упражнений. Считается, что это энергетическое образование, сохраняющее в себе сознание и память даоса, продолжает существовать и осознанно действовать после смерти его физического тела.

Видимые и чувственные двойники являются своеобразным «строительным материалом», из которого создается тело бессмертного зародыша. Тело зародыша, имеющее шарообразную форму, располагается внутри туловища даоса на уровне середины расстояния между концом мечевидного отростка и пупком. При совершенствовании энергетической системы бессмертного зародыша отведенное для него пространство наполняют энергетическими структурами так называемых «улучшенных двойников», выделенных в каждом из направлений фигуры восьми триграмм, а также в некоторых других направлениях.

Улучшенный двойник с помощью специальных медитативных техник наделяется целым рядом желаемых дополнительных свойств, например, он может быть здоровее, умнее или сильнее оригинала. Улучшенные двойники особым образом «упаковываются» в тело бессмертного зародыша, образуя его основу.

Объем тела, которым я пока еще соединялся со своим видимым двойником, заволновался и запульсировал. Я чувствовал нарастающую тяжесть тела двойника, проявлявшего в своих действиях все большую самостоятельность, четко видел контуры его фигуры. Во внезапном интуитивном озарении я понял, что могу управлять двойником с помощью определенных волевых импульсов. Сделав усилие, я, наконец, разорвал последнюю связь между нами.

Схватив двойника руками, я развернул его лицом к себе и заглянул ему в глаза. Двойник казался огромным, значительно более крупным, чем я. Он выглядел мощным и угрожающим. Учитель предупреждал, что в некоторых случаях отделение двойника сопровождается почти неконтролируемым ужасом. Краем сознания я с легким удивлением отметил, что совершенно не испытываю страха.

Все, что происходило со мной, казалось, шло «на автопилоте», на фоне особого состояния предельной ясности и пустоты, в котором отсутствовал даже ставший уже привычным контроль внутренних стражей.

Взгляд в глаза двойника породил во мне новые, близкие к эйфорическим переживания. Он был мною, и в то же время он являлся некой самостоятельной сущностью, которой я мог управлять с помощью определенных техник. Мелькнула мысль, что теперь я понимаю людей, использующих наркотические вещества для создания иллюзий тела.

Первый двойник окончательно отделился от меня, и теперь меня ожидали «вторые роды». Я уже чувствовал движения второго двойника, начинающего выходить со стороны спины, но для того, чтобы отделить его, мне не хватало некоего особого импульса.

Создав чувственного двойника Лин, я с длинным вдохом «всосал» его в область бессмертного зародыша.

Энергетика виртуальной возлюбленной резко активизировала мою энергию. Распространяющиеся от области бессмертного зародыша потоки оргазмических ощущений наполнили меня почти невероятной мощью. Видимый двойник больше не казался мне столь огромным и впечатляющим. Я втянул его внутрь себя и поместил в область нижнего дань-тяня, чтобы не смешивать его энергетику с чувственной энергетикой Лин.

Раскрутив Лин и двойника в противоположных направлениях, я смешал внутри себя мужскую энергию ян и женскую инь. Перемешавшись, обе сущности слились в одно целое, не теряя в то же время своего мужского и женского начала.

Далее все пошло быстрее и проще. Я выделил еще трех двойников – через спину, через расположенную в середине промежности точку хуэй-инь и через расположенную на макушке головы точку бай-хуэй.

Мои «третьи роды» через точку хуэй-инь напоминали настоящие роды. Третий двойник вышел из меня в позиции зародыша и лишь потом уже распрямился.

Втянув всех двойников в себя и выполнив завершающие энергетические манипуляции с ними, я на какое-то время отключился.

Открыв глаза, я увидел над собой ослепительную синеву крымского неба. Некоторое время внутри меня царила полная тишина, а затем мир внезапно взорвался звуками. Внешние энергетические структуры, включающие в себя чувственную оболочку, начали стремительно расширяться.

На мгновение мое сознание перенеслось в точку, расположенную где-то в вышине. Я увидел свое тело, лежащее на земле с разбросанными в стороны руками и ногами, разглядел фигуру Учителя, неподвижно стоящего в стороне. С высоты птичьего полета я смотрел на прекрасный осенний лес, на покрытые опавшей огненной листвой склоны столь любимых мною крымских гор.

С вышины я вновь переместился в свое тело. Чувственная оболочка сжалась, вернувшись в свои привычные пределы. Теперь, помимо звуков и красок, я с необычайной остротой воспринимал запахи. Неповторимое благоухание чуть влажной прогретой солнцем земли, прелых листьев и травы создавало удивительный букет ароматов осеннего леса, навсегда ассоциирующийся у меня с тех пор с первым в моей жизни выделением видимого и чувственного двойника.

Послесловие

Прошло несколько лет с тех пор, как мы с Учителем расстались. Как и предсказывал Ли, произошли события, которых я совершенно не ожидал. Советский Союз распался, коммунисты дружно перекаленились в демократов, восточные учения перестали считаться враждебной идеологией, и я смог открыто рассказывать об учении Спокойных.

Я переехал в Москву, купил там дом, опубликовал более десятка книг и видеофильмов по Шоу-Дао и созданной на основе ее рукопашного боя УНИБОС – универсальной боевой системе. В том числе была издана быстро завоевавшая популярность серия книг, рассказывающая о периоде моего ученичества у Ли. У меня появилось множество учеников и последователей в разных городах и странах. Была создана Международная ассоциация Шоу-Дао.

Не раз я задавался вопросом, насколько точно Учитель предвидел будущее, знал ли он заранее, что я буду заниматься тем, чем занимаюсь сейчас, и насколько он был бы доволен результатом моей деятельности.

Иногда я представлял себе встречу с Учителем. В моем воображении она происходила в самых непредсказуемых местах, в моменты, когда я менее всего этого ожидал. Я думал о том, что мы скажем друг другу, и о чем промолчим, потому что слова будут попросту не нужны. Я погружался в медитацию воспоминаний, мысленно воспроизводя фрагменты наших с Ли тренировок и бесед. От обычной медитации воспоминаний я переходил к медитации воспоминаний о том, чего не было, – к воображаемой встрече с Учителем. Когда же, наконец, наша встреча состоялась, все оказалось совсем не

так, как я предполагал.

В этот зимний вечер я, не помню, по какой причине, возвращался домой не на машине, а на электричке. Сойдя на своей станции, я прошел через подземный переход и, оставив за спиной типовые многоэтажки, вступил на территорию бывшего дачного поселка, ныне ставшего частью Москвы.

Странное трудно определимое предчувствие активизировало мою энергию. Закинув за спину тяжеленный рюкзак, я бодрым шагом двинулся к дому. Повинуясь внутреннему импульсу, я погрузился в медитацию воспоминаний. Картины прошлого одна за другой причудливым калейдоскопом всплывали перед моим внутренним взором: ослепительно синее крымское небо, скала на Неаполе Скифском, где мы тренировались с Учителем, ночные развлечения с друзьями, череда лиц любимых женщин, волею судеб разбросанных сейчас по всему миру.

Вполголоса я читал стихи, напоминающие мне о тех или иных моментах моей жизни и дополнительно усиливающие переживания. Купаясь в потоках пробужденных воспоминаниями оргазмических ощущений, я наслаждался пружинистостью своего шага по прихваченной льдом тропинке. Выполнение медитативных техник не мешало мне уделять внимание всему, что происходило вокруг: пару раз на этой улице меня уже пытались ограбить, а однажды какой-то тип ни с того, ни с сего натравил на меня бультерьера – с неутешительным для собаки итогом.

Свернув на свою улицу, я сразу заметил темную фигуру человека, двинувшегося от калитки моего дома по направлению ко мне точно в тот самый момент, когда я показался из-за угла. Мелькнула мысль, что этот человек заранее знал о том, что я вот-вот появлюсь из-за поворота. В сумерках я не мог разглядеть черты его лица, но, несмотря на это, уже в следующее мгновение я с непреложной уверенностью понял, что это – Учитель. Я узнал Ли по характерной для него одной особой манере двигаться на слегка присогнутых в коленях ногах с чуть отставленными в стороны руками.

Жаркая волна счастья покатила по моему телу. Мы сближались не торопясь, наслаждаясь каждым мгновением происходящего. Время, казалось, остановилось. То, что происходило, было реальным и в то же время ирреальным, похожим на сон наяву. Воздух казался вязким и плотным. Сердце билось так стремительно, что мне пришлось дышать особым образом, высоко поднимая грудь, чтобы хотя бы при помощи дыхания контролировать шквал бушующих во мне чувств, неудержимо рвущихся наружу. Прошло несколько секунд, и внутренний страж автоматически взял на себя контроль. Эмоциональный шторм начал успокаиваться. Сторонний наблюдатель на краю моего сознания отрешенно фиксировал происходящее с профессиональной безучастностью фронтального репортера.

– Из ниоткуда, – выдохнул я.

– В никуда, – рефреном подхватил Учитель.

Эти слова заменили получасовую беседу обычных людей, встретившихся после долгой разлуки. Не было нужды ни в типичных для такого случая восклицаниях, ни в банальных вопросах, ни в типовых ответах на них.

– Пойдем к озеру, – предложил Учитель.

Я понял, что он уже разведает обстановку и знает, что в доме сейчас находится одна из моих самых преданных учениц. Именно она, с присущей ей дотошностью и наблюдательностью, «вычислила» Славу Скворцова, появившегося однажды у меня на курсах боевых искусств под видом обычного студента.

Ли первым двинулся вперед, и я привычно последовал за ним. Учитель вел меня к

озеру обходным путем, боковыми улочками, чтобы избежать ненужной встречи с кем-то из моих знакомых или учеников.

Меня ничуть не удивила осведомленность Учителя обо всех важных событиях, произошедших в моей жизни после нашего расставания. Ли выразил соболезнования в связи со смертью моей матери. Несмотря на то, что с этого события уже прошло довольно много времени, его поддержка оказалась как нельзя кстати. Мы вспоминали старые времена, я рассказал о своих встречах со Славой.

– Вот и настало время, в наступление которого ты никак не мог поверить, – многозначительно произнес Учитель.

– И в этом ты оказался прав, – кивнул я.

– Ты почти выполнил все то, о чем мы мечтали, – сказал Ли.

– Я почти выполнил все то, что ты планировал, – уточнил я.

– Ты слишком нажимаешь на рукопашный бой, – сказал Учитель. – Пора давать ученикам истинные знания. Знания, позволяющие делать людей людьми в лучшем смысле этого слова. Знания, которые обращают людей к самим себе и возвеличивают жизнь.

– Что-то ты сегодня подозрительно лиричен и высокопарен, – улыбнулся я, решив слегка «подколоть» Учителя.

– Ситуация соответствует моему настроению, – ответил Ли.

Его голос звучал серьезно, без тени столь характерной для него иронии. На этот раз в словах Учителя не было ни скрытых подтекстов, ни психологических ловушек.

– Я хочу и пытаюсь давать истинные знания, – сказал я. – К сожалению, не так много людей стремится получить их, еще меньшее число способно эти знания воспринять, и совсем мало тех, кто способен применить их на практике. Рукопашный бой прост, понятен и эффективен. Люди знают, зачем он им нужен, и способны использовать обретенные навыки в подходящий для этого момент. Искусство жизни несравнимо сложнее рукопашного боя, но понимают это далеко не все. Люди, как правило, считают себя экспертами в том, что касается жизни и правильного образа действий. А зачем учиться вещам, в которых ты и так считаешь себя специалистом?

– Парниша, не учите меня жить, – жеманно произнес Учитель, имитируя интонации Элочки Людоедки.

– Именно это я и имею в виду, – кивнул я. – А если парнишу и попросят научить жизни, то потом или перевернут все с ног на голову, или все равно сделают по-своему. Впрочем, бывают и приятные исключения.

– Не думай, что мне было просто отыскать и выбрать тебя, – заметил Учитель. – Найти действительно стоящего ученика трудней, чем золотой самородок. Тем не менее, даже не имея возможности передать людям то, что ты хочешь, ты в значительной степени влияешь на их жизнь, а, влияя на их жизнь, ты влияешь и на окружающий мир.

– И все-таки хотелось бы, чтобы люди извлекали больше пользы из того, что я им даю. К сожалению, наиболее важные вещи они, как правило, пропускают мимо ушей.

– Знания должны ложиться на правильно подготовленную базу, – сказал Учитель. – Это происходит при воспитании ученика в клане. Модель мира обычного человека столь ограничена и искажена, что она попросту отторгает то, что не вписывается в привычные для человека схемы. Чтобы осознать несовершенство своей модели мира,

ученик должен пройти через шокирующий опыт особого рода. Кроме того, у него должно хватить энергии и мотивации для того, чтобы не только желать изменений, но и иметь возможность осуществить их.

– Такие люди встречаются не часто, – заметил я. – Если бы я мог потратить на кого-то из них столько же времени, сколько ты затратил на мое обучение, возможно, из этого и вышел бы толк.

– Речь не идет о том, чтобы сделать из этих учеников тебя, – покачал головой Учитель. – Не забывай, что тебя готовили не как рядового члена клана, а как Хранителя Знания. Твоя задача – сеять семена Учения, разбрасывая их как можно шире. Из миллионов посеянных семян взойдут, возможно, лишь несколько тысяч, из сотен ростков получатся полноценные здоровые растения, но лишь единицы из них дадут семена.

Нечто подобное происходит и в природе. На тропических островах Тихого океана есть пальма, семена которой падают в воду, и их уносит течениями на тысячи километров. Из великого множества семян прорастают лишь единицы, случайно выброшенные волнами на берег, сумевшие дать ростки, укорениться в ненадежном песке, пережить шторма и ураганы. Тем не менее, эта пальма распространилась по всему тихоокеанскому региону. Ее можно найти за многие тысячи километров от места ее происхождения, даже на самых диких и негостеприимных берегах.

Учение Спокойных – источник жизненной мудрости и здравого мышления, столь необходимый людям, пытающимся понять смысл своего существования, найти гармонию с миром и с самими собой, выстроить правильную, непротиворечивую, адекватную и эффективную систему ценностей, которая станет единым и нерушимым центром их личности, и на которую они смогут опереться, даже если мир вокруг них погрузится в хаос.

Чем выше становится благосостояние людей, чем легче даются им выживание и материальные блага, чем активнее развивается технический прогресс, тем больше вокруг недомыслия и мракобесия. Чем больше противоречивой информации поступает со всех сторон, тем труднее человеку сформировать адекватную модель мира, правильную и устойчивую систему ценностей. Желание обладать вещами затмило желание понять себя и найти свое место в окружающем мире. Вместо того, чтобы обретать реально полезные для них знания, люди забивают себе голову бессмысленной информацией из Интернета. Искусство общения подменяется бессодержательной болтовней в чатах, где себя можно представить кем угодно. Желание совершенствовать себя, и без того достаточно слабое в представителях человеческого рода, окончательно деградирует.

Людям «промывают мозги» политические и религиозные лидеры, сектанты и «духовные учителя», уродующие души и опустошающие карманы своих последователей. Людей завлекают и дурачат всевозможными рекламными трюками, их призывают бороться за благо будущих поколений или, забывая о себе, служить некой идее или Богу. Миллионы бесценных жизней приносятся в жертву целям, в действительности чуждым каждому отдельно взятому человеку.

Но достаточно поставить во главу угла учение, считающее жизненность священной, считающее священной твою собственную жизнь, как сразу все становится на свои места. Человек, умеющий ценить жизнь, ценит и себя. Он заботится о себе, о своем теле, о своей личности, о своей душе, проявляя таким образом уважение к дарованной ему жизни. Он проявляет уважение к чужим жизням, к окружающему миру, рассматривая их, как священное проявление жизненности, священное проявление Дао.

Помня о том, что его жизнь и его интересы превыше всего для него, Воин Жизни умеет себя защищать, но он вступает в конфликт лишь в тех случаях, когда это действительно необходимо, а не для самоутверждения, не из болезненной потребности властвовать или выплескивать бурлящую внутри агрессивность в окружающий мир.

Последователь Спокойных не пытается изменить мир, втиснув его в рамки нереалистичных и ограниченных представлений. Придерживаясь срединного пути, он следует золотой нити жизни, золотой нити Дао. Он пребывает в гармонии с миром и получает удовольствие от всего, что встречается на его пути: от трудностей, помогающих ему укреплять волю и совершенствовать характер, и от неожиданных удач; от болезней, которые он воспринимает как упражнение, и от ощущения здоровья и силы. Воин Жизни получает удовольствие от побед и от поражений, от радостей и от горестей, от взлетов и от падений. И, главное, он получает невыразимое наслаждение от самого факта пребывания в этом прекрасном мире, столь упорядоченном вне всякого порядка, столь логичным вне всякой логики, столь милосердным и в то же время лишенном жалости.

Последователь Спокойных получает наслаждение от того, что он, полноценно используя свои возможности и таланты, удерживается в срединном течении между инь и ян и осознанно ведет свою нить жизни в выбранном им направлении, вплетая ее в золотую нить Дао.

Мы вошли в лес. Ли уверенно свернул на запорошенную снегом едва заметную тропинку. В быстро сгущающихся сумерках мы двигались между темных силуэтов елей. Я посмотрел наверх. На свинцово-сером небе в просвете между туч сияла одна-единственная яркая звезда, скорее всего, та же самая, которую я неоднократно использовал в своих тренировках с Учителем. Свет ее был ровным и непрерывным, резко контрастируя с холодным и мрачным окружением.

«Эта звезда похожа на учение Шоу-Дао, – подумал я. – Целую вечность она находится там, посылая на Землю свой свет. Как золотая нить Дао соединяет опыт прошлых и будущих поколений, свет этой звезды пересекает бесконечные просторы вселенной, чтобы передать нам какое-то неведомое послание.

Сколько людей обращают свой взор вверх, чтобы увидеть ее? Сколько из них задумываются о том, для чего она существует, и может ли она внести что-то новое в их жизнь? Сколько из последних сумеют использовать эту звезду для обретения нового опыта и, возможно, для придания своей жизни нового направления?»

Я посмотрел на Учителя, молчавшего с тех пор, как мы вошли в лес. Внезапно Ли остановился. Я увидел, как его взор ненадолго скользнул вверх. Затем Учитель перевел взгляд на меня и едва заметно улыбнулся. Я понял, что он знает, о чем именно я сейчас думаю.

– Философия Спокойных имеет исключительную важность для всего человечества, – снова заговорил Учитель. – Рано или поздно на основе учения Спокойных будет создана новая общность людей. Людей, не подверженных духовному насилию. Людей, свободных от неврозов, комплексов и абсурдных установок социума. Людей, активно строящих лучшее будущее и в то же время не упускающих ни секунды настоящего. Людей, способных полноценно наслаждаться жизнью. Людей, умеющих стать опорой не только для самих себя, но и для сотен других, столь нуждающихся в простой и понятной житейской мудрости, в разумном и добром слове.

Житейская мудрость Спокойных, являющаяся наследием многовековой традиции Шоу-Дао, преобразуется и обретает особую форму в каждом из последователей Учения, хотя бы немного продвинувшемся по Пути Воинов Жизни. Каждый из таких учеников, в свою очередь будет сеять семена знания, и, рано или поздно, эти семена дадут новые всходы...

Мы расстались с Учителем в середине леса. Ли ушел куда-то в темноту по направлению к совхозу «Заречье». Несколько минут я стоял, вслушиваясь в звуки окружающего мира, надеясь расслышать последний отзвук шагов Учителя, скрип снега у него под ногами, но это было бесполезно. Ли, по обыкновению, двигался совершенно бесшумно.

Невыразимое счастье слишком быстро закончившейся встречи сливалось в моей душе с

острой и сладкой печалью разлуки. Я начал выполнять дыхательные упражнения для восстановления контроля над собой.

Мысленно я повторял слова Учителя, сказанные перед расставанием:

«Ты даже не представляешь, насколько важным и величественным станет то, что ты делаешь, сколько радости и счастья принесет твоя работа тебе и людям, которым учение Шоу-Дао помогает изменить свою жизнь, сделать ее насыщенной, удовлетворяющей и полноценной. Когда-то, во времена Советского Союза, ты полагал, что никогда не сможешь открыто говорить об учении Шоу-Дао. Тогда я сказал тебе, что все изменится, и что будущее тебя удивит, но ты не поверил мне – слишком прочным и нерушимым выглядел Советский строй. Сейчас тебе кажется, что то, что ты делаешь, не столь эффективно, как тебе бы хотелось. И я еще раз повторяю тебе: будущее снова удивит тебя событиями, которые в настоящий момент ты даже не предполагаешь возможными.»

В этот раз я безоговорочно поверил Учителю. Мне кажется, я знал то, что он хотел мне сказать, прежде, чем слова были произнесены. Внезапным внутренним озарением я неожиданно ощутил все величие преобразования личности в процессе постижения Искусства Жизни, в процессе обретения способности наслаждаться каждым мгновением существования в непредсказуемой изменчивости мира, включающей преодоление препятствий и неожиданную помощь, предательство и любовь, столкновение интересов и бескорыстную дружбу.

На мгновение я захлебнулся от захлестнувших меня чувств. Потоки активизированной ци, пульсирующие в области нижнего дань-тяня и раскалившие низ живота юркими змейками заскользили по телу, пробуждая в нем сонм невыразимо блаженных оргазмических переживаний.

– Не жди, не надейся, не желай, – тихо произнес я, вглядываясь в почти растворившуюся в темноте стену леса, за которой исчез Учитель.

Если нам суждено снова встретиться, эта встреча произойдет.

Не жди, не надейся, не желай. Просто иди по Пути. Из ниоткуда в никуда, следуя золотой нити Дао.

Я повернулся и пошел по направлению к дому. На мое лицо падали и тут же таяли снежинки – первые вестницы начинающегося снегопада.

Примечания

1

Хиракен – ударная форма руки, напоминающая лапу леопарда.

2

более подробно о шоу-даосской теории жанд написано во второй книге серии «Путь Шоу-Дао» – «Обучение у воды», а также в нашей книге «Формулы счастья».)